NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855782 8

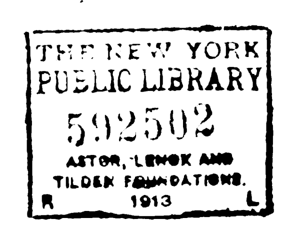
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ LXXXIII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1815.



Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Сентября 16 дня 1814 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 17.
СЕНТЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Почитатель добраго здоровья.
(Повѣсть.)

Передъ симъ за нѣсколько дней посѣтилъ я одного изъ старыхъ своихъ пріятелей. Онъ игралъ въ карты со священникомъ своего прихода, которой былъ вмѣстѣ и Докторъ. Хозяинъ принялъ меня какъ добраго своего пріятеля весьма ласково и отрекомендовалъ Доктору. Сей послѣдній, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, имѣющій крѣпкое сложеніе и цвѣтъ лица самой здоровый, осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ; кивнулъ слегка головою и сидѣлъ себѣ въ креслахъ, не говоря ни слова. Я не могъ не подивиться пасмурному его виду; но пріятель мой, замѣтивши это, поспѣ-

шилъ меня успокоить. „Вы слишкомъ стары“ сказалъ мнѣ хозяинъ: „а Докторъ стариковъ не жалуетъ; только молодые и здоровые люди имѣютъ честь ему нравиться. Но не опасайтесь; скоро узнаете его лучше, и я увѣренъ, что неоткажете ему въ своемъ уваженїи. Ето человѣкъ особенный, отличный отъ всѣхъ, и ни на кого непохожїй.“ Докторъ ни слова не отвѣчалъ на ету шутку; долго всматривался въ меня, потомъ, вдругъ оборотясь къ моему приятелю, спросилъ: „не угодно ли еще одну игру?“ — Хозяинъ отказался, и велѣлъ принести бутылку, табакъ и трубки. Докторъ началъ курить табакъ, и выпилъ отъ всего сердца за здоровье моего приятеля; но во все время посматривалъ на меня сурово, и не только не пилъ за мое здоровье, но даже не говорилъ ко мнѣ ни слова. Я съ давняго времени неупотребляю крѣпкихъ напитковъ, и потому попросилъ себѣ бутылку воды и наливалъ рюмку свою водою всякой разъ, какъ они свои наполняли виномъ. Примѣтивши ето Докторъ, шепнулъ на ухо моему приятелю, однакожъ такъ что и я могъ слышать: „етотъ бѣднякъ, по моему замѣчанїю, не долговѣченъ.“ — Приятель мой усмѣхнулся и отвѣчалъ ему также шопотомъ: „Не думайте етого, господинъ Докторъ! Фицъ-Адамъ проживетъ столь же долго

какъ и вы.“ Потомъ оборотясь ко мнѣ, спросилъ о новостяхъ. Начался важной разговоръ, продолжавшiйся до тѣхъ поръ, пока я не объявилъ, что пора сбираться къ отдыху. Тутъ Докторъ всталъ съ кресел, выпилъ за мое здоровье и сказалъ, трепля меня по плечу: „вы старикъ очень любезный; постараюсь познакомиться съ вами во время бытности вашей въ здѣшней деревнѣ.“

Рано поутру я нашелъ уже Доктора въ столовой. Онъ обошелся со мною весьма учтиво, и сказалъ, что вышелъ изъ дому ранѣе обыкновеннаго единственно съ намѣренiемъ имѣть прiятный случай прогуляться вмѣстѣ со мною. „Прiятель вашъ“ прибавилъ Докторъ „недавно выдержалъ сильной припадокъ подагры; пока встанетъ онъ съ постели, мы успѣемъ обойти всю его отчину.“ — Я согласился. Мы вошли въ прекрасный садъ. Я былъ въ восторгѣ. „Видите ли, господинъ Фицъ-Адамъ! какiя красоты!“ воскликнулъ Докторъ: „отъ всего сердца желалъ бы я, чтобы владѣлецъ сего несравненнаго мѣста былъ менѣе мучимъ подагрой, и чтобы всегда могъ я посѣщать его съ такимъ же почтенiемъ какъ и удовольствiемъ.“ — Что вы говорите о почтенiи! — прервалъ я рѣчь Доктора — не уже ли прiятель мой менѣе заслуживаетъ почтенiя потому един-

ственно, что страждетъ отъ болѣзни, которая не есть слѣдствїемъ развратной жизни? — „Ето правда; но что мнѣ дѣлать, господинъ Фицъ-Адамъ? Я радъ бы иначе мыслить, тѣмъ болѣе что я очень многимъ обязанъ вашему приятелю. Въ сосѣдствѣ нашемъ живетъ дворянинъ, которой препоручилъ меня его покровительству и ходатайствомъ своимъ доставилъ мнѣ нынѣшнюю мою должность; но, по несчастїю, онъ съ давняго времени подверженъ скорбутной болѣзни, причинѣ всегдашней головной боли, которая безъ всякаго сомнѣнїя сократитъ число дней его; и вотъ по етому нога моя никогда небудетъ въ его домъ."

Я хотѣлъ было прервать рѣчь его, какъ вдругъ приближилась къ намъ карета. Сидѣвшїй въ ней господинъ опустилъ стекло и поклонился Доктору, которой вмѣсто взаимнаго привѣтствїя отворотился и несказалъ ниодного слова. Сей поступокъ Доктора и произнесенныя передъ тѣмъ слова его возбудили во мнѣ крайнее любопытство. Я спросилъ, кто мимо насъ проѣхалъ. — „Милостивый государь!" отвѣчалъ Докторъ: „етотъ несчастной обладаетъ великимъ богатствомъ, а потому и думаетъ, что всякой, кому онъ скажетъ *здравствуй*, обязанъ взаимно

его привѣтствовать; а я знаю его, знаю и то, что онъ скоро умретъ отъ одышки, которая душитъ его съ давняго времени: а какъ я, по милости Божїей, чувствую себя въ добромъ здоровьѣ, то и нехочу съ етимъ человѣкомъ имѣть никакого дѣла. Здоровье, господинъ Фицъ-Адамъ, есть на свѣтѣ семъ вещь единственная, которую высоко цѣнить должно; и поелику мое здоровье принадлежитъ къ числу наилучшихъ, то я и значу гораздо болѣе, нежели етотъ хворой, проѣхавшїй въ каретѣ. При великомъ своемъ богатствѣ, онъ отъ всей души желалъ бы быть приходскимъ священникомъ бѣднымъ, но здоровымъ. Повѣрьте мнѣ, господинъ Фицъ-Адамъ, что онъ недолго проживетъ на свѣтѣ."

Я ничего не отвѣчалъ ему, и онъ продолжалъ: „Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и конечно чувствуете усталость отъ дороги по причинѣ слабаго здоровья, если неошибаюсь; потому-то я и встрѣтилъ васъ неучтиво при вчерашнемъ свиданїи. Но ваша бесѣда увѣрила меня, что вы имѣете нравъ веселый, и я примѣтилъ, что вы приняли намѣренїе беречь себя посредствомъ воздержанїя. Вотъ съ тѣхъ-то поръ началъ я уважать васъ, и теперь очень радъ, что съ вами познакомился. Вы меня постарѣе, а потому и при-

надлежите къ низшему нежели я классу; но природная веселость ваша и воздержанїе ставятъ васъ на равную степень съ молодыми. Желаю всѣхъ благъ почтенному Фицъ-Адаму."

Идучи далѣе, повстрѣчались мы съ крестьянами. Товарищь мой, порываясь къ нимъ, воскликнулъ: „вотъ люди, господинъ Фицъ-Адамъ! вотъ истинные люди, достойные того, чтобы заняться съ ними! На лицахъ ихъ, любезный Фицъ-Адамъ, видишь ихъ богатства. И кто изъ нашихъ господъ богаче ихъ? Ниодинъ, никто конечно! всѣ они такъ маломощны, такъ хилы, что ниодинъ изъ сихъ людей не долженъ бы снимать шляпы передъ ними." Потомъ завелъ съ ними разговоръ, и далъ каждому по нѣскольку грошей на пиво.

Послѣ того увидѣли мы великое множество охотниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ привѣтствовали Доктора; но онъ не обращалъ на нихъ вниманїя: одного только отличилъ отъ прочихъ, перелѣзъ къ нему черезъ плетень, обнялъ его дружелюбно, и просилъ на завтрешнїй день къ себѣ отобѣдать. — „Етотъ человѣкъ" сказалъ мнѣ послѣ Докторъ „имѣетъ наилучшее здоровье въ цѣлой Англїи; выѣзжаетъ на охоту только для прогулки и движенїя, и

несдѣлаетъ ниодного шагу тамъ, гдѣ видитъ малѣйшую опасность. А всѣ другїе товарищи его перескакиваютъ рвы и плетни; избѣгнувши опасностей по утру, они предаются имъ по вечерамъ, проводя время въ пьянствѣ и безчинствахъ. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Фицъ-Адамъ: нехочу имѣть съ ними дѣла; ибо надѣюсь, что переживу ихъ четырьмя десятками годовъ и съ лишкомъ!"

Мы приближились къ дому, въ которомъ, какъ сказывалъ мнѣ Докторъ, жила одна знатная вдова. „Она прежде имѣла доброе здоровье" прибавилъ онъ „и я тогда посѣщалъ ее довольно часто; но какъ скоро впала въ изнеможенїе, то я и простился съ нею навѣки. Она рѣшилась остаться навсегда вдовою послѣ смерти своего мужа, офицера, у котораго пушечное ядро оторвало голову во время сраженїя при Фонтенуа. Съ военными-то людьми нехочу я имѣть никакого знакомства. Жизнь ихъ виситъ на самой тонкой нити." — Однакожъ они полезны обществу — возразилъ я — и по тому достойны уваженїя. — „Я и не спорю" отвѣчалъ Докторъ: „то же самое сказать можно о копающихъ уголья работникахъ, которые могутъ быть живые засыпаны землею. Господинъ Фицъ-Адамъ! есть между

людьми различїе въ степеняхъ; его то должно разсматривать. Люди слабаго здоровья, или занимающїеся ремесломъ небезопаснымъ, должны стоять ниже тѣхъ, которые имѣютъ здоровье доброе, и которыхъ упражненїе не подвергаетъ ихъ никакой опасности."

Докторъ казался мнѣ весьма необыкновеннымъ человѣкомъ, и я не хотѣлъ прерывать его. „Можете почитать меня чудакомъ; только не думайте, будтобы я былъ врагъ тѣмъ малопочтеннымъ людямъ, которые имѣютъ слабое здоровье, — будто бы я поступаю съ ними безжалостно, когда случится возможность оказать имъ помощь. Нѣтъ, я готовъ предлагать имъ всякїя услуги, отъ меня зависящїя: не могу только унизиться до ихъ класса, не могу быть имъ товарищемъ. Чтобы поставить человѣка на значительной степени, къ тому врачъ имѣетъ болѣе силы, нежели самодержавный владѣтель: дары фортуны ничего не значатъ; здоровье составляетъ единственное богатство, которымъ человѣкъ дорожить долженъ; безъ него богачъ есть не что иное какъ нищїй. Но не симъ только однимъ мнѣнїе мое отличается отъ общаго. Купецъ или ремесленникъ, трудами своими приобрѣвшїй богатства, не рѣдко идетъ за дворянина;

и я всегда былъ такого мнѣнія, что гораздо важнѣе и почтеннѣе устроить себѣ хорошее сложеніе нежели получить отъ природы: тутъ жребій, а тамъ разсужденіе. И по сей-то причинѣ я такъ часто провожу время съ вашимъ пріятелемъ; ибо хотя подагра обыкновенно портитъ темпераментъ, однакожъ онъ можетъ еще долго держаться посредствомъ воздержанія и порядочной жизни; между тѣмъ какъ тотъ господинъ, ѣхавшій въ богатой каретѣ, имѣетъ неизлѣчимую одышку, которая, при всемъ его богатствѣ, дѣлаетъ его убогимъ, подобнымъ нищему, которой скоро умретъ отъ голоду. Чѣмъ болѣе вникать будете въ рѣчь мою, тѣмъ болѣе отдадите мнѣ справедливости. Здоровый бѣднякъ достоинъ быть товарищемъ Королю; больной Лордъ есть не что иное какъ нищій въ своихъ чертогахъ! Какъ же онъ можетъ требовать отъ другихъ уваженія себѣ, когда и послѣдній изъ слугъ его незахотѣлъ бы помѣняться съ нимъ своею долею?"

Тутъ Докторъ кончилъ рѣчь свою, ибо мы уже входили въ домъ моего пріятеля. Мы нашли его въ добромъ здоровьѣ и въ веселомъ расположеніи духа, — что весьма обрадовало Доктора. При неослабномъ стараніи скрывать немощь преклон-

ныхъ лѣтъ своихъ, я провелъ съ нимъ цѣлую недѣлю весьма приятно, и такъ удачно приобрѣлъ его дружбу, что на прощаньи получилъ отъ него пузырекъ бальзаму *Тиртингтона* и связочку порошковъ Доктора *Жака*. „Можетъ быть" примолвилъ онъ „украдутъ у васъ деньги; но будьте спокоенъ вразсужденiи горячки или заваловъ."

Приѣхавши къ себѣ домой, долго размышлялъ я объ оригиналѣ, съ которымъ познакомился. Наконецъ принужденъ былъ признаться, что Докторъ небылъ такимъ чудакомъ въ самомъ дѣлѣ, какимъ показался мнѣ съ начала. По истинѣ здоровье есть самое первое богатство въ жизни. Когда бы чины раздаваемы были смотря по состоянiю здоровья, то на вѣрное люди берегли бы его съ большимъ нежели теперь тщанiемъ; изъ того возникла бы новая выгода для общества, а именно: уменьшилось бы число тѣхъ скучныхъ людей, которые безпрестанно мучатъ насъ розсказнями объ исторiи своихъ болѣзней.

(*Переводъ.*)

~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~

Отрывокъ изъ IV пѣсни Делиллеевыхъ Садовъ.

Когда въ твоемъ саду развалинъ славныхъ нѣтъ;
Есть брозны, мраморы, — минувшихъ боги лѣтъ:
Божественное въ нихъ ваянія искусство
Благоговѣнія раждаетъ въ сердцѣ чувство.

Я знаю, что желалъ вкусъ строгій изъ садовъ
Изгнать Авзоній и Греціи боговъ;
Напрасно! Юность мы и дѣтство проводили
Въ Аѳинахъ, въ Римѣ; тамъ боговъ сихъ полюбили.
И не стреглиль они стада и огородъ?
Почто же заграждать въ твои сады имъ входъ?
И смѣютъ ли цвѣты твои разцвѣсть безъ Флоры?
Пусть боги Греціи обворожаютъ взоры!
Изящные, они творцы изящныхъ чувствъ:
Баснь и теперь еще религія искусствъ!

Да будетъ же твое ваянье совершенно;
И да изгонится всякъ образъ искаженной:
Богъ безъ величія, богиня безъ красотъ.
Пусть бронза чувствуетъ и мраморъ оживетъ!
Да не вступаетъ богъ въ права другаго бога:
Панъ любитъ жить въ лѣсу, не требуя чертога.

Почто сей Нилъ, вотще вѣнчанный осокой,
На сушѣ съ урною разбитой и сухой?
Почто встрѣчаются Тритоны и Наяды
Въ безводномъ мѣстѣ, гдѣ стоять должны Дріады?
Примите прочь звѣрей, которыхъ дикій видъ
И въ изваяніи погибелью грозитъ!
Прочь мрачны Цесари, страшнѣйши сихъ чудовищъ!
Почто насъ ужасать ты стражей сихъ становишь
При входѣ въ рощицу, гдѣ плещетъ ручеекъ,
Гдѣ шепчетъ съ листьями роскошный вѣтерокъ?
Бывъ въ жизни бичь людей — они предметъ боязни,
И, кажется, еще опредѣляютъ казни.
Возможноль допустить сюда ихъ злобу, спѣсь?
Герои правоты и мира чтимы здѣсь.

Въ мѣстахъ, назначенныхъ мужей сихъ поклоненью,
Прилично райской быть тиши, уединенью;
Да въ мирѣ тѣни ихъ у васъ опочіютъ.
Созиждь елизіумъ! да рощи расцвѣтутъ
Вѣчнозеленыхъ миртъ и лавровъ благовонныхъ,
Долину тихую сокрывъ отъ глазъ нескромныхъ,
И бѣломраморны сіяютъ лики ихъ.

Да льется тамъ протокъ медлителенъ и тихъ;
Луна, сливая блескъ съ вечерними тѣнями,
Освѣтитъ ихъ предѣлъ дрожащими лучами.
Мужей великихъ сонмъ въ зеленой древъ тѣни,
Блескъ чистый мраморовъ и нѣжность бѣлизны;
Ихъ сановитый видъ въ величіи спокойный,
Токъ дремлющей воды, какъ Леты токъ безмолвный,
Которая въ струяхъ несетъ забвенье бѣдъ,
Неблагодарности, гоненій и суетъ;
Брегъ очарованный, дубами осѣненной,
День потухающій во мглѣ листовъ зеленой, —
Все возвѣщаетъ здѣсь блаженныхъ душъ покой!
Да ненарушатъ же сей тишины святой
Завоеватели своимъ ужаснымъ взглядомъ!
Поставь мужей творцу и людямъ милыхъ рядомъ,
И славныхъ не войной, щедротою владыкъ;
Да утѣшаетъ насъ здѣсь Фенелоновъ ликъ;
Да Генрихъ Сюллію простретъ монарши руки,
И видѣнъ съ хартіей раздранной Долгорукій.

Подай, подай цвѣты! хочу вѣнчать мужей,
Которые среди невѣдомыхъ морей,
Простясь съ отечествомъ и въ ссылкѣ благородной,
Противу ста смертей шли съ гордостью свободной,
Чтобъ блага новыя природы собирать;

Чтобы сокровища художествъ расточать.
Ты, смерть котораго міръ бѣдствіемъ считаетъ,
Объ коемъ Албіонъ и Галлія рыдаетъ,
Великодушный Кукъ! въ далекихъ тѣхъ странахъ;
Гдѣ возвѣщалъ объ насъ единый громъ и страхъ,
Какъ Триптолемъ училъ владѣть ты дикихъ плугомъ;
Благовѣстилъ имъ миръ и былъ ихъ нѣжнымъ другомъ;
Овецъ, коней, тельцовъ, орудія дарилъ;
Принесъ искусства имъ и свѣтъ наукъ открылъ;
Являлся какъ отецъ средь милаго семейства;
И Европейскія изглаживалъ злодѣйства.
Корабль твой приходя, дарами осыпалъ,
Корабль твой отходя, дары имъ оставлялъ.
Тебѣ сынъ Франціи приноситъ сердца дани;
Не ты виновникъ бѣдъ, не ты виновникъ брани;
Мужъ добродѣтельный естъ міра гражданинъ;
И Галліи равно и Албіона сынъ. —
Примѣръ: нашъ Царь — его достойный быть владыкой!
Увы! что въ томъ, что онъ, рѣшительный, великой;
Два раза дерзостно летѣлъ среди валовъ,
Зрѣлъ небо въ пламени, проплылъ сквозь море льдовъ;

Что отъ народовъ всѣхъ, отъ всѣхъ языковъ чтимый,
Отъ разъяренныхъ волнъ, мѣлей и бурь хранимый,
Вселенну облетѣлъ корабль его кругомъ;
Что бранный для него умолкъ въ пучинѣ громъ?
Все тщено — и во мзду трудовъ, заслугъ толикихъ,
Другъ человѣчества, увы! погибъ отъ дикихъ.

Воейковъ.

1813 Года Іюля 13 дня.
Астраханъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~~

Чужая сторона.

Скушно молодцу въ сторонушкѣ чужой,
Скушно, милая, въ разлукѣ жить съ тобой;
Нѣту радости въ невѣдомыхъ краяхъ,
Нѣту жалости въ невѣдомыхъ сердцахъ;
Разлучила насъ жестокая судьба!
Не услышана сердечная мольба!
Намъ велятъ въ тоскѣ безплодной розно жить:
Прежнихъ радостей неможно возвращать.
Ноетъ грудь и голова моя болитъ;
Сонъ отъ глазъ моихъ съ полуночи бѣжитъ:
По горамъ хожу кручину разогнать;
~~~~~~~~~~~~~~~~~

По полямъ хожу разлуку услаждать;
Выхожу гулять на берегъ быстрыхъ водъ,
Грусть вездѣ со мной, покоя не даетъ.
Подъ окномъ одинъ задумавшись сижу,
На родимую сторонушку гляжу:
Гдѣ ты, милая! — съ кѣмъ вѣсточку послать?
Безъ надежды чѣмъ осталось мнѣ дышать?
Везъ тебя могу ли жизнь свою любить?
Безъ тебя могу ль съ кѣмъ горесть раздѣлить? —
Увядай скорѣй несчастный въ цвѣтѣ лѣтъ!
Не мрачи своей тоскою бѣлый свѣтъ!
Ахъ, прости мой другъ! — умру, умру любя!
Тамъ увидимся, *тамъ* встрѣчу я тебя!

Г. Сокольскій.

~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Изъ Словаря древнія и новыя Поэзіи.

Отрывки В и Г.

Воображеніе. Imaginatio.

Мармонтель, изъ сочиненій котораго почерпнута статья сія, такъ опредѣляетъ *воображеніе*: способность души, представляющая отсутствующіе предметы какъ бы находящимися предъ глазами.

Когда *воображеніе* начертаваетъ предметы, дѣйствительно существующіе, то не инымъ чѣмъ различествуетъ отъ памяти, какъ живостію цвѣтовъ; когда же изъ соединенія различныхъ предметовъ, собранныхъ памятью, *воображеніе* составляетъ само собою такія картины, кои не имѣютъ въ природѣ образца, тогда дѣлается оно творческимъ, и тогда-то принадлежитъ генію; и тотъ, кому память доставляетъ болѣе предметовъ, имѣетъ болѣе *воображенія*.

Иные опредѣляютъ *воображенїе* способностїю представлять предметы, чувствамъ неподверженные. Но можно ли что нибудь вообразить такое, чего мы не видали, чего не осязали, или о чемъ по крайней мѣрѣ не слыхали? Предметамъ, неподверженнымъ чувствамъ нашимъ и не могущимъ быть подверженными, т. е. вымышленнымъ, мы принуждены давать видъ вещей намъ извѣстныхъ, или принуждены бываемъ соединять сїи вещи во едино, дабы составить нѣчто неимѣющее въ природѣ образца. On ne fait aucune image; on les aſſemble, on les combine, говоритъ Вольтеръ.

Мало такихъ людей, у которыхъ воспоминовенїе предметовъ чувствамъ подверженныхъ недѣлалось бы, чрезъ размышленїе, или чрезъ напряженїе ума, столь живо, чтобъ не могло доставить образца для Поэзїи. Даже дѣти имѣютъ способность представлять себѣ весьма ясно не только то, что видѣли они, но и слышали. Всѣ люди, исполненные какой либо страсти, съ живостїю представляютъ себѣ предметы, относительные до занимаемаго ихъ чувства.

Размышленїе можетъ произвести въ Поэтѣ самыя тѣ же дѣйствїя; оно, такъ сказать, дѣлаетъ плодотворными идеи; и когда Поэтъ описываетъ что либо слабо,

неопредѣленно, безпорядочно, то сїе по большей части бываетъ отъ того, что онъ не обратилъ на свой предметъ всего вниманїя, какого оный требовалъ.

Если вамъ нужно описать корабль, претерпѣвающїй бѣдствїе отъ бури, и уже приближающїйся въ разрушенїю, то сначала картина сїя представится мысли вашей въ затмѣвающемъ ее отдаленїи. Но хотите ли, чтобъ она была къ вамъ ближе? Осмотрите мысленными очами всѣ составляющїя оную части; осмотрите, что должно происходить въ воздухѣ, въ водѣ и въ самомъ кораблѣ. — Въ воздухѣ: бушующїе разъяренные вѣтры, помрачающїя свѣтъ облака, которыя стремяся другъ на друга, низвергаютъ съ ужаснымъ громомъ изъ освѣщаемыхъ молнїею нѣдръ смертоносныя стрѣлы. — Въ водахъ: пѣнящїяся и воздымающїяся до облаковъ волны; обложенныя металломъ доски, отражающїя блескъ молнїи; валы, горамъ подобные, висящїе на безднахъ, въ которыя корабль низвергается, и вылетая изъ которыхъ, опять по волнамъ стремится. — На землѣ: острые утесы, о которые съ ревомъ разрушаются волны, и которые, представляя очамъ кормщиковъ недавнїе остатки кораблекрушенїя, служатъ ужасными вѣстниками ихъ участи. — Въ кораблѣ:

райны, гнущіяся отъ усилія парусовъ; преломляющіяся съ трескомъ мачты; боки корабля, кои показываютъ уже разщелины отъ біенія валовъ; встревоженный кормщикъ, коего искусство истощается и уступаетъ мѣсто отчаянію; утомленные напрасною работою матросы, призывающіе жалобнымъ крикомъ Небо на помощь къ послѣднимъ напряженіямъ силъ; герой, ихъ ободряющій, и старающійся подать имъ надежду, коей самъ не имѣетъ. — Хотите ли сдѣлать картину сію жалостнѣе, ужаснѣе? Представьте въ кораблѣ отца съ единственнымъ своимъ сыномъ; представьте супруговъ, любовниковъ, которые обнимаются и говорятъ: мы погибнемъ! Отъ васъ зависитъ собрать въ сей корабль всѣ страсти и представить во всей силѣ ужасъ и состраданіе. Для сего нѣтъ нужды въ геніѣ творческомъ; слѣдуетъ только обдумать всѣ обстоятельства бури. То же можно сказать и о всѣхъ картинахъ, подлежащихъ чувствамъ: чѣмъ болѣе объ нихъ размышляютъ, тѣмъ живѣе и подробнѣе онѣ представляются. Правда, надобно умѣть сблизить обстоятельства и соединить подробности разсѣянныя въ памяти; но память при напряженіи ума какъ бы сама собою представляетъ всѣ собранные ею матеріалы, и всякой, если приметъ на себя трудъ, мо-

жетъ убѣдиться, что *воображеніе*, относительно къ вещамъ физическимъ, есть такое дарованіе, которымъ даже не примѣчая обладаютъ.

Труднѣйшее дѣло *воображенія* состоитъ въ расположеніи поемы, романа и всякой драмы; въ выборѣ характеровъ и страстей, приличныхъ вводимымъ въ оныя лицамъ: сіе требуетъ какъ глубокомыслія, такъ и вѣрнѣйшаго познанія человѣческаго сердца.

Часто смѣшиваютъ съ *воображеніемъ* способность еще драгоцѣннѣйшую — способность забываться, поставлять себя на мѣсто описываемаго лица; принимать его характеръ, чувствія, склонности, участвовать въ его выгодахъ; заставлять его дѣйствовать такимъ образомъ, какъ должно оно дѣйствовать, и объясняться, какъ само бы объяснялось. Сія способность *располагать собою* столько же отличается отъ воображенія, сколько ощущенія душевныя отличны отъ впечатлѣній чувственныхъ. Она должна быть обработываема сообществомъ съ людьми, наблюденіемъ натуры и образцами въ искусствѣ; она требуетъ упражненія цѣлой жизни — и сего еще недостаточно: для нее надобно имѣть чувствительность, нѣжность, дѣятельность души, коими наградить мо-

жетъ одна природа. Словомъ: это есть пiитическiй жаръ, восторгъ, вдохновенiе, изступленiе, ентузiазмъ. —

Нерѣдко случается видѣть, что воображенiе Поэта поражено, а до сердца его ничто некоснулось; тогда онъ подробно описываетъ всѣ признаки страсти, но говоритъ языкомъ ей неприличнымъ.

Вольтеръ, имѣющiй неоспоримое право говорить объ ентузiазмѣ, пишетъ, что *ентузiазмъ съ разсудкомъ, обдуманный, l'enthousiasme raisonable, данъ въ удѣлъ великимъ Поэтамъ.* — Но какъ ентузiазмъ можетъ быть управляемъ разсудкомъ? — Вотъ его отвѣтъ: Поэтъ начертаваетъ прежде всего распоряженiе своей картины; тогда кистiю управляетъ разумъ. Но пожелаетъ ли онъ одушевить свои лица и придать имъ страсти; тогда *воображенiе* воспламеняется и ентузiазмъ дѣйствуетъ. — Вольтеръ уподобляетъ такого Поэта великому Конде, который дѣлалъ расположенiе сраженiй хладнокровно, съ мудростiю, и сражался съ изступленiемъ.

Высокое, Sublime.

Высокое, говоритъ Буало Депрео, есть нѣкоторая сила рѣчи, способная возвысить и привести душу въ восхищенiе.

Она происходитъ или отъ возвышенности мысли и чувствованія, или отъ избранія лучшихъ словъ, или отъ пріятнаго и разительнаго оборота въ выраженіи, то есть отъ котораго либо изъ показанныхъ качествъ особенно, или, что составляетъ *совершенное высокое*, отъ совокупленія оныхъ качествъ.

Высокое, по словамъ Сильвена, есть рѣчь, заключающая оборотъ необычайный, непредвидимый, сильный, который превосходными изображеніями и чувствованіями возвышаетъ, восхищаетъ душу и вселяетъ въ нее благороднѣйшую мысль о самой себѣ.

Высокое вообще, пишетъ Шевалье Жокуръ, есть все то, что возноситъ насъ превыше того, что мы были, и также то, отъ чего сіе возвышеніе дѣлается намъ въ тоже время чувствительнымъ.

Лонгинъ (въ книгѣ *περὶ ὕψους*, о высокости, или о высокомъ), смѣшивающій иногда такъ называемое *высокое* съ высокимъ слогомъ, говоритъ, что оно въ сочиненіяхъ есть самое возможное возвышеніе и превосходство слова. Лонгинъ по сему считаетъ пять обильнѣйшихъ источниковъ *высокаго*: 1) счастливая от-

важность мыслей, 2) сильная и изступленная страсть, 3) пристойное составленїе фигурЪ, 4) благородное слововыраженїе и 5) величественное и возвышенное словорасположенїе.

Новѣйшїе Естетики, мало заботясь о точномЪ опредѣленїи *высокаго*, раздѣляютЪ оное но два рода: на *высокое въ изображенїяхъ*, le sublime des images, и на *высокое въ чувствованїяхъ*, le sublime des sentimens.

I. Перваго рода, то есть высокаго вЪ изображенїяхЪ, предметы суть: необозримыя долины, безпредѣльный океанЪ, равнины, сводЪ небесный, глубокїя пропасти, молнїя, громЪ, звукЪ колоколовЪ вЪ уединенїи, свистЪ вѣтровЪ, сраженїя войскЪ, необыкновенная сила, землетрясенїя, огнедышущїя горы, бури, водопады, безмолвїе, child мракЪ, дикая природа и пр.

ВотЪ нѣкоторые примѣры.

ДержавинЪ, описывая переходЪ чрезЪ Швейцарскїя горы РоссїйскихЪ войскЪ, такЪ изображаетЪ гору СенготарЪ:

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти.

И л и:

На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.

Что можетъ быть разительнѣе сдѣланнаго симъ знаменитымъ Поэтомъ изображенія Смерти:

Глотаетъ царства алчна Смерть.

И въ слѣдующихъ стихахъ:

Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры,
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы. . .

Спокойствіе, или, такъ сказать, равнодушіе Смерти, означенное въ послѣднемъ стихѣ, вселяетъ въ сердце какой-то неизъяснимый трепетъ.

Какая величественная картина представляется въ сихъ стихахъ Дмитріева, обращаемыхъ къ Богу:

Ты дхнешь — и двигнешь океаны;
Речешь — и вспять они текутъ.

И въ другихъ, гдѣ описываетъ стенящую Москву:

Я гибну, гибну, ты рекла,
Вращая устрашенно око,
Спасай меня, о Геній мой!
Увы! молчанье вкругъ глубоко
И мечь висящій надъ главой.

Омиръ и Виргилій преисполнены такихъ изображеній. Өетида (въ Иліадѣ) проситъ Юпитера отмстить за своего сына, оскорбленнаго Агамемнономъ; растроганный сею жалобою Юпитеръ отвѣчаетъ богинѣ: Не возмущай спокойствія своего, прелестная Өетида! я увѣнчаю сына твоего славою, и чтобъ увѣрить тебя въ ономъ, сдѣлаю знакъ главою; сей знакъ будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ моихъ обѣщаній. *Онъ рекъ, и отъ мановенія всевѣчной главы весь Олимпъ содрогнулся.*

Виргилій представляетъ въ Енеидѣ подобный примѣръ *высокаго въ изображеніяхъ.* Всѣ боги собрались на Олимпѣ. Всемогущій властитель началъ рѣчь, и всѣ умолкли, и земля вострепетала; глубокое безмолвіе царствуетъ на высотахъ воздушныхъ, вѣтры удерживаютъ свое дыханіе, волны утихаютъ:

Eo dicente, Deûm domus alta silescit,
Et tremefacta solo tellus, silet arduus aether;
Tum zephyri posuere, premit placida aequora pontus.

An. X, 101.

Г. Петровъ такъ перевелъ сіи стихи:

Ему глаголющу, сонмъ вышнихъ молча внемлетъ,
Трепещетъ долъ, ефиръ безмолвну тихость вземлетъ;
Смиренны вѣтры жмутъ дыханія свои,
Моря кротятъ валы, источники струи.

Сюда же принадлежитъ сдѣланное Гораціемъ изображеніе Катона: *вся вселенная была покорена, кромѣ гордаго духа Катонова.*

Et cuncta terrarum subacta,
Praeter atrocem animum Catonis.

Таковыхъ *высокихъ*, можно сказать неподражаемыхъ *изображеній*, множество можно найти въ Священномъ Писаніи, особливо въ Псалмахъ Давидовыхъ:

И подвижеся и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится и угліе возгорѣся отъ Него — и приклони нѣбеса, и сниде, и мракъ подъ ногама Его — и взыде на херувими и летѣ, летѣ на крилю вѣтреню и пр. Небо престолъ Его и земля подножіе ногу Его — Одѣяйся свѣтомъ яко ризою. . . .

II. *Чувствованія* бываютъ *высокими*, когда, основываясь на истинной добродѣтели, кажутся превышающими человѣческое существо, или, когда, по словамъ Сенеки, изображаютъ въ слабости человѣческой твердость божественную. *Если бы вселенная низвергалась на главу праведника, душа его пребыли бы спокойна во время сего паденія.* Понятіе о разрушающемся мірѣ есть высокое *изображеніе*, а спокойствіе праведника есть высокое *чувствованіе*.

Слѣдующіе примѣры лучше объяснятъ сказанное:

Аяксъ въ XVII пѣсни Иліады говоритъ, обращаясь къ Юпитеру:

Ты возврати намъ день, и самъ сражайся съ намии.

Вотъ, пишетъ Лонгинъ, подлинно достойныя чувствованія Аякса! Онъ непроситъ жизни — это унизило бы героя; но поелику въ густомъ мракѣ лишается случая оказать свою храбрость, то негодуя, что долженъ на время отложить сраженіе, проситъ какъ можно скорѣе возвратить свѣтъ, дабы получить славную кончину, хотя бы надлежало сражаться и съ самимъ Юпитеромъ.

У Корнеля въ VI явленіи третьяго дѣйствія трагедіи *Гораціи*, Юлія, видѣвшая сраженіе трехъ Гераціевъ съ Куріаціями и недождавшаяся конца, приходитъ къ старому Горацію и разсказываетъ, что двое изъ его сыновей убиты, а третій, бывши не въ состояніи противиться троимъ, обратился въ бѣгство. Старецъ приходитъ въ ужасный гнѣвъ на послѣдняго сына за такую трусость; Юлія говоритъ ему:

Que vouliez vous qu'il fit contre trois?
Что могъ противъ троихъ онъ сдѣлать?

Старецъ отвѣчаетъ:

Qu'il mourut!
Умереть. —

Юлій-Цезарь, осердясь на кормчаго, который оробѣлъ отъ бури, сказалъ ему: Quid times? Caesarem vehis. Чего боишься? *Цезаря везешь.*

Поръ, Царь Индійскій, по храбромъ защищеніи себя, взятъ былъ въ плѣнъ. Александръ спрашиваетъ его, какъ онъ хочетъ, чтобъ съ нимъ поступлено было? Поръ отвѣчаетъ: *Какъ съ Царемъ.*

Въ трагедіи Княжнина *Росславъ* (Д. III, яв. 3) Христіернъ говоритъ сему герою:

Умри, злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росславъ отвѣчаетъ:

На себя.

И далѣе, когда Зефира изъявляетъ Христіерну негодованіе за его жестокость и сожалѣніе о несчастіи Росслава, то сей тиранъ восклицаетъ:

Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь! — воины! —

Зефира говоритъ ему:

Не плачу. . . . умираю.

У Озерова Едипъ также представляетъ *высокое въ чувствованіяхъ*, когда говоритъ Полинику:

Ахъ! . . . я Едипъ!

Изъ сихъ примѣровъ можно видѣть, что *высокія чувствованія* бываютъ всегда тихи, не имѣютъ сильныхъ порывовъ какой либо страсти, даже заключаются иногда въ самомъ молчаніи. Таково описываемое Омиромъ въ IX пѣсни Одиссеи безмолвіе Аякса, когда Улиссъ бѣседуетъ во адѣ съ тѣнями усопшихъ. — У Софокла Едипъ, къ которому приводятъ дѣтей его, рожденныхъ его матерью, простираетъ къ нимъ объятія и говоритъ: *По-*

дойдите, обнимите вашего. . . . Едипъ умолкаетъ, и сія остановка, показывающая недоумѣніе, какъ назвать себя въ отношеніи къ симъ младенцамъ, заключаетъ *высокое чувствованіе*.

Примѣч. Высокое въ изображеніяхъ и въ чувствованіяхъ имѣетъ великое отличіе отъ высокаго слога. *Слогъ высокій* состоитъ въ изящныхъ мысляхъ, прилично выраженныхъ; а *высокое* заключается въ разительномъ оборотѣ, который возвышаетъ и восхищаетъ душу: *слогъ высокій* требуетъ всѣхъ фигуръ краснорѣчія; *высокое* можетъ быть даже въ молчаніи. — (Говоря о Лонгинѣ и дѣлая изъ него выписки, пользовался я прекраснѣйшимъ переводомъ г. Мартынова упомянутой книги его.)

Галліямбъ.

Терминъ древней Поэзіи, родъ стиховъ, воспѣваемыхъ Галлами или жрецами Цивиллы, въ честь сей богини. Слово сіе составлено изъ *gallus*, названіе жрецовъ Цивиллиныхъ, и *iambus*, стопа Греческой и Латинской Поэзіи; употребляемая и въ Русскомъ стихосложеніи. — *Галліямбомъ* называется также сочиненіе въ стихахъ галліямбическихъ.

Галліямбическій.

Терминъ древней Поэзіи. Галліямбическою называлась поэма, написанная галліямбическими стихами.

Стихъ галліямбическій составляемъ былъ изъ шести стопъ. *Первая* заключала анапестъ, или спондей, *вторая* ямбъ, или анапестъ, или трибрахій, *третія* ямбъ, потомъ слѣдовали два дактиля и наконецъ анапестъ.

Воссій думаетъ, что такія сочиненія похожи были на дифирамбы.

Героида или *ироида.*

Героида есть письмо или посланіе о несчастныхъ приключеніяхъ, соединяемыхъ съ любовною страстію. Она пишется не отъ имени сочинителя, а отъ одного извѣстнаго и знаменитаго лица къ другому таковому же. Самое названіе показываетъ, что дѣйствующими въ ней лицами должны быть герои, люди чѣмъ либо себя прославившіе.

Піитическій характеръ *героиды*, говоритъ Бутгервекъ, почти одинъ съ характеромъ елегіи; языкъ и слогъ въ обоихъ родахъ совершенно равны. Впрочемъ г. Бутгервекъ почитаетъ *героиду* по большей части самымъ холоднымъ сочиненіемъ; ибо, думаетъ онъ, рѣдко удается чужія чувствованія изобразить съ елегическими подробностями естественно и приятно. — На сіе можно возразить, что піитъ въ *героидѣ*, какъ и въ драматическомъ сочиненіи, совершенно входитъ въ

положенїе вводимаго имъ лица, слѣдовательно не чужїя чувствїя, а свои собственныя выражаетъ.

Въ *героидѣ* обыкновенно употребляется стихъ шестистопный. Она требуетъ слога высокаго, въ которомъ бы любовь, досада, стыдъ, ревность, печаль, ненависть къ самому себѣ, невозможность избѣжать несчастїя и отчаянїе живо изображены были; въ *героидѣ* разумъ покоряется чувствамъ, и всѣ мысли уступаютъ той страсти, которая изображается въ словахъ представляемаго авторомъ героя.

Прежде Овидїя сей родъ Поэзїи не былъ извѣстенъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ. Овидїй, можно сказать, сотворилъ и привелъ оный въ совершенство, и въ его-то героидахъ надлежитъ искать правилъ и образцовъ. Лучшими изъ нихъ почитаются: Пенелопа къ Улиссу, Дидона къ Енею, Сафо къ Фаону, Парисъ къ Еленѣ, Арїадна къ Тезею, Медея къ Язону — и вотъ самаго Овидїя объ нихъ сужденїе: я хочу, говоритъ онъ, хочу, чтобы страстный и пораженный, подобно мнѣ, острѣйшими стрѣлами любовникъ, нашелъ въ сихъ сочиненїяхъ весь огнь, который снѣдаетъ его сердце, и чтобы вскричалъ въ изступленїи: кто научилъ сего стихотворца изо-

Цезура гефтемимерѣ начинаетѣ четвертую стопу, и слѣдовательно есть седьмая полустопа; и хотя бы сей слогѣ по свойству своему былѣ краткій, то чрезѣ сіе положеніе дѣлается долгимѣ, какѣ вѣ семѣ Виргиліевомѣ стихѣ:

Et ſuriis agitatus amor et conſcia virtus.
Aen. X, 872.

Гіероглифъ или героглифъ.

Вѣ Поезіи гіероглифомѣ называется изображеніе вещи по ея свойствамѣ, представленымѣ подѣ другими видами. Примѣромѣ могутѣ быть слѣдующіе стихи Богдановича:

Супругъ, для Душеньки назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ,
Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
И часто рветъ сердца, питаяся слезами,
И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ;
Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ
Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,
И самый Стиксъ ему пущей не преграждаетъ.
и пр.

Можно ли описать Амура лучше и сходственнѣе?

бражать съ такою истиной мои несчастія? . . .

Героическій или *ироическій*.

Слово сіе, приложенное къ слову *поема*, значитъ то же самое что *епическій*; приложенное же къ слову *стихъ*, значитъ оно размѣръ, употребительный въ героическихъ или епическихъ поемахъ. У Французовъ и у Русскихъ героическій стихъ есть *Александрійскій* или шестистопный ямбическій (см. Александрійскій). У Италіанцевъ и Англичанъ героическій стихъ соотвѣтствуетъ нашему пятистопному, или 10 и 11-ти сложному, у первыхъ съ женскимъ, у другихъ съ мужескимъ окончаніемъ. Нѣмцы утвердили у себя дактилохореическій гексаметръ стихомъ героическимъ.

Гефтемимеръ или *ептемимеръ*, semiseptemarius, имѣющій семь частей, или находящійся посреди семи частей. Слово Греческое, происходящее отъ ἑπτὰ семь, ἥμισυς половина и μέρος часть. Въ Греческой и Латинской Поезіи различаютъ стихъ гефтемимеръ и цезуру сего имени. — Стихъ гефтемимеръ имѣетъ половину семи стопъ, или три стопы и одинъ слогъ, на пр.:

Habet om|nis hoc| volup|tas.

Цезура гефтемимеръ начинаетъ четвертую стопу, и слѣдовательно есть седьмая полустопа; и хотя бы сей слогъ по свойству своему былъ краткій, то чрезъ сіе положеніе дѣлается долгимъ, какъ въ семъ Виргиліевомъ стихѣ:

Et furiis agitatus amor et conscia virtus.
Aen. X, 872.

Гіероглифъ или герогліфъ.

Въ Поэзіи гіероглифомъ называется изображеніе вещи по ея свойствамъ, представляемымъ подъ другими видами. Примѣромъ могутъ быть слѣдующіе стихи Богдановича:

Супругъ, для Душеньки назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ,
Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
И часто рветъ сердца, питаяся слезами,
И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ;
Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ
Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,
И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
и пр.

Можно ли описать Амура лучше и сходственнѣе?

У Аполлоса, въ Правилахъ пїитическихъ, приводится въ примѣръ *гїероглифа* слѣдующее изображенїе *души*:

Я образъ Вышняго, зерцало Божества;
На свѣтѣ нѣтъ меня свободнѣй и умнѣй,
И больше связана всего я естества.
Какъ птичка, въ клѣточкѣ сижу, горюя въ ней,
Окована кругомъ; но нужны мнѣ оковы:
Я ими дѣйствую, они подобно мной;
Они, что повелю, исполнить все готовы;
Исполнить волю ихъ есть долгъ равно и мой.
Смертельно ихъ люблю, смертельно отвращаюсь,
На небо я лечу, какъ съ ними разлучаюсь.

Изъ сего видно, что пїитическїй *гїероглифъ* можно иначе назвать *загадкою*, или аллегорическимъ изображенїемъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ.

Гименій или Именій.

У Грековъ такъ называлась свадебная пѣснь или припѣвъ къ оной. — Катуллъ употреблялъ сей припѣвъ:

Hymen, ô Hymenaee! Hymen ades ô Hymenaee!

И сей другой:

Io Hymen, Hymenaee io,
Io Hymen, Hymenaeeio!

Сія пѣснь, или сіе восклицаніе, отъ котораго произошла въ послѣдствіи *епиталама* (см. сіе слово), одолжена бытіемъ своимъ Гимену. Вотъ его исторія, подтверждаемая Сервіемъ и всѣми древними комментаторами:

Гименъ, молодой Аѳинянинъ, отличной красоты, но бѣдный и самаго низкаго происхожденія, влюбился въ богатую и знатную дѣвушку. Разность въ состояніяхъ непозволяла ему имѣть ни малѣйшей надежды; но онъ довольствовался тѣмъ, что переодѣваясь въ женское платье, слѣдовалъ повсюду за своею возлюбленною. Нѣкогда онъ провожалъ ее съ другими знатными дѣвицами въ Елевзисъ для жертвоприношенія Церерѣ; на нихъ напали морскіе разбойники, и отвезли на необитаемый островъ. Гименъ ночью убиваетъ разбойниковъ, летитъ въ Аѳины, объявляетъ кто онъ, и что случилось, и обѣщаетъ, ежели позволятъ ему жениться на той, которую любитъ, возвратить ее со всѣми подругами. Онъ дѣйствительно ихъ возвращаетъ и дѣлается счастливѣйшимъ супругомъ. — За сіе Аѳиняне повелѣли молиться ему въ брачныхъ торжествахъ вмѣстѣ съ прочими покровительствующими онымъ божествами. — Піиты не замедлили назвать его самаго богомъ, и выдумали ему знаме-

нитное происхожденіе: одни производили его отъ Ураніи, другіе отъ Аполлона и Калліопы, иные отъ Бахуса и Венеры.

У Аристофана въ комедіи, называемой *Птицы* (Д. V, ин. 4), гдѣ идетъ дѣло о женидьбѣ Писфетера, хоръ припѣваетъ:

Ὕμεν ὦ ὑμέναι, ὦ ὕμεν.

Гимнъ или имнъ.

Слово сіе происходитъ отъ греческаго глагола, которой значитъ: пѣть, вѣщать, canere, dicere, также славить. По сему *гимнъ* есть похвала, славословіе.

Гимны бываютъ въ стихахъ, каковы на примѣръ Омировы и Каллимаховы, и въ прозѣ, какъ у Платона и Аристида.

„Имнами" говоритъ Державинъ въ своемъ разсужденіи о Лирической Поэзіи „Евреи въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса Его, а язычники покланяемыхъ ими боговъ, и человѣковъ, прославившихся знаменитыми подвигами. — Возносили ихъ при жизни, славословили и по смерти. . . . Имны содержали въ себѣ часть религіи и нравоученія. Они пѣвались при богослуженіи; ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы до изобрѣтенія письменъ славныя дѣла потомству и пр. Лира,

или псалтирь, согласовались ихѣ предметамѣ. Пѣли имны при восхожденїи солнца, при наступленїи нощи, при новомѣсячїи и ущербѣ луны, при собиранїи жатвы и винограда, при заключенїи мира и при наслажденїи всякаго рода благополучїемѣ; а равно и при появленїи войны, мороваго повѣтрїя и какого либо инаго бѣдствїя, не отѣ одного или нѣсколькихѣ молебщиковѣ, но отѣ лица всего народа. — Чрезѣ имны возносились благодаренїя, славословїя, моленїя и жалобы божествамѣ. . . Они были иногда предсказываемы конархистомѣ (декламаторомѣ) какѣ у насѣ стихиры, или провозглашаемы самымѣ поэтомѣ при звукѣ струнномѣ. Видно сїе изѣ многихѣ Псальмовѣ Давида: исповѣдайтеся Господеви вѣ гуслѣхѣ, во псалтири десятоструннемѣ пойте Ему. Псал. 32, ст. 2. —

Изѣ одѣ Пиндара:

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрихъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья — пляска, ликъ.
Когда же хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ;
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій —
Ты можешь молньи потушить.

Изъ пѣсни Игоря:

Воянъ своя вѣщїя персты на живая струны вокладаше; они же сами славу Князей рокотаху."

Критики раздѣляли прежде древнїе *гимны* на разные роды, основываясь на разности именъ; ибо кромѣ названїй *гимна* и *пеана*, Греки имѣли еще множество придаточныхъ именъ, смотря по тому, къ какому божеству оныя относились; такъ славословїя Цибеллы назывались *Литїерзами*, *Юлїи* были для Цереры, *Пеаны* для Аполлона, *Дифирамбы* для Бахуса ипр.

Новѣйшими литтераторами раздѣляются древнїе гимны на ѳеургическїе или священнотаинственные, на пїитическїе или всенародные, на философическїе или свойственные однимъ философамъ.

1. *Ѳеургическїе* или *таинственные* гимны воспѣваемы были людьми, посвященными въ таинства, во время отправленїя обрядовъ. Изъ сего рода одни только Орфеевы достигли до нашихъ временъ, и они суть самые древнѣйшїе. Павзанїй увѣряетъ, что посвященные въ таинства *орфическїе* имѣли гимны, сочиненные самимъ Орфеемъ, и что сїи гимны не столько были обработаны и не столько

заключали приятности, какѣ Омировы; но вѣ нихѣ видно было болѣе набожности.

2. *Піитическіе* или *всенародные* гимны заключали вѣ себѣ вѣрованіе народа и были сочиняемы стихотворцами, единственными тогда богословами. И дѣйствительно народы Грецескій и Римскій сѣ охотою повиновались тѣмѣ богамѣ, какихѣ стихотворцы имѣ предлагали, и вѣрили всѣмѣ приключеніямѣ, какія они разсказывали. Сюда же можно причислить и гимны вѣ честь героевѣ и полубоговѣ. — *Примѣч.* Тѣ, кои пѣли гимны, назывались *гимнодами*, а сочинителямѣ даваны были имена *гимнографовъ*.

3. *Философическіе* гимны суть тѣ, которые сочиняемы были философами, слѣдовавшими особенной системѣ. Хотя во всенародныхѣ собраніяхѣ они также, какѣ и прочій народѣ, покланялись идоламѣ, но втайнѣ признавали верховное Божество, источникѣ и начало всѣхѣ вещей. По сему предметомѣ гимновѣ философическихѣ есть вообще высочайшее Существо, хотя оно и скрывается иногда подѣ именами Юпитера или солнца, иногда же подѣ покровомѣ аллегоріи.

Гимнъ долженѣ заключать высокія изображенія и высокія чувствія, слѣдова-

тельно требуетъ высокаго и чистаго слога; формы опредѣленной не имѣетъ: бываютъ въ немъ стихи всякаго размѣра, даже и вольные.

Греческіе писатели употребляли въ гимнахъ, также какъ и въ одахъ, *строфу*, *антистрофу* и *еподъ* — чему подражалъ и Г. Державинъ въ Гимнѣ подъ названіемъ: *Срѣтеніе Орфеево солнца*, съ небольшою только отмѣною въ числѣ стиховъ, полагаемыхъ древними въ каждомъ отдѣленіи.

Строфа.

Оставь багряный одръ — гряди,
О златокударій! вѣчно юный
Богъ свѣта, дѣвъ Парнасскихъ вождь!
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни,
И цвѣто-благовонну Флору
И въ класахъ блещущу Цереру,
И Вакха гроздовъ подъ вѣнцомъ,
Да въ срѣтенье тебѣ изшедши,
Воскликнемъ гимнъ.

Антистрофа.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ,
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю — грядетъ, грядетъ,
И свѣтлое чело возноситъ

Изъ синихъ волнъ на небеса!
Ужь тихой арфы звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ,
Безмолвны наклонились кедры,
Вся внемлетъ тварь.

Елодъ.

Пришелъ, пришелъ любитель Музъ,
Олимпа Царь, источникъ знаній —
Сердецъ ему несемъ
Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ!

Слѣдующій гимнъ *Минервѣ*, сочиненный Омиромъ и переведенный съ подлинника Г. Гнѣдичемъ, также можетъ показать свойство древнихъ гимновъ:

Пою великую безсмертную Аѳину,
Голубоокую, божественную дѣву,
Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
Необоримую защитницу градовъ,
Эгидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
Покрытую златой, сіяющей броней.
Оцѣпенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
Когда изъ Зевсовой главы она священной
Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ

Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
Стонъ тяжкій издала; весь понтъ поколебался,
Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды;
Гиперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ
Оружье совлекла божественная дѣва.
Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
О громовержцева эгидоносна дщерь!
Привѣтствую тебя! Услышь ты голосъ мой,
И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благоприятный,
Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни!

Новѣйшіе гимны похожи болѣе на оду, или на небольшую поэму, сочиненную во славу Бога, или въ похвалу добродѣтелей; таковы суть, *Гимнъ Богу*, соч. Дмитріева; *Гимнъ кротости*, соч. Державина; *Гимнъ солнцу слѣпаго старца Оссіана*, соч. Капниста; *Гимнъ благотворительности*, соч. Ленкевича, и пр.

Гиперкаталектъ или *иперкаталектъ*.

Терминъ Греческой и Латинской Поэзіи: ὑπερκατάληκτος составлено изъ ὑπερ надъ и καταλήγω умножаю, прибавляю, т. е. надбавленный.

Греческіе и Латинскіе стихи раздѣляются на четыре рода: стихъ *акаталектъ* есть тотъ, у котораго на концѣ нѣтъ никакого недостатка; *каталектъ*, у котораго на концѣ недостаетъ одного слога; *брахикаталектъ*, у котораго нѣтъ на концѣ одной стопы, и *гиперкаталектъ*, который заключаетъ одинъ или два слога болѣе противъ настоящаго размѣра. Послѣдній называется еще *гиперметръ*.

Гиперметръ или *иперметръ*, см. гиперкаталектъ. Слово сіе составлено изъ ὑπὲρ надъ и μέτρον мѣра, — сверхмѣрный, чрезмѣрный.

Гипербола или *ипербола*.

Риторическая фигура. Состоитъ 1) въ *увеличиваніи* вещей даже до невѣроятности, напр. быть скорѣйшій молніи, звѣздъ касающійся Атлантъ, 2) въ *уменьшеніи* оныхъ такимъ же образомъ, напр. какъ тѣнь шатается, вм. весьма истощалъ, или съ голоду умираетъ, вм. очень бѣденъ.

Бываютъ *гиперболы* въ одномъ реченіи, напр. когда большаго роста человѣкъ называется Гигантомъ, или малорослый Пигмеемъ; но онѣ чаще заключаются въ цѣломъ предложеніи, иногда и въ нѣсколькихъ періодахъ. Въ первомъ случаѣ *гипер-*

болу можно назвать фигурою реченiй, а во второмЪ фигурою предложенiй.

Сiю фигуру приличнѣе употреблять вЪ изображенiи пылкихЪ страстей, а особливо радости, ненависти, гнѣва. Гиперболы также очень позволительны вЪ сочиненiяхЪ комическихЪ, и весьма способны смѣшить; но вЪ важныхЪ описанiяхЪ должно употреблять ихЪ сЪ разборомЪ, потому что онѣ сами по себѣ обыкновенно бываютЪ противны истинѣ. Примѣры:

Коликой славой днесь блистаешъ
Сей градъ въ прибытiи твоемъ!
Онъ всей отрады не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданiи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ! еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась,
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась.

Ломоносовъ.

Вихрь полуночный, летитъ богатырь,
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ,

Лежитъ на воды — бездны кипятъ,
Граду коснется — градъ упадаетъ, и пр.

Державинъ.

Онъ же въ стихахъ, подъ названіемъ: *Колесница*, говоритъ о коняхъ:

Ужь дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ,
Со ребръ ліется потъ рѣками,
Со броздъ кровава пѣна клубомъ
И волны отъ копытъ текутъ.

*Гипербол*у долженъ чувствовать тотъ, кто слушаетъ, а не тотъ кто говоритъ. Поетъ объясняется по своимъ чувствамъ; ему кажется, что онъ ничего неувеличиваетъ; онъ слѣдуетъ влеченію своего воображенія — и чтобы разсуждать такимъ образомъ какъ онъ, надлежитъ представить себя на его мѣстъ.

Гиперболы умягчаются иногда реченіями *якобы* или *будтобы*, *почти*, *едва же*, и нѣкоторыми другими.

Едва отъ ужаса сей камень *не* дрожитъ:
Полночный Александръ сокрытъ подъ нимъ
лежитъ, и пр.

Сумароковъ. Епит. Карлу XII.

Гипербола есть слово Греческое: ὑπερβολή, superlatio, превышеніе, увеличеніе,

отъ глагола ὑπερβάλλειν, exsuperare, превосходить.

Гликоновъ стихъ.

Терминъ Греческой и Латинской Поезіи.

Скалигеръ говоритъ, что Гликоновъ стихъ состоитъ изъ двухъ стопъ и одного слога, и что назывался онъ Еврипидовымъ стихомъ.

Другіе полагаютъ Гликоновъ стихъ состоящимъ изъ трехъ стопъ: изъ спондея и двухъ дактилей, или, что все равно, изъ спондея, хоріямба и пиррихія. Слѣдующій стихъ: Sic te diva potens Cypri, есть Гликоновъ.

Новѣйшіе подражатели замѣщаютъ спондей хореемъ:

Мельпо|мена без|смертная|.

Или:

Въ Капитолію шествуетъ.

См. *Асклепіадовъ* стихъ.

Гораціанскій.

Размѣръ сего имени есть тотъ же самый, что *Алцейскій* (см. сіе слово); а названъ такъ потому, что Горацій весьма часто употреблялъ его въ своихъ одахъ съ нѣкоторыми перемѣнами. Для примѣра приведемъ сіи строфы:

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros, aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque: nec Armeniis in oris,

Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes; aut aquilonibus
Querceta Gargani laborant,
Et foliis vidicantur orni и пр.

Строфы сего размѣра состоятъ всегда изъ четырехъ стиховъ, и чаще заключаютъ слѣдующїя стопы:

Въ первомъ и второмъ стихахъ два хорея, въ которыхъ помѣщается иногда пиррихїй, потомъ слогъ долгїй, дѣлающїй пресѣченїе, и наконецъ два дактиля; въ третьемъ стихѣ четыре ямба съ однимъ краткимъ на концѣ слогомъ; въ четвертомъ два дактиля, потомъ хорей или пиррихїй, и на концѣ непремѣнно хорей.

Примѣръ:

Кедры | не все|гда || вихремъ ло|маются|,
Листьевъ| не все|гда | рощи ли|шаются|,
И ве|дро по|слѣ тучь| быва|етъ,
Лѣтомъ и |дерево| процвѣ|таетъ|.

Иногда же сей размѣръ вмѣсто двухъ хореевъ въ началѣ двухъ первыхъ стиховъ

принимаетъ два ямба и краткой слогъ. Г. Востоковъ въ переведенной изъ Горація одѣ *Похвала Вакху* показалъ сему примѣръ:

Когда Гиганты горды воздвигнулись,
Тогда защитникъ отчаго царствія,
Вонзилъ ты львины когти въ Рета,
Лютымъ его отразилъ ударомъ.

Впрочемъ и самъ Горацій чаще употреблялъ сей размѣръ, полагая въ первой стопѣ первыхъ двухъ стиховъ *ямбъ* или *спондей* (и по большей части послѣдній), во второй непремѣнно *ямбъ*, послѣдуемый долгимъ слогомъ, дѣлающимъ пресѣченіе, и наконецъ два *дактиля*:

Nondum subacta ferre jugum valet
Cervice, nondum munia comparis.

Ник. Остолоповъ.

(Продолженіе впредь.)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

О новомъ Государственномъ Уставѣ Нидерландскаго Королевства.

(Письмо изъ Брисселя, отъ 27 Августа н. ст.)

Третьяго дня Е. В. Король прибылъ въ нашъ городъ. Во время пребыванія здѣсь возлюбленнаго нашего Монарха приняты будутъ надлежащія мѣры ко введенію новаго Устава Государственнаго въ южныхъ провинціяхъ Королевства. Люди, чуждые предразсудковъ, восхищаются человѣколюбивыми правилами онаго. А малое число тѣхъ неблагонамѣренныхъ, которые пытались посѣять несогласіе между нами, со стыдомъ замолкло, съ тѣхъ поръ какъ начертаніе Устава принято большинствомъ голосовъ. Въ оффиціальной газетѣ, въ Гагѣ издаваемой, на сихъ дняхъ напечатаны всѣ статьи онаго, числомъ 234, изъ которыхъ предлагаются здѣсь главнѣйшія.

„Королевство Нидерландское раздѣляется на 17 провинцій. Великое Княжество

Люксембургское исключается изъ числа оныхъ. Корона принадлежитъ Е. В. Вильгельму Фридерику, Принцу Орано-Нассаускому. Послѣ его кончины она переходитъ къ потомкамъ его мужескаго пола по праву первородства и при системѣ представительной. За неимѣнїемъ мужеской линїи она достается дщерямъ Короля по праву первородства, и проч. Король не можетъ носить на себѣ чужестранной короны. Мѣстопребыванїе правительства не можетъ быть перенесено внѣ Королевства. Король получаетъ ежегоднаго дохода 2,400,000 гульденовъ изъ суммы государственной, а вдовствующая Королева 150,000 гульденовъ. Старшїй сынъ Короля, или наслѣдникъ престола, имѣетъ титулъ *Принца Оранскаго*. Достигнувъ совершеннолѣтїя (по окончанїи 18 года), онъ получаетъ ежегодно по 100,000 гульденовъ, и вдвое столько послѣ своего бракосочетанїя. Членамъ Королевской фамилїи и нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ въ Королевствѣ гражданъ ввѣрена будетъ опека надъ Королемъ малолѣтнымъ, и въ такомъ случаѣ верховная власть препоручится Регенту. Учреждается Государственный Совѣтъ, коего Членовъ назначаетъ Король. Государственные Члены, представляющїе собою народъ Нидерландскїй, состоятъ изъ двухъ Палатъ, изъ которыхъ

вЪ одной должны присутствовать 110 Членовъ, назначенныхъ отъ чиновъ провинціальныхъ; а другая, называемая *первою Палатою*, составится изъ особъ числомъ неменѣе 40 и неболѣе 60, опредѣляемыхъ Королемъ на всю жизнь. Для обѣихъ Камеръ установляется титулъ: *Благородно-мощные Господа*. Чины провинціальные составляются изъ благороднаго рыцарства, изъ городскихъ жителей и изъ сельскихъ. Правосудіе должно отправляемо быть именемъ и властію Короля. Будетъ издано Уложеніе гражданское, уголовное, коммерческое и судо-обрядное. Каждой житель обезпечивается въ своей собственности, которая неможетъ быть у него отнята, развѣ по требованію пользы общественной, или за соразмѣрное вознагражденіе. Ни одинъ человѣкъ не можетъ, противъ своей воли, быть потребованъ въ такое судилище, которому онъ не подчиненъ силою закона. Взятіе подъ стражу, сдѣланное по распоряженію полиціи, немедленно будетъ доведено до свѣдѣнія судьи по принадлежности, и задержанный подъ стражею будетъ препровожденъ къ оному не позже трехдневнаго срока. Ни въ какомъ случаѣ имущество не можетъ быть конфисковано. Учреждается верховное судилище въ Королевствѣ подъ названіемъ *Верховнаго Нидерландскаго Совѣта*. Въ каж-

дой провинціи находиться будетъ судъ первой инстанціи. Всѣмъ религіямъ предоставляется совершенная свобода, и всякому богослуженію обѣщается равное покровительство; люди всѣхъ исповѣданій будутъ пользоваться одинакими правами гражданскими и политическими, и возмогутъ, безъ различія, искать всякихъ чиновъ и должностей; во время мира пятая часть народной милиціи будетъ распущена. На первой разъ Король назначитъ чиновниковъ къ отправленію всѣхъ должностей.

(Allgem. Zeit.)

Бесѣда Буонапарта на кораблѣ Беллерофонтѣ.

Буонапартъ, никакъ несоглашаясь быть подъ карауломъ, сказалъ между прочимъ: „Они незнаютъ моего характера! они должны бы повѣрить моему слову.“ Одинъ изъ находившихся тамъ офицеровъ спросилъ: Могу ли сказать вамъ сущую правду?

Буонапартъ. Говорите.

Офицеръ. Я долженъ вамъ признаться, что со времени нашествія вашего на Испанію ни одинъ Англичанинъ не захотѣлъ бы повѣрить ниже самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ вашимъ.

Буонапартъ. Да вѣдь я былъ призванъ въ Испанію Карломъ IV, для того чтобы подать ему помощь противъ сына.

Офицеръ. А мнѣ кажется для того, чтобы посадить на престолъ Короля Іосифа.

Буонапартъ. У меня была великая политическая система. Мнѣ нужно было создать могущество противу вашей огромной морской силы; а это еще и прежде сдѣлано было Бурбонами.

Офицеръ. Однакожъ признайтесь, Генералъ, что Франція подъ вашимъ скипетромъ была гораздо страшнѣе, нежели въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV. Она была также и увеличена, и проч.

Буонапартъ. И Англія съ своей стороны приобрѣла много могущества. (Это относилось къ колоніямъ и къ новоприобрѣтеннымъ краямъ въ Индіяхъ.)

Офицеръ. Многіе просвѣщенные люди думаютъ, что Англія болѣе теряетъ, нежели выигрываетъ, отъ обладанія столь обширными и отдаленными странами.

Буонапартъ. Я желалъ вновь оживить Испанію введеніемъ тѣхъ самыхъ установленій, которыми послѣ занимались Чины (Cortes) Испанскіе.

Когда напомянули Буонапарту, какимъ образомъ присвоена имъ Испанская корона, то онъ — замолчалъ. Спустя немного, онъ опять началъ толковать о своемъ нахожденiи подъ стражею, и кончилъ сими словами: „Я обманулся, положившись на ваше великодушiе." О Фоксѣ сказалъ онъ между прочимъ, что зналъ его, и видѣлъ въ дворцѣ Тюйльерiйскомъ; наконецъ прибавилъ: „онъ не имѣлъ вашихъ предразсудковъ."

Офицеръ. Послушайте, господинъ Генералъ! Фоксъ былъ ревностнымъ патрiотомъ, а за тѣмъ уже гражданиномъ всего свѣта.

Буонапартъ. Онъ искренно желалъ мира, и я желалъ его равнымъ образомъ. Его смерть помѣшала заключенiю мирнаго трактата (1806 года). Другiе не были столь искренни. Не скажу (прибавилъ Буонапартъ), будто въ продолженiе столь долговременной войны я не имѣлъ намѣренiя уничтожить Англiю. . . (Тутъ опомнился онъ, что сказалъ больше нежели дозволяло благоразумiе, и прибавилъ) да, я хотѣлъ ослабить ея могущество; хотѣлъ Англiю принудить быть справедливою, или по крайней мѣрѣ менѣе несправедливою.

Вѣ продолженіе сего разговора, болѣе полутора часа продолжавшагося, Буонапартѣ ни однажды не смѣшался, велѣ себя благопристойно и былѣ свободенѣ отѣ всѣхѣ сильныхѣ движеній. Нѣкоторыя его выраженія, сами по себѣ сильныя, произносимы были спокойно. Голосѣ его былѣ тихѣ, видѣ скроменѣ, тѣлодвиженія умѣренны, и отнюдь не таковы, какія употребляются у Французовѣ или Италіянцовѣ. Словомѣ, во всѣхѣ его поступкахѣ непримѣтно было нималѣйщей страсти или печали. Казалось, что онѣ нетерялѣ присутствія духа; говорилѣ сѣ одинакимѣ спокойствіемѣ и откровенностію какѣ о маловажныхѣ предметахѣ, такѣ и о важныхѣ до жизни его касающихся политическихѣ происшествіяхѣ, равнымѣ образомѣ и о нынѣшнихѣ его обстоятельствахѣ (*). Совсѣмѣ несправедливо то, будто бы онѣ сказалѣ вѣ предосужденіе Бурбоновѣ, что *Дюшесса Ангулемская между всѣми ими есть единственный мущина.*

(*Gaz. Warsh.*)

(*) Онъ давно бы сдѣлался тихимъ, когда бы прежде посадили его — на примѣръ въ караульню. *Перев.*

Разговоръ Буонапарта съ господиномъ Прадтомъ, Архіепископомъ Мехельнскимъ, бывшимъ Французскимъ Посланникомъ въ Княжествѣ Варшавскомъ (*).

(10 го Декабря 1812 года.)

„Дюкъ Виченскій (Коленкуръ) позвалъ меня къ Императору. Онъ пріѣхалъ на бѣдныхъ полуразвалившихся саняхъ, съ прикрѣпленнымъ небольшимъ ящикомъ подъ козлами, и остановился въ hotel d'Angletterе (по просту, въ Англійскомъ трактирѣ), чтобы не быть узнаннымъ. Вся свита его состояла изъ Лефебръ-Денуета, другаго офицера, мамелюка Рустана и одного слуги, которые путешествовали на двухъ открытыхъ саняхъ. „Гдѣ армія?“ идучи спросилъ я Коленкура. — Арміи нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, и поднялъ глаза къ небу. — Вошедши, увидѣлъ я Императора въ прекрасной зеленой шубѣ съ золотыми снурками, въ теплой шапкѣ и въ толстыхъ сапогахъ изъ мѣху. Онъ при-

(*) Изъ Histoire de l'ambaſsade dans le Duché de Varsovie en 1812 par M. de Pradt, Archevêque de Malines et alors Ambassadeur à Varsovie. Съ Епиграфомъ: Discite justitiam moniti et non temnere *reges*. (Paris 1815). И мы попытаемся перевести сей классической разговоръ великаго мужа. *Рдр.*

вилъ меня въ сильномъ движенïи, и спросилъ съ самаго начала: „Что здѣсь дѣлается?“ — Я описалъ ему состоянïе и расположенïе Поляковъ. — „Ну, такъ чегожъ они хотятъ?“ спросилъ онъ. — Быть Прусаками, ежели нехотятъ Поляками оставаться. — „Почемужъ бы еще и не Русскими,“ воскликнулъ онъ съ бѣшенствомъ. Потомъ говорилъ о новомъ сопротивленïи Русскимъ, о 10,000 Польскихъ козаковъ, которыхъ стоитъ только снабдить лошадьми и копьями, — объ Австрïйскомъ корпусѣ, о Саксонцахъ и проч. и приказалъ мнѣ явиться въ три часа (послѣ его обѣда) съ Графомъ С. П. и съ Министромъ финансовъ. Мы приняты были ласково. Товарищи мои заговорили объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Тутъ закричалъ онъ вдругъ: „Опасностямъ? Ничего не бывало. Я живу въ движенïи. Чѣмъ больше я шатаюсь, тѣмъ лучше себя чувствую. Только лѣнивцы жирѣютъ въ своихъ чертогахъ; а я тучнѣю на лошади и въ лагерѣ. (Между тѣмъ онъ весьма часто перерывалъ себя повторенïемъ словъ: отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ, du sublime au ridicule il n'y a qu' un pas.) Мнѣ еще не совсѣмъ худо; у меня есть еще прекрасная сто двадцатитысячная армïя. Я вездѣ билъ Русскихъ. Въ Вильнѣ будетъ держаться

Король Неаполитанскій. Я приведу 300,000 человѣкъ. Побью Русскихъ два, или три раза при Одерѣ, и черезъ шесть мѣсяцовъ опять буду надъ Нѣменемъ. Мои слова имѣютъ болѣе вѣсу на тронѣ, нежели передъ арміей; неохотно ее оставляю, но я долженъ наблюдать за Австріей и Пруссіей: на тронѣ я имѣю болѣе напряженія, нежели когда бы остался при арміи. Что случилось, ничего незначитъ; ето несчастіе, слѣдствіе холода. Меня хотѣли отрѣзать при Березинѣ. Я имѣлъ хорошее войско и пушки; позиція была прекрасная; 1500 саженей болота и одинъ футъ. . . . (послѣднія слова произнесъ онъ дважды). — О, со мною не то случалось. Подъ Маренго вечеромъ въ 6 часовъ меня побили; а на другой день по утру я господинъ Италій. Въ Есслингенѣ по утру сдѣлался я господиномъ Австріи; Дунай поднялся на 16 футовъ; побѣда не помогла мнѣ; но на небѣ написано было, чтобы я женился на Ерцъ-Герцогинѣ Австрійской. (Ето произнесъ онъ съ веселымъ духомъ.) Такъ равно и въ Россіи не могъ я приказывать снѣгу и морозу. Въ каждое утро приходили ко мнѣ съ донесеніемъ, что ночью 10,000 лошадей замерзло; что было дѣлать? счастливой путь! (Ето повторилъ онъ пять, или шесть разъ.) Наши Нормандскія лошади не столь крѣпки, какъ Рус-

скія; онѣ не выдерживаютъ 9 градусовъ мороза; такъ и люди. Спросятъ, что сдѣлалось съ Баварцами? ни одинъ не ворошился. . . Здѣсь все политическая комедія. Ни на что не отваживаясь, ничего не выиграешь. Отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Русскіе показали свою храбрость: АЛЕКСАНДРЪ любимъ народомъ; у нихъ цѣлыя стада козаковъ. Народъ добръ. Крестьяне любятъ Отечество. Дворянство ополчилось. И кто могъ бы предсказать пожаръ Московскій? Теперь говорятъ они, будто мы зажигали; а они сами тому причиною. Подвигъ достойный Римлянъ" и проч. и проч. — Послѣ того Цезарь возсѣлъ на свои изломанныя сани и отправился далѣе. — —

(Изъ Берл. вѣд.)

IV. СМѢСЬ.

Кавказскія минеральныя воды.

(Отрывокъ изъ письма, отъ 30 Іюля.)

. . . Для чегожъ ѣздятъ къ минеральнымъ водамъ въ чужія земли? Искать забавъ, разсѣянности, и съ малою пользою для здоровья, дѣлать большія издержки. — Въ разсужденіи Кавказскихъ водъ замѣчу еще, что если иногда неполучаютъ желаемаго облегченія — не воды, но обстоятельства довольно важныя тому причиною: собственная неосторожность, весьма невыгодное помѣщеніе и недостатокъ свѣдущаго руководителя при употребленіи оныхъ. За всѣмъ тѣмъ, объѣздивши большую часть минеральныхъ водъ за границею, ни гдѣ неслучилось мнѣ видѣть толь многихъ и важныхъ примѣровъ исцѣленія.

Говоря о житьѣ нашемъ, начну съ теплыхъ водъ.

Ежели лагерь здѣшній небросается въ глаза великолѣпіемъ, за то въ немъ есть нѣчто весьма оригинальное. Тутъ видишь-

и порядочные домы, и нарядные наметы, и закоптѣлыя будки, и шалаши, и подземныя норы; тутъ находишь — кромѣ Русскихъ, — Нѣмцовъ, Грузинъ, Французовъ и полуфранцузовъ, Калмыковъ, Грековъ и проч. Ето разнообразїе предметовъ и лицъ есть зрѣлище несовсѣмъ обыкновенное!

Воды горячїя, дѣйствуя испариной, особенно на первыхъ порахъ приводятъ въ разслабленїе, — и потому здѣсь только и рѣчей, что жалобы на слабость, изнеможенїе; только и хлопотъ, чтобъ изъ ванны скорѣй запряшаться въ постель. — Осторожность отъ простуды наряжаетъ насъ пользующихся въ самые странные костюмы. Если вы любопытны, я укажу вамъ, вотъ, на примѣръ, фигуру въ косматой буркѣ, съ торчащимъ на головѣ башлыкомъ: ета фигура, опираяся на клюку, въ 10 минутъ едва дѣлаетъ 30 шаговъ. Вотъ другая, тихо везомая на дровняхъ, закутанная въ безчисленное множество платковъ, простынь, полотенецъ. Вотъ третїя уныло тащится на клячѣ, въ огромномъ капишонѣ, въ чепцѣ, колпакѣ, съ пластыремъ на глазу, или на носу. Вотъ и четвертая, вотъ и еще многїя, коихъ не могу хорошо разглядѣть, и коихъ карриkатурные виды навели бы вамъ грусть. Но согласитесь, гдѣ дѣло идетъ о здоровьѣ,

тамъ щегольство не у мѣста, и многіе непослушные сей истинѣ заплатили за то дорого.

Хотите ли прокатиться со мною на кислыя воды, или, какъ Черкесы называютъ, на воды богатырскія? Онѣ отъ теплыхъ верстъ за 40, въ горахъ. — Здѣсь сцена перемѣняется. Тѣ же самые люди, кои едва двигались на водахъ теплыхъ, чрезъ нѣсколько времени по прибытіи сюда бѣгаютъ въ запуски, взбираются безъ отдыха на крутизны горъ, кушаютъ за четверыхъ — и всякой готовъ записаться въ рыцари. Кислыя воды отмѣнно укрѣпляютъ, при томъ они такъ пріятны! Примѣшаешь ли къ етой водѣ малиноваго морса — выйдетъ наслажденіе, роскошь для вкуса, и мнѣ кажется, если бы Боги древности были поделикатнѣе, поутонченнѣе, на вѣрное, оставя свой нектаръ, ухватились бы за етотъ пріятный напитокъ.

Мы живемъ здѣсь весело: всякой день музыка, пѣсельники, гулянье, бостонъ; иногда случаются парадные обѣды, танцы, ужины — формальный балъ; иногда, собравшись партіей, ѣздимъ или на охоту, или осматривать достопамятныя мѣста въ окрестностяхъ здѣшнихъ. Вчера, на примѣръ, мы сдѣлали одно изъ путешествій

самыхъ пріятныхъ: мы ѣздили осматривать положеніе древней крѣпости Бургусантъ, верстахъ въ 20 отъ кислыхъ водъ. Сенаторъ Ф. М. Б. съ дамами семейства своего, находяся въ головѣ колонны нашей, располагалъ маршемъ, и ѣхалъ, по слабости здоровья, на дрожкахъ; между тѣмъ дамы — повѣрите ли етому? — не взирая на чрезвычайный жаръ, имѣли бодрость свершить весь вояжъ верхомъ! — Прекрасная долина, по которой извивается рѣзвой Подкумокъ, и которою нѣкогда проходили воины Помпеевы, привела насъ наконецъ къ цѣли нашего любопытства. Мы увидѣли передъ собой крутую, ужасную гору — и, оставя лошадей, большею частію пустились пѣшкомъ; ето однакожъ не испугало нашихъ дамъ. Съ большимъ трудомъ могли мы отыскать маленькую въ утесахъ тропинку, къ вершинѣ ведущую; съ чрезвычайнымъ утомленіемъ взобрались на плоскость, коронующую ето неприступное положеніе, гдѣ — по словамъ Черкаскихъ Князей, насъ провожавшихъ — никто еще изъ любопытныхъ небывалъ. Вершина горы, имѣя окружности около 3 верстъ, со всѣхъ сторонъ обведена каменнымъ утесомъ. Невидно тутъ никакихъ развалинъ, никакихъ остатковъ жилищъ; съ трудомъ можно примѣтить слѣды основаній, заросшихъ высокою травою. — На

счетѣ сей твердыни преданіе страны говоритѣ довольно сбивчиво; впрочемѣ, невходя вѣ историческія розыски, я хочу пересказать только о нашемѣ вояжѣ. — Налюбовавшись живописными видами сѣ высотѣ Бургусантскихѣ, кое-какѣ спустились мы обратно внизѣ. — Вѣ нѣкоторомѣ разстояніи отсюда, на берегу шумящаго Подкумка, подѣ раскинутымѣ наметомѣ ожидалѣ насѣ почтенный Сенаторѣ сѣ гостепріимствомѣ, ему свойственнымѣ. Мы возлегли на бархатной муравѣ вокругѣ разостланныхѣ скатертей. — Какая блаженная минута, когда послѣ чрезвычайной усталости, отдыхая подѣ тѣнію вѣ кругу приятной бесѣды, и чувствуя притомѣ добрый аппетитѣ, находишь передѣ собою роскошную трапезу! . . Даже Князья Черкаскіе и Калмыцкіе, насѣ провожавшіе, оставя обыкновенную угрюмость свою, развеселились сѣ нами. — На возвратномѣ пути вѣ кисловодской станѣ мы забавлялись зрѣлищемѣ, и участвовали вѣ военныхѣ забавахѣ нашей ескорты. . . .

Влад. Чрнв.

Къ Нижегородскимъ жителямъ (*).

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Мы дѣти матушки Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрой вихрь промчались вы!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Чадъ, братій нашихъ кровь дымится
И стонетъ съ ужасомъ земля;
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Святые храмы оскверненны,
Сокровища расхищены,
Жилища въ пепелъ обращенны;
Скитаться мы принуждены!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Давно ли славою сіяла,
Своей гордилась красотой,

(*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ стихи, которыхъ только начало напечатано было въ предшедшемъ нумерѣ. Другое преимущество сего стихотворенія состоитъ въ томъ, что Поетъ сдѣлалъ въ немъ значительныя поправки противу прежняго изданія. Рдр.

Какъ нѣжна мать насъ всѣхъ питала;
Москва! что сдѣлалось съ тобой?
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Тебѣ-ль платить позорны дани,
Подъ игомъ пришлеца страдать?
Отмсти за насъ, Богъ сильный брани!
Не дай ему торжествовать!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!
Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна!
Погибнетъ онъ! Богъ Русскій грянетъ,
Россія будетъ спасена!

В. Пушкинъ.

Нижній-Новгородъ.

1812 года Сентября 20го дня.

Извѣстія и замѣчанія.

Послѣ толикихъ бѣдствій, послѣ ужасныхъ опустошеній войною причиненныхъ, настаетъ благословенное время мира. Надежда друзей тишины и человѣческаго рода не сомнительна. Высокіе Союзники, пожавши безсмертные лавры побѣдъ и показавъ неслыханные примѣры великодушія, соединенными силами истребляютъ зло въ самомъ его началѣ. Производимые нынѣ мирные переговоры, какъ по всему видно, примутъ рѣшительный оборотъ; поелику побѣдители твердо рѣшились употребить приобрѣтенныя ими выгоды на приведеніе Франціи въ такое состояніе, чтобы она не могла впредь нарушать мира. Австрія и Пруссія, какъ говорятъ, твердо настоятъ на томъ, чтобы въ предѣлахъ Франціи учинена была существенная перемѣна, особенно же въ разсужденіи главныхъ крѣпостей ея со стороны Германіи и Нидерландовъ. Еще увѣдомляютъ, что и нѣкоторые изъ Членовъ Англійскаго Министерства возстали противъ системы кротости, принятой вдругъ въ разсужденіи Франціи, и что по сей-то причинѣ и Лордъ Кастельригъ отправляется въ Лондонъ, дабы лично условиться тамъ о нѣкоторыхъ пунктахъ, разрѣшеніе коихъ посредствомъ переписки было бы затруднительно. Сверхъ того пишутъ, что отъѣздъ Герцога Бурбонскаго и съ нимъ еще одного Дипломатическаго лица въ Лондонъ съ окончательнымъ трактатомъ между Франціею и Союзниками воспослѣдуетъ *непремѣнно*.

Хотя еще заподлинно и не извѣстно, въ чемъ состоять должны пожертвованія Франціи;

однакожъ можно предвидѣть, что они будутъ весьма значительны. Еще въ прошломъ мѣсяцѣ Король повелѣлъ собрать въ видѣ чрезвычайной военной подати сто милліоновъ франковъ, которые распишутся на знатнѣйшихъ купцовъ, помѣщиковъ и капиталистовъ, и къ 15 Ноября должны быть окончательно собраны. Предварительно увѣряютъ, что Франція должна будетъ нѣкоторыя крѣпости уступить Союзникамъ навсегда, а другія, въ томъ числѣ *Мецъ* и *Лилль*, останутся въ ихъ власти вмѣсто залога до того времени, когда она заплатитъ военную контрибуцію. Въ Вѣнѣ носится слухъ, что Ельзасъ и Лотарингія возвратятся Австрійскому Дому; только не будутъ присоединены къ Императорскимъ областямъ, но отдадутся во владѣніе Ерцъ-Герцогу *Карлу*. Между тѣмъ, по извѣстіямъ изъ Парижа, многія повозки, нагруженныя звонкою монетою, отсылаются оттуда въ Пруссію. Разумѣется, что Парижане весьма не довольны остаются такими распоряженіями; но нѣчего дѣлать, пришлось расплачиваться. Они должны привести себѣ на память, какіе Пруссія понесла по ихъ милости убытки, которые, по сдѣланному исчисленію, простираются свыше 1,200 милліоновъ ливровъ, неупоминая о тѣхъ обидахъ, за которыя ничѣмъ вознаградить не возможно!

Казалось бы, что пора уже Французамъ опомниться, пора искреннимъ раскаяніемъ и добрыми поступками вновь заслуживать уваженіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Нѣтъ, они продолжаютъ отличаться революціонными замашками. Вотъ статьи, которыя свидѣтельствуютъ, что Французы долго еще дол-

ны оставаться подъ лозою: „Августа 12го (н. ст.) открытъ въ Парижѣ новой заговоръ, коего исполненіе назначено было 15го числа (въ день рожденія Наполеона). Увѣряютъ, что злоумышленники для произведенія большаго безпорядка изготовили до 1000 Англійскихъ и Прусскихъ мундировъ и что у нихъ было уже въ рукахъ 6 пушекъ. — Для соблюденія всеобщей безопасности приняты въ Парижѣ еще дѣятельнѣйшія мѣры: число войскъ усилено и по бульварамъ около города разставлено, какъ сказываютъ, до 600 пушекъ.“ Далѣе въ одной статьѣ изъ Парижа пишутъ, „что въ здѣшней столицѣ за нѣсколько дней предъ симъ не совсѣмъ было спокойно, доказываетъ между прочимъ и то, что расположенныя въ Булонскомъ лѣсу Ганноверскія войска неоднократно выходили изъ онаго ночью и стояли подъ ружьемъ. Парижскіе жители удивляются, что Англичане умножаютъ войска свои на *Монмартрѣ*; но важность сей позиціи каждому извѣстна. Она не только защищаетъ Парижъ отъ непріятельскаго нападенія; но также угрожаетъ и самому сему городу, ежели произойдутъ въ немъ какія либо безпокойства.“

Продолжимъ еще наши выписки: „Въ Дравиньянѣ открытъ недавно клубъ Буонапартистовъ. Въ немъ найдено знамя съ надписью: *Императоръ, или смерть*!“ — Дюкъ Ангулемской и супруга его были въ величайшей опасности въ городѣ Поатье. Бѣшеные солдаты Лоарской арміи (*)

(*) Не смотря на распространенные слухи, что Лоарская армія разошлась, извѣстно, что многіе корпусы оной стоятъ еще понынѣ въ разныхъ мѣстахъ!

собралисв передъ дворцемъ, кричали *долой Ангулемскую! долой Бурбоновъ*; старались вломиться въ двери и снять бѣлый флагъ съ дворца. Вѣрные жители города выпроводили Дюка и Дюшессу изъ заднихъ дверей. Они теперь въ Парижѣ. Въ дополненіе всего прибавимъ въ короткихъ словахъ, что Французы въ городахъ, крѣпостяхъ, деревняхъ и даже на большихъ дорогахъ показываютъ, что они еще неразучились ремеслу бывшаго своего атамана. А это уже и свидѣтельствуетъ, что желанія Французовъ, видѣть отшествіе союзныхъ войскъ, нескоро придутъ въ исполненіе. Число оныхъ напротивъ ежедневно умножается какъ въ Парижѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Прибытіе корпуса Генерала *Тауенцина* было для нихъ громовымъ ударомъ. Не менѣе удивляетъ ихъ и то, что Прусаки съ такою неусыпностію берутъ приступомъ одну крѣпость за другою. — Нѣкоторыя крѣпости хотятъ похрабриться и выставляютъ *красное* знамя — то есть, не на животъ, а на смерть! Но это не что иное какъ Французская *фанфаронада*!

Дѣла пойдутъ совсѣмъ иначе, когда безпокойныя головы узнаютъ, какъ правительство поступаетъ съ людьми ихъ разбора. Полковникъ Лабедойеръ, подавшій примѣръ въ измѣнѣ противъ законнаго Государя, понесъ достойную казнь: онъ разстрѣлянъ. Маршала Нея, надъ которымъ производится уже военный судъ, ожидаетъ та же участь. Со всѣхъ сторонъ пишутъ къ Королю вѣрные его подданные, умоляя его, чтобы истреблялъ измѣнниковъ.

— По благополучномъ окончаніи войны Англія предполагаетъ значительно уменьшить морскую свою силу въ Европѣ. За то въ Остъ-Индіи она примѣтно увеличивается. Въ Азіи происходятъ дѣла чрезвычайной важности. Англичане приобрѣли тамъ цѣлое государство. Весь обширный островъ Цейлонъ объявленъ собственностію Англичанъ. Вразсужденіи же другихъ происшествій пишутъ изъ Лондона слѣдующее:

,,Въ здѣшнихъ Придворныхъ Вѣдомостяхъ напечатаны оффиціальныя донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ, производимыхъ въ Восточныхъ Индіяхъ противъ Напаульскаго Раяга. Вторженіе во владѣнія, принадлежащія Индѣйской Компаніи и ея союзниковъ, убійство многихъ Индѣйскихъ чиновниковъ, находившихся подъ покровительствомъ Компаніи, отравленіе ядомъ колодезей, изъ которыхъ стоявшія близъ *Саму* войска брали воду, были причинами, которыя принудили Лорда Мойру, Генералъ-Губернатора въ Восточныхъ Индіяхъ, объявить войну Раягу 1го Ноября 1814 года. Война сія производима была съ разнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ. Многія изъ нашихъ дивизій потерпѣли пораженіе; но дивизія Генерала Охтерлона одержала побѣду. Раягъ дѣлалъ сильное сопротивленіе, хотя онъ и весьма чувствовалъ, что ни коимъ образомъ не можетъ вести продолжительной войны противу Англійскихъ силъ.‘‘

О Буонапартѣ идутъ разные толки. Нѣкоторыя газеты оппозиціи предсказываютъ скорое освобожденіе злодѣя, то есть что онъ можетъ вдругъ скрыться, уѣхать въ Восточ-

нюю Индію, въ Южную Америку и проч. Но инструкція, данная коммандующему при острове Св. Елены Адмиралу, кажется достаточною предупредить всѣ покушенія. Притомъ же объявлено и Министрамъ Союзныхъ Державъ, что *никакое иностранное судно не можетъ имѣть никакого сообщенія* съ островомъ Св. Елены. Другія вопіютъ, что съ великимъ Наполеономъ поступлено вопреки всякой справедливости; что ему должно бы позволить остаться въ Англіи; что онъ содержится подъ стражею противъ правила habeas corpus. Напротивъ того въ газетѣ Times весьма не одобряютъ, что мѣстомъ пребыванія для Буонапарта выбранъ островъ *Св. Елены*. Никакой островъ, говорятъ они, не льзя почесть такимъ мѣстомъ, гдѣ бы надежно и безъ всякаго опасенія можно было содержать государственнаго преступника. Ежели ужаснаго палача рода человѣческаго не хотятъ наказать уже давно заслуженною имъ смертною казнію, то надлежало бы по крайней мѣрѣ обременить его тяжкими оковами и ввергнуть въ подземную тюрьму, гдѣ бы его не освѣщали ни солнце, ни луна, и никто бы неимѣлъ къ нему доступа, кромѣ одного священника, который употребилъ бы все свое стараніе, не льзя ли какимъ образомъ возбудить въ кровожадной душѣ его искреннее раскаяніе въ содѣянныхъ имъ безчисленныхъ злодѣйствахъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

Разныя извѣстія.

Г. Прадтъ въ описаніи своего посольства въ Герцогствѣ Варшавскомъ говоритъ между прочимъ, что въ Ноябрѣ 1811 года Буонапартъ сказалъ ему: „Чрезъ пять лѣтъ я буду обладателемъ всего свѣта; остается одна только Россія: но я раздавлю ее. Я велю каждый годъ строить по 15 линейныхъ кораблей; какъ скоро число ихъ дойдетъ до 150, то немедленно выдутъ они въ море. Я буду предписывать законы какъ на моряхъ, такъ и на сушѣ; вся торговля пойдетъ чрезъ мои руки. Тогда предѣлы Парижа распространятся до Сенъ-Клу.“

— Собраніе хранившихся въ Парижскомъ Музеумѣ картинъ уменьшается ежедневно. Австрійцы, Прусаки и Нѣмцы вывозятъ оттуда все то, что имъ принадлежало. Такой же участи ожидаетъ и библіотека. Всѣ отнятыя Французами у другихъ государствъ и въ оной нынѣ хранящіяся рукописи, рѣдкія книги, искуственныя произведенія, возвратятся прежнимъ законнымъ ихъ владѣльцамъ. Белгія требуетъ обратно знаменитыхъ картинъ Фламандской школы. Тамошнее правительство уже сдѣлало требованіе о возвращеніи досокъ

Феррарiевой карты Нидерландовъ, также рукописей Юстiя-Липсiя и Бургундской библiотеки. Но статуя Принца Карла Лотарингскаго, похищенная и въ Парижъ привезенная въ 1794 году, перелита уже въ пушки.

Увѣдомленiе о бѣдной женщинѣ.

(Письмо къ Редактору.)

Бывъ недавно командированъ для присоединенiя къ нашей православной церкви бѣдной Порутчицы Католическаго исповѣданiя Дарьи Ивановны Никитиной, за болѣзнiю ея къ ней въ квартиру, Боже мой! что я нашелъ? Я нашелъ больную, забытую всѣми — кромѣ одной вдовы, содѣйствовавшей обращенiю ея — окруженную четырьмя малютками, непонимающими горестной участи своей и настоятельно требующими себѣ ѣсть и пить отъ прикованной къ постелѣ матери! — Къ умноженiю болѣзни ея, она болѣе осьми мѣсяцовъ несчастнымъ случаемъ разлучена и съ мужемъ своимъ. Православные Россiяне! она 13 Сентября со священною жадностiю приняла исповѣданiе церкви нашей, и тѣмъ, кромѣ человѣчества въ ней страждущаго, обязала насъ ми-

сленно посѣтить, по заповѣди Хрістовой, страждущій нашъ сочленъ; и излить на него елей состраданія и милостыни. Поспѣшимъ!..

Поспѣшите, Милостивый Государь мой! припечатаніемъ сего въ листкахъ вашихъ, и умножьте число обязанныхъ вамъ, изъ коихъ и я, *и проч.*

К. К. Т. С. К—ръ. Пр. Крлл.

Сентября 15, 1815.

Калуга.

P. S. Кому угодно будетъ помочь несчастной, тѣ да благоволятъ относиться, для скорѣйшаго доставленія, въ Калугу на имя Его Благородія Г. Помощника Почтмейстера Ивана Васильевича Бѣлескаго.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Истинная дружба.

Недалеко отъ столицы, въ нѣкоторомъ пріятельскомъ обществѣ, гдѣ чтеніе было самою обыкновенною забавою, вниманіе бесѣдующихъ остановилось на *Спискѣ друзей Адама Н.* (*) Целестина, дѣвица до чрезвычайности чувствительная къ удовольствіямъ дружбы, сказала съ горестнымъ изумленіемъ: „И такъ всѣ на свѣтѣ друзья ложны, между тѣмъ какъ я все счастіе свое находить могу въ одной дружбѣ! Слѣдственно я никогда не могу быть счастливою, ежели слова Адама справедливы! Но они меня никакъ неубѣжда-

(*) Повѣсть сія помѣщена недавно въ *Вѣстн. Евр.*, No 16, стр. 300 — 304.

ютъ. Восхитительное чувство дружбы, дарованное намъ самою природою, есть неотъемлемая собственность всего человѣческаго рода. Жаль, что Адамъ въ своемъ *Спискѣ друзей* не изъясняетъ, что такое истинная дружба; очень жаль, что онъ, вмѣсто уменьшенія друзей, не предлагаетъ лучше способовъ умножить число сихъ любезныхъ существъ, безъ которыхъ жизнь есть или ничто, или несносное бремя."

Собесѣдники, уважая добродѣтельную заботу Целестины, поручили Валеріану успокоить сестру свою. Юноша сей, еще съ младенчества удивлявшій всѣхъ своимъ остроуміемъ, и наконецъ вышедшій изъ Университета съ отличнѣйшимъ одобреніемъ за успѣхи въ наукахъ, долженъ былъ подробно изъяснить, въ чемъ состоитъ истинная дружба.

Со скромнымъ видомъ и съ откровенностію, просвѣщенному юношѣ приличною, Валеріанъ отвѣтствовалъ: Милая сестрица! я знаю, что твой разумъ математическими изслѣдованіями приученъ къ основательности и связи; и потому трудно мнѣ будетъ успокоить тебя совершенно; но я долженъ исполнить требованіе почтеннѣйшей бесѣды. Приязнь, источ-

никѣ дружбы, есть взаимное между людьми доброхотство. Ее можно раздѣлить на три рода: приязнь по нуждѣ, или политическая, — приязнь по вкусу, или естетическая, — приязнь по разуму, или нравственная. Первая соединяетъ всѣхъ людей для взаимной помощи въ жизни; другая соединяетъ двухъ человѣкъ или болѣе по чувству уваженія; третья основывается на взаимномъ свободномъ сообщеніи мыслей и чувствованій — ето дружба. Политическую приязнь питаютъ къ намъ ремесленники и всѣ тѣ люди, которые въ насъ имѣютъ нужду, равно какъ и мы въ нихъ, и она основывается единственно на своекорыстіи; приязнь зависящая отъ вкуса и чувства непостоянна подобно облакамъ, носящимся по горизонту и скоро исчезающимъ; но приязнь нравственная, достойная названія истинной дружбы, неподлежитъ никакимъ перемѣнамъ, не поколебимо стоитъ на своемъ основаніи, среди различныхъ темпераментовъ и мнѣній: питать въ себѣ могутъ ее истинные почитатели добродѣтели, которая соединяетъ ихъ взаимными узами благихъ нравовъ.

Ахъ, братецъ любезный! — воскликнула Целестина, съ горячностію обнявши Валеріана: — ты и радуешь меня и удивляешь! Въ немногихъ словахъ ты такъ

удачно показалъ великїй и прекрасный образъ истинной дружбы. Скажи же мнѣ теперь, есть ли какой нибудь способъ увеличивать число друзей? — „Есть, и самый вѣрный: кто хочетъ имѣть друзей, тотъ напередъ долженъ быть способнымъ къ истинной дружбѣ, основанной на любви къ мудрости и добродѣтели, на желанїи блага роду человѣческому, на отчужденїи себя отъ всѣхъ видовъ своекорыстїя, на умѣньи распознавать людей, тѣми же свойствами одаренныхъ.“

О, теперь знаю, — сказала Целестина съ видомъ спокойнымъ и веселымъ: знаю, почему у Адама друзей было такъ немного! Одно изъ двухъ: или самъ онъ, или помѣщенные въ спискѣ его друзья неимѣли тѣхъ свойствъ, которые ты исчислилъ. Теперь понимаю, какїе люди обыкновенно соединяются естетическою дружбою, и какїе нравственною. Мнѣ пришло на мысль, что одинъ изъ сосѣдовъ нашихъ, совершенно чуждый тѣмъ рѣдкимъ отличїямъ, весьма часто говоритъ о множествѣ друзей своихъ, и хвалится знанїемъ тайны приобрѣсти дружбу всякаго, по своему желанїю.

И мнѣ онъ извѣстенъ, отвѣчалъ Валерїанъ. Етотъ человѣкъ вовсе незнаетъ

людей; онъ не полагаетъ различія между друзьями и знакомыми. Кто хвалится множествомъ друзей, тотъ обнаруживаетъ неспособность свою къ истинной дружбѣ, необходимо требующей согласія въ правилахъ, и даже охоты къ частымъ пожертвованіямъ; а ето между людьми рѣдко встрѣчается вмѣстѣ. Сверхъ того, одаренные способностію къ истинной дружбѣ, не только не раздаютъ ее щедро всѣмъ и каждому, но напротивъ стараются только достойнѣйшихъ содѣлать въ ней участниками, и тѣмъ возвысить ея цѣну.

Такъ и должно — прибавила Целестина: было бы весьма неблагоразумно разбрасывать бисеръ и дорогіе камни; а истинная дружба и ихъ дороже: безъ тѣхъ можно счастливо прожить въ свѣтѣ, а безъ дружбы жизнь была бы гробомъ. — „Право такъ, сестрица! Необыкновенные люди часто попадаютъ на однѣ мысли. Точно такъ думаетъ и великій Баконъ, которой говоритъ: люди, чувствующіе необходимую потребность въ дружбѣ и неумѣющіе найти себѣ друга, изнуряютъ сердце свое безпрестанною тоскою.“

Послѣ короткаго размышленія Целестина сказала, вставая съ мѣста: знаю, что дѣлать. Въ скоромъ времени всѣ мои

приятельницы, даже всѣ мои знакомки свѣдаютъ, что такое есть истинная дружба . . . по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что меня выслушаютъ . . . Но еще одинъ вопросъ, братецъ: Научи меня, какъ должно обходиться съ истинными друзьями? — „Обязанности дружбы трудны" отвѣчалъ Валеріанъ; „вотъ онъ вообще: услужливость, скромность, искренность, ежедневное стараніе дѣлаться лучшимъ предъ глазами друга, осторожность отъ причиненія обиды, кроткое поправленіе ошибки друга, нежеланіе употреблять во зло его благотворительности и не частое требованіе оной; готовность помогать другу въ нуждахъ безъ всякаго вызова; еще истинная дружба требуетъ веселаго духа, спокойствія чувствъ и рѣдкаго дара хвалить болѣе чужія достоинства нежели свои собственныя." — Никогда, ни въ одинъ день всей моей жизни, — сказала Целестина, идучи прочь, — не научилась я столько, какъ сегодня; теперь тяжесть упала съ моего сердца, и я спокойна! —

(*Переводъ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ друзьямъ отдаленнымъ.

(Флотбекъ, дача близь Альтоны, 20 Мая 1814 года.)

За чѣмъ я преплывалъ моря необозримы,
Столицы славныя въ Европѣ посѣщалъ?
За чѣмъ? — съ собой неразлучимый,
Иль счастья моего я *внѣ себя* искалъ?
Я видѣлъ зданія чудесны,
Въ туманахъ горы близь-небесны,
Теченье величаво рѣкъ;
Я зрѣлъ, — какъ человѣкъ,
Трудомъ, науками, искусствомъ,
Стихіи грозны побѣждалъ; —
Я съ тайнымъ, вожделѣннымъ чувствомъ
Красы природы созерцалъ;
Колѣна преклонялъ предъ храмомъ просвѣщенья;
Я зрѣлъ событія, достойны удивленья;
Я наблюдалъ, я сравнивалъ, хвалилъ....
Но счастья *прежняго* ни гдѣ не находилъ!...
Отъ всѣхъ, кто милы мнѣ, судьбою отдаленный,
Средь общества — одинъ, въ шуму — неразвлеченный,

Прошедши радости могуль я замѣнить?
Могуль *по прежнему* веселью предаваться,
Какъ прежде чувствовать, какъ прежде наслаждаться? —
Зрѣвъ *лучшее* вдали . . . гдѣ могъ я счастливъ быть? —
Въ бесѣдахъ, въ торжествахъ, толпою окруженный,
Въ блестящихъ зрѣлищахъ, въ собраньяхъ, на пирахъ,
Я съ тайной скорбію, въ унынье погруженный,
Смотрю въ туманну даль . . . живу — въ однѣхъ мечтахъ. . . .
Ахъ! сердце, въ сиротствѣ, ни гдѣ не веселилось! . . .

Какъ все окрестъ меня перемѣнилось!
Разсѣянъ кругъ родства,
Подруга — въ сокрушеньи,
Друзей — иныхъ ужь нѣтъ, другіе — въ отдаленьи. —
Въ развалинахъ Москва! —
О часъ свиданья, часъ желанный,
Когда настанетъ для меня?
И свѣтлаго дождусь ли дня,
Когда я гость, тобою жданный,
Алина! милой, нѣжной другъ!
Въ часъ тихаго мечтанья, вдругъ
Къ тебѣ предстану восхищенный,

Какъ будто жизнью обновленный? —
Въ восторгѣ ближніе — семья;
Ты слезы радости, Алина, проливаешь,
Печали прежнія въ восторгахъ забываешь —
Я буду счастливъ... Но гдѣжъ вы, мои друзья?
Гдѣ спутники мои, гдѣ вы, гдѣ незабвенны?
Гдѣ юный другъ Неандръ? гдѣ милой Филалетъ?
Намъ нѣтъ свиданья, разлученны!...
И радости, мечты, надежды юныхъ лѣтъ,
Какъ исчезаетъ сонъ въ минуту пробужденья,
Прошли — и нѣтъ имъ возвращенья...

В. Филимоновъ.

Вопросъ.

Когда не безъ души Михей,
То что онъ чувствуетъ, взирая на чертоги,
Сокровищъ полные, гдѣ сотни двѣ людей
Отъ скупости его чуть чуть таскаютъ ноги?

Кн. Ш — въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О супружестве Арабовъ и о домашней ихъ жизни.

Европейцы ошибаются, думая, что супружеское состоянїе у Могаммеданъ совсѣмъ не то, что у Хрїстїанскихъ народовъ. Я не примѣтилъ столь большой разности въ Аравїи, и женщины сей страны показались мнѣ столь же свободными и счастливыми, какъ женщины въ Европѣ.

Правда, что многоженство позволено Могаммеданамъ; но Арабы рѣдко пользуются правомъ имѣть четырехъ законныхъ женъ и содержать еще невольницъ. Одни только богатые сластолюбцы имѣютъ многихъ женъ; но и ето непохваляется. Умные люди почитаютъ даже ето право болѣе тягостнымъ, нежели прiятнымъ. Мужъ обязанъ по закону содержать женъ своихъ сообразно съ ихъ состоянїемъ и совершенно одинаково, — обязанность весь-

ма тягостная для большей части Музульманъ, и роскошь разорительная для Арабовъ, обыкновенно не весьма достаточныхъ!

Разводъ, о которомъ мысль столь ненавистна для женскаго пола въ Европѣ, не такъ употребителенъ на Востокѣ, какъ воображаютъ. Безъ самыхъ сильныхъ причинъ Арабы никогда не пользуются правомъ бросать жену, потому что сей поступокъ считается постыднымъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые заботятся о добромъ своемъ имени; жены имѣютъ впрочемъ также право требовать развода, если мужья съ ними худо поступаютъ.

Рѣдко Арабъ съ посредственнымъ состоянїемъ имѣетъ у себя болѣе одной жены; и даже самые знатные довольствуются очень часто одною только во всю жизнь свою. Богатые люди, будучи въ состоянїи содержать столько женъ, сколько имъ угодно, признавались мнѣ, что они были счастливы только съ одною, начавъ жить со многими.

Арабскїя жены наслаждаются большою свободою и часто имѣютъ большую силу въ домѣ; онѣ остаются госпожами своего приданаго, берутъ его назадъ въ случаѣ

развода и располагаютъ доходомъ съ имѣнія своего во время замужства. Отъ сего обычая происходитъ то, что мужъ, не такъ достаточный, взявши за себя богатую дѣвушку, зависитъ совершенно отъ своей жены, и не смѣетъ ее оставить.

Несправедливо говорятъ нѣкоторые путешественники, будто Могаммеданскія жены суть невольницы и составляютъ такую собственность мужа, что переходятъ во власть его наслѣдниковъ. Они смѣшиваютъ купленныхъ невольницъ со свободными женами, которыя могутъ располагать собою на Востокѣ такъ же, какъ и жены въ Европѣ.

Разсказываютъ много смѣшныхъ повѣстей о знакахъ невинности, которыхъ Арабы требуютъ отъ своихъ молодыхъ женъ; но большая часть сихъ разсказовъ бываетъ увеличена. Бедуины и жители горъ Іеменскихъ, народъ необразованный и полудикій, вмѣняютъ правда въ безчестіе, когда недостаетъ сихъ знаковъ, и считаютъ себя обязанными отсылать жену, у которой ихъ ненаходятъ; — но городскіе жители, будучи гораздо образованнѣе, не пугаются такой бездѣлицы: отъ сего происходитъ только то, что

корыстолюбивый зять иногда заставляетъ тестя увеличить приданое, угрожая отослать назадъ его дочь, — чего однакожъ никогда не случается.

Мы воображаемъ себѣ въ Европѣ, что въ восточныхъ земляхъ великое множество находится евнуховъ для охраненія гаремовъ; въ самомъ же дѣлѣ они не такъ обыкновенны и ихъ совсѣмъ не видно въ Аравіи. Константинопольскій Султанъ одинъ имѣетъ ихъ больше, нежели сколько ихъ есть во всѣхъ его областяхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Посему напрасно почитаютъ Аравію отечествомъ евнуховъ; они происходятъ частію изъ Верхняго Египта; но большая часть выходитъ изъ внутреннихъ и мало извѣстныхъ провинцій Африки. Арабы гнушаются жестокою операціей, которая должна сдѣлать человѣка способнымъ быть стражемъ гарема.

Сіи евнухи, рожденные подъ жаркимъ небомъ, не совсѣмъ отчуждены отъ женскаго полу. Я встрѣтилъ на морѣ, между *Суецомъ* и *Джиддою*, одного евнуха, которой везъ съ собою гаремъ; въ *Басрѣ* слышалъ я, что другой богатой евнухъ сего города содержалъ невольницъ единственно для своихъ удовольствій.

Много писали въ Европѣ о причинахъ многоженства, и воображали себѣ, что въ жаркихъ странахъ число дѣвушекъ гораздо больше числа мальчиковъ. Но я уже замѣтилъ, что многїе народы не пользуются дозволенїемъ имѣть многихъ женъ. Не надобно судить о нравахъ цѣлаго народа по роскоши и пышности знатныхъ. Одно тщеславїе населяетъ серали невольницами, которыя по большей части бываютъ прислужницами весьма малому числу любимыхъ женъ. Число прислужницъ въ Европѣ, осужденныхъ также вести безбрачную жизнь, равняется, или даже превышаетъ число Арабскихъ невольницъ. Не льзя предполагать, чтобы на Востокѣ раждалось болѣе дѣвушекъ, нежели мальчиковъ. Есть весьма сильныя причины думать, что соразмѣрность рожденїя между обоими полами вездѣ почти одинакова.

Безъ сомнѣнїя есть много Могаммеданъ, которые берутъ за себя не одну, а многихъ женъ, и которые имѣютъ сверхъ того невольницъ; но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы тамъ родилось больше дѣвушекъ, нежели мальчиковъ. Многїе случаи похищаютъ немалое число мущинъ, — случаи, которымъ не подвергаются женщины. Онѣ гораздо склоннѣе къ супружест-

ну на Востокѣ, нежели въ Европѣ. По обычаямъ восточнымъ нѣтъ ничего постыднѣе для женщинъ, какъ оставаться безплоднымъ древомъ: самая совѣсть ихъ обязываетъ еще стараться быть матерью; и потому онѣ скорѣе соглашаются выходить за бѣднаго человѣка, или быть второю женою другаго, нежели оставаться въ безбрачномъ состоянїи.

Не въ Аравїи надобно искать жилищъ красивыхъ, или великолѣпныхъ. Каменные домы имѣютъ всегда плоскую крышку, наподобїе террасы. Избы простаго народа, тѣсныя съ круглою кровлею, обыкновенно покрываются особливаго рода травою. Хижины Арабовъ на берегахъ Евфрата построены изъ вѣтвей финиковаго дерева; круглая крышка ихъ сдѣлана изъ плетенаго тростника. Палатки Бедуиновъ имѣютъ видъ развалившейся хижины. Онѣ состоятъ изъ кусковъ грубой матерїи, приготовляемой женщинами.

И домы знатныхъ Арабовъ не показываютъ никакого великолѣпїя снаружи; вы не найдете никакихъ украшенїй въ комнатахъ людей, которымъ извѣстна роскошь только въ оружїи, лошадяхъ и слугахъ. Вездѣ однако полы покрыты, у бѣдныхъ соломенными плетенками, а у бо-

тыхъ прекрасными коврами; никто не входитъ въ горницу, не скинувъ прежде башмаковъ.

Одинъ Французъ хвастался, что онъ поддержалъ достоинство своей нацїи будто бы тѣмъ, что не иначе явился въ приемной залѣ Губернатора Мекканскаго, какъ въ полной своей обуви; это то же, что еслибъ Арабской посланникъ хвастался, будто бы осмѣлился ходить по кресламъ знатнаго чиновника въ Европѣ.

Мущины живутъ обыкновенно въ передней части дома, а женщины занимаютъ отдаленную. Комнаты мущинъ просты; напротивъ того женская половина украшена отмѣнно. Я видѣлъ образецъ сихъ украшенїй въ гаремѣ, которой отдѣлывали для одного вельможи; тамъ была одна комната вся зеркальная: потолокъ, стѣны, двери и пиластры были обложены зеркалами; полы долженствовали быть убраны софами и прекрасными коврами.

Арабы посредственнаго состоянїя, неимѣющїе обширныхъ домовъ, никогда не вводятъ къ себѣ посторонняго человѣка, не вшедши напередъ сами въ домъ, чтобы увѣдомить о томъ женщинъ, крича имъ: *тарикъ*, удалитесь! При семъ словѣ господина въ минуту скрываются всѣ

женщины, которыхъ и слѣдовъ не увидишь у лучшаго своего друга. Тамъ почитается самою большою неучтивостію поклониться женщинѣ, или даже посмотрѣть на нее пристально.

Для избѣжанія необходимости принимать у себя постороннихъ людей, мѣлочные купцы и мастеровые не занимаются ремесломъ своимъ дома; они содержатъ лавки и работаютъ въ многолюдныхъ улицахъ.

Поелику полы бываютъ устланы коврами и подлѣ стѣнъ убраны подушками; то можно сидѣть, не имѣя нужды въ стульяхъ, коихъ употребленіе неизвѣстно на Востокѣ Арабы садятся различнымъ образомъ: когда они хотятъ быть покойны, то подкладываютъ подъ себя ноги накрестъ; когда находятся въ присутствіи людей почтенныхъ, то садятся, сближивъ оба колѣна, и держатся только на пяткахъ, и поелику сіе положеніе занимаетъ очень мало мѣста, то они садятся такъ обыкновенно за столомъ. Я часто пробовалъ такъ садиться; но никакъ не могъ привыкнуть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аравіи есть родъ длинныхъ и низенькихъ стульевъ, сдѣланныхъ изъ соломенныхъ плетенокъ; на нихъ садятся, поджавши ноги, какъ на коврахъ.

Домашняя жизнь Арабовъ единообразна и самая праздная; они ищутъ увеселенїй внѣ, часто посѣщаютъ публичные кофейные домы и рынки, и любятъ собираться вмѣстѣ. Арабы курятъ табакъ единственно отъ скуки. Знатные носятъ всегда съ собою коробочку съ благовоннымъ деревомъ; и когда хотятъ оказать кому нибудь уваженїе, то кладутъ ему въ трубку кусочекъ сего дерева, которое придаетъ табаку вкусъ и запахъ очень приятный.

Я не замѣтилъ, чтобъ Арабы употребляли опїумъ, какъ Турки и Персїане; за то безпрестанно жуютъ они *каадъ*, вѣточки нѣкотораго дерева, привозимаго въ маленькихъ пучкахъ съ горъ Іеменскихъ; тѣ, у коихъ здоровые зубы, жуютъ сїи вѣточки, какъ онѣ есть, а для стариковъ толкутъ ихъ въ иготи. Ето, по видимому, одна только мода жевать, — ибо вкусъ деревца неприятенъ.

Простолюдины любятъ веселїе. Не имѣя крѣпкихъ напитковъ, они курятъ *гашишъ*, листья травы, похожей на коноцель. Дымъ отъ нихъ производитъ бодрость и веселыя мысли. Одинъ изъ нашихъ Арабскихъ слугъ, покуривъ *гашиша*, встрѣтился съ четырьмя солдатами и напалъ

на нихъ; одинъ изъ сихъ солдатъ прибилъ его больно и привелъ къ намъ; не смотря на ето, онъ нехотѣлъ усмириться и думалъ во все время хмѣля, что четыре человѣка не могли съ нимъ сладить.

Поелику Восточные жители садятся на землѣ; то и ѣдятъ сообразно съ етимъ обычаемъ. Они разстилаютъ большую скатерть посреди комнаты; ставятъ на ету скатерть маленькой столикъ вышиною въ футъ; на столъ кладутъ большой круглой листъ изъ полуженной мѣди, и на немъ разставляютъ мѣдныя блюда, чисто вылуженныя внутри и снаружи. Вмѣсто салфетовъ подаютъ у богатыхъ Арабовъ длинное полотенцо, которое гости кладутъ себѣ на колѣни; ежели сего полотенца неподано, то всякой употребляетъ свой маленькой платокъ, которымъ обыкновенно утирается. У нихъ нѣтъ ни ножей, ни вилокъ. Турки имѣютъ ложки деревянныя, или роговыя; но Арабы такъ хорошо умѣютъ складывать пальцы свои наподобіе ложки, что ѣдятъ рукою даже молошную похлебку, которую одну только и видѣлъ я у нихъ въ употребленіи.

Судя по нашимъ обычаямъ, кажется, что Восточные жители ведутъ себя весьма неблагопристойно, будучи за столомъ у Евро-

пейцевъ. Я удивился, ужиная въ первой разъ съ надзирателемъ Дарданелльской таможни у Французскаго Консула; сей Турокъ рвалъ говядину пальцами и сморкался въ салфетку. Но я перестаюлъ удивляться, когда лучше узналъ обычаи сихъ народовъ; они не знаютъ употребленія салфетокъ и могутъ почесть ихъ вмѣсто платковъ, которыми утираются обыкновенно. Они бываютъ въ большомъ замѣшательствѣ, когда должны разрѣзывать кусокъ говядины, потому что имъ кажется непристойно во время кушанья дѣйствовать лѣвой рукой, которою они омываются; для нихъ гораздо лучше, по своему обыкновенію, брать пальцами говядину, изрѣзанную въ мѣлкіе куски, какъ обыкновенно подаютъ ее у нихъ за столомъ.

Самые знатные Шеики степные ѣдятъ одно только разваренное сорочинское пшено; его подаютъ на весьма большомъ деревянномъ блюдѣ; гости садятся попеременно за столъ до тѣхъ поръ, пока опорожнится блюдо, или пока всѣ наѣдятся до сыта. Въ хорошихъ домахъ у городскихъ жителей ставятъ на столъ много маленькихъ блюдъ одно на другое въ видѣ пирамиды. Когда господа встали, то слуги садятся за тотъ же столъ и ѣдятъ, что осталось.

Въ Мердинѣ, гдѣ я обѣдалъ съ шестьнадцатью офицерами *воеводы*, подаютъ кушанье совсѣмъ иначе: одинъ слуга стоялъ среди гостей и безпрестанно то снималъ, то ставилъ блюда, приносимыя другими слугами. Едва показывалось блюдо на столѣ, какъ вдругъ шестьнадцать рукъ падали на него, и оно исчезало съ удивительною скоростїю, особливо если это было пирожное, до котораго Восточные жители страстные охотники. На Востокѣ ѣдятъ очень поспѣшно; за обѣдомъ въ Мердинѣ мы опорожнили болѣе четырнадцати блюдъ менѣе нежели въ двадцать минутъ. Всѣ мусульмане вообще и Арабы въ особенности не забываютъ никогда прочесть маленькую молитву передъ столомъ и послѣ обѣда. Прежде нежели садятся ѣсть, они говорятъ: *во имя всемогущаго и милосердаго Бога.* Когда одинъ изъ гостей не хочетъ больше ѣсть, то встаетъ, не дожидаясь другихъ, и говоритъ: *хвала Богу.* Они мало употребляютъ питья во время обѣда; но вставъ изъ за стола и умывшись, пьютъ свѣжую воду и потомъ кофе.

Восточные Арабы любятъ кофе: вся разность въ приготовленїи онаго состоитъ только въ томъ, что они толкутъ жжевой кофе въ деревянной, или каменной

ступкѣ, а не мѣлютъ его. Мы привезли съ собою мѣльницу въ Аравїю; но скоро увидѣли, что толченой кофе гораздо вкуснѣе молотаго, и потому оставили свою мѣльницу безъ употребленїя. Восточные жители пьютъ его всегда безъ молока и безъ сахару.

Довольно странно, что въ *Іеменѣ*, истинномъ отечествѣ кофейнаго дерева, рѣдко пьютъ кофе, потому что думаютъ, будто онъ горячитъ кровь; любимый напитокъ Арабовъ сей провинцїи приготовляется изъ скорлупы кофейныхъ зеренъ, легко сожженныхъ и истолченыхъ: онъ имѣетъ вкусъ чая, и почитается прохладительнымъ.

Хотя всѣ хмѣльные напитки запрещены музульманамъ, но многїе Арабы имѣютъ къ нимъ страстную охоту и пьютъ ихъ скрытно по вечерамъ у себя дома. Нашъ лѣкарь видѣлъ у одного богатаго купца въ *Логеѣ* всѣ нужные снаряды для перегонки вина. На границахъ Аравїи, гдѣ живутъ хрїстїане, можно получать вино и водку; но въ самой Аравїи не льзя достать ихъ ни у кого, кромѣ жидовъ Сансикихъ, которые дѣлаютъ сихъ напитковъ большое количество и хорошей доброты, и снабжаютъ ими своихъ соотечественниковъ. Но за недостаткомъ бочекъ

они перевозятЪ вино и водку вЪ мѢдныхЪ сосудахЪ, что дѢлаетЪ ихЪ опасными для здоровья. Англичане иногда также привозятЪ аракЪ изЪ Индїи для продажи вЪ МокѢ.

Арабы суть вообще народЪ трезвой и умѢренной; отЪ етаго вѢроятно они бываютЪ сухощавы. Обыкновенная ихЪ пища: сорочинское пшено, зелень, молоко, масло и простокваша; они рѢдко ѢдятЪ говядину, потому что пища животныхЪ почитается вЪ жаркой землѢ очень нездоровою. Простой народЪ питается дурнымЪ хлѢбомЪ изЪ *дурры* (родЪ крупнаго проса), замѢшенной на верблюжьемЪ молокѢ, на постномЪ маслѢ, на коровьемЪ маслѢ и на жиру. Сей народЪ такЪ привыкЪ кЪ нему, что любитЪ его больше пшеничнаго хлѢба, которой имЪ кажется слишкомЪ легкимЪ.

ВЪ народномЪ одѢянїи АрабовЪ находится большое различїе. НѢтЪ ничего безпокойнѢе и многоцѢннѢе головнаго убора АрабовЪ высшаго состоянїя. Они надѢваютЪ на голову до пятнадцати колпаковЪ одинЪ на другой, изЪ которыхЪ нѢсколько, правда, полотняные, но прочїе изЪ толстой стеганой хлопчатой бумаги; верхнїй колпакЪ бываетЪ часто богато убранЪ золотомЪ и содержитЪ какое нибудь вышшое изрѢченїе изЪ Алкорана. Они обвер-

тываютъ сїе множество колпаковъ большимъ кускомъ кисеи, украшенной съ обоихъ концевъ шелковою или золотою бахрамою. Такъ какъ очень тягостно въ жаркихъ земляхъ имѣть всегда голову столь обремененную, то Арабы снимаютъ дома, или у своихъ друзей, сїю безполезную тяжесть, оставляя на головѣ одинъ или два колпака, а выходя, опять надѣваютъ. Они не смѣютъ показаться безъ чалмы предъ тѣми, которымъ обязаны почтенїемъ: желающїе прослыть учеными, надѣваютъ на себя чалму огромной величины.

Люди средняго состоянїя носятъ, вмѣсто башмаковъ, сандалїи, состоящїя изъ подошвы, а иногда изъ деревянной дощечки, которыя привязываютъ къ ногѣ ремнемъ.

Въ *Іеменѣ* женщины носятъ большое покрывало, которое опускаютъ на лице, такъ что едва можно видѣть глаза; въ *Санѣ* и *Мокѣ* закрываютъ лице флеромъ, часто вышитымъ золотомъ; онѣ носятъ множество перстней на пальцахъ, на рукахъ, въ носу и ушахъ. Травою *елгенъ* наводятъ онѣ красной цвѣтъ на ногти, а темножелтой на руки и на ноги; сурмятъ брови черной краскою. Мущины иногда подражаютъ имъ въ етомъ; но умные люди смѣются сему изнѣженному украшенїю.

Іеменскія женщины имѣютъ обыкновеніе накалывать себѣ черныя пятнышки на тѣлѣ для увеличенія своей красоты; онѣ имѣютъ темножелтый цвѣтъ лица; но въ горахъ есть бѣлыя и прекрасныя лица даже между крестьянками. Въ городахъ женщины, почитающія себя прекрасными, выбираютъ случай откинуть покрывало, чтобы показать себя, когда видятъ, что за ними не примѣчаютъ.

Всѣ безъ изключенія Арабы оставляютъ бороду расти свободно; но усы имѣютъ весьма малые. Въ горахъ *Іеменскихъ*, гдѣ рѣдко видятъ иностранцевъ, стыдно показаться безъ бороды. У нашего слуги были только усы, и сіи добрые горные жители вообразили себѣ, что мы выбрили ему бороду въ наказаніе за какую нибудь вину.

Всѣ Арабы имѣютъ черную бороду. Когда она начинаетъ сѣдѣть, то нѣкоторые старики наводятъ на нее красной цвѣтъ; это обыкновеніе вообще не одобряется. Жиды, поселившіеся въ Аравіи, берегутъ бороду съ молодости; они отличаются тѣмъ отъ музульмановъ, что не брѣютъ около висковъ и ушей, не смѣютъ носить чалму и принуждены довольствоваться маленькой шапочкой; имъ не

позволено также носить другаго цвѣта, кромѣ синяго.

Арабы отличаются гостепрїимствомъ; сїю добродѣтель получили они въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, и исполняютъ въ первобытной простотѣ. Они, кажется, отличаются отъ другихъ Восточныхъ народовъ тѣмъ, что оказываютъ гостепрїимство, не смотря ни на званїе, ни на религїю.

Когда Арабы сидятъ за столомъ, то приглашаютъ всѣхъ приходящихъ ѣсть съ собою, не смотря на то, знатные ли они, или простые, Могаммедане, или хрїстїане. Я самъ часто съ удовольствїемъ видѣлъ въ караванахъ, что простой погонщикъ лошаковъ просилъ проходящихъ раздѣлить съ нимъ обѣдъ его и съ довольнымъ видомъ, давалъ малую часть хлѣба и финиковъ тѣмъ, которые хотѣли ихъ принять; напротивъ того удивлялся поведенїю Турковъ, даже богатыхъ, которые во время обѣда удалялись въ уголъ, чтобъ не быть обязанными пригласить тѣхъ, которые могли бы застать ихъ за столомъ.

Когда шейкъ Бедуиновъ ѣстъ хлѣбъ съ иностранцами, то они могутъ положиться на его вѣрность и покровитель-

ство. И потому путешественникъ дѣлаетъ очень хорошо, если заранѣе приобрѣтаетъ себѣ обѣдомъ дружбу своего проводника.

Когда Арабы здороваются, то первой, положивъ правую руку на сердце, говоритъ: *саламъ алейкумъ*, миръ съ тобою! а другой отвѣчаетъ ему: *Алейкумъ ессаламъ*, и съ тобою миръ! Старые люди прибавляютъ обыкновенно: *милосердіе и благословеніе Божіе.* Могаммедане въ Египтѣ и Сиріи не привѣтствуютъ никогда хрістіанъ сими словами; они говорятъ только: *себахъ ельхаиръ*, здравствуй, или *саге саламатъ*, другъ, все ли ты здоровъ!

Долго воображалъ я самъ себѣ, что сія разность привѣтствовать хрістіанъ происходитъ отъ ложной ревности; но со временемъ увидѣлъ, что причиною оной есть совершенное отвращеніе Восточныхъ христіанъ отъ сего музульманскаго привѣтствія: они не могли терпѣть, чтобъ я употреблялъ сіи слова, и не отвѣчали Туркамъ, которые почитали ихъ своими соотечественниками, что случалось часто, потому что хрістіане смѣютъ носить въ путешествіи бѣлую чалму, чтобъ показаться разбойникамъ Турками.

Когда степные Арабы встрѣчаются, то подаютъ руку одинъ другому болѣе десяти разъ; каждой цѣлуетъ свою собственную руку, и повторяетъ безпрестанно вопросъ: каково ты поживаешь?

Въ *Іеменѣ* люди, хвастающіеся умѣніемъ жить, подходятъ другъ къ другу со множествомъ комплиментовъ; каждой показываетъ видъ, будто хочетъ поцѣловать руку другаго, и каждой отнимаетъ ее, чтобы отклонить отъ себя етотъ знакъ чести; наконецъ для окончанія спора старшій, или отличнѣйшій, позволяетъ другому поцѣловать у себя пальцы. Значительные люди цѣлуются съ равными себѣ; всѣ обходятся съ такою учтивостію, которая удивляетъ иностранцевъ.

Въ посѣщеніяхъ своихъ наблюдаютъ они почти одинакіе обычаи съ другими Восточными народами: при обыкновенномъ визитѣ всегда подаютъ трубку съ *киршеромъ* и *каудомъ*; при посѣщеніи церемоніальномъ прибавляютъ розовую воду и благовонное куренье. Когда время уходить, то является слуга со скляночкой розовой воды и прыскаетъ гостей; другой окуриваетъ благовоніемъ бороду и широкіе рукава платья. Увидѣвъ въ первой разъ ету церемонію въ Рашидѣ, мы не мало были

удивлены, когда слуга сталъ передъ нами и брызнулъ намъ въ лице водою.

Въ жаркихъ странахъ опрятность нужна необходимо для збереженія здоровья. Народъ, которой не разсуждаетъ, могъ бы забыть, или принебречь осторожность отъ всякой нечистоты тѣлесной, столь противной для здоровья. Многіе основатели сектъ, кажется, для сей причины сдѣлали очищеніе и умовеніе законною обязанностію.

Арабы, по законамъ страны и религіи своей, обязаны наблюдать большую чистоту; и они исполняютъ сіе предписаніе съ большою точностію: не только моются, купаются и обрѣзываютъ ногти очень часто, но выстригаютъ еще всѣ волосы и выщипываютъ ихъ, дабы никакая нечистота не могла остаться на тѣлѣ. Они оказываютъ презрѣніе къ тѣмъ, которые отправляютъ нечистую должность, какъ то: баннымъ служителямъ, цирульникамъ, мясникамъ, кожевникамъ и *проч.* и *проч.* Сіе презрѣніе падаетъ однако на ремесло, и ремесленникъ не изключается изъ общества.

Много писали о обычаѣ обрѣзывать дѣтей. Обрѣзаніе наблюдается нынѣ въ жаркихъ странахъ, какъ древній обычай, а

не такъ какъ часть богослуженія. Магометане не почитаютъ обрѣзанія долгомъ религіи, но похвальнымъ обычаемъ своихъ предковъ, который они стараются сохранить.

Арабы, по причинѣ своего невѣжества, наполнены суевѣрными предразсудками. Почти всѣ привязываютъ амулеты къ локтю; носятъ только обыкновенныя кольца, которыми унизываютъ пальцы. Говорятъ, что ихъ религія обязываетъ ихъ снимать золотые, или осыпанные драгоцѣнными камнями перстни, когда они читаютъ свои молитвы, которыя безъ сей предосторожности былибъ недостаточны; они, кажется, думаютъ, что Богъ не услышитъ ихъ молитвъ, если они не предстанутъ предъ Нимъ со всею скромностью и безъ всякой пышной наружности.

Изъ Abrégé de Voyages *съ Франц. В. Рагозинъ.*

О второй Части Истрїи Медицины въ Россїи, сочиненной В. М. Рихтеромъ (*).

Первая Часть сей достопамятной книги вышла въ свѣтъ сперва на Нѣмецкомъ языкѣ 1813 года, потомъ на Россїйскомъ прошлаго 1814, и повсюду принята съ должнымъ уваженїемъ и признательностїю, какъ такое творенїе, которое дѣлаетъ эпоху въ Литтературѣ не только Медицинскихъ наукъ, но даже и Россїйской Исторїи. Ни пышныя досужихъ стихотворцовъ увѣдомленїя, ни громкїя хвалы не предварили появленїя въ свѣтъ сей полезной книги, потому что ученый Сочинитель трудился *въ молчанїи*, перечитывая множество отечественныхъ и чужестранныхъ

(*) Geschichte der Medicin in Russland, entworfen von D. Wilhelm Michael von Richter, Wirklichem Staatsrathe, Ritter des Annenordens zweiter Klasse, der K. Moskowischen Universitaet Professor *и проч.* Zweiter Theil. Moskwa, gedruckt bei N. S Wsewolojsky. 1815. въ 8ю долю. Съ эпиграфами:

. . . . Optamus
Fumum de patriis . . . videre focis,
Nescio, qua natale solum dulcedine captos
Ducit, immemores non sinit esse sui. . .

Ovid. Epist III. ex Ponto 34 — 36.

Qui manet in patria, et patriam cognoscere temnit.
Is mihi non civis, sed peregrinus erit!

источниковъ, разбирая старинныя архивскія грамматы и приводя свои извлеченія въ систематической порядокъ. Это вовсе не fumus ex fulgore, а и того менѣе parturiunt montes! Просвѣщеннѣйшая часть публики съ удовольствіемъ видѣла, что и Россійской переводъ соотвѣтсвуетъ достоинству подлинника.

Нынѣ и вторая Часть *Исторіи Медицины въ Россіи* вышла изъ печати на Нѣмецкомъ языкѣ. Съ тою же ученостію, съ тѣмъ же вкусомъ повѣствованіе продолжено со вступленія на престолъ Царя Михаила Θеодоровича до конца семнадцатаго вѣка. Здѣсь, какъ и въ первой Части, содержатся многія, изъ государственныхъ бумагъ почерпнутыя, историческія событія, которыя донынѣ оставались неизвѣстными публикѣ.

Содержаніе сей Части нѣкоторымъ образомъ включено самимъ Сочинителемъ въ собственномъ его Обозрѣніи семнадцатаго столѣтія (*).

„Достопамятную эпоху для Врачебнаго искусства составляетъ въ семъ вѣкѣ *Аптекарскій Приказъ*, установленный около 1620 года. До сихъ поръ недоставало

(*) Въ Первой Части стр. 320 — 341.

въ Россіи такого Медицинскаго суднаго Правленія, отъ котораго всѣ части Врачебнаго вѣдомства могли бы получать извѣстный и опредѣленный ходъ. Оно понынѣ существуетъ, только подъ другимъ именемъ, что и доказываетъ неоспоримымъ образомъ необходимость его и пользу."

Сей Приказъ съ 1672 года назывался то *Аптекарскою Палатою*, то *Аптекарскою Канцелярiей*; послѣ въ 1725 учреждена была *Медицинская Канцелярія*, а въ 1763 году *Медицинская Коллегія*, которая на конецъ преобразована въ существующее нынѣ *Главное Медицинское Правленіе*. Новоучрежденный Аптекарскій Приказъ состоялъ изъ нѣкотораго числа придворныхъ Врачей и помѣщался въ одномъ зданіи, находившемся близъ воротъ Воскресенскихъ. Главное начальство надъ нимъ обыкновенно имѣлъ одинъ изъ почетнѣйшихъ Бояръ. Таковыми начальствующими были: *Θедоръ Ивановичь Шереметьевъ*, *Илья Даниловичь Милославскій*, *Князь Черкаскій*, *Борисъ Ивановичь Морозовъ*, *Князь Никита Θедоровичь Одоевскій*, *Князь Яковъ Никитичь Одоевскій*, *Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ*, и т. д.

Главной предметъ попечительности Аптекарскаго Приказа состоялъ въ сохра-

ненїи здравїя гражданъ вообще и въ предотвращенїи распространенїя заразительныхъ болѣзней. Однакожъ невидно, чтобы при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были учреждены карантины. Вѣроятно, тогда еще незнали полезности оныхъ, и потому во время безпокойныхъ слуховъ о свирѣпствующихъ за границею болѣзняхъ принимаемы были мѣры весьма слабыя и недостаточныя. Повелѣно, на примѣръ, требовать на заставахъ у проѣзжающихъ, чтобы они *по совѣсти* обьявляли, замѣтили ли на пути своемъ заразительную чуму, гдѣ именно, и проч. Но въ правленїе Царя Алексѣя Михаиловича приняты были весьма уже хорошїя мѣры къ прекращенїю свирѣпствовавшаго въ Москвѣ 1654 года повѣтрїя, также и 1665 года, когда запрещено было всякое торговое съ Англїею сношенїе, по причинѣ чумы въ Лондонѣ. Къ чести Правительства упомянуть должно, что при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Указомъ 9 Мая 1637 года повелѣно было исполненїе смертнаго приговора надъ беременными женщинами откладывать до шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ; другой Указъ отъ 5 Августа 1640, касательно прекращенїя распространившейся тогда заразы между скотиною, свидѣтельствуетъ о бдительности Медицинскаго начальства.

Въ царствованіе Михаила Θеодоровича многіе Врачи находились въ службѣ.

Докторъ *Валентинъ Билсъ*, родомъ Голландецъ, служившій съ 1615 до 1633 года, пользовался отличнѣйшею довѣренностію Царскою; то доказываютъ весьма щедрое жалованье и многіе подарки, которые получалъ, будучи въ Россіи; сверхъ того, въ знакъ особеннаго благоволенія къ *Билсу*, Монархъ на собственномъ иждивеніи содержалъ четырнадцать лѣтъ сына его, обучавшагося въ Голландіи врачебному искусству. Отецъ получалъ ежегоднаго жалованья по 200 рублей, и кормовыхъ денегъ по 55 рублей на каждой мѣсяцъ! Надобно знать еще, что сей же Докторъ получилъ значительной подарокъ при своемъ пріѣздѣ въ Россію. Мы увидимъ послѣ, въ чемъ состояли подарки сего рода.

Докторъ *Іовъ Полидanусъ* выписанъ былъ Царемъ изъ Голландіи и пріѣхалъ въ Россію 1616 года съ полученною напередъ *опасною грамотою*; въ 1621 году ѣздилъ въ свое отечество, и черезъ шесть лѣтъ опять возвратился служить милостивому Царю Русскому. Вотъ точныя слова Архивской записки: „Доктору Полидану съ въ дорогѣ до Москвы

„давано поденнаго корму по хлѣбу, да по „калачу двуденежнымъ, по части баранины, говядины и ветчины, по куряти, „по полугривенкѣ масла коровья, по 10 „яицъ и на мѣлкое по 11 денегъ на день. — „Доктору по 6 чарокъ вина, по двѣ кружки меду и пива по ведру на день; а буде Докторъ сверхъ росписи чего попросить, и добывать то будетъ можно, то „велѣть давать, чтобъ въ корму и питьѣ „недостатку нигдѣ и ни въ чемъ не было." Сіе относится къ первому его пріѣзду, равно какъ и подарки, пожалованные ему Государемъ при первой аудіенціи: „Доктору Полиданусу на пріѣздъ дано было „бархатъ гладкой черной, бархатъ рытой, отласъ гладкой, 2 камки куфтеру, „2 сукна багрецъ, да лундышъ, 40 соболей „въ 40 рублей и денегъ 70 рублей." Мы должны предварить читателей, что ето еще не самые щедрые знаки Царскаго гостепріимства.

Докторъ *Артуръ Дій* (Артемій Ивановъ Дій, по архивскимъ запискамъ), бывшій придворный Врачь Англійскаго Короля Іакова, 1621 года пріѣхалъ въ Москву при свитѣ возвратившагося изъ Англіи Россійскаго Посланника Исаака Семеновича Погожина. Онъ подалъ Царю отъ Короля Іакова граммату, изъ которой видно, что

Посланнику препоручено было ходатайствовать объ отпускѣ искуснаго Врача въ Россїю. Докторъ сей служилъ при Дворѣ 12 лѣтъ съ отличїемъ, получалъ щедрые подарки и большое жалованье, и на конецъ съ честїю отпущенъ въ свое отечество. Въ данномъ отъ Царя одобрительномъ свидѣтельствѣ сказано: „И о нашемъ здоровїи „радѣлъ какъ годно ученому и доброму Дохтору. . . .“

Что касается до призыва, довольствованїя и отпуска Врачей, и что во второй Части описано съ достаточными подробностями, все то на немногихъ страницахъ вообще предложено въ Обозрѣнїи семнадцатаго столѣтїя (*).

„Большая часть Царскихъ придворныхъ Врачей призваны были въ Россїю отъ самихъ Монарховъ особыми на сей конецъ посыланными въ иностранныя земли грамотами. Но прежде нежели они удостоивались сего счастїя, надлежало имъ напередъ прославиться въ чужихъ краяхъ отличною ученостїю, или зрѣлою опытностїю, либо имѣть отъ Государей важныя одобренїя. Таковыя свидѣтельства о прiобрѣтенныхъ ими отличїяхъ представили многїе Медики тогдашняго времени при

(*) Часть первая стр. 329 — 334.

самомъ пріѣздѣ своемъ въ Москву и именно, въ теченіе семнадцатаго вѣка Докторы: *Виллисъ* отъ Королевы Елисаветы, *Дій* отъ Англійскаго Короля Іакова, *Карбанарій* отъ Римскаго Императора Леопольда, *Розенбургъ* отъ Короля Шведскаго, *Андерзонъ* отъ Короля Датскаго, *Энгельгардъ* отъ Курфирста Бранденбургскаго, *Полиданъ* отъ Принца Оранскаго Морица, *Зибелистъ* отъ Герцога Голштинскаго, *Паавъ* отъ Гейнриха Принца Нассавскаго, и пр. Они всѣ долженствовали по пріѣздѣ своемъ немедленно явиться въ Столицѣ въ *Посольской* и *Аптекарской Приказы*, и представить свои свидѣтельства; послѣ чего, бывъ допущены къ Государю и получа отъ него жалованье, вступали дѣйствительно въ назначенную имъ службу. Еще до прибытія въ Россію, при самомъ ихъ призывѣ, многіе изъ сихъ Медиковъ получали отъ Царя такъ называемую *опасную грамоту*, которою напередъ обезпечивались они въ разсужденіи хорошаго приема, помѣщенія и свободнаго по ихъ желанію отпуска. Кромѣ того, на дорогѣ пользовались они безденежнымъ продовольствіемъ, подводами и весьма ласковымъ приемомъ отъ областныхъ Воеводъ, предувѣдомленныхъ о томъ по Царскому повелѣнію. Для нѣкоторыхъ изъ сихъ выписныхъ Врачей посылаемы были на встрѣчу особые Государственные

Чиновники, долженствовавшіе имѣть попеченіе о томъ, чтобъ на пути не имѣли они остановки. При первомъ личномъ представленіи ко Двору, Царь, въ знакъ гостепріимства и своего благоволенія, одарялъ ихъ весьма щедро бархатомъ, сукномъ, атласомъ, соболями, а въ позднѣйшія времена серебряною посудою и деньгами. Послѣ чего опредѣлялось имъ достаточное годовое жалованье, а на столовые расходы ежемѣсячная выдача кормовыхъ особыхъ денегъ и припасовъ, далеко превосходившая всякую нужду человѣческую. Такимъ образомъ, на примѣръ, *Докторъ Дій* получалъ отъ Царя *Михаила Θеодоровича* 250 рублей годоваго жалованья и каждый мѣсяцъ 72 рубля на столъ, всего 1114 рублей полновѣсною серебряною монетою; при чемъ не надобно забывать цѣнности (valeur) серебряной монеты и дешевизны тогдашняго времени. Сверхъ сего етотъ же *Докторъ Дій* получалъ много столоваго припасу, владѣлъ на время одною подмосковною деревнею, и какъ по пріѣздѣ, такъ и при отпускѣ одаренъ былъ столь богато, что цѣна однихъ соболей простиралась до 300 рублей. Такою же почти щедростію пользовались отъ Царя и другіе Докторы, на пр. *Вилсъ*, *Полиданъ*, *Зибелистъ*, *Велау*, *Энгельгартъ* и пр., какъ въ своемъ мѣстѣ по-

казано будетъ пространнѣе. Наконецъ при отпускѣ въ отечество и при увольненіи изъ Царской службы, по представительству ихъ Государей, или и собственной ихъ прозьбѣ, давалась симъ Медикамъ по формѣ и весьма красиво написанная *жалованная грамматa*, свидѣтельство о вѣрной ихъ службѣ, обыкновенно съ нѣсколькими еще на обратный путь дарами. Само собою видно, что здѣсь не входятъ въ счетъ случайные подарки (*) и доходъ отъ посторонней практики. Если сообразить все это вмѣстѣ, то явственно усмотримъ, какой великодушной и щедрой приемъ дѣлаемъ былъ Медикамъ еще въ древнія времена Россійскими Государями, и сколь вообще было счастливо пребываніе ихъ въ нашемъ Отечествѣ. Отъ того, какъ увидимъ ниже, многіе изъ нихъ, вскорѣ послѣ отпуска въ свою отчизну, возвращались опять въ Россію по собственному желанію, или съ охотою склонялись на вторичной призывъ, какъ на пр. Докторы *Зибелистъ*, *Белау*, *Энгельгардъ*, *Зоммеръ* и другіе."

Но сколь ни щедры были Россійскіе Монархи къ опытнымъ, извѣстнымъ и до-

(*) *Олеарій*, говоря о Докторѣ *Граманѣ*, упоминаетъ между прочимъ, что онъ послѣ всякаго кровопусканія при Дворѣ получалъ въ подарокъ сотню тогдашнихъ рублей, и пр.

стойнымъ Медикамъ, столько же недовѣряли пріѣзжавшимъ въ Отечество наше безъ зову, на удачу и притомъ еще безъ одобреній, а всего болѣе шарлатанамъ. Къ числу сихъ послѣднихъ безспорно принадлежитъ *Квиринусъ Бремъбургъ*, котораго Олеарій называетъ брадобрѣемъ. Но Олеарій, какъ недоброхотствующій чужестранецъ, беретъ сторону Квиринуса, и желая позабавиться на счетъ Царя и Патріарха, разсказываетъ по своему о мнимой плясѣ человѣческаго скелета, находившагося въ горницѣ *честнаго* и *невиннаго* Квиринуса. Вранье и клевета самая несносная! Голландецъ Квиринусъ Брембургъ, безъ всякаго приглашенія пріѣхавшій въ Россію 1626 года, и принятый въ службу, скоро оказалъ себя недостойнымъ того уваженія, которымъ пользовались при Дворѣ Царскомъ всѣ добрые, ученые и искусные Медики. Квиринусъ началъ свои подвиги нестерпимымъ хвастовствомъ и самохвальствомъ, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ всѣхъ Докторовъ и единственнымъ обладателемъ нѣкоторыхъ способовъ врачеванія. Пріѣхавши безвѣстно откуда и какъ, онъ не имѣлъ при себѣ никакого другаго одобренія кромѣ подписаннаго неизвѣстнымъ какимъ-то Медикомъ, который назвалъ себя Самеусомъ Фенагоріемъ. Изъ Архангельска прислалъ онъ къ Царю

прошеніе на *двадцати четырехъ* страницахъ, гдѣ между прочимъ предлагаетъ Монарху службу свою трояκаго рода: во первыхъ въ качествѣ *Доктора*, во вторыхъ какъ хирургъ, въ третьихъ какъ аптекарь, обѣщаясь представить такіе о себѣ аттестаты, какихъ ни у одного изъ прежнихъ Врачей не бывало. Предлагаетъ весьма пространныя, педантическою надутостію наполненныя доказательства о томъ, что принимать на себя Докторской титулъ есть дѣло излишнее и глупое, и что искусной Врачь долженъ быть вмѣстѣ лѣкаремъ хирургомъ и аптекаремъ; приводитъ въ примѣръ Иппократа, которой самъ и врачевалъ болѣзни и составлялъ лѣкарства, — Христа Спасителя, исцѣлявшаго слѣпцовъ, не прибѣгая къ аптекаримъ; говоритъ много объ Артаксерксѣ и Хрисиппѣ, о Грекахъ и Римлянахъ, ссылается на Сираха — и все для того чтобы убѣдить Царя о ничтожествѣ Докторскаго званія. Разсказываетъ, какимъ образомъ самъ собою, при помощи Божіей, достигъ онъ до столь высокихъ познаній въ Медицинѣ, что ученѣйшіе тогдашніе Врачи принуждены были часто просить его совѣтовъ. Есть еще другое сочиненіе Квиринуса въ Русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: *Письмо къ Царю Михайлу Θеодоровичу и къ Патріарху Филарету*

Никитичу отъ Кверина фонъ Бремборга, лѣкаря и аптекаря въ Россіи бывшаго, съ толкованіемъ о красномъ яицѣ, въ праздникъ Святыя пасхи бываемомъ. Здѣсь онъ выступаетъ уже въ качествѣ Богословскаго витіи и объясняетъ Библейскими текстами, что значатъ красныя яица, взаимныя привѣтствія и лобзанія, незабывая однакожъ дѣлать вылазки противъ ненавидимыхъ имъ Докторовъ. „Страхъ Божій рождаетъ лѣкарство, а города Лейдена бывъ чинитъ доктуровъ!“ — восклицаетъ Квиринусъ Брембургъ. Теперь, кому вѣрить: Олеарію ли, которой пересказываетъ происшествіе, десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ оно случилось, и притомъ слышанное имъ отъ чужестранца, — или историческимъ свидѣтельствамъ? Скелетъ (*) по видимому былъ не что иное, какъ орудіе шарлатанства, и Квиринусъ, неосторожность котораго была неприятна Царю и Патріарху, и которымъ всѣ уже были недовольны, высланъ изъ Россіи по всей справедливости.

Докторъ *Винделинусъ Сибелистъ* былъ вызванъ изъ Голстиніи въ Москву для

(*) Олеаріево извѣстіе о Квиринусѣ, нѣсколько иначе пересказанное, можно читать въ соч. *Карамзина*, изд. 2, Т. IX, стр. 226 — 227.

занятія должности перваго Врача на мѣсто прежде упомянутаго Дїя. Онъ пріѣхалъ въ 1634мъ году и прямо былъ представленъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу Посольскаго Приказа Думнымъ Дьякомъ Грязевымъ, которому приказано было въ то же время объявить Доктору назначаемые отъ Царя ему, супругѣ его и нѣкоторымъ служителямъ милостивые подарки. Въ приложеніяхъ ко второй Части находится записка подъ No VII.

О жалбваньѣ, данномъ на пріѣздъ Доктору Венделинусу Сибелисту.

Бархатъ гладкой черной.
Бархатъ рытой.
Отласъ гладкой.
Два камка куфтерю.
Два сукна, багрецъ, да лундыщъ.
М (40) соболей въ М (40) рублей.
Денегъ О (70) рублей.

Женѣ. Духтурове.

Камку куфтеръ.
Тафту широкую.
Сукно лундышъ.
М (40) соболей въ КЕ (25) рублей.

Людемъ Доктуровымъ Д (4) человѣкамъ лучимъ, какъ то дворецкому его Гар-

левусу Лидерусу, казначею Мартыну Зыбелисту, коморнику Гасу и Никласу.

По сукну Аглинскому.
По В (2) рубли дороги.
По И (8) рублей денегъ человѣку.

Достальнымъ его человѣкамъ, какъ то Ебергарду Демею, Мариндусу Селеру, Ондреасу Шулцу и Юрлену Шулцу по сукну Аглинскому.

Да по дорогомъ по Е (5) рублей денегъ человѣку.

Да служанкамъ 2 Маргаретѣ комнатной, а другой поваренной по сукну Аглинскому.

Ежегоднаго жалованья производилось Доктору Сибелисту по 250 рублей серебромъ, да кормовыхъ денегъ по 50 рублей ежемѣсячно. Сверхъ того получалъ онъ припасы по слѣдующей росписи, подъ No VIII приложенной къ Исторіи Медицины въ Россіи.

О кормѣ Доктора Венделинуса Сибелиста изъ Дворца.

Калачь крупичатой.
Два калача смесныхъ.

Питья.

Кружка вина боярскаго.
2 кружки романеи.
2 кружки ренскаго.
2 кружки меду вишневаго.
2 кружки меду малиноваго.
2 кружки меду обарнаго.
Ведро меду паточнаго.
Ведро меду цеженаго.
4 ведра меду Княжово.
Ведро пива поддѣльнаго.
2 ведра пива простаго добраго.

Изъ большаго приходу.

Четь стяга говядины.
Гусь.
2 утки.
Заецъ.
2 тетерева.
Баранъ съ шерстью.
5 куровъ.
6 гривенокъ масла коровья.
8 яицъ.

Спустя восемь лѣтъ Докторъ Сибелистъ испросилъ отъ Царя отставку, и бывъ одаренъ щедро, отправился обратно въ свое отечество. Но послѣ оказывается, что сія отставка была только временнымъ

увольненїемЪ; ибо СибелистЪ, находясь за границей, былЪ дѣйствительно вЪ Царской службѣ, исправлялЪ многїя отЪ Россїйскаго Двора препорученїя, и пользовался жалованьемЪ даже до вторичнаго прибытїя своего вЪ Россїю 1644 года. Спустя два года, Царь Алексѣй Михаиловичь уволилЪ его навсегда сЪ жалованною грамматой, изЪ которой видно, что служба его продолжалась двѣнадцать лѣтЪ, и что слѣдственно время отсутствїя его вмѣнено ему вЪ службу. Мы увидимЪ послѣ, какїя имѣлЪ онЪ препорученїя за границею, а теперь сообщимЪ списокЪ сЪ жалованной грамматы отЪ Царя Алексѣя Михаиловича.

Жалованная грамота Доктору Сибелисту Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

По титулѣ: ПоморскимЪ ГосударемЪ КоролемЪ и КурфирстомЪ и АрцыкнявемЪ и ГрифомЪ и ГоландскимЪ статомЪ и вольныхЪ градовЪ БурмистромЪ и ратникомЪ и полатникомЪ. ПрїежжалЪ вЪ наше Государство Отца нашего блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всея Росїи Самодержца и многихЪ ГосударствЪ Государя и Обладателя Его Царскаго Величества по опасной грамотѣ служить Ему Великому Государю ДохтурствомЪ своимЪ Голштинские

земли Дохтуръ Венделинузъ Сибилистъ и Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михайлу Өеодоровичу всея Русіи Самодержцу Его Царскому Величеству и намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству дохтурствомъ своимъ служилъ и радѣлъ двѣнадцать лѣтъ и въ дохтурствѣ своемъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Его Царскому Величеству и намъ Великому Государю службу показалъ многую. И Отцу нашему блаженные памяти Государю Его Царскому Величеству и намъ Великому Государю служба его была годна какъ есть достойнаго свидѣтельствованнаго Дохтура и за тое его ко Отцу нашему блаженные памяти Великому Государю къ Его Царскому Величеству и къ намъ Великому Государю прямую службу и за радѣнье мы Великій Государь держали его въ нашемъ Государскомъ милостивомъ жалованьи и призрѣньи. И билъ онъ вамъ челомъ, чтобъ намъ Великому Государю его пожаловати, велѣли его отпустити назадъ въ свою землю. И Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель наше Царское Величество Дохтура Венделинуса Сибилиста пожаловавъ

вашимъ Царскимъ жалованьемъ велѣли отпустить изъ нашего Государства въ свою землю со всѣми его животы и сїю нашего Царскаго Величества грамоту велѣли ему дати. И какъ Доктуръ Венделинусъ въ которое Государство прїѣдетъ и Великимъ Государемъ Королемъ и Курфирстомъ и Арцыкнияземъ и Графомъ и статомъ и вольныхъ городовъ Бурмистромъ, Ратманомъ и Палатникомъ Дохтура Венделинуса для нашего Царскаго Величества велѣти пропускати вездѣ безъ задержанїя. Писанъ въ государствїя нашего дворѣ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданїя мїру 7154 мѣсяца Генваря 31 дня.

(Продолжен. въ слѣд. книжк.)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Біографическое извѣстіе о Маршалѣ Бертье.

Александръ Бертье, Князь Ваграмскій, Маршалъ Франціи и проч. родился въ Парижѣ 30 Декабря 1753 года. Онъ былъ сынъ и помощникъ Губернатора военныхъ зданій. Въ молодыхъ лѣтахъ поступивши въ главный Штабъ арміи, онъ воевалъ вмѣстѣ съ Лафайетомъ въ Америкѣ за свободу Соединенныхъ областей и дослужился тамъ до Полковничья чина. Въ первые годы революціи произведенъ въ Генералъ-Маіоры народной Версальской гвардіи, и отличился въ то время постоянною умѣренностію. Въ концѣ 1791 года находился въ Мецѣ при арміи Маршала Люкнера начальникомъ главнаго Штаба, откуда въ 1793 мъ отправился въ Вандею; при взятіи Соллюра подъ нимъ убиты были три лошади. Въ 1796 мъ въ чинѣ дивизіоннаго Генерала и въ званіи начальника главнаго Штаба находился Бертье при

Италїянской армїи и много содѣйствовалъ успѣхамъ тогдашней кампанїи. Сраженїя при Лоди, Риволи, Арколе, взятїе Чевы и Мендовы, переправа через рѣку По, суть памятники его славы. Въ Октябрѣ 1797 Генералъ Буонапартъ посылалъ его въ Парижъ къ Директорїи съ Кампо-Формїйскимъ трактатомъ. Въ Январѣ 1798 получилъ Вертье главное начальство надъ армїей въ Италїи, и въ первыхъ числахъ Февраля вступилъ въ Римъ, гдѣ вмѣсто прежняго правленїя учреждено было Консульство. Скоро послѣ того въ качествѣ Начальника главнаго Штаба сопутствовалъ онъ Генералу Буонапарту въ Египетъ. По возвращенїи во Францїю Буонапартъ, послѣ 18 Брюмера, наименовалъ его военнымъ Министромъ. Скоро потомъ являетъ ся Вертье въ качествѣ главнокомандующаго резервною армїей, сопутствуетъ Буонапарту въ Италїю, содѣйствуетъ счастливому переходу черезъ гору Сенъ-Бернардъ и одержанїю побѣды при Маренго. Послѣ того онъ подписалъ перемирїе между армїями Австрїйскою и Французскою; лѣтомъ 1801 го учредилъ временное правительство въ Пїемонтѣ, осмотрѣлъ нѣкоторыя крѣпости въ Белгїи и оттуда отправился въ Испанїю съ чрезвычайными препорученїями. Возвратившись назадъ, снова принялъ должность военнаго Ми-

нистра, которую до того времени отправлялъ Карно. Когда Буонапартъ сдѣлался Императоромъ, Бертье пожалованъ въ Маршалы, Оберъегермейстеры и начальники первой когорты почетнаго легіона. Въ Іюнѣ 1805 го провожалъ Наполеона въ Медіоланъ къ торжеству коронованія, и въ Октябрѣ тогожъ года наименованъ Начальникомъ главнаго Штаба большой арміи въ Германіи: Октября 19 го подписалъ съ Генераломъ Маккомъ договоръ о сдачѣ Ульма, а 6 го Декабря перемиріе между Австріею и Франціей. Послѣ Пресбургскаго мира Бертье пожалованъ Княземъ и Герцогомъ Невшательскимъ. Во Фридландскомъ сраженіи бросался онъ въ сильные огни, и потомъ въ Іюнѣ 1807 подписалъ мирный договоръ въ Тильзитѣ. Скоро послѣ того опять сложилъ онъ званіе военнаго Министра, получилъ достоинство Вице-Коннетабля Франціи, и 9 го Марта 1808 го сочетался бракомъ съ Принцессою, дщерію Герцога Вильгельма Баварскаго. Во время войны съ Австріей 1809 го особенно отличился онъ въ сраженіи при Ваграмѣ, по поводу чего и пожалованъ въ Герцоги Ваграмскіе. Въ 1810 мъ дано было ему препорученіе просить въ замужство дщерь Императора Австрійскаго за своего повелителя, и 5 го Марта имѣлъ онъ торжественный въѣздъ въ Вѣну. Послѣ того былъ онъ назначенъ

Начальникомъ главнаго Штаба Испанской арміи, въ которой однакожъ не поѣхалъ. Еще спустя нѣсколько времени носилъ онъ званіе Генералъ-Полковника войскъ Швейцарскихъ, находившихся во Французской службѣ. Въ 1812 мъ былъ онъ опять Начальникомъ Генеральнаго Штаба при большой арміи въ Россіи, и должность сію отправлялъ даже до того оборота дѣлъ, который возвратилъ Франціи законнаго ея Государя. Бертье сопровождалъ Короля во время бѣгства его въ Нидерланды, послѣ вступленія во Францію Тирана, и отправился въ Бамбергъ, гдѣ и жизнь свою окончилъ паденіемъ изъ окна съ высокаго дома. Вліяніе сего рѣдкаго человѣка въ преобразованіе военной системы въ его отечествѣ и даже въ цѣлой Европѣ извѣстно всякому, кто только имѣетъ понятіе о математикѣ военной.

(Bamb. Zeit.)

Характеръ Дюка Бассанскаго.

(Изображенный Прадтомъ, Архіепископомъ Мехельнскимъ.)

Дюкъ Бассанскій (Маретъ) показалъ первый опытъ своего таланта 1790 года во время Конституціоннаго Собранія. Въ за-

пискахъ Генерала Дюмурье сказано, что во время кончины Лудовика XVI Маретъ находился въ Лондонѣ при посольствѣ, которое потомъ было изгнано оттуда. Дипломатика Конвента незаключала въ себѣ ничего такого, что моглобы потрясти крѣпкїя фибры его сердца. Маретъ даже исполнялъ разныя препорученїя онаго, и посреди столь почтенныхъ своихъ упражненїй вступившими внутрь Францїи Австрїйцами схваченъ былъ вмѣстѣ съ другими политическими зажигателями. По случаю обмѣна Дщери Лудовика XVI, возвратившись во Францїю, во время Консульскаго правленїя онъ занялъ должность секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, и исправлялъ ее даже до принятїя вмѣсто г-на Шанпаньи Министерскаго званїя, которое давно уже получить добивался. Должность, сопряженная съ кабинетнымъ трудомъ и по существу своему требующая скрытности, казалась ему весьма необширнымъ горизонтомъ, весьма тѣсною сценою для его талантовъ. Онъ желалъ сдѣлаться Министромъ Францїи и всей Европы, ибо при тогдашнихъ обстоятельствахъ Французскїй Министръ иностранныхъ дѣлъ едва ли не былъ такимъ въ самомъ дѣлѣ. Маретъ думалъ, что блестящїя формулы и площадная учтивость составляютъ главную часть его должности, и что онъ

прикрываютЪ всѣ недостатки Министра. Его способЪ изъясняться тяжелЪ, запутанЪ, неопредѣлителенЪ. Правила его суть приличность, сила и большой сборЪ софизмЪ, изЪ которыхЪ вЪ последніе 25 лѣтЪ состояла Французская дипломатика. Дни свои провождалЪ онЪ вЪ бѣганьи, вЪ шарканьи по дворцу, вЪ продолжительномЪ сидѣньи за обѣдами и вЪ прогулкахЪ. ПотомЪ наступалЪ часЪ работы, вЪ такое время когда все отдыхаетЪ. ВЪ самую полночь приходитЪ ему на память, что есть дѣла, требующія исполненія. СзываетЪ секретарей и раздаетЪ приказанія. Около 5 часовЪ господинЪ МинистрЪ ложится вЪ постелю, предоставляя несчастнымЪ секретарямЪ обработывать высокія свои мысли: отЪ того вЪ бумагахЪ его примѣтно было ночное произведеніе. Милости его заслужить можно было однимЪ только средствомЪ, а именно — ласкательствомЪ. Надлежало всему удивляться, даже маленькой собачкѣ Дюшессы. Это подало поводЪ нѣкоторому остроумному человѣку сказать, что собачка Дюшессы надѣлала множество государственныхЪ АудиторовЪ и ПрефектовЪ. МаретЪ имѣетЪ удивительную привязанность кЪ мѣлочамЪ; любо слушать, какЪ онЪ обЪ нихЪ бесѣдуетЪ. ОнЪ почитается вѣрнымЪ и постояннымЪ другомЪ; но таковЪ

ли онъ въ самомъ дѣлѣ, — ето иной вопросъ. При честолюбивой посредственности, при ребяческомъ самоугожденіи, при сибаритской суетности, при сентиментальности, которая въ немъ есть жестокость и безчувствіе — при заносчивости, присвоивающей себѣ всѣ дарованія и свѣдѣнія, при выученномъ раболѣпствѣ, съ нравственностію и краснорѣчіемъ Монитера — можно быть Дюкомъ Бассанскимъ; можно быть величайшимъ зломъ своего вѣка, но не другомъ, не мужемъ, готовымъ на пожертвованія въ потребное время. Единственное искусство Дюка Бассанскаго состоитъ въ угадываніи мыслей своего господина. Надобно смотрѣть, съ какимъ видомъ онъ взираетъ на него, какъ слушаетъ. Онъ стоитъ, какъ будто предъ божествомъ. Онъ ни чѣмъ не хочетъ быть самъ собою. Чего не думаетъ Императоръ, того и онъ не скажетъ во вѣки. Былъ самымъ рѣшительнымъ защитникомъ Поляковъ, въ которыхъ видѣлъ настоящихъ паладиновъ, и ето единственно для того чтобы повторять себѣ мысленно: *знай меня! Вотъ я каковъ!*

(Съ Нѣмецкаго.)

Характеръ Наполеона.

(Изъ соч. того же г-на Прадта.)

Наполеонъ исчезъ, и нѣтъ его на сценѣ міра; онъ умеръ гражданскою смертію. Теперь дозволяется открыть его особу. Онъ принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ область потомства и содѣлался его собственностію. Всѣ говорятъ о немъ, всѣ его обвиняютъ. Я предпринимаю другое дѣло — я хочу ***изъяснить*** его. Трудъ не самой легкой!

Духъ Наполеона былъ многообъемлющъ, но только на манеръ восточной. Онъ стремился къ величію восточныхъ народовъ; но будучи всегда въ противорѣчіи съ самимъ собою и увлекаемый собственною тяжестію, всегда падалъ отъ величія къ мѣлочамъ. Былъ всегда великъ въ первыхъ своихъ мысляхъ, а во вторыхъ всегда малъ и низокъ. Карманъ его уподоблялся его духу: одинъ уголокъ былъ въ немъ щедрой, а другой скупой.

Его геній, созданный для великаго позорища міра или для шутовскаго зрѣлища, уподоблялся Королевской мантіи, простертой на арлекинскомъ платьѣ. Онъ былъ человѣкъ, жившій посреди крайностей, человѣкъ, которой равнялъ Альпы, перерѣзывалъ Симплонъ, распространялъ или

стѣснилъ моря, и наконецъ отдалъ себя въ плѣнъ кораблю Англійскому.

Одаренный удивительною быстротою разума, имѣя отмѣнно пылкое воображеніе, онъ для всякаго дѣла придумывалъ новые виды; бывъ пылкимъ въ своихъ выраженіяхъ, живописнымъ и піитическимъ въ своихъ оборотахъ рѣчи, онъ самою даже неправильностію придавалъ всему, что ни говорилъ, *особенное достоинство* (*). Въ словахъ его всегда находилось нѣчто странное, слѣдовательно всегда что нибудь оригинальное. Будучи тонокъ и лукавъ, безпрестанно уклоняясь отъ матеріи, сражаясь въ рѣчахъ всегда на своей землѣ, защищая себя въ правдѣ или неправдѣ, казался онъ настоящимъ математикомъ. Его заблужденія были непобѣдимы; онъ обманывалъ многихъ, но себя обманывалъ болѣе, нежели другихъ. Имѣлъ очевидное отвращеніе отъ истины, которую отвергалъ не какъ истину, но какъ глупость, какъ нѣчто несовмѣстное съ тѣмъ, что ему казалось истиною (**). Онъ былъ болѣе обманутъ со-

(*) Не уже ли? Рдр.

(**) Въ етомъ всѣ вредные шалуны, всѣ губительные сумазброды походятъ на Буонапарта. Рдр.

бою нежели склоненъ ко лживости (*). Слова презрѣнія и уничиженія всегда висѣли на губахъ его. Онъ составилъ себѣ собственныя правила оптики, совершенно отличныя отъ обыкновенныхъ, — то есть смотрѣлъ такъ, что самъ себѣ и другіе казались ему въ ложномъ свѣтѣ. Прибавьте къ тому куреніе міра, которое закружило ему голову; прибавьте волшебной кубокъ, изъ котораго пресыщалась его гордость: тогда будете въ состояніи изъяснить себѣ безразсудство етого человѣка, которой соединялъ въ себѣ величіе и малость, которой на тронѣ представлялся Императоромъ, въ повелѣніяхъ хотѣлъ казаться Богомъ, и потомъ вдругъ падалъ съ высоты своей, — человѣка, которой съ характеромъ разрушителя Монархій соединялъ ролю подкрадывающагося шпіона. . . .

Наполеонъ былъ разстроенъ, разстроенъ не въ умѣ, но въ напыщенномъ воображеніи, высокимъ о себѣ мнѣніемъ, которое лишало его всякой разсчетливости и поселило въ немъ мечтательную увѣренность, будто бы все должно исполняться по его приказанію. Повиновеніе, которое

(*) Задача трудная! Намъ кажется, что сочинитель все еще боится, чтобы кто не подслушалъ. Онъ, видно, напуганъ шпіонами.
Рдр.

было ему оказываемо, подало ему ту мысль, что для него нѣтъ ничего невозможнаго. Я съ такимъ тщанїемъ наблюдалъ его сумазбродство, что могъ бы смѣло опредѣлить степень онаго. Главною эпохою было сраженїе при Ваграмѣ, или второе его бракосочетанїе. Тутъ, по видимому разсудокъ его оставилъ, или лучше сказать, кажется, что тутъ Наполеонъ отказался отъ разсудка, какъ отъ орудїя вовсе безполезнаго. Съ того времени предался онъ совершенному безумїю, неограниченному сумазбродству, и повергнулъ Францїю въ пропасть бѣдствїй.

(*Съ Нѣмецк.*)

IV. СМѢСЬ.

Нѣчто о журналахъ.

У насъ всѣ жалуются на журналы, и всѣ — читаютъ ихъ. Журналовъ тысячи, а книги ниодной! — Ето любимое возраженіе на журналы справедливо до такой степени, что еслибъ у насъ не было журналовъ, то нечего было бы читать. Сколько, на примѣръ, вышло въ нынѣшнемъ году книгъ истинно полезныхъ — кромѣ учебныхъ? Едва ли десять. По скольку екземпляровъ каждой раскуплено? Много, если по пятидесяти. Сколько выходитъ журналовъ? До двадцати. Сколько на нихъ подпищиковъ? — Не менѣе двухъ сотъ на каждый, на многіе болѣе тысячи. Сколько читателей? Конечно втрое противъ подпищиковъ.

Сія соразмѣрность, по моему мнѣнію, говоритъ болѣе въ пользу, нежели во вредъ журналовъ. Видно, что публика наша ищетъ пищи своему любопытству, и примѣчая въ издателяхъ журналовъ болѣе старанія удовлетворять сему требованію, не-

желій въ сочинителяхъ и переводчикахъ другихъ книгъ, платитъ имъ за то особеннымъ вниманіемъ. Не льзя сказать, чтобъ *мода* была причиною большаго успѣха журналовъ. *Мода* господствуетъ годъ, два, много три, а у насъ журналы процвѣтаютъ около 15 лѣтъ, т. е. съ начатія Вѣстника Европы Г. *Карамзинымъ*. Съ его легкой руки журналы пошли въ гору и донынѣ не подвигаются назадъ. Съ каждымъ годомъ появляются новые.

Предпочтеніе журналовъ другимъ книгамъ конечно имѣло причиною важность политическихъ происшествій 19 вѣка; но причина сія не исключительна. Литературные журналы процвѣтаютъ въ соразмѣрности неменѣе политическихъ.

Сей великій разборъ на журналы долженъ, какъ кажется, обратить на нихъ вниманіе всѣхъ наблюдателей и доброжелателей отечественнаго просвѣщенія. Надлежитъ стараться, чтобъ источникъ сей изъ году въ годъ становился обильнѣе, для освѣженія и подкрѣпленія силъ тѣхъ, которые черпаютъ изъ него. Надлежитъ стараться, чтобъ онъ не былъ засоряемъ вредною примѣсью, чтобъ люди болѣе и болѣе чувствовали его цѣлительную силу.

Не стану говорить о журналахъ, освященныхъ временемъ: *Вѣстникъ Европы*, *Политической Московской Журналъ*, *Руской Вѣстникъ*, *Сынъ Отечества* имѣютъ каждый свою публику, и вѣроятно будутъ существовать еще долгое время, чего долженъ желать всякой любитель отечественной словесности и просвѣщенія вообще. Къ сему разряду должно причислить газету *Руской Инвалидъ*. Хотя содержаніе ея есть неиное что, какъ плохая выписка изъ всѣхъ извѣстныхъ иностранныхъ газетъ; хотя примѣтно, что трудящіеся въ изданіи ея не умѣютъ ни . . . . , ни писать порусски: но цѣль ихъ такъ благородна, и они стремятся къ ней съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что всѣ истинные патріоты должны способствовать сему изданію и радоваться его продолженію. По сей причинѣ весьма прискорбно видѣть нападенія на етотъ журналъ разныхъ писателей, особливо одного, котораго сужденія, сколько видно, имѣютъ отличный вѣсъ въ публикѣ. . . .

Я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изданіяхъ, которыя, подобно фантасмагорическимъ привидѣніямъ, являются ежегодно на горизонтѣ нашей литературы, и исчезаютъ, оставляя по себѣ смрадъ и дымъ, а во всѣхъ зрителяхъ досаду на

то, что приведены были въ обманъ такимъ . . . . образомъ. Наступаетъ осень 1815 года и вѣроятно скоро увидимъ мы падающія, подобно желтымъ листьямъ съ деревъ, объявленія о начатіи новыхъ журналовъ, увидимъ новыя усилія безграматныхъ, безденежныхъ и . . . . Говорятъ, что *опыты отцевъ для дѣтей потерянны.* Постараемся доказать, что мы умнѣе сихъ дѣтей и пользуемся опытами не только отцевъ своихъ, но и нашими собственными. Посмотримъ на журналы, начатые съ 1815 года, и постараемся изъ нихъ извлечь *теорію* на будущее время. Начнемъ съ Московскихъ. — *Амфіонъ* и *Россійскій Музеумъ* принадлежатъ къ явленіямъ пріятнымъ для любителей литературы. Оба сіи журнала начаты *извѣстными Литераторами*, и потому публика могла предвидѣть, что будетъ имѣть въ нихъ: первый читаютъ съ удовольствіемъ всѣ занимающіеся словесностію, или, лучше сказать, теоретическою ея частію. Г. *Мерзляковъ* сообщаетъ намъ въ немъ первые опыты *истинной критики* на Русскомъ языкѣ. Польза, которая произойдетъ отъ того, очевидна. Прекрасныя стихотворенія, сообщенныя публикѣ посредствомъ сего Жур-

нила, также должны быть отличены. Въ немъ есть правда пїесы, помѣщенныя, какъ видно, *по обстоятельствамъ*; но гдѣ ихъ нѣтъ? — *Россійскій Музеумъ* имѣетъ большую публику. Приятный слогъ Издателя, выборъ статей, нравящихся большему числу читателей, особливо прекрасному полу, отличныя стихотворенїя, доставили сему изданїю видимый успѣхъ. По моему мнѣнїю, сочиненїя и переводы, отличающїеся легкостїю и приманчивостїю слога и занимательностїю содержанїя, болѣе приносятъ пользы литературѣ раждающейся, какова наша, нежели ученыя и глубокомысленныя статьи. Первыя привлекаютъ людей и непримѣтно приохочиваютъ ихъ къ чтенїю; послѣднїя пугаютъ неученыхъ (т. е. большую часть нашей публики) и только въ классахъ читаются съ прилѣжанїемъ и пользою. — *Дѣтской Вѣстникъ* не входитъ въ разрядъ журналовъ, мною разсматриваемыхъ. Скажу только, что онъ не въ примѣръ лучше *Дѣтскаго Журнала*, которой издавалъ въ 1811 году въ Петербургѣ одинъ книгопродавецъ. — *Современный наблюдатель Россійской Словесности* — есть не иное что какъ вывѣска характеровъ нашего времени. Поверхностныя нахватанныя познанїя, недостатокъ опытности, холодное какое-то самолюбїе, совер-

шенное отсутствїе всякаго чувства и безмѣрная дерзость — вотъ его отличительныя черты. Въ *Вѣстникѣ Европы* сказано, что онъ издавался недоучившимся студентомъ. Это было видно! Одинъ изъ Университета спѣшитъ съ лорнетомъ или въ очкахъ на булеваръ, бѣгаетъ на немъ разинею, толкаетъ встрѣшнаго и поперешнаго, не снимаетъ шляпы предъ Профессоромъ, у котораго еще вчера сидѣлъ въ классѣ, и дерзкою улыбкою даетъ ему чувствовать, что вышелъ изъ подъ *ферули;* другой дѣлаетъ все тоже — въ Журналѣ. Нельзя сказать, чтобъ издатель *Современнаго наблюдателя Словесности* не имѣлъ нѣкоторыхъ познанїй и ума; но то и другое шло у него не въ прокъ. Онъ судилъ и рядилъ обо всѣхъ, а самъ, кромѣ нахальнаго разбора *Россїяды*, *Филибера* и *Путешествїя въ Индїю*, не могъ написать ничего, наполняя свое сухощавое изданїе переводами давно извѣстныхъ и давно забытыхъ статей, и выписками изъ книгъ. — Довольно о Московскихъ журналахъ, займемся Петербургскими.

Ciel ! que lui vais je dire etpar où commencer ?

Въ С. Петербургѣ выходятъ на 1815 годъ три новые Журнала : *Духъ Журналовъ*, *Кабинетъ Аспазїи* и *Демокритъ*.

Духъ Журналовъ, при самомъ своемъ началѣ, надѣлалъ много шуму. Думали, что это будетъ извлеченїе изо всѣхъ Русскихъ изданій, и потому кинулися на него съ жадностїю. Неизвѣстно, что сдѣлали бы его Издатели (или главной Издатель), еслибъ прочїе журналисты невступились въ свои права: полагаю однако, что они стали бы преисправно . . . . . . ихъ. Протесты заставили ихъ перемѣнить тонъ. На оберткахъ книжекъ, въ обѣявленїяхъ, стали уже говорить въ послѣдствїи, что въ немъ будетъ *духъ* именно только *иностранныхъ* журналовъ. Умолчанїе сего слова въ первоначальномъ обѣявленїи явно показываетъ, что Издатели основали всѣ свои разсчеты . . . . — Первыя уже книжки сего изданїя показали всю скудость его. Онъ вѣрно исчахъ бы, по предвѣщанїю Вѣстника Европы, еслибъ Буонапартъ не убѣжалъ съ Ельбы. Тогда началъ онъ наполняться политическими статьями изъ обыкновенныхъ иностранныхъ газетъ. Главное достоинство такихъ статей есть скорое ихъ сообщенїе, а въ Духъ Журналовъ являются онѣ позже нежели въ С. П. Бургскихъ Вѣдомостяхъ. Вообще, есть ли въ 37 книжкахъ Духа Журналовъ три статьи полезныя и занимательныя, которыхъ небыло бы прежде или послѣ того въ другихъ журналахъ

слѣдственно публика не потеряла бы ничего, еслибъ сего журнала не было вовсе. Издатели его стараются отличиться какимъ-то . . . . *тономъ*, вовсе непристойнымъ Русскому журналу, и приносящимъ мало чести его Издателямъ у людей благомыслящихъ. Слогъ неправиленъ и тяжелъ; впрочемъ исправности слога нельзя требовать въ изданіи еженедѣльномъ. Стихотворенія въ Духъ Журналовъ ниже посредственныхъ. Смѣшная такъ называемая *Баллада Русскаго офицера* и нелѣпыя басни Г. С. показываютъ, что Издатели неимѣютъ понятія объ изящной литтературѣ. Впрочемъ должно сказать, что *стихотворная часть всѣхъ Петербургскихъ журналовъ* не слишкомъ завидна. И въ *Сынѣ Отечества* помѣщаются стихи, которымъ приличнѣе было бы являться въ свѣтъ подъ мантіею *Демокрита*. Будетъ ли Духъ Журналовъ продолжаться на слѣдующій годъ, неизвѣстно; но то несомнѣнно, что гораздо лучше и полезнѣе подписаться на простыя Московскія вѣдомости, нежели на сіе высокопарное изданіе.

Кабинетъ Аспазіи. Если Издатель Современнаго наблюдателя по справедливости называется недоучившимся студентомъ, то Издатели сего Кабинета имѣ-

ютъ все право на званїе неучившихся . . .
. . . ., вырвавшихся изъ того класса приходскаго училища, въ которомъ еще не начинали курса грамматики и лишь только кончили азбуку. Ето невѣжество, ета незрѣлость — единственны! Не понимаемъ, какъ родители позволяютъ сыновьямъ своимъ срамить ихъ имя глупыми мараньями? — Нельзя взглянуть на книжки етого журнала безъ досады и сердечнаго сожалѣнїя, что у насъ нѣтъ *ремесленной* управы авторовъ. Я нѣсколько разъ слышалъ возраженїе: видно въ нѣкоторыхъ пїесахъ сего Журнала *желанїе* писать порядочно; вырываются мысли, чувства. . . . Точно такъ! вырываются, и сами не могутъ надивиться, какъ туда попали. На каждой страничкѣ сего журнала найдете до пятнадцати ошибокъ противъ всѣхъ частей грамматики, противъ логики и пр.; всѣ знаки препинанїя какъ будто перебѣсились: нѣтъ почти ни одного на своемъ мѣстѣ. Что скажутъ, на примѣръ, объ етой фразѣ:

Естьли ландышъ совсѣмъ сдѣлается неизвѣстнымъ, то его имя сохранится на вѣки въ Бѣдной Лизѣ!

Не находимъ слова, чтобъ выразить всю нелѣпость етой мысли. Истолкуемъ ее примѣненїемъ: *ежели невѣжи и* . . . .

изведутся на Руси, то ихъ *память сохранится навѣки въ Кабинетѣ Аспазіи*. — Издатели безпрерывно обижаютъ нашихъ дамъ, говоря, что ето изданїе предпринято для *дамъ*, что *дамы* его читаютъ, и пр. Что подумаютъ иностранцы о нашихъ дамахъ, взглянувъ на етотъ журналъ, имъ посвященный? — Развѣ то, что есть дамы разныхъ разборовъ! — И ети люди судятъ и рядятъ о литературѣ! И они помѣщаютъ некрологїи авторовъ! Не знаю, платится ли, по нашимъ законамъ, *безчестье* за умершаго его семейству; но здѣсь видно, сколь необходимъ былъ бы сей законъ. Неизвѣстно, будетъ ли етотъ журналъ продолжаться впредь. Донынѣ вышли пять книжекъ изъ обѣщанныхъ шести. Недовольно ли?

На *Демокрита* не нужно тратить словъ. Публика произвела уже сужденїе свое надъ симъ произведенїемъ *зрѣлаго* невѣжества. Не трудно угадать, какой . . . . . воспламенялъ воображенїе сочинителя стиховъ:

Здравствуй братъ елёха-воха!
Особенно въ строфѣ:

О Фортуна! но ни слова!
Съ чердака маво сквознова
Тебѣ фигу я кажу,

Кажется впрочемъ, что здѣсь небольшое недоразумѣнїе: вмѣсто *фортуны*, сочинитель хотѣлъ сказать: *публика*. Не вышло бы стиха? Нужды нѣтъ! тѣмъ яснѣе и выразительнѣе былъ бы смыслъ. — Но оставимъ шутку. До Августа явилось три книжки Демокрита, а въ семъ мѣсяцѣ вышли въ свѣтъ еще три вдругъ. Дождемся ли остальныхъ, не знаемъ, но знаемъ то, что человѣкъ триста заплатили по двадцати слишкомъ рублей — и не получали даже за то обѣщанной бумаги — не говоря уже о томъ, чѣмъ сїя бумага моглабъ быть испечатана.

Что выведемъ мы общаго изо всѣхъ сихъ замѣчанїй? — То, что публика наша должна наконецъ привыкнуть къ справедливому сужденїю о томъ, что ей обѣщають по самому обѣщанїю, или по обѣщателю. Я читалъ въ Вѣстникѣ Европы любопытное постановленїе Князя Нидерландскаго о книгопечатанїи. Въ немъ опредѣлено давать привилегїю на изданїе журнала только тѣмъ, которые могутъ доказать, что у нихъ есть 300 подписщиковъ. Сто постановленїе сдѣлано только потому, что въ нѣкоторыхъ иностранныхъ Государствахъ, Англїи, Францїи и проч. взимаются пошлины съ штемпелей, которыми клеймятъ газетную или жур-

пошлинную бумагу, слѣдственно правительство имѣетъ при томъ въ виду единственно то, чтобъ новые ефемерные журналы не повредили расходу существующихъ уже газетъ, съ которыхъ получается доходъ. У насъ етого нѣтъ; наше Правительство даетъ раждающейся нашей литтературѣ совершенную свободу отъ тягостныхъ взносовъ, которые вскорѣ изсушили бы единственную вѣтвь нашей словесности — журналы. — У насъ публика, какъ я выше сказалъ, должна сама управляться съ своими доброжелателями. Хотя слогъ и приемы первоначальнаго уже объявленія показываютъ читателямъ, какого поля ягоды должно имъ ожидать, но вообще есть и другїе признаки, по которымъ можно отличить журналъ отъ журнала.

Публика должна требовать во первыхъ, чтобъ издатель или издатели новаго журнала назвались по именамъ, и упомянули о прежнихъ своихъ сочиненїяхъ и переводахъ. Удалось ли бы одному изъ помянутыхъ выше журналистовъ обморочить ее, еслибъ онъ назвалъ въ объявленїяхъ прежнїя свои сочиненїя: *Страждущая добродѣтель или поросенокъ въ мѣшкѣ*, *Мелангол*ї*я* и т. п.? Всего менѣе публика можетъ вѣрить журналамъ, которые издаются какимъ нибудь обществомъ само-

званцевъ — литераторовъ. Такія объявленія начинаются обыкновенно словами: *Нѣкоторые любители отечественной словесности рѣшились*, или *Общество любителей вознамѣрилось* и пр. Какія ето общества? кто члены, ихъ составляющіе? Если издавать журналы не значитъ грабить, или воровать — такъ для чего скрываться? Во вторыхъ: должно подписываться на новые журналы, которыхъ издатели неизвѣстны прежними своими трудами, не иначе какъ по выходѣ въ свѣтъ по крайней мѣрѣ двухъ книжекъ. Прошу замѣтить, что я говорю на *новые* журналы: ето отбилобы у многихъ пустыхъ писателей охоту дурачить публику сперва объявленіями, а потомъ и книжками. Хорошій, благонамѣренный писатель не убоится 1е, объявить свое имя, 2е исчислить прежніе свои труды, 3е ожидать рѣшенія публики при третьей книжкѣ. А дурной? — Дурной не примется за ето дѣло. — и публика останется въ покоѣ — и журналы не будутъ лишаться довѣрія и уваженія, которыми должны пользоваться въ Отечествѣ, чтобъ приносить ему пользу.

Стр — вичъ.

С. Петербургъ
Сентября 12 дня 1815 года.

Извѣстія и замѣчанія.

Поля Шампани знамениты въ бытописаніяхъ міра; на нихъ претерпѣлъ великое пораженіе гордый Атилла. На равнинахъ той же страны собранныя Россійскія войска, пришедшія для низложенія новаго Атиллы и для укрощенія буйныхъ его единомышленниковъ, представляли примѣры своихъ подвиговъ и искусства въ присутствіи Высокихъ Союзниковъ и многочисленныхъ зрителей. Пространство, имѣвшее въ длину 16 верстъ и въ ширину 12, казалось обширнымъ военнымъ городомъ, наполненнымъ слишкомъ *деумя стами* тысячь Русскихъ воиновъ и стороннихъ посѣтителей. Такіе лагери бываютъ весьма не часто. Только особенной случай могъ быть причиною къ собранію такого военнаго многолюдства на одномъ мѣстѣ, и притомъ не для сраженія.

По окончаніи вышеупомянутыхъ смотровъ при Вертю Союзные Монархи возвратились въ Парижъ. Великіе подвиги ихъ уже, какъ увѣряютъ, увѣнчаны совершеннымъ окончаніемъ мирныхъ переговоровъ. Еще не объявленъ трактатъ оффиціально; однакожъ возвращеніе бывшихъ на походѣ къ Рейну корпусовъ Россійскихъ и Австрійскихъ, равнымъ образомъ и новѣйшее извѣстіе о выступленіи Россійской, находившейся на смотрахъ арміи, изъ которой только 40,000 человѣкъ остается во Франціи, заставляютъ несомнѣваться въ вѣроятности главныхъ условій новозаключеннаго трактата, — условій, повторенныхъ во всѣхъ газетахъ. Извѣстія изъ Англіи подтверждаютъ то же самое, хотя впрочемъ

съ нѣкоторыми перемѣнами. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что мирный трактатъ Англійскимъ Правительствомъ уже ратификованъ. Упомянутыя выше главныя условія распространились изъ Ахена и суть слѣдующія: 1) Во Франціи останется союзная армія въ 200,000 чел. на жалованьи и содержаніи Французскаго Правительства. 2) Франція заплатитъ въ сроки 1200 милліоновъ франковъ. 3) Многія Французскія крѣпости заняты будутъ союзными войсками. 4) Границы Франціи утверждаются, какъ онѣ были въ 1790 году. Только области на Бельгской, Германской и Швейцарской границѣ, присоединенныя къ Франціи Парижскимъ трактатомъ 1814 го года, отъ оной отдѣлятся. —

Такимъ образомъ несомнительно, что Монархи скоро отправятся изъ Парижа. Но прямо ли они поѣдутъ въ свои Государства, или употребятъ нѣкоторое время на посѣщенія, неизвѣстно. Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ, когда припомнимъ себѣ, что въ двухъ разныхъ мѣстахъ дѣлаются приготовленія къ пышнымъ, блистательнымъ празднествамъ. Въ Медіоланѣ назначено быть въ скоромъ времени коронованію Императора Франца на Королевство Ломбардо-Венеціанское, а въ Бриселѣ Глава Оранскаго Дома будетъ вѣнчаться въ качествѣ Короля Нидерландскаго. Можетъ быть Высокимъ Союзнымъ Монархамъ прежде всего угодно будетъ присутствовать при смотрахъ Австрійской арміи, собравшейся близъ Жанли.

— О Французахъ, къ сожалѣнію, не только нельзя еще сказать ничего добраго, но шалости ихъ бездѣльничества и злодѣйства со дня на

менѣ болѣе умножаются. Всѣ публичныя вѣдомости наполнены и обременены безпрерывно прибавляющимися печальными извѣстіями изъ Франціи. Многія области сего несчастнаго государства представляютъ ужасную картину безпорядковъ и злодѣяній. Чтители Буонапарта и республиканцы, или лучше сказать люди никакого надъ собою начальства не терпящіе, повсюду бунтуютъ и приводятъ въ отчаяніе добрыхъ согражданъ своихъ, утомленныхъ столь долговременными потрясеніями. Въ самомъ Парижѣ бродятъ по городу злодѣи со скрытными въ тростяхъ кинжалами и шпагами. Праздные офицеры, которыхъ въ одномъ Парижѣ находится 6000, принадлежащихъ къ Лоарской арміи, живутъ тамъ вопреки капитуляціи, заводятъ въ публичныхъ мѣстахъ ссоры и драки и хвастливо болтаютъ о какой-то выгодной для нихъ будто бы близкой перемѣнѣ. Нѣсколько тысячь привыкшихъ къ войнѣ людей, а нынѣ лишившихся ремесла сего, соединяются между собою и составляютъ шайки мятежниковъ и грабителей. Они могли бы легко завести и кровопролитную междоусобную войну, если бы не препятствовало тому присутствіе войскъ иностранныхъ. Они производятъ даже и разные поборы съ жителей, подъ разными несправедливыми предлогами.

Умы Французовъ до того исказились, что не только гнусные чтители Буонапарта, но къ несчастію и самые роялисты безчинствуютъ. Среди развращеннѣйшаго вольнодумства и безвѣрія вдругъ представляется ужасный примѣръ гоненія за вѣру! Въ городѣ Нимѣ изувѣры въ немногіе дни умертвили болѣе 600 про-

тестантовъ, ограбили и сожгли 62 дома. Происшествія достойныя вѣковъ варварскихъ! Гонимые, а за ними и гонители побѣжали въ Севеннскія горы, а въ Нимъ вступили между тѣмъ Австрійскія войска. Не извѣры ли теперь составляютъ многочисленную шайку мятежниковъ? О сихъ послѣднихъ пишутъ слѣдующее: „Въ *Севеннскихъ* горахъ засѣло слишкомъ 30 тысячь мятежниковъ. Они заняли тамъ такую позицію, что національная гвардія, даже при помощи подоспѣвшихъ къ ней Австрійцевъ, не смѣла на нихъ напасть. Противъ сихъ Буонапартистовъ принимаются нынѣ строжайшія мѣры. Полагаютъ, что сильный Австрійскій корпусъ двинется изъ *Ліона* въ *Нимъ* и *Монпелье*, для подкрѣпленія находящихся тамъ Австрійскихъ отрядовъ и для общаго съ роялистами нападенія на бунтовщиковъ. — Близь *Маржеколя* (одного изъ главныхъ мѣстъ мятежа въ *Гардскомъ* департаментѣ) разбойники сіи застрѣлили 15 Августа *Аббата д'Егриньи*, удостоеннаго довѣренностію Короля. Они напали на него въ собственномъ его помѣстьи, неподалеку отъ его дома.“ — Въ Тулонѣ произошли весьма значительныя возмущенія. Всѣ другія извѣстія также ужасны; на прим. въ Авиньонѣ и окрестностяхъ онаго господствуетъ духъ мятежа. Авиньонскій Меръ спасся бѣгствомъ въ Валансъ отъ ожесточеннаго народа, и отъ зрѣлища убійствъ, которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ. Еще пишутъ, что въ южной Франціи, и особливо въ Ліонѣ, многіе носятъ *зеленую* кокарду. Это опять знакъ новой какой-то партіи, отъ которой добра ожидать не должно. Въ Бордо Французскіе офицеры недавно простерли дерзость

свою до того, что ходя по городу, носили трехцвѣтное знамя и произносили возмутительныя восклицанія. Сіи сумазбродства безъ сомнѣнія поумен шатся, когда исполнится требованіе Союзныхъ Державъ, которыя, какъ увѣряютъ, настоятъ въ томъ, чтобы имѣніе главныхъ приверженцовъ Буонапарта было конфисковано, потому что великое имущество въ рукахъ столь вредныхъ людей можетъ имъ подать способъ къ возбужденію мятежей.

Французскія крѣпости сдаются, или берутся штурмомъ. Нѣкоторыя еще сопротивляются, и тѣмъ доказываютъ, что вопреки естественному порядку могутъ быть дѣйствія — безъ причины.

Разныя извѣстія.

Іосифъ Буонапартъ схваченъ въ Чези; Лукъянъ находится въ Туринѣ; Лудовикъ живетъ въ Римѣ; Мюрату назначается пребываніе во владѣніяхъ Австрійскаго Императора.

— Дюкъ Орлеанскій во время Французской революціи убѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ проживши послѣднiе свои 100 луйдоровъ, училъ геометріи въ Граубинденской школѣ. По смерти Робеспьера, онъ отправился въ Америку и проч. Теперь онъ живетъ въ Лондонѣ, для того чтобы неслушать мятежническихъ предложеній. Въ Парижѣ есть партія, доброжелательствующая Дюку Орлеанскому.

О благотворении бѣдному семейству.

Полученные Редакторомъ отъ неизвѣстныхъ трехъ благотворительныхъ Особъ въ конвертѣ подъ печатью Царевосанчурской Почтовой Експедиціи *семдесять пять* рублей, по желанію ихъ отправлены въ городъ Корочу ко вдовѣ Надворной Совѣтницѣ Аннѣ Матвѣевнѣ *Карцовой* (*Вѣст. Евр.* 1813 No 2, стран. 159, 161).

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 19.

ОКТЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА, или самолюбивая женщина.

(*Англійская повѣсть.*)

Молодая дѣвица Вильсонъ лишилась отца своего, человѣка очень достаточнаго и бывшаго у всѣхъ въ отличномъ уваженіи. Ей, какъ единственной наслѣдницѣ, должно бы принадлежать все имѣніе почтеннаго Вильсона; но по несчастію дѣла свои оставилъ онъ въ такомъ безпорядкѣ, что, за уплатою долговъ его, юная и прекрасная Генріетта, вмѣсто ожидаемаго богатства, едва получила тысячу фунтовъ стерлинговъ.

Довольно оплакавши смерть любимаго родителя, Генріетта на конецъ вспомнила, что надобно позаботиться о будущемъ своемъ состояніи. Она ввѣрила малое свое имущество въ руки богатаго купца, всѣмъ извѣстнаго по своей честности, и такимъ оборотомъ составила себѣ небольшой ежегодной доходъ по пятидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Но какимъ образомъ содержать себя столь малою суммою въ большомъ свѣтѣ, и какъ жить въ кругу прежнихъ богатыхъ знакомыхъ? Не уже ли надобно работою снискивать себѣ пропитаніе? Г. Вильсонъ, нѣсколько суровый въ своихъ правилахъ, хотя впрочемъ добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, не старался обучить дочь свою тѣмъ пріятнымъ, но не самымъ нужнымъ, искусствамъ, которыя могутъ доставить помощь въ бѣдности, но которыя могутъ быть также и опасными, растрогивая чувствительность и распаляя воображеніе молодой особы имъ предавшейся, и заражая въ сердцѣ ея сѣмена тщеславія. Генріетта научена была всему полезному. Г. Вильсонъ тщательно образовалъ умъ ея, и вселилъ въ нее чувства благородныя и нѣжныя, съ которыми соединялась природная ангельская тихость нрава ея и плѣняющая скромность.

Дѣвица Вильсонъ, въ осмнадцать лѣтъ отъ роду, твердо рѣшилась удалиться изъ Лондона, и мѣстомъ произвольнаго своего заточенія выбрала небольшую деревню, за сто миль отъ столицы.

Тамъ въ помѣстьяхъ своихъ жила госпожа Оклей, за два года передъ тѣмъ овдовѣвшая супруга Лорда, которой, какъ сказываютъ, не совсѣмъ былъ счастливъ своимъ бракомъ. Леди Марія Оклей имѣла около сорока лѣтъ отъ роду, была довольно еще пригожа и обладала большимъ имѣніемъ.

Она знавала г-на Вильсона, и даже очень много была одолжена покойному. Увѣдомившись, что юная Генріетта живетъ недалеко, госпожа Оклей посѣтила ее, и по видимому была чрезвычайно тронута ея положеніемъ. Генріетта приняла ее съ такою вѣжливостію и такъ хорошо умѣла изъявить ей свою празнательность, что Леди Марія была очарогана сею молодою особою. Послѣ многихъ посѣщеній она сказала: „Я не могу болѣе жить безъ васъ, любезная моя Генріетта; правда, мы сосѣдки, однакожъ не такъ близкія, какъ бы я того желала. Вашъ нравъ, вашъ умъ, даже наружность ваша столь мнѣ понравились и столько восхищаютъ меня, что намъ ни-

жакъ не должно разставаться. Покиньте ету деревню, въ которой вовсе неприлично вамъ жить, и ради Бога переселитесь ко мнѣ дѣлить со мною и украшать мое уединенїе. Еслижъ вы откажетесь отъ моего предложенїя, то знайте, что я брошу свой замокъ, и сама переѣду жить къ вамъ Я твердо рѣшилась." Генрїетта не можетъ противиться такимъ неотступнымъ убѣжденїямъ и соглашается переѣхать къ Леди Марїи.

Бѣдная Генрїетта! Еслибъ она посовѣтовалась прежде съ сосѣдами госпожи Оклей, то навѣрное осталась бы въ сельскомъ своемъ убѣжищѣ, и незахотѣла бы свою благородную и сладостную свободу подчинить женщинѣ, которая, какъ говорили, имѣла нравъ прихотливый и высокомѣрный, и поступала до крайности обидно съ людьми, коихъ фортуна заставила признавать власть ея надъ собою. Правда, что Леди Марїя богаче всѣхъ своихъ сосѣдовъ, а ето уже и есть, по ихъ мнѣнїю, вина непростительная. Можетъ быть они смотрѣли на ея недостатки глазами зависти, которая обыкновенно увеличиваетъ наши дурныя качества и уменьшаетъ хорошїя. Впрочемъ дѣвица Вильсонъ входитъ въ домъ Леди Марїи какъ ея приятельница; и притомъ, лишь только домъ сей

сдѣлается для нея неприятнымъ, она можетъ въ тужъ минуту возвратиться въ свою деревню, и жить по прежнему бѣдною, но свободною.

Въ первые два мѣсяца госпожа Оклей обходилась съ Генрїеттою вѣжливо, имѣла къ ней довѣренность и самое благосклонное расположенїе; даже не было недостатка въ уваженїи, во вниманїи и въ маленькихъ услугахъ. Это была живая и самая нѣжная дружба. Леди Марїя пересказываетъ Генрїеттѣ все, что знаетъ и чего незнаетъ; открываетъ ей тысячу маленькихъ таинъ въ знакъ очевиднѣйшей и несомнительной своей привязанности, и требуетъ, чтобы всѣ онѣ хранимы были съ ненарушимою вѣрностїю. Правда, что Генрїетта скоро узнаетъ, какъ должно цѣнить такую довѣренность, въ которой всѣ равномѣрно участвуютъ; ей кажется, что сїя, такъ называемая, довѣренность есть въ самомъ дѣлѣ не иное что какъ лукавство или нескромность. Но Леди Марїя изъявляетъ такую привязанность, за которую не льзя не любить ее, и Генрїетта всѣ недостатки своей покровительницы почитаетъ легкими странностями. Гдѣ найти во всемъ совершеннаго человѣка? говорила сама себѣ Генрїетта: положимъ, что она неразсудительная женщина, — положимъ, что она нѣ-

сколько гордится породою своею и богатствомъ; но по крайней мѣрѣ она имѣетъ доброе сердце, она приняла меня въ домъ свой съ благосклонностію, которая тронула меня до глубины сердца; а я чѣмъ ето заслужила? Я жила въ уединеніи, была несчастна — вотъ всѣ мои права на ея привязанность.

Въ одинъ день, когда она занималась сими размышленіями, и когда Леди Марія осыпала ее болѣе нежели обыкновенно знаками нѣжной дружбы, Генріетта получаетъ изъ Лондона письмо, въ которомъ пишутъ къ ней, что купецъ, взявшій къ себѣ небольшой капиталъ ея и до сихъ поръ всегда исправно платившій проценты съ ея тысячи фунтовъ стерлинговъ, сдѣлался банкрутомъ и убѣжалъ на твердую землю.

Сія неожиданная новость была для нее громовымъ ударомъ. Она осталася безъ всякаго пособія, должна жить на всемъ иждивеніи Леди Маріи, находиться въ совершенной отъ нее зависимости и питаться отъ ея сострраданія. Тягостное состояніе для души столь благородной, какую имѣла Генріетта!

Леди Марія, въ припадкахъ своей нѣжности, часто предлагала ей значитель-

ные подарки, можетъ быть знавши напередъ, что они небудутъ приняты; часто говорила ей: „Ахъ, милая Генріетта! съ какою нетерпѣливостію желаю быть когда нибудь и чѣмъ нибудь вамъ полезною!“ Но тогда дѣвица Вильсонъ ни въ чемъ неимѣла нужды, и ея честолюбіе соотвѣтствовало ея достатку.

Прилѣжно подумавши о новомъ своемъ состояніи, она рѣшилась идти къ Леди Маріи, которой сказала, держа письмо въ рукѣ своей: „Я никогда не сомнѣвалась, милостивая государыня, въ искренности чувствъ, которыя вы мнѣ изъявляли; но я думала, что нарушу строгія правила приличія, когда бы захотѣла отъ дружбы вашей принимать благодѣянія, неимѣя въ нихъ нужды. Теперь, милостивая государыня, судьба моя очень перемѣнилась; настало время, въ которое ваша ко мнѣ благосклонность составляетъ единственную мою подпору въ свѣтѣ. Я была бы и несправедлива и неблагодарна, когдабъ отвергла вашу помощь, предлагаемую столь милостиво и съ такимъ великодушіемъ . . . Прочтите ето письмо, сударыня; оно покажетъ вамъ причину моей горести.“

Леди Марія беретъ письмо и читаетъ съ большимъ вниманіемъ нежели чув-

ствительностію. Потомъ, вдругъ оборотясь къ безпомощной сиротѣ, обнимаетъ ее и говоритъ голосомъ сильной страсти: „Моя любезная Миссъ! сколь бы ни велико было несчастіе ваше, но я радуюсь, радуюсь душевно, помышляя, что могу по крайней мѣрѣ смягчить его. Мой домъ, мой столъ, мои люди — къ вашимъ услугамъ. Жизнь ваша протечетъ тихо вмѣстѣ съ моею, и я надѣюсь, что вы никогда не примѣтите перемѣны въ вашемъ состояніи."

Сіи слова утѣшили Генріетту, и она ушла въ свою комнату; но какое-то неясное, безпокойное предчувствіе, которое тщетно старалась она изгнать изъ своего сердца, говорило ей, что она имѣетъ важныя причины съ одной стороны жалѣть о своей потерѣ, а съ другой очень мало надѣяться.

Прежде Леди Марія иначе ее неназывала въ разговорѣ какъ *Миссъ* Генріетта; но на другой день послѣ прочтенія письма за завтракомъ уже перестала прибавлять почтительное *Миссъ* къ ея имени. Бѣдная Генріетта какъ-то ненарочно опрокинула чайную чашку. „Боже мой!" восклицаетъ Леди Марія „какъ ты неловка, Генріетта! надобно смотрѣть, что дѣлаешь. Развѣ нельзя пить чай, неопрокинувши и не

разбивши чашки? Прошу, чтобъ этого не случалось въ другой разъ!"

Въ тужъ минуту поняла Генріетта, что находится у Леди Маріи отнюдь не какъ пріятельница, что она лишилась своей независимости, и что живетъ въ домѣ неиначе какъ *принятая для компаніи*, все равно что у Французовъ *complaisante*, а у Англичанъ *humble companion*, — въ истинномъ смыслѣ то же, что и служащая въ домѣ, кромѣ того только что принятая для компаніи имѣя честь обѣдать вмѣстѣ съ госпожею, неполучаетъ никакого жалованья; ибо ей говорятъ: пододвиньте кресла, — прикажите подогрѣть кофейникъ, — позовите горничную, — подайте мнѣ стаканъ воды, и проч. . . .

Генріетта получила отъ матери своей воспитаніе, приличное наилучшей хозяйкѣ. Она совершенно умѣла сберегать плоды и готовить пирожное всякаго рода. Часто случалось, что она занималась подобными дѣлами сколько для угожденія Леди Маріи, столько же и для препровожденія времени. Но что прежде служило ей забавою, то сдѣлалось теперь ея должностію.

Такая перемѣна въ положеніи Миссъ Генріетты не укрылась отъ любопытныхъ

и наблюдательныхъ взоровъ домашнихъ служителей. Они обрадовались, что фортуна сравниваетъ съ ними существо, природою и воспитанїемъ высоко надъ ними поставленное. Но дѣвица Вильсонъ была такъ любезна, такъ благородна среди своихъ упражненїй, что онѣ не смѣли освободиться отъ долга почтенїя, налагаемаго несчастною, терпѣливо покаряющеюся судьбѣ своей добродѣтелїю. Однакожъ ей почти не повиновались; никто неслушался ея приказанїй, и она часто принуждена была съ униженїемъ просить слугу, чтобы подалъ ей воды за обѣдомъ, или служанку чтобы потрудилась принести карафинъ въ ея комнату.

Столъ Леди Марїи всегда обиленъ и вкусенъ; но бѣдная Генрїетта несмѣетъ дотронуться къ лучшимъ блюдамъ, и вообще она воздерживается отъ всякаго кушанья, которое особенно жалуетъ Леди Оклей, а Леди Оклей столь многимъ блюдамъ оказываетъ благосклонное свое предпочтенїе, что Генрїеттѣ достается почти неболѣе сколько собесѣдникамъ Герцога Гумфрїя, или сколько доброму Санко Пансѣ, когда онъ былъ Губернаторомъ.

Награда ея за услуги состояла въ томъ, что она по крайней мѣрѣ не нуж-

далась въ необходимыхъ вещахъ для жизни. Одежда ея почти такова же какъ и пища. Она имѣетъ право выбирать для себя въ старомъ гардеробѣ Леди Марiи платье, которое перестала уже носить сiя великодушная покровительница.

Ежели Леди нечувствуетъ въ сердцѣ своемъ никакой благосклонности къ подобнымъ себѣ, за то уже нѣжность ея огненнымъ потокомъ изливается на существа другаго класса. Ея къ нимъ привязанность почти невѣроятна. Вы почли бы маленькую обезьяну старшимъ ея сыномъ, еслибъ увидѣли, съ какимъ сердоболiемъ заботится она о здравiи сего животнаго. Можно утвердительно сказать, что не съ такою нѣжностiю, не съ такою снисходительностiю поступала бы она съ дочерью своею, какъ обходится съ сучкой; къ попугаю питаетъ она дружбу самую искренюю, и радость ея была столь велика, когда донесли ей о благополучномъ разрѣшенiи кошки ея отъ бремени, что какъ будто бы услыщала о рожденiи своего внука. Генрiетта имѣла препорученiе ходить за всѣми сими драгоцѣнными членами семейства; она отвѣчала за всѣ ихъ шалости и служила имъ во время ихъ болѣзни.

Таково было положенiе молодой дѣвицы, сотворенной украшать умомъ своимъ

и любезностїю избраннѣйшїя общества въ столицѣ. Она переноситъ свое несчастїе съ благороднѣйшимъ терпѣнїемъ: всегда видна приятная улыбка на устахъ ея, даже и въ то время, когда слеза блистаетъ на ея рѣсницѣ.

Говоря о должностяхъ, соединенныхъ съ новымъ состоянїемъ Генрїетты, я не упомянулъ объ одной, которая казалась для нее самою трудною. Леди Марїя, по праву своего богатства, любила первенствовать въ кругу сосѣдскомъ и давать тонъ въ разговорѣ. Часто предлагала она смѣшныя нелѣпости, и при всемъ томъ никогда нехотѣла быть виноватою. Имѣя умъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно и вздору дать видъ справедливости; но, по несчастїю, Леди Марїя неимѣла даже общаго смысла, и бѣдная Миссъ Вильсонъ бывала принуждена искать въ своемъ воображенїи вспомогательныхъ средствъ къ прикрытїю тупоумїя своей покровительницы, брала ея сторону, подтверждала ея мнѣнїе; если же и не всегда удавалось ей совершенно дѣлать правою Леди Марїю, по крайней мѣрѣ она не рѣдко спасала ея тщеславїе. Часто также Леди Оклей любила выдумывать, вовсе неимѣя дара изобрѣтательности. Ея разсказу недоставало ни приятности, ни живости и, что хуже всего, ниже правдопо-

добія. Чтобы всѣ вѣрили словамъ ея, надобенъ былъ свидѣтель, и она обыкновенно ссылалась на Генріетту: „Вотъ и Генріетта скажетъ вамъ то же; не правда ли Генріетта?“ Дѣвица Вильсонъ краснѣла, не будучи въ силахъ подтверждать явной лжи, чего несдѣлала бы она даже для сохраненія собственной своей жизни. Собесѣдники Леди Маріи улыбались, и говорили себѣ тихонько: бѣдной ребенокъ! она не умѣетъ лгать!

Генріетта была уважаема и любима въ цѣломъ округѣ. При всѣхъ своихъ заботахъ и занятіяхъ, которыя со дня на день умножались, она находила время и способы дѣлать добро: посѣщала больныхъ и неимущихъ, приносила къ однимъ утѣшеніе, къ другимъ слезы — то есть все, что могла дать имъ.

Такимъ образомъ цѣлой годъ жила она въ совершенной зависимости отъ Леди Маріи. Однажды сидѣла она вдвоемъ съ своею покровительницей и читала вслухъ новой романъ. Вдругъ сказываютъ о пріѣздѣ Едуарда Мельвиля. Миссъ Генріетта, услышавъ знакомое имя, кладетъ книгу на столъ, обращаетъ взоръ на молодаго человѣка, краснѣетъ и становится подлѣ госпожи Оклей.

Сиръ Едуардъ былъ сынъ почтеннаго человѣка, стариннаго и искренняго друга Вильсону, умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ прежде отца Генрїеттина. Молодой Мельвиль пять лѣтъ путешествовалъ по Европѣ для приобрѣтенїя новыхъ познанїй и недавно возвратился въ Англїю. Покойной отецъ оставилъ ему значительное имѣнїе, находящееся недалеко отъ замка госпожи Онлей; но сїе имѣнїе, долго бывшее въ рукахъ наемника, требовало присмотра самаго владѣльца, притомъ же и самъ Едуардъ желалъ, послѣ столь продолжительнаго путешествїя, насладиться отдыхомъ, занимаясь вмѣстѣ и хозяйственными распоряженїями.

Вильсонъ часто говаривалъ дочери о Лордѣ Мельвилѣ, своемъ искреннемъ другѣ, нерѣдко также упоминалъ ей обѣ Едуардѣ, какъ о юношѣ, подающемъ о себѣ весьма хорошую надежду, и прибавлялъ: „почему знать, милая Генрїетта! можетъ быть онъ будетъ твоимъ мужемъ."

Что касается до Едуарда, то онъ, вышедши изъ Университета, въ скоромъ времени отправился въ чужїе краи, слѣдственно неслыхалъ о Вильсонѣ и даже не зналъ о дружескихъ связяхъ, бывшихъ

между симъ почтеннымъ человѣкомъ и его родителемъ.

Скоро начался разговоръ между Едуардомъ и Леди Марїею. Послѣдняя говоритъ объ его путешествїяхъ, предлагаетъ ему множество нелѣпыхъ вопросовъ, на которые сама же и отвѣчаетъ. Ей несравненно лучше, нежели Едуарду, извѣстны разные народы Европы, хотя всѣ ея путешествїя состояли въ переѣздахъ изъ Лондона въ замокъ, а изъ замка опять въ Лондонъ. Слушая бесѣду ея, можно бы подумать, что не Едуардъ, а она сама теперь лишь возвратилась въ отечество изъ странъ далекихъ; но сїи страны, которыя называла она *Францїею*, *Германїею*, *Испанїею*, *Италїею*, существовали только въ ея воображенїи; ибо она населяла ихъ людьми наряженными по своему, то есть изображала ихъ очень смѣшными красками и въ похвалахъ своихъ и въ порицанїяхъ.

Едуардъ ненаходитъ мгновенїя сказать двухъ словъ; наглое невѣжество Леди Марїи заставляетъ его улыбаться; онъ посматриваетъ на бѣдную Миссъ Генрїетту, у которой щеки сильно румянятся всякой разъ, когда Леди Марїя скажетъ что нибудь глупое, и признаться должно, она

весьма часто краснѣла. Едуардъ даетъ Леди Марїи свободу пустословить, и единственно занимается Генрїеттою, которая поразила его своимъ благороднымъ и трогательнымъ видомъ. Тѣмъ болѣе она кажется ему прекрасною, чѣмъ далѣе простирается догадка его, что она несчастна. Генрїетта примѣчаетъ взгляды молодаго Мельвиля, весьма часто на нее устремляемые, и не можетъ сопротивляться сильному своего сердца движенїю, котораго и причина отчасти ей извѣстна. Присутствїе Едуарда напоминаетъ ей счастливые дни, тѣ дни, которые провела она при наилучшемъ и сердобольнѣйшемъ своемъ родителѣ; робко посматривая на молодаго человѣка, она приводитъ себѣ на память слова нѣжнаго родителя, нѣсколько разъ повторенныя въ оное счастливое время: „почему знать, милая Генрїетта! можетъ быть онъ будетъ твоимъ мужемъ!" Сїи воспоминанїя тяготятъ ея сердце; тщетно старается она удалить ихъ, для того чтобы не лишиться своей твердости; но грусть ея увеличивается по мѣрѣ употребляемыхъ усилїй подавить ее. Наконецъ слезы заблистали на ея рѣсницахъ. Генрїетта почувствовала, что ей невозможно себя успокоить, и трепещущимъ голосомъ попросила у Леди Марїи дозволенїя выдти. — „Что съ вами сдѣлалось,

сударыня?" сказалъ Едуардъ съ выраженіемъ живѣйшаго участія: „не дурно ли вамъ?" — Не безпокойтесь — подхватила Леди Марія, — ето ничего; такъ . . . . головная боль, слабость . . . Поди въ свою комнату, Генріетта, да скажи тамъ, чтобы подали сюда чаю. —

Миссъ Вильсонъ вышла, не говоря ни слова. Едуардъ проводилъ ее взоромъ до самой двери, и потомъ сказалъ: „Ета молодая особа весьма любезна!" — По чему вы ето замѣтили? — „Какъ незамѣтить, сударыня? ея красота. . . ." — Весьма обыкновенна. — „Ея приемы. . . ." — Самые неловкіе. — „Ея кроткій видъ. . . ." — Не должно судить о женщинахъ по такимъ незначущимъ признакамъ. — „Позвольте спросить, сударыня, не вамъ ли принадлежитъ ета молодая особа?" — И конечно мнѣ, потому что я кормлю ее и пою. — „Какъ! она изъ вашей фамиліи?" — И, помилуйте! Вы меня изумляете, унижаете даже такими вопросами. — „Простите мнѣ, сударыня; но еслибъ ета молодая особа была моей сестрою, то я съ гордостію хвалился бы тѣмъ передъ всѣми." — Она не что иное какъ бѣдная дѣвушка, которую въ Лондонѣ взяла я къ себѣ для компаніи. — „Она бѣдна? Жаль етого!" — Я

старáюсь просвѣтить ея разумъ, — продолжала Леди Марія, — учу ее благородному обхожденію; боюсь только, чтобы труды мои не были потеряны: такая неловкость, такая глупость, такое невѣжество! .... — Леди Оклей хотѣла было еще болѣе распространиться въ похвалахъ своихъ Генріеттѣ; но Едуардъ, выведенный изъ терпѣнія, встаетъ съ мѣста подъ предлогомъ необходимой надобности уѣхать, и выходя, проситъ у Леди Маріи дозволенія посѣщать домъ ея. Въ благосклоннѣйшихъ выраженіяхъ она дала знать, что ето будетъ ей весьма приятно, а жеманная улыбка и выразительной взглядъ ручались въ искренности ея отвѣта.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гимны Гораціевы (*).

1.

Книги 1, ода 10. *Гимнъ Меркурію.*

Атланта дщери сынъ, Меркурій сладкогласный!
Волшебный чей языкъ, чвей лиры стройный
звукъ
Образовалъ людей, смягчилъ ихъ нравъ ужасный,
Имъ цѣну показалъ искусства и наукъ!

❦

Посланника боговъ и лиры сладкострунной
Отца, пою тебя; ты рѣзвъ, коваренъ, благъ:
Угодно ли тебѣ — и татьбою искусной
Улыбку розольешь на скромнѣйшихъ устахъ.

❦

(*) Г. Ч:::ій за три года передъ симъ перевелъ всѣ лирическія творенія Гораціевы, изъ которыхъ доставилъ ко мнѣ Гимны, находящіеся въ первой книгѣ. Столь почтенный трудъ достоинъ уваженія; ибо во первыхъ г. Ч::ій переводилъ съ Латинскаго подлинника; а не съ Французскихъ переложеній, какъ то не рѣдко у насъ бываетъ; а во вторыхъ, мы не имѣемъ ни одного *полнаго* перевода Гораціевыхъ сочиненій. *Рдр:*

Вотще съ угрозами отогнанныхъ тобою
Коровъ отдать велитъ сердитый Аполлонъ;
Уносишь у него тулъ дѣтскою рукою: —
Сей ловкости дивясь, уже смѣется онъ.

✠

Благоволишь — Пріамъ отъ стѣнъ влачась Троянскихъ,
Преклонностію лѣтъ, дарами отягченъ,
Проходитъ Грековъ станъ, между огней Ѳессальскихъ, —
И не былъ стражею враговъ остановленъ.

✠

Ты тѣни праведныхъ въ поля препровождаешь,
Въ поля, гдѣ царствуетъ и радость и покой;
Златымъ своимъ жезломъ ты сонмъ ихъ управляешь,
Любимый небомъ богъ, подземною страной.

2.

Кн. I, ода 21. Гимнъ Діанѣ и Аполлону.

Ликъ юношей.

Діану чистыя воспойте дѣвы въ ликѣ!

Ликъ дѣвъ.

Да гласомъ юношей превознесется Фебъ!

Вмѣстѣ.

Латоны пойте въ честь, возлюбленной владыкѣ,
Въ рукахъ котораго и Небо и Еребъ!

Ликъ юношей.

Ловитвъ богиню пой, рѣкъ ясныхъ токъ кристальный,
Лѣса дремучіе славь съ чувствомъ нѣжный хоръ,
Вѣнчающіе Крагъ, хребетъ Алгида хладный,
Иль мшистыя скалы средь Еримантскихъ горъ!

Ликъ дѣвъ.

Полей Темпейскихъ видъ, видъ живописной, милой,
Делосъ, гдѣ Фебъ рожденъ, пусть васъ одушевятъ:
Прелестенъ съ туломъ онъ, прелестенъ съ братней лирой,
На рамѣ у него которые висятъ.

Ликъ юношей.

Да отвратитъ она отъ Рима брань кроваву!

Ликъ дѣвъ.

Да Фебъ насъ сохранитъ отъ глада, язвы золъ!

Вмѣстѣ.

Да пренесетъ онъ ихъ въ враждебную державу,
Да Римъ и Цезаря хранитъ, вашъ внявъ глаголъ

3

Книга I, ода 30. Гимнъ Венерѣ.

Венера, Пафоса владычица и Книда!
Оставь, богиня, свой любимый Кипрскій брегъ!
Съ кадиломъ дорогимъ зоветъ тебя Филлида
Въ опрятный домикъ свой, обитель сладкихъ нѣгъ.

Да пояс отложив, три Граціи съ тобою
И пылкій Купидовъ и Нимфъ явится строй,
Меркурій съ Гебою прелестною, младою: —
Такъ, младость намъ мила, когда она съ тобой.

4.

Кн. I, ода 31. Гимнъ Аполлону.

Піитъ мольбы творитъ передъ кумиромъ Феба,
Изъ чаши новое вино льетъ на олтарь;
Чего же проситъ онъ? — Не житницъ полныхъ хлѣба
И не Сардинскихъ жатвъ испрашиваетъ въ даръ;

Не тучныя стада бреговъ Калабрскихъ, знойныхъ,
Не кость слоновая молитвъ его виной;
Не злата алчетъ онъ и не луговъ привольныхъ,
Которые Лирисъ поитъ своей водой;

Пусть тотъ Каленскіе сбираетъ винограды,
Кому онъ счастія они въ удѣлъ даны;
Пусть мореходецъ пьетъ вино сребромъ богатый,
Которое привезъ изъ чуждыя страны;

Блаженъ онъ, въ годъ свершивъ три раза, или четыре,
Свой въ Атлантическихъ безбѣдно путь водахъ;

Но я мауномъ пусть, пусть масливою въ мірѣ,
Живу цикоріей, растущею въ садахъ;

Фебъ! даруй мнѣ, чтобъ я былъ тѣломъ здравъ, душею,
Чтобъ тѣмъ доволенъ былъ, что рокъ доставилъ мнѣ;
Чтобъ честной старостью увѣнчанный моею
Еще бы услаждалъ дни лирой въ тишинѣ!

И. Ч. . . . . ій.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Нѣчто о садовомъ искусствѣ.

(*Извлечено изъ Основаній критики Гома.*)

Что такое садъ? Въ простомъ понятіи садъ есть часть земли, которую мы украшаемъ естественными предметами, какъ-то деревьями, дорожками, площадками, цвѣтами, водами и проч.; сюда можно причислить статуи и зданія: въ такомъ случаѣ искусство и природа соединяются уже вмѣстѣ. Въ сложномъ понятіи садъ будетъ состоять изъ такихъ предметовъ,

которые могутъ возбуждать, кромѣ ощущенія изящности, свойственной садамъ всякаго рода, еще какое-нибудь особенное чувствованіе, на пр. великаго, веселаго, ужаснаго и тому подобное. Высочайшее же понятіе о садѣ требуетъ, чтобы различныя части онаго возбуждали попеременно различныя чувствованія. Въ семъ смыслѣ порядокъ или расположеніе мѣстъ составляетъ важнѣйшій предметъ садоваго искусства. Поелику однѣ движенія душевныя бываютъ пріятнѣе въ совокупности, а другія напротивъ въ безпрерывномъ одного за другимъ послѣдованіи; то развалины, повергающія въ пріятную задумчивость, не должны стоять въ виду цвѣтника, представляющаго веселое зрѣлище; но развалины, непосредственно открывающіяся послѣ веселыхъ предметовъ, производятъ особенно пріятное дѣйствіе: — ибо каждое изъ обѣихъ впечатлѣній бываетъ сильнѣе, когда предметы находятся между собою въ противоположности. Съ другой стороны, ощущенія одинакаго рода, какъ то веселыя и пріятныя, спокойныя и меланхолическія, быстрыя и великія, должны быть возбуждаемы вмѣстѣ; ибо дѣйствіе ихъ на душу бываетъ гораздо сильнѣе отъ ихъ совокупности.

Не скоро можно увидѣть, въ чемъ состоитъ единство сада. Хотя мы и по-

лучаемъ сїе понятїе, обозрѣвая садъ со всѣми его проспектами изъ оконъ дома и со всѣми дорожками, идущими отъ зданїя; однакожъ могутъ быть сады и безъ зданїй, и въ такомъ случаѣ я увѣренъ, что единство сада состоитъ въ единствѣ намѣренїя. Въ части сада, примыкающей къ жилищу, нужна правильность; ибо оная часть находится въ непосредственной связи съ главнымъ предметомъ, слѣдовательно должна участвовать въ его правильности. Но по мѣрѣ удаленїя отъ дома, если будемъ принимать его за средоточїе, правильность должна исчезать постепенно; ибо душа ощущаетъ тогда особенно приятное впечатлѣнїе, когда она отъ правильности непримѣтно переходитъ къ разнообразїю. Таковый планъ весьма много способствуетъ дѣйствїю величественности на душу. Впрочемъ садъ необширный, который ничего величественнаго невмѣщаетъ, долженъ быть правильнымъ въ точномъ смыслѣ сего слова.

Въ расположенїи деревьевъ и кустарниковъ требуется весьма много искусства. Пересѣченїе дорожекъ, называемое *звѣздою*, съ котораго можно видѣть вдругъ множество прекрасныхъ предметовъ, кажется слишкомъ искусственнымъ, и слѣдовательно принужденнымъ; ибо стеченїе столь

многихъ предметовъ мѣшаетъ удовольствїю, коимъ мы могли бы наслаждаться въ продолжительномъ разсматриванїи.

Садовое искусство не есть искусство изобрѣтательное, но одно подражанїе природѣ, или, лучше сказать, самая природа, только украшенная; изъ сего необходимо слѣдуетъ, что въ немъ все неестественное должно быть отвергнуто. Статуи дикихъ животныхъ, извергающихъ изъ себя воду, бываютъ во многихъ садахъ; такїя украшенїя не сообразны со здравымъ вкусомъ, и творцы ихъ ни мало не знакомы съ правилами истиннаго подражанїя. Левъ, или волкъ, представленный съ отверстыми челюстями, съ распущенными когтями, готовый растерзать серну, или ягненка, забываетъ свою добычу, извергаетъ въ ярости обилїе водъ, и добыча его, забывъ опасность свою, дѣлаетъ то же: вотъ изображенїе, показывающее столько же мало вкуса, какъ и начало оперы, въ которой Македонской Герой, взошедъ на стѣны осаждаемаго города, обращается къ своимъ воинамъ и забавляетъ ихъ арїею! Въ расположенїи садовъ избѣгать должно всего замысловатаго и ребяческаго. Кто станетъ отгадывать лабиринты? Они означаютъ такую же шалость, какъ и мысль писать стихи въ видѣ яица, топора и тому по-

добнаго. Дорожки и куртины сами по себѣ могутъ быть пріятны; но въ лабиринтѣ не служатъ онѣ ни къ чему другому, какъ только къ тому чтобы привести въ замѣшательство.

Прямая дорога пріятна по тому что сокращаетъ путь; но въ саду она дѣлаетъ ограниченнымъ видъ, и всегда приноситъ менѣе удовольствія, нежели дорога извивающаяся, или туда и сюда отводящая. Обозрѣвая красоты какого нибудь мѣста, мы любимъ на свободѣ бродить вокругъ. Излучистыя дорожки имѣютъ еще и ту выгоду, что при каждомъ шагѣ открываютъ новыя явленія; однимъ словомъ, дорожки въ саду, служащія къ удовольствію, не должны походить на большую дорогу; ибо мы не хотимъ путешествовать, а хотимъ только увеселять взоръ свой красотами природы и искусства.

Садъ, находящійся на равнинѣ, должно украшать какъ можно болѣе, какъ можно болѣе дѣлать его разнообразнымъ, чтобы занимать душу и недавать ей почувствовать скучнаго однообразія. Развалины, по моему мнѣнію, лучше представлять въ Готическомъ, нежели въ Греческомъ вкусѣ; ибо въ первыхъ мы видимъ торжество всеразрушающаго времени — мысль меланхолическая, но не отвратительная; другія же

напоминаютъ намъ болѣе торжество варварства надъ просвѣщенїемъ, — мысль мрачная и печальная!

Китайцы имѣютъ главнымъ правиломъ — никогда неуклоняться отъ природы. На берегахъ искуственныхъ озеръ и рѣкъ своихъ они въ точности подражаютъ натурѣ: иногда берега сїи у нихъ песчаны и безплодны, иногда покрыты кустарниками. Ручейки обыкновенно бываютъ излучисты, иногда узки, быстры, иногда глубоки, пространны и медленны; часто при оныхъ видны мѣльницы и другїя махины, движущїяся сами собою. Озера усѣяны островами или дикими и кремнистыми, или украшенными природою и искусствомъ. Китайцы наиболѣе любятъ скорые переходы явленїй, противуполагаютъ долины холмамъ и лѣсамъ, сообщаютъ свѣтъ и тѣнь предметамъ такъ, чтобы съ различныхъ сторонъ они казались иначе. Смѣлыя изобрѣтенїя Китайцевъ простираются еще далѣе: у нихъ встрѣчаются крутые утесы, мрачныя пещеры, престарѣлыя деревья, опрокинутыя бурею, раздробленныя молнїею или опаленныя пожаромъ. Рѣка, проведенная подъ землею, необычайнымъ шумомъ приводитъ въ замѣшательство посѣтителя; въ иныхъ мѣстахъ сей шумъ увеличивается чрезъ от-

верстія, сдѣланныя въ пещерахъ. Прохладныя аллеи непримѣтно уводятъ въ темные вертепы, изъ коихъ нечаянно выходите вы на прелестную сельскую равнину. Сквозь чащу деревьевъ видите водопадъ, низвергающійся съ высокой скалы и раздробляющійся въ мѣлкія брызги. Вообще Китайцы умѣютъ въ садахъ своихъ приводить въ движеніе страсти, возбуждать любопытство и изумленіе.

Заключимъ сіи краткія замѣчанія объ устроеніи садовъ нѣкоторыми размышленіями. Суровыя, необработанныя мѣста неприятны бываютъ для взора и сообщаютъ какую-то угрюмость душѣ человѣческой: можетъ быть здѣсь заключается причина суровости дикихъ людей. Напротивъ, страна, изобильная изящными предметами всякаго рода, свидѣтельствуетъ о благости Божіей, даровавшей человѣку богатые способы къ благополучію. Другія изящныя искусства могутъ обращаемы быть во зло, могутъ возбуждать низкія движенія духа; но садовое искусство доставляетъ чистѣйшія удовольствія. Мирная ясность души, раждаемая прекраснымъ мѣстоположеніемъ, пробуждаетъ въ насъ способность сообщать другимъ свои удовольствія и утверждаетъ насъ въ любви къ подобнымъ себѣ.

Г. Сокольскій.

О второй Части Исторіи Медицины въ Россіи, сочиненной В. М. Рихтеромъ.

(Окончаніе.)

Въ предшедшей книжкѣ Вѣстника сообщены записки о подаркахъ, денежномъ жалованьи и кормѣ Доктору Сибелисту; кромѣ того помѣщенъ списокъ жалованной грамматы Царя Алексѣя Михаиловича: все это предложено съ наблюденіемъ возможной точности болѣе для тѣхъ читателей сего Журнала, которые по различнымъ причинамъ не могутъ пользоваться самою Исторіею Медицины въ Россіи. *Сто семдесять шесть страницъ* въ концѣ второй Части заняты прибавленіями, въ которыхъ содержатся подлинныя грамматы на Россійскомъ, Латинскомъ и Англійскомъ языкахъ, также письма и записки, принадлежащія къ предлагаемой въ книгѣ матеріи; слѣдственно мы показали только малѣйшую часть, единственно для того чтобы дать нѣкоторое свѣдѣніе не только о обычаяхъ, но даже и о дипломатическомъ слогѣ тогдашняго времени.

Изъ письма къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу Доктора Сибелиста, изъ Шлезвига, отъ 4 го Января 1643 года, видно, что сей Врачь имѣлъ отъ Монарха нѣкоторыя тай-

ныя препорученія. Въ упомянутомъ письмѣ между прочимъ упоминаетъ Докторъ, что онъ бывши въ Копенгагенѣ, *про нѣкоторыя дѣла провѣдывалъ.* Одна особа, продолжаетъ Сибелистъ, имѣющая полную довѣренность Датскаго Короля, открыла ему, что какъ самъ Король, такъ и сынъ его (*), Имперскій Графъ *Волдемаръ*, весьма благоприятствуютъ Царю Русскому; но та же уполномоченная особа настоятельно требовала, чтобы статья о *религіи* была выпущена; ибо во первыхъ она противна чести и совѣсти Его Датскаго Величества, а во вторыхъ были примѣры, что особы владѣтельныхъ фамилій *разныхъ исповѣданій* соединялись бракомъ и были счастливы. Слова сіи относятся къ предположенному въ то время бракосочетанію Царевны Ирины Михайловны съ упомянутымъ Королевскимъ сыномъ Графомъ Волдемаромъ. Впрочемъ переговоры о семъ союзѣ не имѣли, какъ извѣстно, желаемыхъ слѣдствій. Въ другое время въ письмѣ къ Боярину Θедору Ивановичу Шереметеву между прочимъ пишетъ Сибелистъ, что Голландцы, которымъ дорого стоило морское (**)

(*) Рожденный отъ Графини *Мункъ*.

(**) Т. е. мимо Мыса доброй надежды. Въ письмѣ Сибелиста именно сказано: „Торговля въ Восточной Индіи *моремъ* много денегъ станоятися.“

сообщенїе съ Восточною Индїею, возъимѣли желанїе приближиться къ Волгѣ, чтобы по сей великой судоходной рѣкѣ распространить торговлю свою до Астрахани; далѣе, что бывшїй въ Россїи Шведскаго Короля секретарь Буррей сдѣлалъ планъ, какимъ образомъ изъ *Бѣлаго моря въ Каргапольское, изъ Каргапольскаго въ Бѣлозерское, а изъ Бѣлозерскаго весною* придти можно въ Волгу; что Голландцы давно искали случая овладѣть городомъ Архангельскимъ; что нужно приступить къ нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности, на примѣръ завести военные корабли на Бѣломъ морѣ и построить крѣпости въ окрестностяхъ Вологды. Еще въ другомъ письмѣ Докторъ между прочимъ предлагаетъ Боярину, ежели потребны вновь аптекарскїе матерїалы или что нибудь для Царскихъ садовъ, чтобы присланы были списки къ нему за границу. Въ отвѣтъ Шереметевъ требуетъ, чтобы Докторъ привезъ нужное для Коломенскаго саду и для Покровскаго. Царь Михаилъ Өеодоровичь, какъ видно и по поводу сего препорученїя и изъ Олеарїева путешествїя, любилъ сады и веселился цвѣтниками. Въ старину были въ Россїи только дикїя розы (rosa canina, шиповникъ); но въ 1634 году часто упоминаемый въ *Исторїи Медицины въ Россїи* Датско-Голштинской Коммисаръ

Петръ Марцеллусъ привезъ въ Москву махровую розу (Rosa centifolia) изъ Готторпскаго Княжескаго сада, и съ тѣхъ поръ расплодилася въ Россіи порода прекраснѣйшаго изъ всѣхъ цвѣтовъ; равнымъ образомъ спаржа и латтукъ салатъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича привезены въ Россію Голландскими и Нѣмецкими купцами, и съ того только времени растутъ они на грядахъ Русскихъ огородовъ.

О другихъ Врачахъ предложимъ короче. Докторъ *Рейнгардъ Паувъ* (по Архивскимъ бумагамъ Рейнеріусъ Пауа, Пау и Романъ Паудъ) пріѣхалъ съ одобрительнымъ письмомъ отъ Принца Нассау Оранскаго и опредѣленъ въ Аптекарскомъ Приказѣ. Сей чужестранецъ долженъ былъ отправиться обратно изъ Россіи послѣ четырехъ - лѣтняго здѣсь пребыванія. Пріѣхавши безъ предварительнаго вызова или приглашенія отъ Двора Московскаго, онъ недоволенъ былъ положеннымъ весьма достаточнымъ жалованьемъ, и потребовалъ прибавки. Ето подало поводъ къ разсмотрѣнію заслугъ его, которыхъ вовсе не оказалось; ибо Паувъ, посыланный пользовать нѣкоторыхъ Бояръ и другихъ особъ, не вылѣчилъ ни одного человѣка. По сей причинѣ велѣно ему выѣхать въ Голландію, его отечество, или куда изволитъ. Онъ жилъ въ Россіи отъ 1638 до 1643 года.

Докторъ *Гартманнъ Грамманъ* (Гартманъ Грамондъ), находившійся при Голштинскомъ посольствѣ въ Россіи и Персіи, послѣ въ 1639 году былъ вызванъ въ Москву, гдѣ жилъ многіе годы.

Докторъ *Іоаннъ Белау* (Белуа, а иногда и Бѣлоусовъ), прежде бывшій Профессоромъ въ Дерптскомъ Университетѣ, призванъ изъ Риги по одобрительному свидѣтельству извѣстнаго Сибелиста и принятъ былъ при Дворѣ (1643) съ необыкновеннымъ отличіемъ. Получивъ 1652 году увольненіе въ Германію, онъ долго переписывался изъ Любека съ Дворомъ Московскимъ, къ которому былъ вновь многократно приглашаемъ; но Белау неблагодарно отлагалъ и отклонялъ пріѣздъ свой, а между тѣмъ ловилъ случаи пользоваться щедростію Русскаго Монарха. Сперва предложилъ онъ купить *единорогъ*, служащій будто бы для украшенія трона, и какъ лѣкарство, исцѣляющее многія болѣзни. За большой единорогъ назначилъ онъ 8000 рублей, а за маленькой кусокъ етой рѣдкости *толсорока* соболей добрыхъ. Къ сему куску приложилъ еще нѣсколько разныхъ камней, имѣющихъ будто бы удивительныя свойства. Царь Алексій Михаиловичь посылалъ къ нему милостивые подарки и безпрестанно приглашалъ его въ Москву; а Белау

продолжалъ дѣлать свое: прїискивалъ единороговъ и увѣдомлялъ Боярина Милославскаго о цѣнѣ предлагаемыхъ имъ драгоцѣнностей, почти каждой разъ обнадеживая въ желанїи своемъ возвратиться въ Россїю. Такая неблагодарность, такое корыстолюбїе дѣлаютъ имя сего Доктора очень мало почтеннымъ въ потомствѣ.

Докторъ *Петръ Чамберленъ* призыванъ былъ въ Россїю 1642 года; но Англїйскїй Король Карлъ I удержалъ его при себѣ по особеннымъ причинамъ, которыя изъяснилъ въ письмѣ своемъ къ Россїйскому Монарху; вмѣсто же Чамберлена одобрялъ Іоанна *Елмстона*, Россїйскаго подданнаго, обучившагося въ Англїи Медицинскимъ наукамъ.

Извѣстїя о нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ, учившихся въ чужихъ краяхъ на иждивенїи Царя Михаила Ѳеодоровича, о Докторахъ прїѣзжавшихъ въ Россїю безъ приглашенїя и отправленныхъ обратно, о хирургахъ и аптекаряхъ не могутъ войти въ сїе извлеченїе за недостаткомъ мѣста. Но мы позволимъ себѣ выписать цѣлую статью о весьма любопытномъ и едва ли кому извѣстномъ *Медицинскомъ осмотрѣ*, сдѣланномъ по приказанїю Царя Михаила Ѳеодоровича (стр. 150 — 154). Сїе происшествїе относится къ 1623 му году.

„Дѣвица Марія Ивановна, дочь дворянина Ивана Хлопова, жившаго въ отчинѣ своей близъ города Дмитрова, имѣла счастіе понравиться Царю Михаилу Ѳеодоровичу. Въ слѣдствіе того она была уже законнымъ порядкомъ предназначена въ супруги Государя, и въ церковныхъ моленіяхъ именуема съ титломъ Царевны. Между тѣмъ назначенная невѣста Царская, живучи подъ надзоромъ своихъ родственницъ (*), случайно занемогла ничего незначущимъ и непродолжительнымъ неvареніемъ въ желудкѣ. Симъ воспользовались два сильные при Дворѣ Боярина С . . . вы; они объявили Царю, что болѣзнь невѣсты Его Величества неизлѣчима и успѣли выманить повелѣніе объ отсылкѣ ее въ Нижній Новгородъ къ ея бабкѣ. Чтобы дать болѣе правдоподобія сему дѣлу въ глазахъ Монарха, они призвали только однажды тогдашняго придворнаго Врача, Доктора Валентина *Бильса* (отца), и требовали его совѣта. Сей Докторъ, самъ невидавши больной, положился на слова лѣкаря *Бальзира*, и объявилъ, что судя по мнимо пожелтѣвшимъ глазамъ и непорядочному варенію желудка болѣзнь должна состоять въ *затвердѣніи селезенки*. Онъ заочно прописалъ для

(*) Изъ нихъ упоминаются Марья Мелюкова и тешка Желябовская. Соч.

больной нѣкоторыя лѣкарства, и тогда же сказалъ, что сїи припадки легко излѣчить можно. Между тѣмъ постарались дѣвицу Марїю Ивановну поспѣшно отправить въ Нижнїй-Новгородъ.

„По прошествїи немалаго времени, когда Царь увѣдомился отъ родителя своего, Патрїарха Филарета Никитича, что Марїя Ивановна Хлопова, тогда, равно какъ и прежде, была совершенно здорова, стали при Дворѣ подозрѣвать въ умышленномъ распространенїи ложнаго слуха, единственно для того чтобъ отдалить дѣвицу Хлопову. Ето подало поводъ къ допросамъ на законномъ основанїи и потомъ къ освидѣтельствованїю Медицинскому. Не упоминаю о взятыхъ предварительно по сему дѣлу показанїяхъ отъ Доктора Бильса, отъ лѣкаря, отъ отца, дяди, родственниковъ и духовника дѣвицы Марїи Ивановны, равно какъ и отъ многихъ Бояръ, при Дворѣ находившихся. Для нашей исторїи довольно замѣтить, что два Врача Валентинъ Бильсъ и Артуръ Дїй, хирургъ Бальзиръ, Чудовскїй Архимандритъ и Бояре Шереметевъ и Глѣбовъ получили приказанїе немедленно отправиться въ Нижнїй-Новгородъ, узнать достовѣрно о здоровьи дѣвицы Хлоповой, и представить о томъ донесенїе. Открылось, что и тогда и прежде

здоровье мнимой больной находилось въ самомъ хорошемъ состоянiи, и что непродолжительной, легкой припадокъ былъ слѣдствiемъ весьма обыкновеннаго неваренiя желудка. Изъ показанiя дяди мнимо больной, Гаврила Ивановича Хлопова, видно, что временная болѣзнь невѣсты приключилась отъ неумѣреннаго употребленiя сладкихъ яствъ, отъ Двора присылаемыхъ, и что она прошла, какъ скоро дѣвица Хлопова перестала ихъ кушать. Оба С. . . вы были за клевету ихъ наказаны лишенiемъ имѣнiя, ссылкою въ деревню и десятилѣтнимъ отъ Двора отдаленiемъ.“ При семъ случаѣ Г. Сочинитель замѣчаетъ, что тогдашнiе лѣкари, или собственно хирурги, очень рѣдко занимались врачеванiемъ внутреннихъ болѣзней, какъ то видно изъ отвѣта упомянутаго Бальзира, которой сказалъ, что „онъ мимо Дохтура лѣчить неумѣетъ той болѣзни, а знаютъ Дохтуры и проч.“

Чай сначала употреблялся при Царскомъ Дворѣ какъ лѣкарство, и *настоящiй Китайскiй* привозимъ былъ чрезъ Сибирь, Надобно знать, что въ то время извѣстенъ былъ еще и *Персидскiй чай* (convolvulus Persicus), о которомъ упоминаютъ Лерхъ и Олеарiй. Еще въ 1674 году сiе горячее питье почитаемо было предохранительнымъ средствомъ отъ дѣйствiй

нездороваго воздуха и лѣкарствомъ отъ дурныхъ послѣдствій пьянства. Объ употребленіи чая въ Россіи прежде всѣхъ упомянулъ нѣкто *Василій Старковъ*, которой въ 1636 году посыланъ былъ къ Алтыну Хану. Онъ говоритъ о чаѣ, какъ о вещи дотолѣ совсѣмъ неизвѣстной, и незнаетъ, почесть ли его за листья дерева, или за растѣніе; вѣдаетъ только, что чай варятъ въ водѣ, прибавляютъ къ ней молока и пьютъ сію жидкость, пока она еще непростыла.

Виноградныя лозы въ первой разъ посажены въ Астрахани 1613 года какимъто Нѣмцомъ, которой былъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей монахомъ. Объ етомъ упоминаютъ Штраусъ и Грейеръ. Первой замѣчаетъ, что проѣзжіе купцы Персидскіе подарили виноградную лозу упомянутому монаху, которой и началъ разводить виноградъ въ монастырѣ своемъ за городомъ. Во время путешествія Штрауса въ 1675 году нашолъ онъ въ тамошней странѣ многіе сады виноградные, и лозъ уже столько размножилось, что ежегодно получаемо было на счетъ только Двора по двѣсти бочекъ вина и по пятидесяти водки.

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было покушеніе познакомить Русскихъ съ *Алхи-*

мiею и съ Герметическою Медициной; оно по видимому осталось тщетнымъ. Въ *Исторiи Медицины въ Россiи* помѣщена любопытная статья касательно сего предмета (стр. 42 — 47).

„Извѣстно, что въ XV и XVI столѣтiяхъ весьма распространилась *Алхимiя*, то есть оное суетное искусство, коего цѣль состояла въ превращенiи простыхъ металловъ въ благородные, или, какъ обыкновенно говорили, въ исканiи философскаго камня. Сочиненiя *Василiя Валентина*, *Iеронима Кардана*, а особливо *Парацельса*, сдѣлались извѣстными повсюду и нашли себѣ многихъ жаркихъ почитателей, которые относились къ коронованнымъ Особамъ и были принимаемы съ такою благосклонностiю, какой вовсе незаслуживало ихъ суетное и ничтожное искусство. По ученiю Парацельса, каждое изъ тѣлъ земныхъ имѣло первоначальной свой образецъ; всѣ сiи образцы находились по ту сторону звѣздъ, отъ влiянiя которыхъ происходятъ всѣ болѣзни, долженствующiя быть врачуемы по правиламъ Каббалы. А какъ золото, по выкладкамъ Парацельса, въ точности соотвѣтствуетъ сердцу; то оно и должно быть единственнымъ лѣкарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ сердца. И такъ нѣтъ ничего въ томъ

удивительнаго, что нѣкоторые изъ адептовъ тогдашняго времени прибѣгли и къ Царю Михаилу Θеодоровичу и предложили ему таинственныя свои искусства и способы. Хотя Монархъ сей недѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія, и слѣдовательно разумѣлъ о неосновательности ихъ лучше всѣхъ владѣтельныхъ Особъ своего времени; однакожъ я не могу умолчать о двухъ до нынѣ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ, которыя поданы были Государю, потому что онѣ отчасти принадлежатъ къ нашей Исторіи, и притомъ служить могутъ памятникомъ заблужденій разума человѣческаго.

„*Первая* рукопись, 23 го Іюня 1626 года поданная Царю въ Москвѣ отъ Голландца *Гергарда фонъ деръ Гейдена*, начинается заглавіемъ: *Изъясненіе о алхимической мудрости или о философскомъ камнѣ, врачующемъ всѣ болѣзни.* Во введеніи говоритъ о себѣ сочинитель, что онъ посредствомъ долголѣтныхъ и многотрудныхъ изысканій, и при помощи друзей своихъ, приобрѣлъ свѣдѣнія въ сей вышней философіи; потомъ предлагаетъ Царю готовность свою служить Его Величеству. Содержаніе рукописи состоитъ въ пространномъ изъясненіи всѣхъ касательно благородныхъ и недорогихъ металловъ алхи-

мическихъ дѣйствій, клонящихся къ мнимому измѣненію оныхъ, посредствомъ превращенія въ порошокъ, разваривания съ солью и съ водою, перегонки, пережиганія и проч. Сочинитель болѣе всего, по видимому, занятъ превращеніемъ серебра въ какой-то *лазоревой хрусталь*, которой, по его мнѣнію, есть несравненное лѣкарство для укрѣпленія мозга сумасшедшихъ, и вообще для исцѣленія многихъ болѣзней, какъ-то водяной, желтухи и проч. Хотя правительство никакого употребленія изъ велемудрыхъ его предложеній несдѣлало, однакожъ ему учиненъ былъ распросъ, изъ котораго видно, какимъ образомъ рѣшилъ онъ труднѣйшія задачи сей высокой мудрости, и какъ изъ ртути, свинца, олова, желѣза и мѣди можно сдѣлать настоящее *серебро* и *золото*, примѣшивая только сѣмена сихъ благородныхъ металловъ къ прочимъ. Фонъ деръ Гейденъ увѣряетъ, что изъ того можно получить не только *философской камень*, но еще и *философское масло*, спасительнѣйшее средство во всѣхъ возможныхъ болѣзняхъ.“ Въ числѣ приложеній ко второй Части *Исторіи Медицины въ Россіи* находится подробное изложеніе алхимическихъ правилъ мудраго фонъ деръ Гейдена.

„*Вторая* рукопись“ продолжаетъ почтенный Сочинитель Исторіи „есть пись-

мо, писанное 22 Августа 1632 года къ Царю Михаилу Феодоровичу отъ Члена Коллегіи Лондонскихъ Врачей Доктора *Джона Антонія*, и доставленное пріѣхавшимъ въ Россію Полковникомъ Гейнрихомъ Астономъ. При семъ случаѣ Докторъ Антоній прислалъ къ Его Царскому Величеству двѣ *скляночки*, одну съ *золотымъ настоемъ*, а другую съ *ессенціею золота*, и при нихъ письменное наставленіе. Онъ проситъ Царя милостиво принять сей подарокъ, плодъ открытыхъ отцемъ его полезныхъ таинствъ, для употребленія въ качествѣ лѣкарства укрѣпляющаго сердце во многихъ болѣзняхъ[3], и даже предотвращающаго оныя. Напослѣдокъ доноситъ, что онъ писалъ объ етомъ особенно тогдашнему Лейбъ-Медику Его Царскаго Величества, Доктору Дію, которому употребленіе сего лѣкарства совершенно извѣстно. По Архивскимъ бумагамъ невидно, какъ поступилъ въ семъ случаѣ Докторъ Дій, которому впрочемъ непротивна была Герметическая Медицина."

Симъ заключаемъ выписки наши, предоставляя себѣ впредь еще что нибудь извлечь изъ *Исторіи Медицины* въ царствованіе Алексія Михаиловича и предложить читателямъ подъ особымъ заглавіемъ. *М.*

Донесеніе Посланника Гарабурды, отправленнаго Чинами Великаго Литовскаго Княжества въ Москву (Россію) 1573 года. Переводъ съ Нѣмецкаго на Польской (*).

Получивъ повелѣніе отъ Велико-Княжескаго Литовскаго Совѣта, я Михаилъ Гарабурда отправился Посломъ къ Великому Московскому Князю въ Новгородъ, куда и прибылъ въ понедѣльникъ 23 Февраля 1573 года. И какъ Великій Князь находился тогда въ Новгородѣ,

(*) Изъ книги, подъ No 2223 находящейся между Оттовіанскими въ Ватиканской библіотекѣ, стран. 35 ,,Бывъ на сихъ дняхъ въ здѣшней библіотекѣ" пишетъ одна почтенная Особа изъ Вильны къ Редактору, ,,и пересматривая съ пріятелемъ рукописи, купленныя Университетомъ по смерти трудолюбиваго *Албертранди*, нашли мы статью, которая относится къ Россійской и вмѣстѣ къ Польской Исторіи. Албертранди выписалъ ее изъ книги, находящейся въ Ватиканской библіотекѣ, и перевелъ оную съ Нѣмецкаго языка на Польской. Мнѣ она показалась любопытною по своей древности, по странности слога, по важности содержанія, а особливо *по отношенію къ совершившимся въ наше время происшествіямъ*... Мнѣ вздумалось перевесть для васъ. Препровождаю переводъ сей вмѣстѣ съ копіею оригинала," и *проч.* Любопытные читатели могутъ заглянуть въ *Россійскую Исторію* Кн. Щербатова Т. V, Ч. II, стран. 316 — 332.
Рдр.

то слѣдующій день, т. е. 24 Февраля, и былъ назначенъ для представленія меня оному. Выслушавъ то, что мнѣ поручено было предложить ему, онъ оставилъ меня у себя отобѣдать.

Въ среду, 25 числа, опять меня слушалъ въ присутствіи старшаго своего сына, подлѣ него сидѣвшаго, Князя Ивана, и Совѣтниковъ своихъ: Можайскаго Воеводы Василія Ивановича, Думнаго Окольничаго, — Думнаго Спальника, Михайла Тимоѳеевича Плечова, Дьяка Андрея, Василія Яковлевича Щелкалова и другихъ.

Выслушавъ меня, онъ требовалъ, чтобы сказанное подалъ я на письмѣ, и когда отрекся я то сдѣлать, настоялъ, чтобы я повторилъ оное словесно; а между тѣмъ одному изъ своихъ служителей, по имени Андрею Скалчалу, приказалъ рѣчь мою писать, по окончаніи которой позволилъ мнѣ возвратиться домой.

Въ слѣдующую субботу, 28 Февраля, былъ я опять представленъ Великому Князю, которой на мои предложенія отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Ты представилъ намъ именемъ Членовъ Совѣта Великаго Княжества Литовскаго, что они на предложеніе наше принять правленіе Польскаго Королевства и Великаго Княжества Литовскаго (при чемъ мы за насъ и за сына нашего клятвою обязуемся, не только оставить васъ при вашихъ правахъ и преимуществахъ, но оныя еще приумножить) охотно чрезъ посла своего дали бы намъ объясненіе, если бы моровое повѣтріе, по гнѣву Божію сви-

рѣпетвовавшее въ Польшѣ и Литвѣ, невоспрепятствовало Чинамъ Великаго Княжества Литовскаго вмѣстѣ съѣхаться съ своими собратьями, Чинами Королевства Польскаго (безъ вѣдома и согласія которыхъ въ силу присяги и своихъ обязанностей они и не могутъ и нежелаютъ избрать Государя).

,,Теперь же, когда зараза нѣсколько уменьшилась, они съѣхавшись съ нѣкоторыми Чинами Польской короны, нѣчто съ ними переговорили. Послѣ чего Велико-Княжеско Литовскіе Чины, собравшись въ Вильнѣ, опредѣлили отправить и дѣйствительно отправили пословъ въ Варшаву на выборъ, приказавъ имъ, чтобы они убѣждали и склоняли Чиновъ Королевства Польскаго Насъ, или сына нашего принять за Государя; что между тѣмъ отправили тебя къ намъ просить точнаго съ нашей стороны объясненія, сами ли мы быть, или сына нашего Государемъ обоихъ народовъ, т. е. Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, оставляя впрочемъ васъ при вашихъ правахъ и преимуществахъ, не предпринимая ничего противнаго, но утверждая и оберегая оныя, дать вамъ желаемъ.

,,Если же бы Чинамъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго благоугодно было оныя права и преимущества еще умножить, согласны ли мы на то? И въ случаѣ согласія просить, чтобъ мы все то клятвою нашею и сына нашего, а сверхъ того и граматою обезпечить благоволили.

,,Тебѣ поручено просить также объясненія по дѣлу, давно уже Посломъ нашимъ Ѳеодоромъ

Веропинымъ предложенному, для приведенія онаго къ концу, для утвержденія вѣчнаго мира и рубежей между обѣими Державами; для сего государственные Чины полагаютъ за нужное уступку съ нашей стороны и присоединенія къ Литовскому Княжеству Смоленска, Полоцка, Усвята и Езерни, равно и то, чтобъ Мы благоволили даровать нашему сыну Князю Ѳеодору, а вашему Государю собственныя наши крѣпости и области для приведенія народовъ и странъ, добровольно дому его предающихся, въ полную безопасность отъ другихъ сосѣдственныхъ народовъ.

„Не желаемъ оставить тебя въ дальнѣйшемъ ожиданіи отвѣта: во первыхъ, что Чины по причинѣ повѣтрія не могли съѣхаться, въ томъ была воля Бога и слѣдствіе Его гнѣва; не худо однако было бы дѣла сего неотлагать и сколь можно скорѣе привести къ концу: государство, лишенное Государя, не можетъ обойтись безъ вреда. Что Чины Великаго Княжества Литовскаго безъ Чиновъ Коронныхъ Польскихъ избирать Государя не могутъ и нехотятъ, то зависѣло отъ ихъ соизволенія.

„Въ отношеніи ихъ правъ и преимуществъ, какъ мы и сами не почитаемъ за полезное или приличное отмѣнять обычаи, теченьемъ времени укрѣпленные и утвержденные, мы желаемъ оставить васъ при оныхъ и утвердить ихъ собственною нашею и сына нашего клятвою.

„Что же касается до желанія вашего, не только чтобы мы возвратили вамъ ваше, какъ-то города Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ, Езерища, но и уступили бы сыну нашему

Өеодору изъ собственныхъ нашихъ областей; оное совсѣмъ не по нашему вкусу. По чему бы мы должны сдѣлать царству нашему таковой ущербъ?.

,,Въ Польшѣ и Литвѣ столько крѣпостей — а я и другой мой сынъ при чемъ останемся? Въ отношеніи Лифляндіи, Чины не намѣкнули намъ ни словомъ, и на вопросъ нашъ отвѣчалъ ты, что по сему предмету тебѣ не сдѣлано никакого препорученія, и что Чины обоихъ народовъ какъ по сему, такъ и по другимъ дѣламъ намѣрены съѣхаться и послѣ отправите другое посольство. Однакожъ ты посланъ къ намъ по сему самому важному предложенному тобою предмету.

,,Намъ кажется не свойственно, чтобы по смерти Государя его потомокъ не наслѣдовалъ его Государства, равно какъ и то, чтобы послѣ Королевство Польское и Великое Княжество Литовское съ Государствомъ Россійскимъ могли соединены быть нераздѣльно; тому статься никакъ неможно. Подъ таковымъ условіемъ, ни сына нашего вамъ Государемъ дать, ни сами правленія надъ вами принять не желаемъ.

,,И хотя Императоръ и Французъ, какъ извѣстно, имѣютъ у васъ своихъ посланниковъ; однакожъ то намъ примѣромъ служить не можетъ, чтобы и мы подобно имъ поступили.

,,Мы вѣдаемъ, что кромѣ насъ и Турецкаго Царя, нѣтъ ни одного, которой бы за 20 (вѣроятно за 200) лѣтъ могъ показать родъ свой отъ Королей. Они, происходя отъ Княжескаго или подобнаго сему колѣна, овладѣли

имперіями и королевствами, чрезъ что славу себѣ умножить желаютъ.

,,Мы напротивъ, какъ очевидно показуемъ, происхожденіемъ обязаны Государямъ, въ непрерывной линіи родъ свой отъ Августа ведущимъ, которому какъ корона Польская, такъ и Великое Княжество Литовское совершенно принадлежали.

,,Сынъ нашъ не . . . . чтобъ мы дали съ нимъ что либо. Ежели вамъ угодно имѣть его Государемъ, отдайте ему вашу страну и находящіяся въ ней крѣпости.

,,Чтобы дѣло сіе счастливо окончить и вѣ слѣдствіе прозьбы, посломъ вашимъ представленной, открыть вамъ наше мнѣніе, сообщаемъ слѣдующее:

,,Во первыхъ, ежели Чины короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго желаютъ насъ имѣть своимъ Государемъ, то они должны начать признаніемъ намъ имени и титула Императора, титула, которой, какъ показано выше, не приписанъ намъ другими, но принадлежитъ съ начала нашего роду.

,,Во вторыхъ, если угодно будетъ Богу сына нашего Θеодора преселить изъ жизни сей и по немъ останется потомство, то чтобы корона Польская и Великое Литовское Княжество, кромѣ онаго, неискало другихъ Державцовъ. А если бы у него и неосталось потомковъ, то чтобъ имъ не уклоняться отъ насъ и нашего Дома, но оставаться подъ нашею властію, доколѣ благословеніе Божіе продлится надъ нами. Притомъ, чего бы Богъ

отъ сей жизни изъ Особъ нашего Дома тамъ находящихся ни возвалъ къ Себѣ, смертные остатки должны быть препровождены въ наше Государство и погребать ихъ у себя никто бы не дерзалъ.

„Наслѣдники и потомки наши, обладающіе Польскою короною и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, поставятъ себѣ долгомъ не нарушать свободы ихъ и преимуществъ, но оставить ихъ во всей ихъ цѣлости.

„Соединеніе обоихъ Государствъ приведено будетъ въ дѣйствіе, когда намъ имя и титулъ Императорскій признаютъ, и письменно къ намъ относясь, въ титулѣ будутъ помѣщать Государство Россійское, Корону Польскую и Великое Литовское Княжество. Съ того времени одна Держава противъ всякаго непріятеля должна подавать помощь другой. А чтобы показать отеческое благорасположеніе наше странамъ, у сихъ Державъ завоеваннымъ, мы по любви христіанской къ миру отъ оныхъ отрекаемся и съ того времени домогаться оныхъ не будемъ. Но Полоцкъ съ прилежащими ему землями и Лифляндію желаемъ оставить при нашемъ Россійскомъ Государствѣ. Уступить оныя намъ не прилично; а хотя бы мы то и сдѣлали, сынъ нашъ Ѳеодоръ, будучи еще очень молодъ, не могъ бы оныхъ защищать отъ непріятелей. Подъ таковымъ условіемъ сына нашего Государемъ дать вамъ мы и не можемъ и не желаемъ.

„Сверхъ того, чтобы могли жить христіанскій покой, нами вамъ даруемый, желаемъ Чинамъ короны Польской и Великаго

Княжества Литовскаго открыть нашу послѣднюю волю, которая служила бы залогомъ ихъ спокойствія.

„Первое, мы хотимъ, чтобы Полоцкъ со всѣми принадлежащими ему землями оставался въ нашихъ предѣлахъ; Курляндія также должна принадлежать къ Россійскому Государству и граница ея простираться по Двинѣ.

„Лифляндія составитъ одно тѣло съ нашими же владѣніями. Предѣлами между Польшею и Литвою съ одной стороны, а нашимъ Государствомъ съ другой, будетъ служить таже Двина. Полоцкъ съ своими землями, съ владѣніями нашихъ дворянъ и помѣщиковъ; также Польша и Великое Литовское Княжество, въ силу состоявшагося письменнаго договора, останутся въ прежнихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ вы исходатайствуете себѣ нашего Императорскаго сына Государемъ обѣихъ Державъ: Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго.

„При семъ мы обѣщаемъ съ сыномъ нашимъ Княземъ Θеодоромъ, когда онъ сдѣлается нашимъ Государемъ, соблюдать доброе сосѣдство и братолюбіе, взаимно другъ другу противу непріятелей вспомоществовать людьми и деньгами и никогда одинъ другаго не оставлять.

„Когда же таковыя Державы соединясь, будутъ взаимно поддерживаемы, то кто не согласится, что въ союзѣ семъ не только благо Польши, Княжества Литовскаго, но и всего христіанства заключаться будетъ. Соединенныя такимъ образомъ сіи Державы, не иначе

почитая какъ своими, мы будемъ со всякою попечительностію стараться объ ихъ благосостояніи. Языческія Государства не дерзнутъ утѣснять государствъ христіанскихъ.

„Не хотимъ скрыть отъ тебя, что, какъ намъ извѣстно, нѣкоторые Польскіе и ваши Вельможи охотнѣе согласились бы имѣть своимъ Государемъ насъ; а это и дѣйствительно было бы лучше, нежели нашего сына, которой еще очень молодъ."

Замѣтивъ изъ сего, что самъ Великій Князь желалъ быть у насъ на престолѣ, пользуясь временемъ и обстоятельствомъ, я отвѣтствовалъ ему, что Чины не меньше обращали вниманія и соглашались на то, чтобы имѣть Государя такого, которой бы могъ имъ вспомоществовать изъ другихъ своихъ владѣній. —

И для того онъ благоволилъ бы представить средства для приведенія таковаго предположенія въ дѣйствіе; ибо по причинѣ дальняго отъ Чиновъ разстоянія въ случаѣ нужды онъ не могъ бы къ нимъ вскорѣ прибыть и защитить ихъ отъ неприятелей.

Судебныя дѣла, требующія ежедневнаго дѣйствія, были бы остановлены. Ему бы надобно было непрестанно переѣзжать изъ одного Государства въ другое; а государственные Чины требуютъ такого Государя, который бы всегда находился въ своихъ областяхъ. Но предположивъ, что и сіи препятствія могли бы быть преодолѣны, однакожъ все онъ, не принявъ Римско-Католическаго исповѣданія, ко-

роновзанъ быть не могъ бы. Послѣ сего Великій Князь позволилъ мнѣ возвратиться домой.

Въ слѣдующій день, т. е. Марта 1 го, представленъ былъ я опять Великому Князю, который изъяснился слѣдующимъ образомъ:

„Мы можемъ въ одно и тоже время очень хорошо управлять Государствомъ Россійскимъ, Королевствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Не смотря на всѣ приведенныя тобою причины, по мѣрѣ надобности, намъ удобно можно переѣзжать изъ одного Государства въ другое, а по сему и титулъ имѣть Государя Россійскаго, Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго.

„Въ такомъ случаѣ мы хотимъ распредѣлить города слѣдующимъ образомъ, а именно: чтобы Кіевъ, за исключеніемъ впрочемъ принадлежащихъ ему мѣстъ, заключался въ предѣлахъ Россійскихъ; чтобы Полоцкъ съ его округомъ и Курляндія присоединены были къ Литвѣ; Лифляндія же по Двину, какъ сказано выше, принадлежала бы также къ Россіи.

„Титулъ нашъ долженъ быть писанъ такъ; Божіею милостію Императоръ и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Россіи, Кіева, Владимира и Москвы, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Великій Князь Россійскій Великаго Новгорода, Царь Астраханскій, — послѣ чего должны быть означены другія владѣнія Россіи, Польши и Великаго Княжества Литовскаго, съ предоставленіемъ первенства обширнѣйщимъ.„

„Мы съ своей стороны расположены въ собственности нашей строить каменные и деревянные замки и храмы; состояніе духовное Архибискуповъ и Бискуповъ по приличію уважать и оставить ихъ при исповѣдуемой ими вѣрѣ; бояръ и помѣщиковъ Польскихъ и Литовскихъ не только охранять права и преимущества, но съ согласія и по совѣту государственныхъ Чиновъ оныя умножать и всякому по мѣрѣ заслугъ оказывать наше благорасположеніе и милости.

„Когда всемогущему Богу угодно будетъ продлить дни наши до старости, мы хотимъ, чтобъ намъ позволено было тогда удалиться въ монастырь и тамъ въ молитвахъ и богомысліи окончить нашу жизнь. Преемникомъ же нашимъ надлежитъ быть одному изъ нашихъ сыновей по вашему предъизбранію. Если Чины Великаго Княжества Литовскаго, отступивъ отъ Польши, насъ своимъ Государемъ признать пожелаютъ, намъ то будетъ пріятно, и мы присоединимъ оныхъ къ нашему Россійскому Государству такъ, какъ они присоединены были къ Польшѣ; будемъ ихъ защищать и употреблять, какъ выше сказано, титулъ ихъ Державы.

„Не хотимъ утаить отъ тебя, что теперь съ нашими весьма юными дѣтьми въ ваше Государство переселиться не можемъ. Мы слышимъ между тѣмъ, что Польша и Великое Княжество Литовское умышляютъ, при удобномъ времени, сына нашего отдать Турку и такимъ образомъ съ нимъ примириться. Незнаемъ вѣрно, дѣйствительно ли это правда, или вымыслъ недоброхотовъ; а по сему

мы, какъ выше сказано, за лучшее признаемъ, чтобъ вамъ не сына Императорскаго за Государя своего избрать, но съ нами на предложенныхъ условіяхъ договоръ заключить. Это много можетъ способствовать миру и единству.

„И если вы не Императорскаго сына, но насъ Государемъ изберете, то мы неукоснительно на то согласимся, съ тѣмъ однако, чтобы Вельможи Польскіе и Литовскіе обязались намъ клятвою не злоумышлять противу насъ и сыновъ нашихъ; никакого другаго Державца не приглашать въ Государство и никакимъ образомъ, когда бы намъ или кому-либо изъ нашихъ по ихъ государствамъ ѣхать случилось, не противиться; но давать свободный и безопасный проѣздъ и совершенную оказывать вѣрность.

„Сверхъ того, на случай, если бы государственные Чины вознамѣрились отправить къ намъ инаго посла, мы повелѣли вручить тебѣ нужную для проѣзда онаго нашу грамату.

„Предостерегаемъ между тѣмъ тѣхъ же Чиновъ, чтобъ они никакимъ образомъ Француза не принимали къ себѣ: онъ благорасположеннѣе къ Турку нежели къ Христіанамъ. Принявъ его, они бы опять насъ противу себя вооружили.

„Не скрываемъ отъ тебя и того, что многіе изъ вашихъ писали къ намъ, желая, чтобы мы съ войсками нашими приближились къ Полоцку, гдѣ и обѣщали насъ принять, въ намѣреніи, безъ сношенія съ другими, получить

Государя; но теперь пишутъ совсѣмъ другое. Нѣкоторые также писали къ намъ, ожидая отъ насъ золота и соболей и обѣщавая сына нашего возвести на престолъ. Все это можешь ты сообщить государственнымъ Чинамъ.“

Послѣ сего Великій Князь далъ мнѣ сей отвѣтъ на письмѣ и пригласилъ меня у себя отобѣдать. По окончаніи стола, подавъ мнѣ руку, поручилъ опъ имени своего и своихъ сыновей вамъ, господа Чины, поклониться.

Во вторникъ, когда я намѣревался выѣхать, пожаловали ко мнѣ тѣ особы, которыя находились при Великомъ Князѣ во время моего оному представленія и отпуска: Василій, Михайло Плечевъ, Дьякъ Андрей и Василій Щелкаловъ.

Они говорили мнѣ слѣдующее:

Императоръ и Великій Князь Иванъ Васильевичь повелѣлъ намъ сообщить тебѣ, что если бы Великое Княжество Литовское захотѣло особно имѣть его своимъ Государемъ, то онъ бы отъ того не устранялся, умѣлъ бы примирить Литву съ Польшею; также, чтобы ты предварилъ государственныхъ Чиновъ, когда вознамѣрятся писать къ Великому Князю, бумаги препровождали бы къ Губернатору, ... которому поручено отправлять оныя далѣе къ Великому Князю.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Французское правительство при Буонапартѣ.

Ни въ какомъ правительствѣ не было употребляемо столько пустыхъ, ничтожныхъ формъ, какъ во Французскомъ. Созывы, постановленія, разногласія во мнѣніяхъ, протоколы, адрессы, путешествія, движенія предшествующія и послѣдующія, восклицанія — все это сущій вздоръ, ничтожнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ на свѣтѣ. Блескъ и шумъ составляли сущность сего правительства. Глаза и уши были заняты; и такимъ-то образомъ оглушали и ослѣпляли склонный ко всѣмъ чувственнымъ впечатлѣніямъ народъ, для того чтобы онъ непомнилъ объ истинномъ своемъ состояніи. Такимъ-то образомъ Консульское правительство сдѣлало одною изъ важнѣйшихъ пружинъ для своей цѣли *искусства казаться*, состоящее не въ иномъ чемъ какъ въ театральныхъ представленіяхъ. Но я думаю, что сіе искус-

ство Французскаго правителя, состоявшее въ формахъ и краскахъ, ничего незначитъ противъ того, которое дѣйствовало на мысли, чувства и расположенія посредствомъ словъ изустныхъ и написанныхъ. Здѣсь открывается печальное нравственное зрѣлище, до нынѣшняго времени не имѣвшее примѣра въ Исторіи обществъ человѣческихъ. Приведенная въ систему ложь положена въ основаніе великому правительству и увѣковѣчена публичными актами! Совершенное отверженіе собственнаго чувства, собственнаго расположенія передъ волею единаго, было главнѣйшимъ закономъ, — передъ волею безпредѣльною и неукротимою такого человѣка, которой дѣлалъ все только *для одново себя*; для котораго всѣ способы, всѣ средства были хороши, когда только они вели къ желаемой цѣли; для котораго небыло въ мірѣ ничего священнаго; надлежало благоговѣть предъ волею того, которому все человѣчество было чуждо, — того, которой, не имѣя уваженія къ самому себѣ, презираетъ весь родъ человѣческій, — того, которой располагаетъ себя единственно по холоднымъ своимъ выкладкамъ, и все неизбѣжно подчиняетъ онымъ. Одно только отверженіе отъ всякой свободы нравственной имѣло цѣну предъ симъ ужаснымъ произволомъ; отреченіе отъ всѣхъ правилъ, отъ всякой увѣ-

ренности, угасеніе всѣхъ побужденій, умерщвленіе всякаго внутренняго чувства — вотъ въ чемъ состоялъ характеръ, которой обязаны были принять всѣ чиновники его Имперіи. Очень понятно для каждаго, и даже утѣшительно, что Члены Сената, Государственнаго Совѣта, Законодательнаго Собранія говорили и дѣйствовали по его произволу; ибо извѣстно, что они состояли на жалованьи, и что слова, ими произнесенныя, напередъ въ уста имъ были вложены. Но когда подобными дѣйствіями и словами занимались тѣ чиновники, которые принадлежатъ къ ядру націи, составляютъ самую націю, выдаютъ себя за ораторовъ и представителей націи, говорятъ отъ имени цѣлаго народа, и увѣряютъ, что говорятъ искренно, — тогда позволено съ презрѣніемъ отвратить лице свое отъ сихъ несчастныхъ тварей,

. . . .

Вмѣсто всѣхъ свѣдѣній Наполеонъ выставилъ тотъ характеръ, которой любитъ великія предпріятія, ободряется встрѣчающимися препятствіями и радуется при сопротивленіи, желая показать свою силу и свое счастіе; болѣе ничего и сдѣлать не могъ солдатъ, внезапно выскочившій на степень главы государства. Всѣ дѣйствія перваго Консула въ правленіи имѣли на себѣ печать онаго характера.

По части финансовъ, какъ и по всѣмъ другимъ: невѣжество, предпріимчивость, дерзость, обманъ, насильство! Сдѣланныя имъ распоряженія въ финансахъ отнюдь не правилами благоразумія были руководимы, и не ими обезпечены были ожиданные успѣхи; нѣтъ, сила производила въ дѣйство замыслы непреклоннаго произвола. Такимъ-то образомъ Французскіе финансы приведены были, не смотря на всѣ ошибки, въ прочное состояніе, а издали часто даже казалось, что отъ оныхъ ошибокъ зависѣла внутренняя ихъ прочность. Какъ о походахъ и сраженіяхъ, такъ обыкновенно разсуждаютъ люди и о прочихъ случаяхъ въ жизни, — только по однимъ слѣдствіямъ, и рѣдко ищутъ причины сихъ слѣдствій.

Боунапартъ единственный человѣкъ во Французской Исторіи. Ему гораздо менѣе силы и напряженій потребно было для содѣланія Франціи счастливою, нежели сколько употребилъ онъ для того, чтобы ввергнуть ее въ пропасть бѣдствій. Неслыханныя, невѣроятныя дѣла творилъ онъ возможными, и — отторгалъ отъ себя простыя, естественныя средства дѣлать добро, — средства, которыя сами собою ему представлялись. Ни одинъ смертный неимѣлъ столь очевиднаго препорученія сдѣлать многихъ

людей счастливыми; человѣчество ожидало отъ него сего блага; онъ могъ исполнить сїе ожиданїе; но онъ выбралъ труднѣйшїй подвигъ: съ напряженїемъ и съ усилїями онъ сдѣлалъ его несчастнымъ. Уже давно занимался онъ своимъ разрушительнымъ дѣломъ, и при всемъ томъ пользовался добрымъ мнѣнїемъ толпы народной; и тогда еще легко ему было оправдать народное мнѣнїе; но нѣтъ, онъ выбралъ для себя труднѣйшее, — онъ отвратилъ отъ себя всѣ сердца. И въ Исторїи людей Буонапартъ кажется единственнымъ: обыкновенно, управляющїе великими средствами ставятъ себя выше малыхъ; но Буонапартъ, обладая могуществомъ неизмѣримымъ, имѣя насильственный произволъ и неутомимую дѣятельность, прибѣгалъ ко всему тому, что дѣлаетъ человѣка презрѣнною тварью — къ лицемѣрїю, лукавству, лжамъ и всѣмъ мѣлочнымъ обманамъ. Всякїя средства казались ему одинакими, когда только содѣйствовали достиженїю предположенной цѣли. — Онъ сдѣлалъ возможнымъ неслыханное въ Исторїи: основалъ Имперїю на лжахъ и обманахъ; въ теченїи нѣсколькихъ годовъ созидалъ оную, и вознесъ до такой высоты величїя и пространства, до которой въ новѣйшїя времена ни одно государство не возвышалось средствами правоты и истины. Буо-

напротив невозможное содѣлалъ возможнымъ. Слабые изумилися и уже не знали, что думать о Провидѣніи; но Оно бодрствовало. Потомство увидитъ, какъ царство тмы разрушилось въ одну минуту, а съ нимъ и Князь тмы низверженъ. Пространство возможнаго ограничивается пошлиною и правотою.

(Polit. Journ.)

Письмо съ корабля Нортумберланда

(*Изъ Лондонскихъ вѣдомостей.*)

Уже болѣе недѣли стремится по морю нашъ корабль, несущій въ себѣ человѣка, для котораго цѣлой міръ былъ тѣсенъ. Сущность сего необыкновеннаго человѣка составлена изъ несовмѣстныхъ крайностей; въ немъ попеременно видны суровая важность и дружелюбная привѣтливость, — неподвижное, мертвое молчаніе и самое живое проворство, — мрачная угрюмость и расположеніе къ шуткамъ и веселости — и во всемъ удивительная противуположность! Онъ теперь веселѣе нежели какъ былъ прежде, и любитъ дружески обходиться; я думаю отъ того что теперь онъ *меньше* занятъ дѣлами. Кажется даже, что онъ ищетъ случаевъ поговорить со всѣми

довѣренностїю и открыть всю внутренность души своей, за исключенїемъ только нѣкоторыхъ темныхъ въ ней мѣстъ, которыя навсегда должны оставаться подъ непроницаемою завѣсою. Въ одинъ изъ такихъ часовъ довѣренности была между нами слѣдующая бесѣда.

Сдѣлано замѣчанїе, когда зашла рѣчь о сраженїи при Ватерлоо, и даже удивлялись многїе, что онъ неискалъ геройской смерти, видя все погибающимъ. Буонапартъ отвѣчалъ: „Ни одинъ человѣкъ, которой непотерялъ еще надежды на самаго себя, не станетъ отчаеваться о непостоянной, подверженной перемѣнамъ жизни, а особливо въ наше *пестрое* время, когда ежедневно случающееся столь охотно присоединяется къ необыкновенному, и чрезвычайное къ самому обыкновенному. Какъ часто вечеръ наказываетъ ложь утра, и какъ часто рожденное днемъ умираетъ ночью. Я даю свободу пройти тому, что есть имнѣ непостояннаго, и лучше хочу умышленно смотрѣть на игру, нежели кончить ее съ самимъ собою. Я ли для свѣта созданъ, или свѣтъ для меня существуетъ? При гробѣ все еще остается какое нибудь намѣренїе, но во гробѣ уже никакого. Не одобряю Катона, которой былъ, можетъ статься, хорошимъ стоикомъ, но

дурнымъ политикомъ и полководцемъ. Еслибъ онъ имѣлъ бодрость, какъ Ганнибалъ, сохранить себя для отечества, то Цезарева Имперія не была бы осрамлена. Августомъ. Великій Карѳагенянинъ не сдѣлалъ Замскаго сраженія послѣднимъ явленіемъ пятаго дѣйствія, но первымъ четвертаго. Когда Ганнибалъ увидѣлъ себя въ опасности украсить, по Римскому обыкновенію, тріумфъ смертельныхъ своихъ непріятелей и умереть постыдно, подобно многимъ плѣннымъ царямъ прежде его умершимъ; тогда онъ прекратилъ жизнь свою. И кто порицаетъ величайшаго мужа древности за то, что онъ тогда только рѣшился умереть, когда уже никакой надежды жить не осталось! Я никогда не былъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и не имѣлъ причины бояться ни Римлянъ, ни вѣроломнаго Прузія."

Одинъ изъ присутствующихъ сдѣлалъ замѣчаніе, что Наполеонъ везетъ очень легкой грузъ надежды къ мѣсту новаго своего пребыванія. „Страхъ и надежда" отвѣчалъ Буонапартъ „суть слабости глупаго человѣка. Мы не можемъ сдѣлать вѣтра и погоды, не можемъ ни ускорить, ни остановить перемѣняющихся временъ года; однакожъ мудрый не забываетъ запастися платьемъ на случай перемѣннаго

времени. Никто недолженъ полагаться на прочность дѣлъ человѣческихъ. Кто надѣется на нихъ, тотъ ничего не выигрываетъ." — Мнѣ пришло было въ голову сказать, что онъ худо слѣдовалъ своему собственному правилу, и что въ Россіи не запасся платьемъ *на случай перемѣннаго времени*; но я боялся испортить веселое его расположеніе, а притомъ не люблю несчастному напоминать о причинѣ его несчастія. Однакожъ онъ могъ по молчанію нашему заключить о нашихъ мысляхъ, и спустя немного продолжалъ: „Сдѣланныя мною ошибки, безъ сомнѣнія, велики; но статься можетъ, онѣ были бы еще большими, когда бы я вздумалъ ихъ избѣгнуть. Я зналъ свое время и людей; правда, людей зналъ не довольно хорошо; я мало презиралъ ихъ, а потому много платилъ и слишкомъ много имъ довѣрялъ!"

Спросили Буонапарта, что онъ думаетъ о нынѣшнемъ положеніи Европы, и что, по его мнѣнію, можетъ впредь случится? „Кости еще не отложены;" отвѣчалъ оракулъ: „отъ искусства бросающей руки зависитъ, быть ли благодатнѣому миру, или войнѣ продолжительной и ужасной. Потребно мощное слово для заклятія бури, по землѣ несущейся; а я не вижу

еще, кто могЪ бы его выговорить — — — (*): Британцы храброй народЪ; на ихЪ лицахЪ примѣтны черты изЪ древности. Другіе народы по большей части суть не иное что какЪ стертыя монеты (**), на которыхЪ уже невидны знаки, и которыя должно вновь переплавить, ежели нужно чтобы онѣ имѣли полной вѣсЪ и надлежащую цѣну. Англїйская политика на мужество НѣмцовЪ и на позднїй восторгЪ ихЪ наложила изрядные проценты. Она разочла не дурно; лишь бы только ей не обсчитаться, подобно мнѣ, вЪ дѣлахЪ своихЪ сЪ Германїей. Мы видѣли, какЪ вЪ немногїе годы очень многое перемѣнилось; и политики, которые давно уже ходили вЪ школу, кажется, могутЪ повѣрять ся карманныя книжки. Но всякое предсказанїе не вѣрно, ибо мы знаемЪ, что кончикЪ носа Клеопатрина, или песчаное зерно вЪ КромвелевомЪ брюхѣ бывали причиною великихЪ перемѣнЪ вЪ свѣтѣ. Особливо же наше время производитЪ большїя странности: подложишь подЪ него голубиное яйцо, а оно

(*) Потому-то вы, господинъ Оракулъ, и отправлены путешествовать, что многаго не видѣли и многому не вѣрили. Четыре черточки даютъ поводъ догадываться, что словоохотный путешественникъ сдѣлалъ честь Русскимъ своею бранью. *Рдр.*

(**) Старая пѣсня. *Рдр.*

выводитъ кукушку. Я уже давно предостерегалъ отъ Пруссіи; видя, что она идетъ, я не обращалъ на то вниманія, потому что я былъ свидѣтелемъ революціи Французской. Быть можетъ. . . .“ При семъ словѣ онъ задалъ своему носу крѣпкую табачную порцію, посмотрѣлъ на скачущія волны, и какъ будто забывши прежде сказанное, продолжалъ: „когда живущіе подлѣ горъ поселяне хотятъ предузнать погоду, то смотрятъ на нихъ. Пруссія есть такая гора въ Германіи; на нее надобно смотрѣть, когда нужно знать, собирается ли туча. Всѣ противъ меня возстали; первая цѣль достигнута. Настоящее время, сія матерь, намъ довольно извѣстна. Но мы незнаемъ дитяти, которое носитъ она подъ своимъ сердцемъ, и котораго отцами съ гордостію мы себя называемъ; кто намъ за то поручится, что оно не подниметъ злодѣиской руки на своего родителя и несодѣлается отцеубійцей? Боюсь, не данъ ли за меня и за Францію вексель, за которой, когда наступитъ срокъ, дорого заплатить будетъ надобно. Впрочемъ я думаю, что хотя Европа со временъ Юпитера уже нѣсколько поустарѣла, однакожъ она сдастся какому-нибудь храброму Громовержцу.“ — Вотъ тебѣ образчикъ его видовъ и его способа изъясняться. Весь разговоръ его есть мрачная

пустыня, въ которой едва изрѣдка сверкаютъ искры.

Д. Зиfф.

Примѣч. Перев. А мнѣ кажется вся бесѣда Наполеонова не инымъ чѣмъ, какъ неизъяснимымъ вздоромъ, которой годился бы для какихъ нибудь прокламацій къ жителямъ Египта, или для бюллетеня большой арміи; она любопытна по тому единственно, что дорисовываетъ характеръ злаго шалуна, драгоцѣннаго однимъ сумазбродамъ.

IV. СМѢСЬ.

Дань признательности покойному Ивану Акинфіевичу Тутолмину отъ отца семейства, имъ спасеннаго во время нашествія неприятелей 1812 года.

Есть люди, которые возносятся превыше возложенной на нихъ гражданской обязанности тѣмъ, что жертвуя собою, споспѣшествуютъ благу своихъ согражданъ, — люди, коихъ истинная цѣна тогда только обнаруживается, когда среди несчастій сердце ихъ содѣлается пружиною всѣхъ

ихъ дѣяній. Таковые люди приобрѣтаютъ въ необыкновенныхъ злополучныхъ обстоятельствахъ достоинство, воспламеняющее сердца всѣхъ добрыхъ къ благодарному ихъ почитанію, и остающееся въ памяти потомства. Подобное достоинство стяжали многіе изъ нашихъ согражданъ, когда въ 1812 году обширныя страны нашего Отечества были наводнены непріятельскими полчищами, — когда жители разоренныхъ городовъ, селъ и деревень не находили для себя ни защиты, ни спасенія отъ лютыхъ враговъ. Такое высокое достоинство пріобрѣлъ преимущественно въ сей Столицѣ недавно умершій Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Акинфіевичь Тутолминъ, который, бывши долгое время Главнымъ Смотрителемъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, находился тогда въ качествѣ Начальника при семъ благотворномъ и спасительномъ заведеніи.

Читатель долженъ себѣ вообразить ужасное состояніе города. Мѣсто гражданскаго порядка заступилъ необузданной произволъ враговъ; жилища, имущества и жизненныя потребности содѣлались по большей части добычею пламени; а что было спасено отъ пожаровъ, то уже стало собственностію тѣхъ, кои знали одно только *право сильнаго*. Бѣдствія жертвъ

сихъ обстоятельствъ были бы сносные, еслибъ развалины жилищъ, скрывавшія ихъ, могли ихъ укрывать и отъ опасностей, еслибъ уцѣлѣвшіе домы, въ коихъ всеобщее несчастіе соединяло знакомыхъ съ незнакомыми, могли защищать отъ насильствъ; но нигдѣ не было безопасности, нигдѣ защиты. Цѣлыя семейства видѣли себя еще и тогда окруженными опасностями, когда уже имъ, кромѣ жизни, потерять было не чего. Судить о всѣхъ ужасахъ совершенной беззащитности можетъ только тотъ, кто былъ ей подверженъ; но по крайней мѣрѣ всякой можетъ себѣ представить, каково было положеніе испытавшихъ оную; всѣхъ она лишала надежды желаннаго спасенія, многихъ довела до отчаянія, а инымъ причинила погибель.

Въ сихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ остался Императорскій Воспитательный Домъ единственнымъ убѣжищемъ для всѣхъ беззащитныхъ. Что сіе зданіе предохранено отъ огня, вокругъ свирѣпствовавшаго, что оно могло служить убѣжищемъ для столь многихъ несчастныхъ, — симъ обязано Отечество почтенному Мужу, которому тогда ввѣрено было главное начальство надъ Домомъ: его благоразумію удалось доставить сему заведенію покровительство надмѣннаго врага, и его неусып-

мая дѣятельность отвращала и за тѣмъ еще угрожавшія опасности. Сіе патріотическое исполненіе возложенной на него должности содѣлало его достойнымъ почести, которою послѣ того вознаградила его милость ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, украсившая его знаками Ордена Святыя Анны первой степени; но тѣмъ не менѣе оно было слѣдствіемъ человѣколюбиваго побужденія призрѣть несчастныхъ, спасти многихъ отъ неизбѣжной погибели, и такимъ образомъ заслужить ту награду, которую добродѣтельный находитъ въ сознаніи добрыхъ дѣлъ своихъ.

Воспитательный Домъ вмѣщалъ въ себѣ многихъ служащихъ, также малолѣтныхъ воспитанниковъ съ ихъ прислугою; сверхъ того больницу неприятелей, Французскихъ солдатъ, назначенныхъ охранять сіе благотворительное заведеніе; но все еще оставались многія комнаты не занятыми, — и онѣ-то содѣлались убѣжищемъ всѣхъ беззащитныхъ, искавшихъ помощи у великодушнаго Начальника сего Дома. Въ числѣ принятыхъ находился и я. До послѣдней минуты моей жизни буду благословлять великодушіе покойнаго моего Благодѣтеля, который, взявши насъ подъ свое покровительство, спасъ меня, мою супругу, двоихъ моихъ дѣтей, и способствовалъ благополуч-

ному вступленію въ жизнь третьяго дитяти. Пока сердце не перестанетъ биться въ груди моей, оно будетъ питать искреннѣйшія чувства благодарности къ тогдашнему моему Покровителю за всѣ доказательства особеннаго участія, которое онъ принялъ въ горестной судьбѣ моей, и за неоцѣненныя благодѣянія, коими онъ осчастливилъ меня и мое семейство! Но не на меня одного изливались его милости; онѣ распространялись на всѣхъ, которые пользовались его покровительствомъ. Всякой имѣлъ къ нему свободный доступъ; каждаго прозьба всегда склоняла его къ исполненію, и если онъ не могъ удовлетворить каждаго, то по крайней мѣрѣ никого не отпускалъ отъ себя, не ободривъ и не утѣшивъ. Съ неусыпною дѣятельностію онъ отправлялъ должность свою, съ неутомимымъ рвеніемъ пекся о тѣхъ, коихъ его великодушіе собрало вокругъ него. Что должно было служить для удовлетворенія собственныхъ его нуждъ, то дѣлилъ онъ съ тѣми, кои во всемъ нуждались. Одно только безпокойство было примѣтно въ немъ, — именно о томъ, что не всѣмъ могъ доставлять потребную помощь; оно болѣе всего обнаруживалось въ тотъ ужасный день, въ который при выступленіи неприятелей распространился слухъ, что уцѣлѣвшіе остатки города будутъ преданы пламени.

„Скажите“ говорилъ онъ многимъ, просившимъ у него убѣжища: „скажите своимъ знакомымъ, что сей Домъ открытъ для всѣхъ, которые могутъ только помѣститься въ немъ.“ По сему человѣколюбивому приглашенїю стремились въ Воспитательный Домъ всѣ тѣ, которые надѣялись, что онъ останется неприкосновеннымъ, ибо въ немъ находились раненые и больные непрiятели. Не однѣ залы и комнаты наполнились: въ корридорахъ, на лѣстницахъ, на самомъ дворѣ находилось великое множество людей, почитавшихъ себя предохраненными отъ опасности. И въ ту ужаснѣйшую ночь, когда подорванъ былъ Кремль, когда сїи подрывы, казалось, подтвердили справедливость извѣстнаго каждому слуха, — онъ явился какъ ангелъ хранитель среди отчаянныхъ, забылъ о самомъ себѣ, старался только возбудить твердость и надежду въ спасенїю во всѣхъ сердцахъ. Опасность наконецъ миновала; наши войска заняли Столицу: но ему надлежало отвратить новую опасность, грозившую оставшимся подъ его покровительствомъ больнымъ Французамъ, и при семъ случаѣ мужество, съ которымъ онъ защищалъ сихъ неприятелей, равнялось тому великодушїю, которое спасло столь многихъ изъ его согражданъ.

Но между тѣмъ, какъ сей почтенный другъ человѣчества проводилъ среди опасностей шесть злополучныхъ недѣль въ безпрерывномъ напряженіи силъ своихъ, слабое здоровье его разстроивалось, и когда воспослѣдовала неожиданно счастливая перемѣна обстоятельствъ, когда всѣ имъ спасенные увидѣли конецъ своихъ страданій; тогда — такъ угодно было Провидѣнію — оказались зловредныя для его здоровья слѣдствія трудовъ, безпокойствъ и заботъ, имъ перенесенныхъ: онъ сдѣлался жертвою ревностнаго исполненія должности своей и неутомимаго человѣколюбія. Тщетно облагодѣтельствованные молились о возвращеніи ему здоровья, тщетно опытнѣйшіе и усерднѣйшіе Врачи истощали искусство врачеванія; послѣ трехлѣтней мучительной болѣзни онъ скончался 17 го Сентября сего года. Императорскій Воспитательный Домъ лишился въ немъ достойнѣйшаго Чиновника — сохранителя своего, Отечество усерднаго сына, человѣчество истиннаго друга.

При похоронахъ усопшаго, отправленныхъ со всѣми почестьми, приличными его сану, изъявились чувства сердечнаго умиленія всѣхъ присутствовавшихъ, чувства почтенія и благодарности тѣхъ, кои, три года тому назадъ, пользова-

лись его покровительствомъ, его милостями, его благотворительностїю. Когда уже надлежало везти тлѣнные остатки къ мѣсту упокоенїя, тогда раздалось похвальное слово усопшему: Да вознаградитъ Богъ ему, говорили одни, на томъ свѣтѣ за все добро, которое онъ сдѣлалъ мнѣ и моему семейству во время общаго несчастїя! — И я и дѣти мои спасены, говорили другїе; да воздастъ ему Богъ за то! — Взоры, стремившїеся на гробъ его, затмились слезами, краснорѣчивѣйшими доказательствами чувствъ, съ коими сохраненные имъ благословляютъ память своего спасителя.

Праху его сладостнѣйшїй покой! вѣчное блаженство его душѣ!

Ю. У.

Извѣстїя.

29 Сентября ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ прибылъ при пушечной пальбѣ въ Бриссель. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ѣхалъ въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Наслѣднымъ Принцемъ Оранскимъ. Собравшїйся въ чрезвычайномъ множествѣ народъ встрѣтилъ Великаго Сѣвернаго МОНАРХА съ неописанными восторгами. ИМПЕРАТОРЪ принятъ былъ у самой лѣстницы дворца Королемъ Нидерландскимъ. Въ 7 часовъ весь Дворъ поѣхалъ съ ИМПЕРАТОРОМЪ въ театръ. Громкїя

изъявленія радости раздавались повсюду; взоры всѣхъ и каждаго устремлены были съ восторгомъ на прославленнаго Обладателя Россіи; имя Его переходило изъ устъ во уста у публики. Со временъ Петра Великаго, который 11 Апрѣля 1717 года удостоилъ Бриссель Своего посѣщенія, не было въ немъ видано Монарха обширной Россійской Имперіи. Въ память пребыванія Петра положена въ Брисcельскомъ паркѣ мраморная доска съ надписью, при колодцѣ, изъ котораго Онъ 16 Апрѣля 1717 въ 3 часа по полудни пилъ воду. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ посѣтилъ сіе мѣсто. Коль трогательно было видѣть сего могущественнаго МОНАРХА, посѣщающаго сіе достопамятное мѣсто, и въ такое время, которое пребудетъ навсегда знаменитѣйшимъ въ Исторіи Россійской! Никогда не видано въ ономъ городѣ такого великолѣпія и пышности. Дворецъ иллюминованъ былъ изящнѣйшимъ образомъ. Октября 1 го по утру ИМПЕРАТОРЪ съ Королемъ, Королевою и Принцами, въ сопровожденіи многочисленной свиты, ѣздили на мѣсто сраженія при *Белль-Алліансѣ*. Прекраснѣйшій союзъ для Нидерландовъ! Знаменитое собраніе сіе возвратилось оттуда вечеромъ большою аллеею, которая вся была освѣщена. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ отправился изъ Бриссeля въ Дижонъ на смотръ Австрійскихъ войскъ, а оттуда будетъ продолжать путь свой чрезъ Стутгардъ, Карлсруге и Берлинъ въ Варшаву.

— Назначенные во Франціи новые Министры пользуются всеобщимъ довѣріемъ. Даже нѣкоторые изъ числа Буонапартистовъ довольны ими. День избранія Дюка де Ришель-

въ Министры иностранныхъ дѣлъ, какъ кажется, былъ и днемъ примиренія Франціи съ Европою. Министры союзныхъ Державъ не сходились никогда для совѣщаній съ Княземъ Талейраномъ, а посылали ему токмо свои ноты; Дюка же де Ришелье приняли они съ отверстыми объятіями при первомъ свиданіи. Всѣ затрудненія стали прекращаться охотно и скоро. Даже распространился было и на биржѣ слухъ объ окончательномъ заключеніи мира. По крайней мѣрѣ онъ доказываетъ выгодное мнѣніе публики о новыхъ Министрахъ.

Увольненіе прежнихъ Министровъ началось съ Фуше, которой весьма хорошо сдѣлалъ, что заблаговременно оставилъ опасное для себя мѣсто. При первомъ открытіи Палаты Депутатовъ, Шато-Бріанъ хотѣлъ грозно выступить противъ Фуше. Отставка его подала причину къ перемѣнѣ и прочихъ Министровъ, которые ни надѣялись безъ него устоять противъ обѣихъ Палатъ, составленныхъ почти изъ однихъ роялистовъ. Посему они просили увольненія подъ тѣмъ предлогомъ, что они не смѣютъ приступить къ мирнымъ условіямъ, хотя впрочемъ весьма умѣреннымъ, но при всемъ томъ уничижительнымъ для Франціи. Добрыя качества *Дюка де Фельтръ* всѣмъ извѣстны. *Дюкъ де Ришелье*, выѣхавшій изъ Франціи при самомъ началѣ революціи, вступилъ въ Россійскую службу, управлялъ здѣсь тремя Губерніями и пріобрѣлъ довѣренность отъ Правительства. Въ газетахъ, подъ названіемъ Journal des débats, между прочимъ сказано, что уже одно имя *Ришелье* служитъ добрымъ предзнаменованіемъ для его Министерства.

Коль скоро узнали въ Парижѣ объ отставкѣ Фуше, то збавилось по полутора процента съ капиталовъ. — Во многихъ Англійскихъ газетахъ описывается Фуше какъ человѣкъ необходимый для Людовика XVIII при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Но въ Courier говорятъ о немъ слѣдующее: Фуше кажется какъ бы переродился: бывъ при Робеспіерѣ жесточайшимъ тираномъ, сталъ онъ нынѣ поборникомъ кротости и умѣренности. Тогда головы роялистовъ валились тысячами съ кроваваго ешафота въ Луару; а нынѣ и противъ якобинцевъ, оскорбившихъ лично Короля и явно возставшихъ противъ правленія, совѣтуетъ онъ употреблять единственно мѣры великодушія и снисхожденія!!!

Число учинившихся въ южной Франціи жертвами народной ярости простирается до цѣлыхъ тысячь. Многія изъ оныхъ окончали жизнь отъ ужаснѣйшихъ мученій; домы ихъ опустошены и разграблены и мятежники не оставили даже въ покоѣ и мертвыхъ: многіе трупы были вырыты и преданы поруганію. Мѣстныя начальства взирали на такія неистовства съ довольнымъ равнодушіемъ, и одно только вступленіе Австрійцевъ положило имъ конецъ. Со всѣмъ тѣмъ огонь мятежа все еще тлѣетъ подъ пепломъ.

— По причинѣ ссоръ, происходившихъ въ Парижѣ между офицерами союзныхъ войскъ и Французскими, число тамошняго гарнизона было умножено. На Монмартрскихъ высотахъ стоитъ еще многочисленная Англійская артиллерія.

— Въ Вѣдомостяхъ Journal des débats напечатана величайшая похвала Мадритскому Кабинету за то, что онъ приказалъ Испанскимъ войскамъ выдти изъ предѣловъ Франціи.

Сей Кабинетъ, сказано между прочимъ, умѣлъ различить Французскую націю отъ необузданныхъ разбойниковъ и отъ безумнаго тирана, который въ одно и тоже время угнѣталъ Францію и опустошалъ Европу. Между тѣмъ слухъ носился, что Герцогъ Ангулемскій заключилъ съ Генераломъ Кастанносомъ тайную конвенцію, по которой Франція обязывается заплатить Испанскому правительству 40 милліонъ франковъ за военныя издержки.

— О производимыхъ въ Парижѣ переговорахъ понынѣ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Всѣ слухи, распространившіеся о условіяхъ мира, еще не вѣрны.

— Заподлинно увѣряютъ, что Ерцгерцогиня Марія Луиза, отреклась отъ Императорскаго титула и отъ всѣхъ требованій сына ея на Французскій престолъ. Сія Принцесса титуловаться будетъ Ерцгерцогинею Австрійскою и Герцогинею Пармскою, а сынъ ея Наслѣднымъ Принцемъ Пармскимъ.

— *Карно* напечаталъ въ Руанѣ и издалъ въ свѣтъ записку, въ которой разсуждаетъ онъ о способахъ освободить Францію отъ союзныхъ войскъ!!

Въ Ливорнѣ получено извѣстіе, что Мюратъ со многими принадлежащими ему вещами прибылъ 25 числа Августа на островъ Корсику. По письмамъ изъ Генуи, отъ 12 числа сего мѣсяца, отправленъ оттуда на сей островъ одинъ баталіонъ Ганноверскихъ войскъ съ знатною артиллеріею.

По учиненному въ 1814 году народоисчисленію, въ городѣ Неаполѣ находилось тогда жителей 327,104 человѣка, въ томъ числѣ 232,617 мужескаго и 172,369 женскаго пола, и 2118 чужестранцёвъ. Въ теченіи сего года ро-

дилось 12,818 чел., умерло 13,563 человѣк. Нынѣ число всѣхъ жителей города Неаполя полагаеmся около 400,000.

Въ Каирѣ между жителями и Турецкимъ гарнизономъ было возмущеніе. Арабскіе Вехабиты воспользовались симъ случаемъ, и приближась къ городу, взяли съ онаго конmрибуціи 17 милліоновъ левовъ. Командующій въ Каирѣ Паша заперся въ крѣпость.

Увѣдомленіе о благотвореніи бѣднымъ.

Изъ присланныхъ 40 руб. отъ неизвѣстнаго Благотворителя въ письмѣ къ Редактору подъ Рославльскою казенною печатью, означившаго имя свое буквами Н. Т., по его желанію отправлены къ бѣднымъ вдовамъ: въ городъ *Льговъ* Титулярной Совѣтницѣ Ав. Сем. *Афанасьевской*, въ *Данковъ* Корнетшѣ Марфѣ Хар. *Харламовой*, въ *Тамбовъ* Губернской Секретаршѣ М. И. *Матвѣевой*, и Коллежской Регистраторшѣ Дарьѣ Ив. *Рожновой* (*Вѣст. Евр.* 1815 No 13) всѣмъ по равной части.

Упомянутая выше вдова Корнетша М. Х. Харламова увѣдомляетъ Редактора, что она получила изъ *Можайска* 10 рубл., изъ Ардатова 25 рубл., изъ Кушвина 30 рублей, что сіи деньги употребляетъ она на устроеніе вновь своей хижины, намѣсто сгорѣвшей со всѣмъ ея имуществомъ, и что на конецъ она почитаетъ священнымъ долгомъ до конца жизни своей молиться за сердобольныхъ своихъ Благотворителей.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 20.

ОКТЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА,

или

самолюбивая женщина.

(Англійская повѣсть.)

(Окончаніе.)

Лишь только онъ вышелъ, Леди Марія тотчасъ приказала позвать Генріетту. — „Что бы ето значило, мать моя? къ чему такое умничанье?" — Мнѣ дурно, сударыня! — „Вотъ еще, какая причина! дурно! какъ будто не льзя было потерпѣть и непрерывать занимательнаго разговора! Знаешь ли, что поступки твои очень, очень неполюбились гостю? знаешь ли, что ты показалась ему до крайности смѣ-

мною? Онъ даже не утерпѣлъ спросить меня, для чего держу въ своемъ домѣ дѣвушку, совсѣмъ незнающую свѣтскаго обращенія. Сколько я ни оправдывала тебя, сколько ни хвалила; но по глазамъ его видно было, что трудно изгладить первое впечатлѣніе. И такъ, душа моя, всякой разъ, когда онъ придетъ ко мнѣ, — а онъ будетъ посѣщать меня часто, — ты можешь спокойно оставаться въ своей комнатѣ." — Я буду дѣлать все, что вамъ угодно — отвѣчала Генріетта со слезами на глазахъ и едва удерживая порывы благородной своей гордости, столь недостойно оскорбленной. . . . .

Она возвращается въ свою горницу и предается мучительнымъ мыслямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она и до свиданія съ Едуардомъ была весьма несчастна; но тогда съ твердостію все переносила, рѣшившись вести жизнь свою въ зависимости и униженіи. Судьбѣ угодно, чтобы я страдала, — такъ говорила себѣ Генріетта; я должна терпѣть и должна привыкнуть въ терпѣнію. Кротость сердца дѣлала привычку ея сносною даже до сего времени; но ея спокойствіе разрушено присутствіемъ Едуарда, сего молодаго человѣка, которой, можетъ статься, былъ бы ея мужемъ, если бы смерть, похитившая отца ея, неуничтожила всего

ея счастія и самой надежды. На лицѣ Едуарда, не совсѣмъ правильномъ, начертана плѣняющая любезность; его движенія простыя, приличныя откровенному характеру, благородны: ибо онъ въ продолженіе своихъ путешествій заблаговременно узналъ, до какой степени бываетъ смѣшною всякая принужденность, всякое жеманство. Взгляды юнаго Мельвиля, во время несноснаго пустословія Леди Маріи, его живое участіе, изъявленное по случаю притворнаго припадка Генріетты, когда захотѣла она скрыть свое смятеніе, — все заставило ее вѣрить, что она не показалась Едуарду ни неловкою, ни смѣшною. Когда злость увеличиваетъ наши недостатки, или предполагаетъ въ насъ такіе, какихъ вовсе не имѣемъ, то мы всякой разъ въ самихъ себѣ находимъ ободрительное чувство. Кто хвалитъ насъ до излишества, тому *часто* мы вѣримъ; кто несправедливо порицаетъ насъ, тому невѣримъ никогда.

И въ самомъ дѣлѣ Едуардъ ни во что поставилъ мнѣніе Леди Маріи, которая и въ немъ хотѣла поселить подобное же, касательно юной и любезной сиротки, изнемогающей подъ бременемъ ея покровительства. Одинъ наружный видъ дѣвицы Вильсонъ уже уничтожаетъ всякую клевету на

счетъ ума ея и сердца; нѣсколько словъ, произнесенныхъ ею въ общемъ разговорѣ, обнаружили прекрасную душу, проницательный и точный разсудокъ, и сдѣлали глубокое впечатлѣнїе въ сердцѣ Едуарда. Прошло довольно времени, а Едуардъ не посѣщаетъ Леди Марїи, хотя безпрестанно думаетъ о Генрїеттѣ. Отъ всѣхъ сосѣдей слышитъ онъ самые выгодные объ ней отзывы. Всѣ любятъ ее, уважаютъ, и всѣ жалѣютъ о ней; жалѣютъ, и отъ того еще болѣе любятъ! Уже Едуардъ нескрываетъ отъ себя собственнаго своего чувства. Онъ горитъ желанїемъ увидѣть Генрїетту, поговорить съ нею, еще однажды ее послушать, наконецъ удостовѣриться, справедливы ли похвалы, всѣми единогласно ей приписываемыя. Онъ давно уже въ томъ удостовѣренъ; но кто незнаетъ, сколь сладко видѣть, когда судъ разума подтверждаетъ движенїя сердца!

Часто бродилъ онъ вокругъ замка Леди Марїи; иногда издали усматривалъ Миссъ Генрїетту, но всегда вмѣстѣ съ несносною ея покровительницею. Онъ не смѣетъ приближиться, опасаясь, чтобы нескромность его невозъимѣла вредныхъ слѣдствїй для Генрїетты, и безъ того уже слишкомъ несчастной.

Спустя восемь дней послѣ свиданія, Едуардъ рѣшился посѣтить Леди Онлей. Въ то самое время, какъ она завтракала съ Генріеттою, докладываютъ о пріѣздѣ Едуарда. — „Сиръ Едуардъ!“ восклицаетъ она: „Сиръ Едуардъ! Ты спрячься, поскорѣе спрячься, Генріетта! Какъ ты покажешься? Обѣдай у себя въ комнатѣ, потому что я на цѣлой день хочу удержать Едуарда. Не забудь же сдѣлать намъ сего дня пирожное, знаешь, повкуснѣе; ты вѣдь на это великая мастерица!“

При имени Едуарда Генріетта закраснѣлась; она въ тужъ минуту повинуется приказаніямъ своей покровительницы, уходитъ безъ ропота и почти безъ сожалѣнія. „Можетъ быть къ лучшему“ говорила сама себѣ Генріетта: „можетъ быть къ лучшему, что я его неувижу. Его взоры сдѣлали меня еще болѣе несчастною, и Леди Марія хорошо поступаетъ, удаляя меня отъ предмета, которой возбуждаетъ во мнѣ воспоминанія и столь пріятныя и столь мучительныя.“

Сиръ Едуардъ пріѣхалъ единственно въ надеждѣ увидѣть Генріетту. Казалось, будто онъ вопрошалъ о ней всѣ предметы, его окружавщіе; нетерпѣливо ждалъ обѣда,

надѣясь, что наконецъ явится Генріетта. Подано кушанье, садятся за столъ, а Генріетта невыходитъ. Терзаемый безпокойствомъ, онъ осмѣливается спросить Леди Марію, гдѣ Миссъ Генріетта, и что съ нею сдѣлалось. — „Она здорова." — Для чегожъ она не обѣдаетъ съ нами? — „Да я все боюсь ея неловкости; вѣдь она непривычна къ свѣтскому обращенію! . . Я велю ей садиться за столъ, когда бываю одна дома, или когда приглашаю сельскихъ нашихъ сосѣдей: это люди простые, невидавшіе свѣта и неимѣющіе никакого понятія о приличіяхъ; они снисходительны сколько по невѣжеству, столько же и по глупости." — Я этого не замѣтилъ, сударыня; въ числѣ сосѣдей нашихъ есть мущины весьма просвѣщенные, есть женщины весьма умныя и пріятныя въ обществѣ. Я могъ бы даже назвать многихъ, которые долго жили въ Лондонѣ и даже при Дворѣ. — „Да, при старомъ Дворѣ." — Но старой, сударыня, едва ли хуже былъ нынѣшняго. — „Полно, Сиръ Едуардъ! подумайте, что говорите! Я новое всегда почитаю лучшимъ, и ни во что ставлю минувшее время." — Какая неблагодарность! — сказалъ Едуардъ съ лукавою улыбкою.

Леди Овлей не могла не почувствовать язвительности восклицанія Едуардова;

однакожъ она благоразумно скрыла боль своего самолюбія. Ей нужно поберечь Сира Едуарда; она весьма бы желала возбудить въ немъ любовное чувство; не смѣя впрочемъ надѣяться на успѣхъ въ своемъ предприятіи, она хочетъ по крайней мѣрѣ, чтобы окружные сосѣди почитали Сира Едуарда въ нее влюбленнымъ: ибо тщеславіе было главною пружиною всѣхъ ея дѣйствій. При такомъ расположеніи она думала себѣ, какую ролю играть ей надлежало; отъ нее нескрылась любовь Едуарда къ Генріеттѣ: но какимъ образомъ искоренить сію страсть при самомъ ея началѣ? Отказавши бѣдной Генріеттѣ отъ своего дому, она во первыхъ сама дала бы Едуарду способы видѣть ее, когда онъ захочетъ, а во вторыхъ отдалила бы отъ себя сего молодаго человѣка. Такой поступокъ показался бы и смѣшнымъ и ненавистнымъ. Всѣ стали бы говорить о ея жестокости и шутить на счетъ ревниваго ея нрава. Оставалось одно средство къ тому, чтобы Едуардъ часто посѣщалъ ея замокъ — надлежало удержать Генріетту. Вотъ какъ можно истребить въ немъ любовь: не показывать ему Генріетты и чаще описывать ее черными красками! Кончится тѣмъ, что онъ перестанетъ объ ней думать, и даже будетъ стыдиться прежнихъ своихъ чувствій.

Сïи разсужденïя совершенно утвердили Леди Марïю въ намѣренïи поступать по своему плану. Можетъ быть она и успѣла бы, еслибъ дѣло касалось человѣка нестоль пылкаго, нестоль стремительнаго въ своихъ желанïяхъ и менѣе скораго въ предприятïяхъ, нежели какимъ былъ Едуардъ. Но чѣмъ болѣе она старается скрывать Генрïетту отъ взоровъ сего молодаго человѣка, тѣмъ сильнѣйшее воспламеняетъ въ немъ желанïе ее увидѣть. Онъ разстается съ Леди Марïею, имѣя твердое намѣренïе расторгнуть оковы трогательной жертвы, стонущей подъ бременемъ ненавистнѣйшаго тиранства. Любовь и негодованïе, овладѣвъ его сердцемъ, представляли ему Генрïетту еще болѣе несчастною, нежели какою была она въ самомъ дѣлѣ.

Ему надлежало ѣхать чрезъ ту самую деревню, въ которой жила дѣвица Вильсонъ, прежде нежели переселилась въ домъ Леди Марïи. Онъ велитъ кучеру остановиться, входитъ въ хижину бѣднаго крестьянина Жоржа Трумана, посылаетъ за перомъ, черниломъ и бумагой, пишетъ съ величайшею поспѣшностïю; потомъ, оборотясь къ бѣдному хозяину, спрашиваетъ ласково, нужна ли ему помощь. „Ахъ, милостивый государь!" отвѣчаетъ Жоржъ: „видите мое семейство; оно большое, и я съ

трудомъ достаю ему пропитанїе." — Неуже ли нѣтъ по близости добрыхъ, сострадательныхъ людей; я думаю, что одна Леди Оклей. . . .— „Леди Оклей, баринъ? Она вовсе не думаетъ о бѣдныхъ; а есть у нее одна молодая барышня. . . . Ахъ, сударь! какъ жаль, что прекрасная и предобрая дѣвица Вильсонъ не богата!" — Развѣ вы знаете Миссъ Генрїетту? — „Знаемъ ли ее мы, сударь! Я никогда не забуду ея благодѣянїя. Жена моя была больна, дѣти умирали съ голоду; надобно было купить для одной лѣкарства, для другихъ хлѣба, а я совсѣмъ неимѣлъ денегъ. Миссъ Генрїетта пришла въ нашу хижину; бѣдность наша такъ близка была къ ея сердцу, что она плакала какъ будто о своемъ собственномъ горѣ, и со слезами на глазахъ она много, много говорила, чтобъ насъ утѣшить!... Потомъ, снявши съ руки своей небольшой перстень, сказала мнѣ: возьми, бѣдной Жоржъ! Еслибъ я была побогаче, то ты не былъ бы столько несчастливъ; вотъ все, что мнѣ осталось отъ наслѣдства покойнаго моего родителя! Я взялъ перстень, продалъ его въ ближнемъ городѣ, и приѣхалъ домой съ лѣкарствомъ для жены и съ хлѣбомъ для дѣтей моихъ." — По етому вы любите дѣвицу Вильсонъ? — сказалъ Едуардъ, стирая слезу со щеки своей. —„Любимъ, сударь, болѣе своей жив-

ни!" — Возьмижъ ето письмо, Жоржъ; какъ можно скорѣе отнеси его къ Миссъ Генрїеттѣ и отдай въ собственныя ея руки, а никому болѣе; отъ него зависитъ ея благополучїе. — „Благополучїе Миссъ Генрїетты!" восклицаетъ Жоржъ, положивъ письмо къ своему сердцу: „надѣйтесь на меня, доброй господинъ; письмо будетъ ей отдано съ точностїю."

Между тѣмъ обратимся къ Леди Марїи. Разставшись съ Едуардомъ, она тотчасъ пошла въ комнату Генрїетты. На лицѣ ея примѣтна была притворная радость. „Ахъ, любезная Генрїетта!" воскликнула она, обнимая свою жертву: „какой веселой день! Ахъ, какъ Сиръ Едуардъ любезенъ! Разговоръ нашъ былъ самой занимательной. Какъ же онъ уменъ, какъ хорошо воспитанъ! Ето весьма рѣдкой молодой человѣкъ! При отличныхъ качествахъ своихъ какъ прїятенъ въ обращенїи, какъ ловокъ, учтивъ. . . . Одно только удивило меня; для чего не спросилъ онъ о твоемъ здоровьѣ? Вѣдь онъ вѣрно думаетъ, что ты больна; не смотря на то, не сказалъ о тебѣ ни слова, точно какъ будто бы никогда тебя невидывалъ. Правда и то, моя милая, что ему было кѣмъ заняться, сидя со мною. Ужь не вздумалъ ли онъ въ меня влюбиться? А для чегожъ бы и

не такъ! Онъ хочетъ на мнѣ жениться и я . . . я можетъ быть когда нибудь и рѣшусь на это дурачество. Какъ тебѣ кажется? онъ очень любезенъ; его фамилія почти равна моей; по имѣнію мы ближайшіе сосѣди; все это, можетъ быть, и заставитъ меня пожертвовать ему своею свободою. Ты останешься съ нами, моя милая! Можетъ статься онъ преодолѣетъ это отвращеніе, которое ты въ немъ поселила. Ты будешь свидѣтельницею любви нашей, повѣренною нашего счастія, и сердце твое не откажется участвовать въ нашемъ блаженствѣ. Не правда ли?" — Ваше счастіе, сударыя, — съ трепетомъ отвѣчала Генріетта — никогда не будетъ для меня дѣломъ постороннимъ. — „О, я въ томъ увѣрена! Мнѣ извѣстна доброта твоего сердца." Тутъ Леди Марія въ другой разъ обняла Генріетту, и оставила ее разсуждать наединѣ.

Слова ея терзали душу дѣвицы Вильсонъ. Госпожа Оклей говорила съ такою твердостію, радость ея казалась такъ непринужденною, что весьма трудно было устоять противъ обмана. „Возможно ли!" сказала сама себѣ Генріетта: „возможно ли, чтобы Сиръ Едуардъ женился на Леди Маріи! Что принудитъ его къ сему странному браку? Правда, что она

довольно еще пригожа собою; она очень богата, а корысть почти всегда бываетъ узломъ супружествъ. Но по описанїю батюшки, которой такъ часто гваривалъ мнѣ объ Едуардѣ, я предполагала въ етомъ молодомъ человѣкѣ душу болѣе нѣжную, болѣе благородную. Бѣдная Генрїетта!... Впрочемъ, какая мнѣ нужда до ихъ брака?" продолжала она со слезами: „развѣ перемѣнится отъ того мое положенїе? Буду ли отъ того болѣе счастливою, или болѣе достойною жалости? Ахъ! достойною жалости! правда! Сиръ Едуардъ будетъ несчастливъ съ Леди Марїею Оклей! не льзя статься, чтобы онъ былъ счастливъ!"

Въ сїю минуту входитъ въ комнату Генрїетты Жоржъ Труманъ. Въ замкѣ знали о сношенїяхъ между дѣвицею Вильсонъ и симъ бѣднымъ крестьяниномъ; часто приходилъ онъ со всѣмъ своимъ семействомъ навѣстить ее и излить предъ нею чувства своей благодарности; слѣдственно его впустили безъ всякаго затрудненїя. Въ тужъ минуту вручаетъ онъ письмо отъ Едуарда. Генрїетта краснѣетъ, смущается, колеблется, незнаетъ, должно ли принять письмо, или отъ него отказатися. Но время не терпитъ; Леди Оклей можетъ придти; можетъ растолковать въ дурную сторону... Генрїетта беретъ пись-

мо изъ рукъ Жоржа; трепещетъ, боится распечатать, и наконецъ со слезами на глазахъ читаетъ выраженія любви, столь нѣжно раздѣляемой. Склонивши голову на обѣ руки; она разсуждаетъ, какія мѣры предпринять должно въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Едуардъ требуетъ отвѣта, и требуетъ неотступно; Генріетта долго колеблется; наконецъ рѣшается, пишетъ и отдаетъ письмо вѣрному посланнику, которому признательность подвязываетъ крылья.

Жоржъ еще до наступленія ночи прибѣгаетъ въ замокъ нетерпѣливо ожидающаго Едуарда. „Какъ!" восклицаетъ Мельвиль: „отвѣтъ отъ Генріетты и такъ скоро!" Ему неприятно было, что Генріетта съ такою поспѣшностію соглашается раздѣлять его чувства. Его воображеніе, облекши любимый предметъ всѣми прелестями; незабыло придать ему и всѣ добродѣтели. Еслибъ Генріетта не отвѣчала, то поступокъ ея показался бы ему жестокимъ; но теперь Генріетта склоняется на неотступныя требованія, на прозьбы краснорѣчивыя и самыя убѣдительныя; она написала отвѣтъ, котораго непремѣнно отъ нее желали: и Едуардъ почитаетъ сей поступокъ легкомысленнымъ! Какихъ нѣтъ странностей въ сердцѣ че-

ловѣческомъ! Но сїи мнимыя странности происходятъ отъ нѣжной разборчивости чувствъ нашихъ, разборчивости, которая и въ шумѣ страстей подаетъ свой голосъ. Онъ распечатываетъ письмо Генрїетты неиначе какъ съ смущенїемъ и боязнїю. Каковожъ было его изумленїе, когда онъ нашелъ въ немъ слѣдующїя немногїя строки:

„Милостивый государь! Я дочь почтеннаго Вильсона, которой былъ нѣкогда искреннѣйшимъ другомъ вашего родителя. *Генрїетта Вильсонъ.*"

Едуардъ приводитъ себѣ на память, что въ письмѣ къ Миссъ Генрїеттѣ говорилъ онъ единственно о любви своей. Такой простой, короткой, благородной и приличной отвѣтъ возбудилъ въ немъ еще большее удивленїе къ Генрїеттѣ и возвратилъ ему все его счастїе.

По прїѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Англїю, онъ не имѣлъ еще времени перечитать бумагъ, оставшихся послѣ его родителя. Въ тужъ минуту онъ рѣшается пересмотрѣть ихъ и просидѣть всю ночь надъ ними. Я найду письма покойнаго Вильсона, думаетъ Едуардъ; узнаю въ нихъ отца моей любезной, и несомнѣваюсь, что въ сихъ дружескихъ письмахъ упоминается о милой Генрїеттѣ.

И нетеряя времени онъ принимается за работу, которая становится для него приятнѣйшимъ наслажденіемъ. Вильсонъ былъ человѣкъ весьма умный и съ отличными познаніями. При столь блестящихъ качествахъ онъ имѣлъ душу благородную и возвышенную. Едуардъ не могъ не полюбить сочинителя краснорѣчивыхъ писемъ, дышущихъ добродѣтелью, не могъ не удивляться прекрасному Аддисоновскому слогу. Часто и почти въ каждомъ письмѣ Вильсонъ говоритъ о своей дочери; входитъ во всѣ подробности ея воспитанія, обнаруживаетъ свою радость, свою гордость родительскую, упоминая о томъ, какъ хорошо Генріетта понимаетъ нѣжныя попеченія о образованіи ея разума и сердца.

Въ собраніи сей переписки находитъ онъ приложенную за подписаніемъ Лорда Мельвиля бумагу, весьма важную для Генріетты. Едуардъ кладетъ ее въ свою записную книжку, и на другой же день, въ десять часовъ по утру, отправляется къ Леди Оклей.

Генріетта и Едуардъ провели ночь въ сильныхъ душевныхъ движеніяхъ; но и для Леди Маріи была она весьма безпокойною, только по другой причинѣ. Душевные недуги рѣдко нарушали ея спокой-

ствіе; за то уже тѣлеснымъ немощамъ она была подвержена какъ и прочіе обитатели подлуннаго міра. На канунѣ, по неосторожности своей, она вздумала прогуляться на свѣжемъ воздухѣ при захожденіи солнца, имѣла несчастіе простудиться и цѣлую ночь не могла сомкнуть глазъ отъ зубной боли. Въ пять часовъ по утру послали въ ближній городъ за зубнымъ лѣкаремъ, которой пріѣхалъ съ великою поспѣшностію, пщательно осмотрѣлъ больную и произнесъ рѣшительной приговоръ свой. Надлежало выдернуть зубъ, причинявшій столь несносную боль Леди Маріи; другаго средства небыло. Сей приговоръ ввергаетъ ее въ ужасныя муки страха. Леди увѣряетъ, что не рѣшится подвергнуть себя операціи до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, можно ли вытерпѣть ее. Она зоветъ свою любимую горничную. „Моя дорогая, мистриссъ *Пимпъ!* прошу тебя ради самаго Бога, заклинаю твоею ко мнѣ привязанностію, будь ты мнѣ мать родная, дай у себя выдернуть зубъ, чтобы я могла увидѣть, какъ дѣлается эта мудреная операція!" Но мистриссъ Пимпъ вовсе неимѣла желанія такимъ образомъ доказывать Леди Маріи свое усердіе и признательность. Она сказала на отрѣзъ, что принялась въ домъ къ Леди совсѣмъ не для

иного, чтобы давать для пробы рвать у себя здоровые зубы.

Всѣ служащїе въ домѣ были поочередно призываемы, и ни одинъ не соглашался безчеловѣчно подвергнуть себя такому опыту; каждой, не нарушая впрочемъ должнаго почтенїя, отвѣчалъ, что ему самому нужны зубы, для того чтобъ ѣсть хлѣбъ Ея Превосходительства. Бѣдная Леди Марїя, видя, что всѣ оставляютъ ее, обращается къ Миссъ Вильсонъ и говоритъ ей, проливая горькїя слезы: „Любезная Миссъ Генрїетта! ради дружбы насъ соединяющей, ради всѣхъ благодѣянїй, которыя мною на тебя излиты, ради всего того, чего я тебѣ желаю и что впредь намѣрена для тебя сдѣлать, сжалься надо мною! Не слѣдуй примѣру етихъ тварей, не знающихъ благодарности; исполни, моя милая, ету мою прозьбу. Вотъ лѣкарь увѣряетъ, что отъ етого не бываетъ никакой боли. Миссъ! Миссъ! будь моимъ ангеломъ хранителемъ; покажи вновь симъ опытомъ свою ко мнѣ дружбу и доброту своего сердца!“ Миссъ Вильсонъ чувствуетъ жалость и забываетъ недостойные съ нею поступки Леди Марїи; она думаетъ о долгѣ признательности, видя страждущую свою покровительницу. Несмотря на ужасъ, возбуждаемый одною мыслїю о сей жесто-

кой операціи, она колеблется и почти хочетъ уже согласиться на столь неотступныя прозьбы, какъ вдругъ отворяется дверь съ великимъ шумомъ и даетъ видѣть Едуарда. Леди Оклей испускаетъ вопль изумленія и ужаса; Миссъ Вильсонъ едва не упала въ обморокъ. Сиръ Едуардъ, примѣтивъ крайнее смятеніе Генріетты, бѣжитъ къ ней и говоритъ растроганнымъ голосомъ: „Успокойтесь, любезная Миссъ! я прискакалъ сюда исторгнуть васъ изъ рукъ етой женщины, которой варварское самолюбіе столь безчеловѣчнымъ образомъ употребляетъ во зло вашу кротость и признательность. Я перечиталъ всю переписку моего покойнаго родителя съ вашимъ, любезная Генріетта, и нашелъ бумагу весьма важную для вашего спокойства и для моего благополучія.“ При сихъ словахъ онъ вынимаетъ таинственную бумагу и читаетъ вслухъ:

„Я получилъ отъ моего любезнаго друга, Господина Вильсона, двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, находясь нѣкогда въ несчастныхъ обстоятельствахъ. Вильсонъ не имѣетъ никакого на то письменнаго вида. Я столько любилъ его, что стыдился предложить ему росписку, полагаясь на довѣренность его къ чести моей и дружбѣ. Если я умру прежде его, въ такомъ

случаѣ завѣщаю сыну моему уплатить сей священный долгъ. Завѣщаю ему сверхъ того, какъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ даровъ моихъ, признательность къ почтеннѣйшему, наилучшему изъ смертныхъ: да любитъ онъ, да почитаетъ Вильсона какъ втораго отца своего! Сынъ мой долженъ дѣлать для него все то, что для меня бы сдѣлалъ; и ежели онъ захочетъ соединить судьбу свою съ женщиною, имѣющею всѣ добродѣтели и всѣ пріятности своего пола, то пусть женится на Генріеттѣ Вильсонъ. Съ сею надеждою схожу въ могилу, и пишу послѣднія строки сіи для показанія сыну моему его обязанностей и пути къ благополучной жизни."

Дѣвица Вильсонъ несмѣетъ говорить, не будучи увѣрена въ себѣ, на яву ли она слышала, что было читано. Она улыбается и проливаетъ слезы. Леди Марія ходитъ по комнатѣ, жалуется на зубную боль свою тѣмъ, которые не могутъ ее слушать, наконецъ съ досадою убѣгаетъ. Тогда Сиръ Едуардъ, взявши руку Генріетты обѣими своими, сказалъ съ нѣжностію: „Любезная Генріетта! вы слышали изъявленіе послѣдней воли моего родителя; отъ васъ однѣхъ зависитъ мое повиновеніе. Одно слово изъ устъ вашихъ, Генріетта — и желанія нѣжнѣйшаго отца будутъ исполнены." Миссъ Вильсонъ отвѣ-

чаетъ дрожащимъ голосомъ: — Могу ли не повиноваться волѣ вашего родителя, когда я исполняла все, что моему было угодно? —

Въ то самое время услышали стукъ ѣдущей по двору кареты. „Это Леди Макфильдъ“ говоритъ Едуардъ: „моя тетка, которая гоститъ у меня уже три дни. Сего дня поутру я ей во всемъ открылся, и она теперь пріѣхала за вами. И такъ поѣдемъ, любезная Генрїетта! Вы будете жить съ нею до иного времени, пока бракъ не утвердитъ на вѣки нашего благополучїя.“

Генрїетта соглашается на предложенїе Едуарда и на неотступныя убѣжденїя Леди Макфильдъ; она желаетъ напередъ видѣть Леди Марїю, желаетъ поблагодарить ее; но Леди Марїя, запершись въ комнатѣ, кричитъ, что она не хочетъ ни съ кѣмъ прощаться, и что отъ прощанья еще пуще заболятъ зубы.

Черезъ нѣсколько дней Миссъ Генрїетту стали называть Леди Мельвиль. Внезапно перешедши отъ бѣдности къ богатству, она вовсе не перемѣнила своего нрава; ея супругъ, ея сосѣди, бѣдные и богатые, всегда находили въ ней кроткую, добрую, любезную дѣвицу Вильсонъ.

А Леди Онлей? Леди Онлей и теперь еще толкуетъ всякому, кто только имѣетъ охоту ее слушать, какихъ трудовъ стоило ей просватать Генрïетту Вильсонъ за Едуарда Мельвиля.

Сарразенъ.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

Гимны Горацïевы (*).

5.

Книга I, ода 35. Гимнъ фортунѣ.

Фортуна, чтимая въ стѣнахъ Антiйскихъ, древнихъ!
Ты можешь бѣдняка вознесть на высоту;
Ты можешь торжество владыкъ земныхъ, надменныхъ,
Все ихъ величiе вътеретъ обратить, въ мечту.

И бѣдный селянинъ съ усердною мольбою
Ждетъ вожделѣнныхъ благъ лишь отъ руки твоей,
И дерзкiй плаватель, Виѳинскою кормою
Сѣкущiй ярую Родосскихъ хлябь морей.

(*) Окончанiе.

Тебя Дакъ лютый, Скиѳъ, въ степяхъ бродя
великихъ,
Народы Латіи трепещутъ, города
И матери Царей, народовъ полудикихъ,
Трепещутъ твоего тиранны всѣ суда.

❖

Трепещутъ, чтобы ты величія ихъ власти
Не опрокинула враждебною ногой;
Чтобъ стонущій народъ подъ игомъ бѣдствъ,
напасти
Съ престоломъ не низвергъ ихъ бранною рукой.

❖

Богиня мощная! течетъ неумолимый,
Неумолимый рокъ, передъ тобой всегда,
Крюкъ въ мѣдяной рукѣ и гвозди некрушимы
И клинья и свинецъ зыбучій какъ вода.

❖

Бѣжишь ли изъ дворцовъ, низринувъ ихъ ударомъ,
Течетъ съ поспѣшностью надежда за тобой;
Въ слѣдъ вѣрность шествуетъ подъ бѣлымъ
покрываломъ,
Хотя приемлешь ты видъ бѣдности прямой.

❖

Не благосклонна ты — любовница безъ страсти,
Друзья коварные всѣ разбѣгутся въ мигъ;
Коль погребъ пустъ, коль нѣтъ въ пирахъ имъ
пышныхъ части,
Ихъ гаснетъ дружбы жаръ, нѣтъ состраданья
въ нихъ.

❖

Фортуна! Цезаря храни въ путяхъ опасныхъ!
Да Бриттовъ онъ смиритъ, владыкъ дальнѣйшихъ странъ;
Востоку ратниковъ сопровождай ужасныхъ,
Передъ которыми трепещетъ океанъ!

⁂

Ахъ! сколько должно намъ стыдиться преступленій;
Какихъ нашъ не былъ вѣкъ свидѣтелемъ неправдъ?
Какихъ не сдѣлано злодѣйствъ, убійствъ, хищеній,
И олтарей какихъ не испровергъ развратъ?

⁂

Фортуна! изостри къ копья, мечи и стрѣлы,
Не Рима къ пагубѣ и не во вредъ Римлянъ;
Нѣтъ, гибель перенеси ты въ чуждые предѣлы,
Въ страны враждебныя и Скиѳовъ и Парѳянъ!

6.

Кн. II, ода 19. *Гимнъ Вакху.*

Потомки! вѣрьте мнѣ, я видѣлъ межъ скалами,
Какъ Вакхъ пѣлъ, какъ училъ Поезіи онъ Нимфъ;
Съ ногами козьими и съ острыми ушами
Сатировъ зрѣлъ я тамъ внимавшихъ пѣснямъ ихъ.

⁂

Евоа! трепещу, Евоа! — дерзновенный
Смѣлъ на тебя взглянуть ужасный Тирсомъ Вакхъ!

Смятенъ я, внѣ себя — зрю образъ твой священный,
Волнуютъ кровь мою восторги, радость, страхъ.

✠

Евоа! — да пою Менадъ я изступленье,
Млека источники, источники вина,
И меда изъ древесъ чудесное теченье,
Рожденіе сотовъ внутрь утлаго бревна!

✠

Среди блестящихъ звѣздъ тобою помѣщенный,
Супруги пѣть твоей осмѣлюсь я вѣнецъ;
Пентея возвѣщу чертогъ въ прахъ обращенный,
Ликурга презваго погибельный конецъ.

✠

Речешь — къ вершинамъ токъ водъ устремится бурныхъ;
Речешь — и тишина прострется на моряхъ;
Змѣями безъ вреда власы Вакхантокъ шумныхъ
Ты вяжешь, упоенъ Родопскихъ горъ въ скалахъ.

✠

Когда Гигантовъ сонмъ мятежный, дерзновенный,
Отца смѣлъ твоего поколебать престолъ,
Когтями львиными и зѣвомъ вооруженный
Низринутъ страшный Рекъ тобой съ Олимпа въ долъ.

✠

Способнымъ болѣе къ забавамъ и бесѣдамъ,
Ко пляскамъ, играмъ чтутъ тебя невѣжды, Вакхъ!

Но къ битвамъ ты равно, нарожденъ равно къ побѣдамъ,
И можешь утверждать на бранныхъ миръ поляхъ.

♣

Снисходишь ли во адъ, о Евій златорогій —
Ласкается Церберъ; безгласенъ, кротокъ онъ;
Тремя языками твои онъ лижетъ ноги,
Изъ темныхъ пропастей когда исходишь вонъ.

И. Ч . . . . ій.

Къ Лаурѣ (*).

Furchtbare Ewigkeit!
Empfange meinen Vollmachtsbrief zum Glücke;
Jch bring' ihn unerbrochen dir zurücke,
Jch weiss nichts von Glückseligkeit!

Schiller.

Весна моихъ проходитъ дней,
Она пройдетъ — не возвратится. —
Когдажъ душа тѣмъ чувствомъ насладится,
Которое одно открыть способно ей
Великость бытія — природы совершенство?
Гдѣ сердца моего блаженство? —

(*) Сіи стихи напечатаны были въ Вѣстникѣ Европы 1809 года; Авторъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны.

И жизни мой почто свѣтильникъ воспылалъ?
Я радостей любви незналъ! . . .

*

Я зналъ въ любви однѣ страданья. . .
Для добродѣтели страдалъ,
И пламенной души желанья
За преступленіе считалъ;
Горя любовію, я долгу былъ подвластнымъ;
Страдалецъ — съ страстію томлю себя борьбой,
Иль въ гробѣ лишь начать съ собой мнѣ быть согласнымъ?
Истлѣніе мнѣ будетъ миръ съ судьбой. . .
Страданья въ гробѣ прекратятся! —
Когда же жизнію я буду наслаждаться?

*

Лауру создалъ Богъ для счастья моего,
Ябъ сердца безъ нея, — какъ ларъ, мнѣ сокровенный, —
Незналъ, не чувствовалъ всѣхъ тайныхъ благъ его,
Пустыней зрѣлъ бы свѣтъ; такъ зрѣнія лишенный
Находитъ мракъ одинъ въ свѣтилахъ, въ небесахъ,
Хаосъ — природы въ лучшихъ красотахъ.
Лаура! ты собой мнѣ новый міръ открыла!
Но чѣмъ за страсть твою судьба вознаградила?
Въ слезахъ цвѣтъ юности твоей увялъ! . . .
Я радостей любви не зналъ! . . .

*

Гдѣжъ радости любви? гдѣжъ жизнь? гдѣ на-
слажденье?
Творцу ли позабыть творенье?
Ужель и всемогущій Богъ,
Чья управляетъ власть мірами, всей натурой,
Страдальца оградить отъ горестей не могъ?
Комужъ я жертвую Лаурой,
Которую Онъ самъ мнѣ повелѣлъ любить,
Съ ней счастье дней моихъ дѣлить,
Съ ней жизнью жить одною,
Которую привыкъ неразлучать съ собою,
Съ которою никто, ни въ сердца добротѣ,
Ни въ силѣ нѣжныхъ чувствъ равняться не по-
смѣетъ,
Которая одна — одна любить умѣетъ? —
Комужъ я жертвую? — *Мечтѣ!* . . .
Мечта! мечта! души очарованье!
О богъ чувствительныхъ сердецъ!
Когда свершится упованье, —
И гдѣ страдальческой вѣнецъ?
Отдай Лауру мнѣ, мечта — иль добродѣтель!
Гдѣ счастіе мое? кто жертвъ моихъ свидѣтель?
Лаура! для мечты пожертвовать тобой!
На жизненной зарѣ отъ жизни отказаться,
И сердце осудить знать мертвой лишь покой!..
Когдажъ — когда я буду наслаждаться?

*

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ мнѣ сердце услаждать
Однимъ очарованьемъ,

Томишь себя *желаньемъ*;
Какъ блага — смерти ждать,
Съ восторгомъ ожидать исполненья!..
Лаура! умереть, незная наслажденья!..
Зрѣть радости мои, блаженство, все — въ тебѣ
Всечасно зрѣть твое смятенье,
Во взорахъ — страсти выраженье,
Зрѣть ангела въ борьбѣ!
Мнѣ груди зрѣть твоей отъ вздоховъ колебанье....
Лауры самое дыханье
Какъ жизни даръ въ себѣ хранить,
Счастливыя мечты въ душѣ животворить!..
Лаура! зрѣть тебя всечасно предъ собою,
Въ восторгахъ близь тебя всечасно умирать,
Въ мечтахъ блаженствомъ обладать —
И року вопреки, плѣняться красотою!
Лаура!... близко быть всѣхъ радостей любви...
Пылаетъ огнь въ моей крови!...
Ахъ! — а ты, краса природы!...
О клятва страшная! ты лишена свободы!

Ужасна мысль! меняль могла ты не любить?
Ужель, когда, въ минуту роковую,
Дерзала предъ Творцемъ ты клятву дать святую,
Я сердцу твоему невѣдомымъ могъ быть;
Когда дерзала ты въ часъ брачнаго моленья

Другому руку дать, въ залогъ соединенья, —
Ужель, ужель тогда предчувствія тайный страхъ,
Ужасной клятвы словъ, — власть сердца предлившихъ,
Мои страданія на вѣкъ опредѣлившихъ, —
Не заграждалъ въ твоихъ устахъ? —
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И намъ, которымъ Богъ *судилъ соединенье*,
Судилъ внушить взаимну страсть,
И намъ — любовь есть преступленье?
О власть людей! жестока власть!
Союзъ священный расторгаютъ,
Отъ сердца друга отрываютъ!
А я? — я не дерзну страданья прекратить!
Ужасной, тяжкой долгъ! . . . я долженъ, долженъ — *жить*!

❖

Когдажъ, когда окончатся желанья?
Гдѣ горестямъ моимъ конецъ?
Когда окончатся страданья,
И гдѣ страдальческій вѣнецъ? —
Судьба! ты юношу всѣхъ радостей лишила!
И чтожъ наградой будетъ мнѣ? — *Могила!*
Но за могилою, въ невѣдомой странѣ —

Въ сей тмѣ таинственной уже ли все затмится,
Ужель, какъ часть земнаго существа,
И сердце, въ коемъ зрѣлъ я отблескъ Божества,
Въ ничто преобратится? —
Гдѣжъ будетъ сила та, котора власть дала:
Презрѣть для долгу страсть, отъ счастья
отказаться;
Которая меня принудить возмогла
Сказать: *не буду наслаждаться?* —
И пребылъ чуждъ земныхъ я благъ. . .
Иль все, иль все во мнѣ преобратится въ прахъ? —
Но гдѣжъ замѣна наслажденій?
Гдѣ царства горняго обѣтованный храмъ?
Гдѣ сердцу ждать вознагражденій?
И гдѣ любовь непреступленье? — *Тамъ!*. .

В. Филимоновъ.

Кунцово.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Муміяхъ (*).

Извѣстно, что въ Египтѣ близь пирамидъ, а особливо Саккарскихъ, находится чрезвычайное множество катакомбъ, въ которыхъ лежатъ *муміи*. Сіи катакомбы, или подземелья, простираются на нѣсколько миль и состоятъ изъ безчисленныхъ одна къ другой примыкающихъ улицъ и храминъ со сводами, въ которыя можно опускаться только чрезъ перпендикулярныя отверзтія, во глубину иногда болѣе двадцати футовъ. Многія бываютъ снаружи засыпаны мѣлкимъ пескомъ вышиною въ ростъ человѣческій; а потому очень трудно отыскивать ихъ и разчищать ямы. Но и въ другихъ мѣстахъ Египта находятся подобныя катакомбы; впрочемъ во многихъ подземельяхъ нѣтъ уже мумій, вѣроятно потому что чужестранные завоевательные народы очищали оныя и употребляли вмѣ-

(*) Для сей статьи приложена въ концѣ книжки картинка.

сто погребовъ, магазейновъ и проч. Муміи принадлежатъ къ знаменитымъ остаткамъ глубокой древности, и заслуживаютъ быть разсмотрѣны съ нѣкоторою подробностію.

Слово мумія происходитъ отъ *мумъ*, которое на Арабскомъ и родственныхъ ему языкахъ означаетъ *воскъ*. Персы и другіе древніе народы дѣйствительно обмазывали тѣла умершихъ воскомъ и медомъ, дабы предохранить ихъ отъ согнитія. Но Египтяне на сей конецъ употребляли другой способъ: они разными бальзамами намащали тѣла, которыя хотѣли сберечь отъ истлѣнія. Геродотъ и Діодоръ описываютъ намъ три рода бальзамированія. Первый говоритъ: намащеніе тѣлъ составляетъ въ Египтѣ особенное искусство, которымъ занимаются люди нарочно къ тому предназначенные. Они показываютъ сродникамъ умершаго деревянные образцы мумій, которыхъ находится три рода. Первый, самый затруднительный и дорогой, вторый менѣе затруднителенъ и не столь дорогъ, а третій самый дешевый. Желающій тѣмъ или другимъ образомъ бальзамировать мертвое тѣло договаривается о цѣнѣ. Бальзамированіе производится въ домахъ тѣхъ людей, которые знали сіе искусство. Обыкновенно начинается тѣмъ, что запускаютъ глубоко въ ноздри искривленной

желѣзной крючокъ и вытаскиваютъ мозгъ, на мѣсто коего наполняютъ пустоту черепа жидкими составами изъ пряностей; потомъ острымъ ножемъ, изъ Еѳіопскаго камня сдѣланнымъ, взрѣзываютъ животъ подъ ребрами, вынимаютъ внутренности, вычищаютъ и моютъ ихъ сперва краснымъ виномъ, а послѣ пряными жидкостями. Далѣе, кладутъ тѣло въ селитру, покрываютъ его оною и оставляютъ лежать семдесять дней. По истеченіи сего срока омываютъ тѣло и обвертываютъ намазанными древеснымъ клеемъ перевязками изъ тонкой бумажной холстины. Приготовивъ такимъ образомъ, отдаютъ трупъ роднымъ, которые кладутъ его въ пустую деревянную фигуру, имѣющую видъ человѣка, относятъ въ особую комнату и ставятъ прямо на ноги подлѣ другихъ мумій. Во второмъ родѣ бальзамированія поступаютъ слѣдующимъ образомъ: впускаютъ въ нутрь тѣла нѣкоторое количество кедровой смолы, не взрѣзывая живота и не вынимая внутренности. Потомъ на опредѣленное число дней кладется трупъ въ селитру, съѣдающую мясистыя части; тогда опять выпягивается назадъ находившаяся въ брюхѣ кедровая смола, которая имѣетъ силу истреблять внутренности. Приготовленная такимъ образомъ мумія, состоящая изъ кожи и костей, отдается

родственникамъ безъ дальнихъ обрядовъ. — „Третій родъ бальзамированія употребляютъ одни бѣдные. Вымывши тѣло соленою водою, солятъ его семдесять дней въ селитрѣ, чѣмъ и оканчивается все приготовленіе. Геродотъ повѣствуетъ далѣе, что въ Египтѣ бальзамируютъ кошекъ, собакъ, ястребовъ и другихъ священныхъ животныхъ; но особеннымъ и самымъ дорогимъ образомъ намащаютъ трупы тѣхъ, которые или утонули въ Нилѣ, или умерщвлены крокодиломъ.

Какъ сіе повѣствованіе Геродота, такъ и нѣсколько подробнѣйшее описаніе Діодорово по видимому справедливы, хотя они и не сходствуютъ между собою въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. И въ первой книгѣ Моисея, по случаю намащенія и похоронъ Іакова, упоминается, что семдесять дней были для Египтянъ временемъ плача. Не взирая однакожъ на всѣ опыты, которые производили надъ муміями искусные химики, нельзя опредѣлить точно, какіе именно матеріалы употребляли Египтяне для предохраненія труповъ на цѣлыя тысячи лѣтъ отъ согнитія.

Въ подземельяхъ муміи обыкновенно лежатъ въ саркофагахъ, сдѣланныхъ изъ лиственницы (Sycomorus). Стоячій гробъ

во всемъ походитъ на Герму или Меркуріеву статую: снизу имѣетъ подножіе, для того чтобы можно было ставить его во впадинѣ стѣны сперва дома, а потомъ въ подземельной камерѣ. На крышкѣ стоячаго гроба видно вырѣзанное изображеніе лица, которое должно быть портретомъ лежащаго въ немъ человѣка. У многихъ такихъ изображеній на саркофагахъ (однакожъ не у всѣхъ) къ низу подбородка придѣлана короткая длиною въ пядень палка, а для чего — неизвѣстно. Знаменитый *Гейне* говоритъ, что ета палка представляетъ бороду, и означаетъ мумію мужескаго пола. Иногда саркофагъ снаружи расписанъ гіероглифами и разными буквами; а иногда, вѣроятно только у знатныхъ людей, деревянной саркофагъ стоитъ въ каменномъ открытомъ ящикѣ изъ гранита или базальта (Basalt) также съ высѣченными гіероглифами. Многія муміи найдены были и безъ саркофага, только обвернутыя камышомъ, или пальмовыми вѣтвями, и онѣ по большей части дѣтскія. Попадались иногда муміи небрежно обвязанныя кускомъ бумажной холстины, положенныя на слой угольевъ и покрытыя пескомъ въ вышину на 7 или 8 футовъ.

Подъ крышкою саркофага лежитъ обыкновенно чрезъ всю мумію съ головы до

ногъ длинная накладка, сдѣланная изъ бумажной холстины, склеенной вмѣстѣ и натертой гипсовымъ литикомъ; сія накладка на головѣ опять имѣетъ изображенное лице, а на животъ позолоту и разноцвѣтныя фигуры, представляющія у многихъ или бальзамированіе, или божества Египетскія. Подъ склеенною холстиною находится самый трупъ, завернутый въ своихъ перевязкахъ, которыя сдѣланы изъ хлопчатой бумаги; нѣкоторыя въ добротѣ могутъ сравняться съ Индѣйскою бумажною холстиною (которая, какъ извѣстно, гораздо тоньше Европейской). Количество перевязокъ, широта оныхъ, способъ обвертыванія не всегда одинаковы. У многихъ мумій бываетъ до тысячи аршинъ. Въ Геттингенскомъ музеѣ есть мумія, обернутая холстиною на три пальца въ толщину. У многихъ лица обнажены, и только часть головы прикрыта; напротивъ того у нѣкоторыхъ другихъ мумій головы весьма мудрено закутаны и обвиты крестъ на крестъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ остаются четвероугольныя отверзтія. Вообще перевязки на муміяхъ положены съ такимъ непонятнымъ искусствомъ, что самые лучшіе хирурги сумнѣваются въ возможности сдѣлать нѣчто подобное. Оныя перевязки около живота и на рукахъ иногда бываютъ вызолочены. Обыкновен-

ко руки лежатѣ на груди крестообразно, а у иныхѣ висятѣ по обѣимѣ сторонамѣ тѣла. У нѣкоторыхѣ находили вызолоченными всѣ руки, у другихѣ одни только ногти.

Внутри мумїй попадаются многїя весьма разнородныя вещи. У одной, на примѣрѣ, нашли пальмовый листѣ между лядвеями, а вѣ животѣ нѣчто похожее на мускатной цвѣтѣ; вѣ другой находилась размариновая вѣтвь, которая казалась столь свѣжею, какѣ будто бы недавно была сломлена. Вѣ иныхѣ находили стручья акацїи, — бутылку, наполненную мастями, — на груди нѣчто подобное струнамѣ музыкальнаго инструмента, — вѣ горлѣ тонкую золотую бляху, зарубленую и свернутую, вѣсомѣ вѣ 10 гранѣ. Касательно значенїя послѣдней, думали, что каждой мумїи клали подѣ языкѣ монету для заплаты за перевозѣ черезѣ рѣку на островѣ праведныхѣ; однакожѣ ето не монеты, но простыя бляхи. Арабы не позволяютѣ Европейцамѣ искать мумїй вѣ катакомбахѣ; они сперва сами общариваютѣ оныя, слѣдовательно не можно знать, всѣ ли мумїи имѣютѣ такїя золотыя бляхи (*).

(*) Такъ пишутъ нѣкоторые. Напротивъ того *Ванслебенъ*, который самъ былъ въ трехъ катакомбахъ, говоритъ, что Арабы не дѣ-

Между перевязками мумїй, или въ груди оныхъ, обыкновенно находится одна или нѣсколько фигуръ, сдѣланныхъ изъ песчанаго дикаго камня, или изъ мѣди, но рѣдко изъ золота. Онѣ по большей части суть изображенїя Озириса, съ руками на крестъ, держащими по одной плети. Кромѣ сего находятъ еще въ мумїяхъ разныя фигуры и произведенїя искусствъ изъ карнїола, ясциса, агата, и проч.

Нѣкоторыя мумїи такъ хорошо сбережены, что можно распознать черты лица, а у иныхъ даже видны бѣлокъ глазной, брови и рѣсницы.

лаютъ ни малѣйшаго препятствія Европейцамъ, желающимъ отыскивать подземелья съ муміями; они сами даже откидали песокъ, коимъ засыпаны были входы, и Банслебенъ вмѣстѣ съ своими товарищами опущенъ былъ по веревкѣ въ подземелье. Заплативъ тридцать піастровъ, они имѣли право брать съ собою всѣ муміи и другія рѣдкости, которыя тамъ находили. Слѣдственно не правда, будто бы Жиды въ Александріи подделываютъ муміи и продаютъ ихъ Европейцамъ: подделанныя муміи были бы гораздо дороже, нежели настоящія; ибо, назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ, куплена была одна прекрасная, подлинная мумія за 30 талеровъ. Невзирая на то, муміи очень рѣдки въ Европѣ — по причинѣ суевѣрія матросовъ, которые никакъ нехотятъ, чтобы мумія была на корабле. *Соч.*

Важнѣйшею причиною, для чего Египтяне и другїе древнїе народы намащали тѣла умершихъ, было мнѣнїе о возрожденїи всѣхъ вещей и о переселенїи душъ. Они думали: когда тѣло человѣческое сгниваетъ, то душа его переходитъ въ живошное; но ежели душа находитъ, хотя бы ето было по прошествїи трехъ тысячь лѣтъ, прежнїй трупъ свой, то она поселяется въ немъ снова. По крайней мѣрѣ Геродотъ даетъ сїю причину бальзамированїю.

Съ Нѣм. В. В.

Важное разногласїе.

Полезно ли для государства возрастающаго заводить и распространять мануфактуры, или выгоднѣе для него обогащать себя земледѣлїемъ? — Вопросъ сей служитъ теперь предметомъ общихъ разсужденїй и споровъ. Мущины и женщины, ученые и неученые, увлекаясь тѣми или другими видами, приставая къ той, или другой сторонѣ, жарко спорятъ и никогда не соглашаются. Публика недавно читала любопытную и вмѣстѣ ѣдкую статью *Бентама* о запрещенїи мануфактуръ, помѣщен-

ную въ 26 No Духа Журналовъ; а на сихъ дняхъ появился кстати и Отвѣтъ Русскаго гражданина на вопросъ: *полезно ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры, или лучше предоставить пространному сему Государству обогащать себя земледѣліемъ, то есть первыми произведеніями земли, хлѣбомъ, пенькою, льномъ и прочее? Съ примѣчаніями Издателя.* Прочитавши Отвѣтъ сей я искренно порадовался, что въ нашемъ Отечествѣ время отъ времени появляются въ свѣтъ основательныя сочиненія касательно Государственнаго хозяйства. Впрочемъ, какъ предметъ сей есть источникъ всеобщихъ споровъ и камень претыканія для публики, равно какъ и для ученыхъ, то я и неосмѣливаюсь произнести рѣшительнаго приговора, справедливы ли мнѣнія ученаго Русскаго гражданина. По чему, необъявляя себя защитникомъ ни съ которой стороны, ограничиваюсь только сравненіемъ мѣстъ изъ статьи о запрещеніи мануфактуръ Бентама и Отвѣта Русскаго гражданина. Пусть просвѣщенная публика, читая сіи сравнительныя мѣста, сама усмотритъ истину и произнесетъ безпристрастный, судъ свой. —

„Выдумали, для ободренія любимыхъ какихъ либо мануфактуръ, которыя

поддержать хотятЪ, запрещать соперническія — свои, или чужія, все равно. Мнимое сіе ободреніе не можетЪ никогда произвесть пользы, а еще можетЪ быть вредно.

„Точно такЪ: оно бываетЪ *вредно*. Запрещая соперническія мануфактуры, вы тѣмЪ хотите поддержать и улучшить свои, преимущественно любимыя вами. Но во первыхЪ вы чрезЪ то вводите монополію со всѣми вредными ея послѣдствіями; вы даете поводЪ монополистамЪ подымать цѣну на издѣлья, коихЪ привозЪ изЪ чужихЪ земель вы запрещаете. Во вторыхЪ, вы отнимаете способЪ улучшивать сіи издѣлья, ибо они только отЪ соревнованія улучшаются. НаконецЪ, вы стѣсняете гражданЪ, уменьшая ихЪ наслажденія. — ПоложимЪ, на примѣрЪ, вы запрещаете ввозить иностранныя сукна, хотя они и лучше и дешевлѣ отечественныхЪ, надѣясь тѣмЪ возвысить свои суконныя фабрики, и не нуждаться вЪ чужихЪ. Но чтожЪ выдетЪ? Суконные ваши фабриканты, не опасаясь соперничества иностранныхЪ, подымутЪ цѣны на свои издѣлья такЪ высоко, какЪ имЪ угодно. Они отнюдь не будутЪ стараться улучшить своихЪ издѣлій; ибо они увѣрены, что, за недостаткомЪ лучшихЪ, и худыя раскупятЪ, какЪ бы они дороги ни бы-

ли. — И такъ вы запретною своею системою не достигнете своей цѣли, — не возвысите мануфактуръ; а только дадите пищу монополистамъ, и раздражите гражданъ, которые принуждены будутъ одѣваться въ дурное сукно, покупая его еще дорогою цѣною. Вы только окажете великую услугу малому числу людей — фабрикантамъ, вами покровительствуемымъ, которые явно превозносят вашу политическую дальновидность, а тайно, можетъ быть, смѣясь глупости вашей отъ всего сердца, скоро; богатѣютъ на счетъ другихъ. Вы дадите разжирѣть десяти дурнымъ фабрикантамъ, вмѣсто того чтобъ питать десять тысячь добрыхъ, и вы раздражаете гражданъ, которые не могутъ не чувствовать того, сколь несправедлива и насильственна такая мѣра.

„Запрещенïе иностранныхъ мануфактуръ касается по большей части такихъ предметовъ, которые могли бы мы получать отъ иностранцовъ дешевлѣ, по причинѣ какой нибудь особенной выгоды ихъ земли, или ихъ промышленности. Ето значитъ: вы, не желая участвовать въ сей естественной ихъ выгодѣ, лучше предпочитаете то, что вамъ и дороже стоитъ, и хуже, и требуетъ большаго труда, но только *свое*, а не чужое. Вы лучше хо-

тите занимать работниковъ вашихъ, отвлекая ихъ отъ другихъ промысловъ, нерѣдко полезнѣйшихъ, и тратить капиталы понапрасну и къ сущему для васъ убытку, нежели получать отъ соперниковъ вашихъ то, что они предлагаютъ вамъ и лучше и дешевлѣ. . . ,

,,Уничтожить иностранную коммерцїю, иностранныя мануфактуры, а довольствоваться только *своимъ*, только свое продавать другимъ, а отъ другихъ ничего не покупать, — вотъ безумїе, признаваемое нѣкоторыми государственными людьми глубочайшею политикою!

,,Между народами мы не рѣдко видимъ, что одинъ народъ, или лучше сказать его водители, стараются усильнѣйшимъ образомъ и съ большими пожертвованїями поддерживать невыгодныя свои мануфактуры, для того только чтобъ не покупать отъ своихъ соперниковъ. Такого дурачества между честными людьми не замѣтишь. Если бы какой фабрикантъ или негоцїантъ вздумалъ въ етомъ поупрямиться; то всякъ бы сказалъ, что онъ неминуемо разорится. Но етого небываетъ: собственная выгода каждаго остережетъ его отъ такого заблужденїя. Одни только государственные люди способны заблуждать

въ етомъ; но и тѣ тогда только заблуждаютъ, когда дѣйствуютъ на счетъ другихъ.

„Алчность хочетъ захватить болѣе, нежели сколько пожрать можетъ. Недоброхотство и зависть лучше хочетъ само терпѣть, само себя наказываетъ, нежели позволитъ соперникамъ своимъ какой либо барышь.“ И проч. Таковы мысли Бентама.

Г. Сочинитель *Отвѣта*, опровергнувши во первыхъ мнѣнїе, яко бы страна, которая недовольно населена въ отношенїи къ занимаемому ею пространству, должна единственно благоприятствовать землѣдѣлїю, а не фабрикатъ и заводамъ (*) такимъ об-

(*) Господинъ же Издатель сего Отвѣта въ примѣчанiяхъ своихъ опровергаетъ и самую малонаселенность Россiи. Вотъ собственныя слова его: „Россiя, конечно, покажется малонаселенною, если взять въ сравненiе число квадратныхъ верстъ по картѣ и градусамъ. Въ семъ случаѣ дѣйствительно число жителей въ отношенiи къ пространству чрезвычайно мало; но остановимся на подробностяхъ. Выключимъ наперѣдъ изъ счета все Царство Сибирское, которое дѣйствительно мало населено, но за то и для переселенiя Русскихъ землѣдѣльцовъ слишкомъ отдаленно, да и единственно по малому населенiю своему производитъ тѣхъ звѣрей и птицъ, коихъ мѣха, пухъ и проч. составляютъ важную статью нашей торговли. За тѣмъ отъ Европейской Россiи должно будетъ отрѣзать землю, неудобную къ воздѣлыванiю, т. е. мѣста пе-

разомъ продолжаетъ говорить о жалобѣ на дороговизну большой части произведеній на-

счаныя, болотистыя и лежащія въ такихъ климатахъ, гдѣ ничто не произрастаетъ, также занимаемыя лугами, огромными и дремучими лѣсами, водою, горами и проч. Потомъ изключимъ еще изъ счета во первыхъ большія степи, остающіяся, преимущественно въ Южныхъ губерніяхъ, необработанными для скотоводства, доставляющаго животныхъ, необходимыхъ для пищи, шерсти и кожи, во вторыхъ еще большія степи, занимаемыя кочующими народами. Если всѣ сіи обширныя площади вырѣзать изъ генеральной карты Россіи, то остальныя ея части, заключающія дѣйствительно способную къ обрабатыванію землю, окажутся достаточно населенными, особенно же такъ называемая *коренная* Россія, т. е. губерніи, лежащія около Москвы и на Волгѣ, гдѣ напротивъ не токмо нѣтъ излишней земли, но еще по большей части недостаетъ оной по числу рукъ.

„Скажутъ, можетъ быть, что должно бы употребить стараніе о переселеніи излишняго въ одной какой-либо губерніи числа жителей на пустыя мѣста другой, на введеніе лучшаго земледѣлія, по примѣру Англіи, на осушеніе болотъ и удобреніе песчаныхъ степей, на приученіе кочующихъ народовъ къ осѣдлости, и проч.; но всѣ таковыя предположенія на *практикѣ неудобоисполнимы*, и надобно пройти вѣкамъ, чтобы вполнѣ произвести оныя въ дѣйство.“ Сказавши о населенности Россіи, Г. Издатель продолжаетъ доказывать далѣе, что и са-

шихъ мануфактуръ и ремесленниковъ, которыя до сего получали изъ чужихъ краевъ.

мая малонаселенность непрепятствуетъ заведенiю мануфактуръ:

„Чтобы и въ мѣстахъ малонаселенныхъ мануфактуры дѣлали помѣху земледѣлiю, равномѣрно несправедливо. Кромѣ людей, способныхъ къ полевымъ работамъ, остается и тамъ много такихъ, которые земледѣлiемъ заняться не могутъ, какъ-то: мѣщане и разночинцы по городамъ, малолѣтные, престарѣлые, увѣчные и женщины. Всѣ они находятъ на фабрикахъ соразмѣрную съ силами ихъ работу и пропитанiе.

„Самый климатъ почти всей обширной Россiи благопрiятствуетъ внутренней промышленности. Продолжительная зима и глубокая осень, въ кои земледѣльцы разлучаются съ своею пашнею, доставляетъ имъ время на промыслы, а мануфактурамъ работниковъ во всѣхъ странахъ Государства. Они уже и сдѣлали съ давнихъ временъ привычку съ праздника *Покрова* оставлять свои жилища и искать работы на фабрикахъ, а съ *весеннимъ Николою*, оставляя въ свой чередъ фабрики, возвращаться къ землѣ. Таковый обычай и трудолюбiе доставляютъ порядочному крестьянину средства платить Государственныя и помѣщичьи подати, не заимствуя ничего изъ дома своего, да еще и въ домъ приноситъ иногда немаловажныя суммы, коими онъ обстроивается, исправляетъ свое хозяйство и становится зажиточнѣе.

„Сiе относится вообще до цѣлой Россiи; но она заключаетъ въ себѣ сверхъ того, не

„Во первыхъ, всякаго запрещенія естественнымъ послѣдствіемъ бываетъ то, что товаръ, получаемый до того изъ чужихъ краевъ, если не позволяется болѣе ввозить оный, сдѣлается дороже и бываетъ въ такой цѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено столько фабрикъ, чтобы можно было удовольствовать потребности публики; но сіе не рѣдко, такъ сказать, необходимое зло, хотя для частнаго человѣка бываетъ нѣсколько тягостно, полезно однако же обществу и Государству, а со временемъ и каждому частному лицу порознь. Подобное случилось при запрещеніи 1793 года. Теперь мы видимъ пользу сего запрещенія и съ достовѣрностію сказать можно, что вскорѣ все придетъ въ умѣренныя цѣны, если только заводчики и публика твердо увѣрены будутъ, что никакой не воспослѣдуетъ перемѣны въ главномъ, однажды принятомъ основаніи. Тогда съ безопасностію устроится еще больше фабрикъ, нежели сколько ихъ заведено въ послѣдніе годы; стеченіе продавцевъ сдѣлается больше, а съ тѣмъ минется и опасеніе публики быть принужденною платить несоразмѣрныя цѣ-

вышепоказанному, и весьма населенныя страны, въ коихъ мануфактуры суть чрезвычайно важнымъ пособіемъ къ продовольствію жителей, терпящихъ недостатокъ въ землѣ.“

ны. Весьма ошибаются тѣ, кои думаютъ, что всѣ иноземныя издѣлїя состоятъ здѣсь въ несоразмѣрно высокой цѣнѣ. Извѣстно напротивъ, что въ послѣднїя 10 лѣтъ вообще все сдѣлалось дороже въ цѣломъ свѣтѣ, и мы не должны сравнивать цѣнъ, нынѣ здѣсь существующихъ, съ тѣми, которыя были за 10, даже за 4 и за 5 лѣтъ. Для чего же возвысились цѣною наши домашнїя произведенїя и первыя потребности, какъ то: дрова, говядина, сѣно, овесъ, плата работникамъ и проч., которыя однако не суть иностранныя произведенїя? Причиною сему то, что теперь только обнаруживается дѣйствїе курса, и что нынѣ токмо наступаетъ равновѣсїе между иноземными и собственными нашими товарами. Многїя вещи, даже и по разрѣшенїи ввоза, не сдѣлаются дешевле того, какъ оныя здѣсь купить можно? потому что или много уже устроено фабрикъ сего рода, или же, что публика замѣняетъ оныя чѣмъ-либо другимъ и, слѣдственно можетъ безъ нихъ обойтися. Впрочемъ потаенный привозъ играетъ и въ семъ случаѣ немаловажную ролю. — Необходимо нужное, или то, чего публика требуетъ, получается неоспоримо тѣмъ или другимъ образомъ на пространныхъ границахъ Государства и продается съ малозначущимъ барышемъ въ соразмѣрно-

сти съ опасностїю и заботою, при томъ случающимися. — Впрочемъ мы предоставляемъ себѣ пространнѣе говорить о семъ предметѣ ниже.

„Важнѣйшей причины дороговизны на нѣкоторыя вещи должны мы еще искать въ злосчастномъ перїодѣ 1812 года, въ которомъ чрезъ разбойническое вторженїе враговъ въ Москву, сїе средоточїе Россїйскихъ фабрикъ и заводовъ, и въ мѣста около лежащїя, разрушены великїя и прекрасныя заведенїя. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что и тамъ шествуютъ паки исполинскими шагами впередъ, и въ короткое время все не только опять возстановлено будетъ, но кажется даже, что рачность, тамъ царствующая, скоро простретъ шаги свои далѣе, нежели какъ она до сего простирала. . . .

„Во вторыхъ, то мнѣнїе также совершенно ложно, будто бы у насъ все паки сдѣлается дешево, если позволятъ привозъ всѣхъ иноземныхъ товаровъ и издѣлїй съ наложенїемъ умѣренной пошлины. Мнѣ кажется, я достаточно уже доказалъ, что Россїя при усилившейся роскоши не въ состоянїи заплатить за товары и издѣлїя, которыя она ежедневно употребляетъ, своими произведенїями (которыя и безъ того

не великой цѣны, изключая нѣкоторыя немногія малозначущія вещи, какъ на примѣръ рыбій клей и проч). И такъ недостатокъ въ балансѣ долженъ вознаграждаемъ быть, покуда возможно, золотомъ и серебромъ, что должно имѣть самое вредное вліяніе на курсъ и на ажію. — Чрезъ сей упадокъ курса должны будутъ сначала иноземные, а послѣ и Россійскіе товары всегда болѣе и болѣе возвышаться цѣною, и такимъ образомъ появится та же самая, или еще и большая дороговизна; при чемъ не токмо не будетъ никакого выигрыша, но еще произойдетъ для Государства большой вредъ, который трудно будетъ вознаградить."

Далѣе г. Сочинитель опровергаетъ мнѣніе, будто бы должно позволить ввозъ иностранныхъ таваровъ для возбужденія соревнованія въ домашнихъ фабрикахъ.

„Самымъ слабымъ возраженіемъ считаю я то, что должно позволить ввозъ иноземныхъ издѣлій будто бы для того, чтобы сохранить соревнованіе въ домашнихъ фабрикахъ. Но бралиль въ разсужденіе сіе соревнованіе въ какой либо странѣ? Въ семъ случаѣ мы возьмемъ въ примѣръ ту страну, въ которой наиболѣе сдѣлано для поощренія внутренней промышленности, т. е. Англію. Въ Англіи,

когда еще мало было судоходства, издант известный навигаціонный акть, и всѣ почти издѣлія запрещены мало по малу, или обложены такими высокими пошлинами, которыя могли равняться полному запрещенію. Сіе и должно быть, какъ скоро правительство желаетъ завести въ своей землѣ изготовленіе какихъ либо товаровъ. Всѣ издѣлія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ нынѣ запрещены и для собственнаго употребленія; а если что и позволено, то опредѣлено для Восточныхъ и Западныхъ Индѣйскихъ колоній. Но для чего они запрещаютъ все, тогда какъ сами хотятъ увѣрить прочіе народы, что для нихъ нѣтъ ничего прибыльнѣе, какъ брать издѣлія у другихъ, потому что издѣлія сіи такъ сходны и хороши? Всякая веревка или канатъ въ Англіи стоитъ вдвое противъ нашего, а большія зеркала и того дороже. На шляпы Русскія, которыя мы здѣсь покупаемъ по 8 и 10 руб., продавая ихъ въ Англіи, можно бы выиграть 100 процентовъ. И такъ для чего же они не обращаютъ никакого вниманія на то, что ихъ публика должна платить такъ дорого за сіи и нѣкоторые другіе товары? Для того, что тутъ приемлетъ участіе и Государство. Государство въ противномъ случаѣ терпѣло бы вредъ; а гдѣ Государство теряетъ, тамъ

теряетъ каждый частный человѣкъ. Внутренняя промышленность должна быть сохраняема и для того, чтобы каждый могъ жить: чѣмъ больше промышленность, тѣмъ больше и благосостоянїе. . . .

„Нѣкоторые говорятъ, что несправедливо обогащать нѣсколько содержателей частныхъ фабрикъ на счетъ публики, запрещая ввозъ ихъ издѣлїй. Таковое мнѣнїе могло родиться только отъ совершенно ложнаго понятїя о вещахъ, или отъ зависти и недоброжелательства. Развѣ лучше, не только на счетъ публики, но и всего Государства, обогащать иностранныя земли? И вредно ли Государству, естьли оно имѣетъ богатыхъ частныхъ людей? Напротивъ того Государство не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ подкрѣплять, сколь возможно, тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, кои желаютъ обогатится своею промышленностїю и ревностїю въ художествамъ. — Частный человѣкъ, дѣлаясь богатымъ, въ то же время получаетъ возможность лучше жить и больше проживать, чрезъ что доставляетъ пропитанїе и пособїе множеству другихъ людей, и такимъ образомъ благосостоянїе его паки распространяется чрезъ тысячи каналовъ и протоковъ въ Госу-

дарствѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ споспѣшествуетъ болѣе или менѣе общественному благу. ..“

Представивъ такимъ образомъ вмѣстѣ діаметрально противуположныя мнѣнія касательно одной изъ важнѣйшихъ частей государственнаго хозяйства, почитаемъ обязанностію рекомендовать публикѣ *Отвѣтъ Русскаго гражданина*, которой можно получать изъ книжныхъ лавокъ здѣшней Столицы. *Т.*

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Опредѣленіе Испанскаго Короля о возстановленіи въ Государствѣ Его Езуитскаго Ордена, оффиціяльно объявленное въ Мадритѣ 31 Мая.

(*Изъ Гамбургскихъ вѣдомостей.*)

Съ того времени, какъ Я, по особенной и безконечной ко мнѣ и вѣрноподданнымъ моимъ милости Божіей, возвратился къ любезному народу моему и вступилъ на престолъ достойной памяти предковъ моихъ, съ разныхъ провинцій,

городовъ, земель и крѣпостей Королевства моего отъ Архїепископовъ, Епископовъ, и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ Особъ, извѣстныхъ своею вѣрностїю и любовїю къ отечеству, засвидѣтельствовавшихъ многими опытами ревность свою и старанїе о временномъ и вѣчномъ благополучїи моихъ подданныхъ, многократно приносимы были мнѣ всепокорныя и усильныя прошенїя о возстановленїи въ государствѣ моемъ ордена Езуитскаго. Представляя имѣющїя произойти изъ сего для подданныхъ моихъ выгоды, присоединяли къ тому примѣръ нѣкоторыхъ Европейскихъ Государей, а паче достойнѣйшїй примѣръ Пїя VII, который посланїе (Breve) Климента XIV отъ 21 Iюня 1773 года, уничтожающее орденъ Езуитскїй, не замедлилъ отмѣнить достославною своею буллою отъ 7го Августа истекшаго года, начинающеюся сими словами; Sollicitudo omnium Ecclesiarum. Убѣдясь столь частыми и настоятельными прошенїями, я старался узнать совершеннѣе несправедливость обвиненїй, приписываемыхъ Езуитскому ордену противниками и врагами не ордена того, но истинной Хрїстїанской религїи, которая яко главный законъ, на коемъ основано Королевство мое, защищаема была съ толикою твердостїю и постоянствомъ отъ досточтимыхъ пред-

ковъ моихъ, украшавшихся титломъ Королей Католическихъ, коихъ ревности и примѣру Я неуклонно желаю слѣдовать, при упованіи на помощь Божію; и такъ по удостовѣреніи о вышеупомянутыхъ обвиненіяхъ, я позналъ, что истинными врагами религіи и престоловъ суть тѣ, кои всячески старались оклеветаніями, хуленіями и сокрытыми хитростями, обезславивъ орденъ Езуитскій, низложить оный и преслѣдовать невинныхъ его членовъ. Изъ опыта извѣстно, что по упадкѣ сего ордена, когда восторжествовало безбожіе, то вскорѣ настало плачевное время, въ которое чрезъ подобныя хитрости и злоумышленія мы видѣли столько близкихъ къ паденію и совершенно упавшихъ престоловъ; несчастіе, до котораго бы не могли дожить, если бы существовалъ орденъ Езуитскій, оплотъ и твердыня религіи, коея ученіе и примѣръ наипаче споспѣшествуетъ къ благополучію подданныхъ, толико достойныхъ и мужественныхъ, каковыми вы въ отсутствіи моемъ явили себя къ удивленію цѣлаго свѣта. Самые враги Езуитскаго ордена, съ толикимъ безстыдствомъ и хулою возстававшіе противъ него, противъ основателя онаго, и противъ уставовъ и внутренняго Езуитовъ разпорядка, принуждены были сознаться, что орденъ сей весьма скоро

прославился благоразумнымъ своимъ управленїемъ, — что онъ великую оказалъ пользу въ воспитанїи юношества ему поручаемаго, въ ревностномъ познанїи древнихъ языковъ и усовершенствованїи свободныхъ наукъ, — что въ немъ были мужи отличившїеся въ разныхъ родахъ учености, — что сїе общество можетъ хвалиться гораздо большимъ числомъ хорошихъ писателей, нежели всѣ другїе ордены. Сверхъ того противники не могутъ не признаться, что члены сего общества въ новой части свѣта прилагали старанїя свои съ особливою ревностїю и отличїемъ, употребляя всегда способности свои на пользу и благо человѣческаго рода, — что обвиненїя приписываемы были не всему ихъ ордену, но только нѣкоторымъ, и что большая часть изъ нихъ занимались должностями своего званїя, и поставляли всегда правиломъ своимъ такой образъ ученїя, который удалялъ людей отъ пороковъ и наставлялъ ихъ въ добродѣтели и честности.

Впрочемъ какъ Пресвѣтлѣйшїй дѣдъ мой скрылъ въ сердцѣ своемъ важныя и справедливыя причины, побудившїя его невольно, какъ самъ онъ говорилъ, дать повелѣнїе о изгнанїи Езуитовъ изъ всего Королевства и о дальнѣйшихъ по сему распоряженїяхъ, заключающихся въ Праг-

матическомъ уставѣ отъ 2го Апрѣля 1767 года; Я же, будучи увѣренъ о мудромъ и богобоязненномъ его правленіи, нахожу, что сіе дѣло по сущности своей и важнымъ его отношеніямъ подлежитъ разсмотрѣнію моего Совѣта, на мнѣніи коего я долженъ утвердить свое постановленіе: по сему съ другими моими повелѣніями препроводилъ я на разсмотрѣніе онаго Совѣта нѣкоторыя изъ вышепомянутыхъ прошеній, и ни мало не сомнѣваюсь, что оный въ исполненіе моихъ повелѣній постарается учинить то, чего требуютъ польза и выгода Короля, Государства, а также временное и вѣчное благо моихъ подданныхъ. Между тѣмъ, не думая, чтобы Совѣтъ мой не зналъ о потребности возстановленія Езуитскаго ордена и общей пользѣ, какая отъ того произойти имѣетъ, и получая всегда новыя и усильныя о семъ прошенія, постановляю и повелѣваю, чтобы Езуитскій орденъ во всѣхъ городахъ и провинціяхъ, кои о семъ просили, отнынѣ немедленно былъ возстановленъ, не смотря на распоряженіе Прагматическаго устава отъ 2го Апрѣля 1767 и на всѣ другія узаконенія, послѣ того данныя и основанныя на ономъ уставѣ, которой отмѣняю и уничтожаю во всемъ томъ, что нужно къ поспѣшному и совершенному возстановленію Коллегій, домовъ, такъ называемыхъ Профес-

совъ, Новиціатовъ, Резиденцій и Миссій, какія были въ помянутыхъ въ прошеніи земляхъ и городахъ, съ оставленіемъ за симъ орденомъ также всѣхъ домовъ, которые онъ имѣлъ прежде въ моемъ Королевствѣ, какъ тѣхъ, кои нынѣшнимъ моимъ опредѣленіемъ возвращаются, такъ и тѣхъ, кои возвращены быть имѣютъ постановленіемъ, которое Я по выслушаніи мнѣнія моего Совѣта за благо признаю дать къ вящшей славѣ и благополучію Монархіи и въ пользу и благосостояніе Езуитскаго ордена. Все сіе Я постановляю на тотъ конецъ, дабы явить симъ милость и благоволеніе къ обществамъ духовнымъ, которыя будутъ находиться въ Королевствѣ моемъ, и дабы всѣмъ вѣдомо было, что Я дарованную мнѣ отъ Всемогущаго власть употребляю для благоденствія моихъ подданныхъ и къ чести престола. Сіе опредѣленіе, съ полученія онаго, должно быть приведено въ надлежащее исполненіе. Дано въ Королевскомъ Дворцѣ 29 Мая 1815 года.

~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~

Статья изъ Варшавы.

Отъ 17 Октября (н. с.) 1815.

Депутація, отъ Польскаго народа отправленная къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ АЛЕКСАНДРУ, ИМПЕРАТОРУ Всероссійскому, ЦАРЮ Польскому, исполнивши сдѣланное ей препорученіе, обязанностію своею почитаетъ, чрезъ посредство возвращающагося въ отечество Члена своего, Ксендза Волловича, донести Господину Президенту Сената и Воеводѣ, Графу Островскому, объ аудіенціи, коея у Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА имѣли счастіе удостоиться Депутаты въ 30й день прошлаго мѣсяца въ 12 часу по утру. Собравшись, въ главной Императорской квартирѣ, во дворцѣ à l'Elisée Bourbon, они препровождены были Генералъ-Адъютантомъ Ожаровскимъ въ залу, куда въ скоромъ времени и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО прибыть соизволилъ. Сенаторъ, Воевода Замойскій, произнесъ Рѣчь на Польскомъ языкѣ:

Wyslani przez współziomków naszych do złożenia W. C. Kr. Mci hołdu wierności i wdzięczności ich., sądziemy się szczęśliwemi, iż iesteśmy tłumaczami uczuć narodu, któryś Nayiaśnieyszy Panie raczyl zaczczycić szacunkiem swoim, w samém nawet nie-

szczęściu, i któryś iuż wtenczas przeznaczał do zaszczytu Twey wysokiey opieki.

Przywiązani iak naysilniey do Narodowości naszey, nie poymuiąc, by bez oyczyzny szczęśliwym bydź można, przymuszeni byliśmy nieraz szukać obcego wsparcia; lecz Tobie tylko iednemu, Nayiaśnieyszy Panie, składać możemy szczerą dań uszanowania i miłości naszey. Okazałeś W. C. Kr. Mość względem nas wszystkie natchnienia duszy wspaniałey; do nas należy okazać W. C. K. Mci, ile poświęcenia się wdzięczność wzbudzić w nas umie: z radością wzięliśmy na siebie ten obowiązek, i stwierdziliśmy go przysięgą naszą.

Chciały serca nasze uwiecznić pamięć tak dla nas lubey i chwalebney epoki. Podnosząc stracone nadzieie nasze, ziściłeś, Miłościwy Panie, wszystkie nasze życzenia; wracaiąc nam Oyczyznę, zabezpieczyłeś szczęście, a łącząc nas nieodzownie z dawnemi bracią naszemi, poiednoczyłeś wszystkich pod potężne i oycowskie berło twoie.

Racz dozwolić, Nayiaśnieyszy Panie, byśmy złożyli u Tronu twego ten słaby zakład nieograniczoney wdzięczności naszey.

(Многïе, а особливо изъ отдаленныхъ читателей Вѣстника, разумѣютъ подлинникъ; для другихъ прилагаемъ переводъ:

„Бывъ отправлены отъ соотчичей нашихъ для засвидѣтельствованія предъ ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ихъ вѣрности и преданности, мы почитаемъ себя счастливыми тѣмъ, что изъявляемъ чувствованія народа, которой удостоенъ Вашего, ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, уваженія и въ самомъ даже его несчастіи, и для котораго тогда уже ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО предназначить соблаговолили высокое Свое покровительство.

„Будучи весьма крѣпко привязаны къ правамъ и обычаямъ нашимъ и не понимая, какъ возможно быть счастливыми безъ отечества, мы не одинъ разъ принуждены были искать чужой помощи; но только ТЕБѢ единому, ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, можемъ принести искреннюю дань благоговѣнія и любви нашей. ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО явили на насъ всѣ вдохновенія великой души Своей; а мы обязаны явити, сколько священная приверженность удобна возбудить въ насъ признательности: мы съ радостію приняли на себя сію обязанность, и подтвердили ее своею присягою.

„Сердца наши желали увѣковѣчить память епохи, толико для насъ любезной и знаме-

нитой. Возстановляя падшую надежду нашу, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, ТЫ стяжалъ всѣ благіе наши обѣты; возвращая намъ отечество, ТЫ обезпечилъ счастіе наше, а соединяя насъ неразлучно съ древними братьями нашими, ТЫ соединилъ всѣхъ подъ мощный, отеческій Свой скипетръ.

„Благоволи, ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, да повергнемъ у ТВОЕГО Престола сей малый залогъ безпредѣльной благодарности нашей.“)

Послѣ того Графъ Антоній Островскій подалъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ вѣрительную граммату, а Графъ Тарновскій поднесъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ груднаго портрета МОНАРХА, а на другой словы: Unus nobis restituit rem. Медаль сія выбита на вѣчную память воскрешенія Польскаго Царства.

МОНАРХЪ соизволилъ отвѣтствовать слѣдующимъ образомъ:

Je suis vivement touché des sentiments que la nation Polonaise Me témoigne par votre organe. Messieurs! assurez la de Ma part que Je n'ai été mû envers elle, que par un seul principe, celui de lui rendre sa nationalité.

L'unissant à une autre nation de la même origine Slave, Je consolide son bien-être et sa tranquillité. La voir heureuse, sera Ma plus belle recompense.

(*Переводъ:* „Я живо тронутъ чувствами, которыя Полькій народъ изъявляетъ посредствомъ устъ вашихъ. Увѣрьте его съ МОЕИ стороны, что Я руководствовался вразсужденіи его однимъ только правиломъ, то есть желаніемъ возвратить ему права его и обычаи.

„Присоединяя оный къ другому народу того же Славянскаго происхожденія, Я утверждаю благо его и спокойствіе. Наилучшею наградою МОЕЮ будетъ то, когда увижу его счастливымъ.")

Съ тою же радостію первые изъ Поляковъ, Члены Депутаціи, имѣли счастіе узрѣть ЦАРЯ въ военной одеждѣ своего народа и въ знакахъ Ордена Бѣлаго Орла. Ко всемилостивѣйшимъ выраженіямъ, которыми Всепресвѣтлѣйшій МОНАРХЪ соизволилъ отвѣтствовать, присоединилъ ОНЪ еще другія, исполняющія надеждою и благодарностію сердце Поляка, и съ каждымъ изъ Членовъ особливо разговарилъ. На прошеніе, чтобы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше соблаговолилъ возложить на СЕБЯ равномѣрно и знаки военнаго Ор-

дена, МОНАРХЪ отвѣтствовалъ, что изъ уваженія къ сему ордену намѣренъ поступить съ нимъ, вразсужденіи принятія его, такъ точно, какъ съ военнымъ Россійскимъ Орденомъ Св. Георгія.

Послѣ аудіенціи у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Депутація почла своею обязанностію стать предъ Государями Великими Князьями и увѣрить Ихъ Высочества въ преданности и вѣрности Польскаго народа къ Пресвѣтлѣйшему Ихъ Дому; въ засвидѣтельствованіе чего Сенаторъ Воевода Замойскій произнесъ слѣдующее:

Deputacyia Królestwa Polskiego, wysłana do złożenia u Tronu J. C. K. Mci Pana swego, hołdu wdzięczności Narodu, spieszy z wynurzeniem Waszym C. Królewicowskim Mościom wyrazów szczerego przywiązania i nayglębszego uszanowania.

Złączeni nieodzownie z Państwem Rossyyskiém ogniwami narodowey Konstytucyi, odtąd ieden tylko cel, iedne tylko pozostaią nam życzenia, a to, abyśmy zasłużyli na dobrodzieystwa potężnego i wspaniałomyślnego Wskrzesiciela Oyczyzny naszey, zasłużyli na nie, ubiegaiąc się z dawnemi poddanemi Jego w przywiązaniu i poświęceniu się do Nayiaśnieyszey Osoby Monarchy, i do Nayiaśnieyszego rodu Jego.

(*Переводъ:* „Депутація Польскаго Царства, отправленная съ препорученіемъ повергнуть у Престола ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА знаки благодарности и вѣрности народа, поспѣшаетъ Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ изъявить искреннѣйшую свою привязанность и глубочайшее почтеніе.

„Поелику мы неразрывно присоединены въ Россійской Имперіи союзомъ особо предоставленныхъ намъ правилъ; то отнынѣ имѣемъ единую цѣль, единое желаніе намъ остается, а именно, содѣлаться достойными благодѣянія Могущественнѣйшаго и Великодушнаго Воскресителя отечества нашего и поревновать старшимъ подданнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ приверженности къ Высочайшей Особѣ МОНАРХА и къ Пресвѣтлѣйшему ЕГО Дому.“)

Депутацію составляли: Графъ Станиславъ Замойскій, Ксендзъ Андрей Волловичь, Князь Антоній Сулковскій, Графъ Янъ Тарновскій, Графъ Антоній Островскій, Князь Валентій Радзивиллъ, Антоній Завадскій, Генрикъ Стоккертъ.

IV. СМѢСЬ.

Достопамятныя открытія въ Астрономіи.

(Изъ Казанск. извѣст.)

„Комета, видѣнная сего года весною и о которой въ сихъ (Казанскихъ) извѣстіяхъ были сообщены наблюденія, сдѣланныя на Казанской обсерваторіи, принадлежитъ къ важнѣйшимъ до сихъ поръ открытымъ кометамъ. Апрѣля 14-го (26 н. с.) она была въ ближайшемъ своемъ отстояніи отъ солнца и только на $\frac{1}{5}$ болѣе земли удалена отъ него. Большая ось въ ея пути $17\frac{1}{2}$ разъ болѣе земнаго пути. Склоненіе ея къ еклиптикѣ составляетъ 44°, а долгота узла 83°. Всегожъ примѣчательнѣе ея время обращенія, простирающееся почти до 73 лѣтъ. И такъ, поелику сія комета (такъ какъ и комета славнаго Галлейя, ожидаемая опять въ 1832 г.) есть единственная, которой время обращенія мы можемъ вѣрно предсказать впередъ, то открытіе ея (за которое мы одолжены славному Олберсу) есть истинной подарокъ нашему познанію въ звѣздочетствѣ, тогда какъ всѣ прочія кометы, время обращенія которыхъ составляетъ тысячи лѣтъ, какъ бы намъ совсѣмъ неизвѣстны, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ихъ возврату, гдѣ мы ошибаемся сотнею лѣтъ.

„Любителямъ Астрономіи не неприятно также будетъ слышать и о другомъ весьма важномъ открытіи, сдѣланномъ Бесселемъ въ Кенигсбергѣ. Уже Піацци, славный открытель Цереры, звѣзду лебедя No 61 призналъ за двойную звѣзду, и притомъ за двигающуюся. Бессель же помощію повторенныхъ многихъ наблюденій нашелъ, что меньшая изъ сихъ двухъ неподвижныхъ звѣздъ около большой описываетъ еллипсисъ, подобно какъ наша земля и другія планеты около солнца. Это есть первой взглядъ, брошенной Астрономами въ глубину неба по ту сторону нашей планетной системы. До сихъ поръ неподвижныя звѣзды, какъ и самое имя показываетъ, почитаемы были за неподвижныя точки неба, къ которымъ относились всѣ наши наблюденія надъ кометами и планетами. Чрезъ сіе открытіе доказывается также, что законъ движенія небесныхъ тѣлъ, найденный безсмертнымъ Невтономъ только для тѣлъ нашей солнечной системы, вмѣстѣ очень вѣроятно есть общій законъ природы, которому не только наши планеты и кометы повинуются, но даже и тѣ созвѣздія, кои лежатъ въ чрезмѣрно великомъ отъ насъ разстояніи, куда самыя лучшія наши орудія не могутъ проникнуть.“

Профессоръ Астрон. Литровъ.

Извѣстія и замѣчанія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ 12 Окт. изволилъ находиться въ Берлинѣ, успѣвши, по выѣздѣ изъ Бриссела, осмотрѣть въ Шомонѣ

40,000 Баварцовъ, а при Дижонѣ около 150 тысячь войскъ Австрійскихъ, потомъ посѣтитъ Базель, Цирихъ и другія мѣста въ Швейцаріи. Въ Варшавѣ, гдѣ получено оффиціальное извѣстіе о скоромъ прибытіи МОНАРХА, дѣлаются приготовленія къ принятію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Поляки внѣ себя отъ радости! Они хорошо понимаютъ цѣну оказанныхъ имъ благодѣяній, и при всякомъ случаѣ съ растроганнымъ сердцемъ упоминаютъ о безпредѣльной благодарности своей Виновнику новаго бытія ихъ и животворящей надежды.

— Во Франціи всего достопамятнѣе открытіе обѣихъ Палатъ. Поступки *законнаго* Монарха обнаруживаются во всѣхъ мѣрахъ правительства, даже во всѣхъ формахъ дѣйствій. Сперва (6го Октября н. с.) отправлена была въ Парижской соборной церкви Божественная служба съ великими церемоніями и торжественностію, для испрошенія свыше благословенія на Членовъ Палатъ, коимъ надлежало открыть свои засѣданія. На другой день открыты засѣданія. Его Величество, вступивъ въ залу собранія, сѣлъ на тронѣ, и въ произнесенной Рѣчи возвѣстилъ онъ о заключенной имъ конвенціи съ иностранными Державами и о пожертвованіяхъ, каковыя по необходимости учинить надлежало; представилъ, какія занятія предлежатъ на будущее время Палатамъ, для возстановленія благоденствія Франціи, и изъявилъ увѣренность свою, что Члены Палатъ будутъ ему во всемъ содѣйствовать усердно. По окончаніи Рѣчи, Канцлеръ прочелъ форму присяги, которую повторили сперва Принцы, а потомъ и Члены Палатъ. Присяга заключалась въ слѣ-

дующихъ словахъ: „Клянусь въ вѣрности Королю, въ повиновеніи Конституціонному Акту и законамъ Королевства.“ Одинъ изъ Перовъ присовокупилъ къ присягѣ еще отъ себя слова: „исключая ограниченія Католической религіи.“ Одинъ изъ Депутатовъ Домингонъ просилъ позволенія передъ присягою сказать нѣчто. Но Дюкъ де Ришелье, испросивъ повелѣніе Монарха, объявилъ, что во Франціи искони запрещалось въ подобныхъ случаяхъ говорить въ присутствіи Короля, безъ особеннаго на то приказанія отъ Его Величества; теперь же Король повелѣваетъ продолжать вызовъ къ присягѣ, и Г. Домингонъ произнесъ оную. Послѣ сего Канцлеръ объявилъ, что засѣданія Палатъ открыты.

Разныя извѣстія.

Можно бы подумать, что нижеслѣдующее извѣстіе принадлежитъ древности, хотя въ самомъ дѣлѣ оно есть новѣйшее. Въ *Аѳинахъ* составилось *Общество любителей Музъ* (Ἑταιρία τῶν Φιλομούσων) и уже приступило къ учрежденію двухъ большихъ *Лицеевъ*, Аттическаго (λύκειον Ἀττικὸν) и Ѳессалійскаго (Μηλιωτικὸν ἐν Θετταλίᾳ). Каждой будетъ управляемъ своимъ Ефоромъ. Члены взносятъ ежегодно по три Испанскихъ талера и называются *споспѣшествователями* (Συνήγοροι), а принесшіе въ даръ значительную сумму включаются въ число

Благотворителей (Εὐεργέται), которых имена вырѣзываются на бѣлой мраморной доскѣ и объявляются чрезъ ученыя Греческія вѣдомости. Назначатся свѣдущія въ древностяхъ особы для принятія и сопровожденія любопытныхъ путешественниковъ какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Ѳессаліи. Добровольныя приношенія употребляемы будутъ на распространеніе Еллинскаго духа, на образованіе юношества, на пособія бѣднымъ учащимся, на отыскиваніе древностей, надписей, и проч. Ефоры Лицеевъ, а особливо Ѳессалійскаго, обязаны имѣть письменныя сношенія съ учеными мужами и съ Академіями, въ разныхъ мѣстахъ Европы находящимися. Принятымъ въ Общество даются перстни, Благотворителямъ золотыя, а Членамъ мѣдныя. Аѳиняне имѣютъ на перстняхъ своихъ изображеніе совы (символическій знакъ города) съ надписью: Φιλόμουσων, а Ѳессалійцы изображеніе Гиппоцентавра съ надписью: μουσαγέτων. — Уже *десяти* человѣкъ находятся въ спискѣ Членовъ и Благотворителей, разныхъ націй, въ числѣ которыхъ есть много Англичанъ — богатыхъ и щедрыхъ.

— Всѣ почитаютъ *прививаніе коровей оспы* изобрѣтеніемъ Англичанина Дженнера, и никто не сомнѣвался, что сія честь по справедливости ему принадлежитъ. Не смотря на

то, въ нынѣшнемъ году явился сопротивникъ и Дженнеру и общему мнѣнію, присвоивающій сіе важное и спасительное изобрѣтеніе — Нѣмцамъ. Въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ (*), въ статьѣ подъ заглавіемъ: Гдѣ *привита въ первой разъ коровья оспа?* содержится слѣдующее: *Плеттъ*, домашній учитель, жившій у одного Голландца въ Шенвейдѣ, часто слышалъ, что служанки, заразившіяся оспою отъ коровы, навсегда освобождались отъ человѣческой оспы; изъ того и вывелъ онъ заключеніе, что коровья оспа предохраняетъ отъ человѣческой. Это было въ 1790мъ году. Послѣ того черезъ годъ перешелъ онъ, для исправленія той же должности, въ домъ къ откупщику Гассельбургскому, по имени Мартини, которой и теперь еще въ живыхъ находится; тамъ сдѣлалъ онъ первой счастливой опытъ надъ тремя дѣтьми своего хозяина. Слѣдовательно изобрѣтеніе сіе, по словамъ Нѣмецкаго журнала, относится къ 1791 году, и пятью годами старѣе тѣхъ опытовъ, которыми прославился въ Англіи Дженнеръ. Желательно знать, для чего г. *Плеттъ* не сдѣлалъ изъ своего изобрѣтенія того же самаго употребленія, какое сдѣлалъ Дженнеръ? для чего тогда же не открылъ его

(*) Schleswig-Holsteinisch. Provincialbericht, 1815, въ первой книжкѣ.

публикѣ, и нестарался усовершенствовать своей находки?

— Недавно представлена была на театрѣ въ Берлинѣ Теренціева комедія *Братья*, обработанная на Нѣмецкомъ языкѣ г-мъ Ейнзиделемъ — съ самымъ вѣрнымъ наблюденіемъ древняго костюма и даже съ масками! Давно уже не видали новизны столь пріятной и столь почтительной. Берлинская публика съ удовольствіемъ приняла рѣшеніе такой трудной задачи и одобрила похвальной подвигъ художниковъ, вознамѣрившихся мудреную затѣйливость новой сцены замѣнить благородною простотою древней. Теренціевы комедіи существуютъ уже двѣ тысячи лѣтъ (ибо авторъ умеръ за 160 лѣтъ до Р. Х.); не смотря на то, ужасаетъ ли кого ета древность своею таинственностію? Кто нечувствуетъ всей значительности словъ Erubuit и проч.? Менѣе ли близки нашему партеру слова Homo sum и проч., нежели какъ были они Римскому амфитеатру? И даже, если посмотрѣть съ комической стороны, кто не найдетъ въ Сирѣ подлиннаго образца веселыхъ, плутоватыхъ, безстыдныхъ слугъ всѣхъ позднѣйшихъ театровъ? Гдѣ можно найти, при самой простой баснѣ, болѣе разнообразныхъ характеровъ, болѣе счастливыхъ противностей, болѣе интереса, болѣе правдоподобія?

— Вотъ рѣдкій примѣръ весьма ранняго развитія душевныхъ способностей. Сигизмундъ Максимиліанъ Вилибальдъ Отто *Праунъ* (сынъ Императорскаго Австрійскаго Ротмистра Прауна, родившійся 1 го Іюня 1811 года въ Тирнавѣ, въ Венгріи) еще почти въ началѣ перваго возраста оказывалъ склонность къ ученію, и *на второмъ* году такую обнаружилъ понятливость въ распознаваніи буквъ, въ чтеніи и въ объясненіи картинокъ историческихъ и до Естественной Исторіи касающихся, что 17 го Ноября 1813 года, когда младенецъ имѣлъ отъ роду неболѣе *двухъ* годовъ и *пяти* мѣсяцовъ, почли его достойнымъ вступить во второе отдѣленіе перваго класса Тирнавскаго народнаго училища. По окончаніи учебнаго года, 26 го Августа 1814 года, при публичномъ испытаніи изъ чтенія на Нѣмецкомъ и складыванія буквъ на Венгерскомъ языкахъ, изъ начертанія Нѣмецкихъ буквъ, изъ Катихизиса и таблицы умноженія, младенцу Прауну, между 70 соучениками, назначена главная награда, и при томъ переведенъ онъ въ высшее отдѣленіе перваго класса. При екзаменѣ 17 го Марта 1815 года ученикъ Праунъ, имѣвшій тогда отъ роду *три* года и *девять* мѣсяцовъ, опять оказался успѣвшимъ болѣе всѣхъ сотоварищей, которыхъ было 124. Етотъ ребенокъ при томъ

большее возбуждаетъ удивленіе, что и въ музыкѣ оказываетъ чрезвычайные успѣхи. По окончаніи упомянутаго выше екзамена, въ присутствіи городскихъ чиновниковъ и всѣхъ учителей, онъ игралъ на скрыпкѣ; а 15 го Апрѣля въ частномъ обществѣ у Князя Шварценберга, въ Тирнавѣ, въ присутствіи многихъ дворянъ игралъ онъ Плейелевы терцеты и дуеты, ко всеобщему удивленію всѣхъ слушателей. Рисованье и фехтованье также служатъ къ развитію другихъ способностей въ семъ чудесномъ дитяти. Истина всего вышеписаннаго подтверждается письменнымъ свидѣтельствомъ Директора и всѣхъ учителей Тирнавскаго училища, равнымъ образомъ и Бургомистра тогожъ города Яна *Берзатія*.

— Въ минувшемъ Августѣ текущаго года вышло изъ печати въ Варшавѣ небольшое сочиненіе: *Мысли безпристрастнаго наблюдателя*. Неизвѣстный авторъ доказываетъ, сколь много обязана АЛЕКСАНДРУ I Европа — какъ побѣдоносцу 1812 года, Россія — какъ своему ИМПЕРАТОРУ, Польша — какъ своему ЦАРЮ. АЛЕКСАНДРЪ, говоритъ сочинитель, исполнилъ то, чего немогли желать и о чемъ едва ли мыслить могли предшественники, и ОНЪ даже поправилъ ошибки прежней политики, состоявшія во первыхъ въ безпрестанномъ, никогда не-

исполненіемъ, обѣщаніи постоянной помощи имъ, которые хотѣли затушить Французскую революцію при самомъ изверженіи ея пламени, а во вторыхъ въ уничтоженіи и раздѣленіи Польши, которая должна служить оплотомъ Россіи.

— Астраханскія *Восточныя извѣстія* издаются уже почти три года. Съ будущаго Января они будутъ выходить вмѣстѣ на Россійскомъ и на Армянскомъ языкахъ. И такъ въ великомъ и славномъ Отечествѣ нашемъ разнородные сограждане могутъ читать *публичные листки* на языкахъ: *Россійскомъ*, *Польскомъ*, *Шведскомъ*, *Нѣмецкомъ*, *Армянскомъ* и даже *Французскомъ*.

Кстати о публичныхъ листкахъ, къ которымъ безъ сомнѣнія принадлежатъ и журналы. Во Львовѣ нѣкоторые литтераторы вздумали, по примѣру *Виленскаго Памятника*, издавать Памятникъ Львовскій, и назначили Іюль срокомъ выдачи первой книжки, еще не получивши на то *дозволенія* отъ своего Правительства. Прозьба ихъ отправлена въ Вѣну, а оттуда въ главную квартиру Соединенныхъ Монарховъ; — слѣдственно журналъ начнетъ выходить не прежде Января будущаго года. Сколько затрудненій!

О подпискѣ на книгу.

Въ С. Петербургѣ, въ большой Милліонной, въ домѣ Медицинскаго Департамента Министерства полиціи, у Титулярнаго Совѣтника Василья Тимофеевича Кашкина принимается подписка на изданіе *Стихотвореній Г. Жуковскаго*, въ 2 Частяхъ.

Въ первой Части: *Лирическія стихотворенія, Романсы, Пѣсни, Посланія.* Во второй: *Баллады, Смѣсь.* Изданіе сіе будетъ напечатано въ 4 долю листа, на лучшей бумагѣ; при каждой Части искусно выгравированная виньета.

Цѣна подписная за обѣ Части въ папкѣ 20 рублей.

Издатели просятъ Гг. иногородныхъ подпищиковъ относиться прямо на имя Г. Кашкина и прилагать *свои адресы*, дабы екземпляры могли быть доставляемы къ нимъ съ надлежащею исправностію.

Имена подписавшихся будутъ припечатаны въ концѣ 2 Части.

Д. Дашковъ, А. Тургеневъ, Д. Кавелинъ.

Изъявленіе благодарности.

А. М. Карцова, извѣщая Редактора о полученныхъ ею семидесяти пяти рубляхъ, пишетъ слѣдующее: ,,.. Чѣмъ воздамъ и чѣмъ возблагодарю тѣхъ трехъ благодѣтельныхъ Особъ, кои на бѣдную вдову и несчастное ея семейство обратили свое вниманіе и изъ Царевосанчурска. Хотя и сокрываютъ они имена свои, но Сердцевѣдецъ Богъ видитъ добрыя дѣла ихъ. Отъ всего сердца моего благодарю васъ, добрые и милостивые мои Благодѣтели за призрѣніе ваше на бѣдность. Да воздастъ вамъ Всевышній за таковую жертву вашу въ сей жизни сторицею, а въ будущей да удостоитъ васъ небесныя своея благодати. О чемъ Его, премилосердаго Творца, я и дѣти мои не престанемъ молить по конецъ жизни нашея,“ и проч. Г-жа Карцова просила довести сіи мольбы ея до свѣдѣнія неизвѣстныхъ Благотворителей. (*Вѣстн. Евр.* 1815 No 2, стран. 159 — 161.)

КОНЕЦЪ LXXXIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЕМДЕСЯТЬ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

IV. СМѢСЬ.

Nov.–Dec.

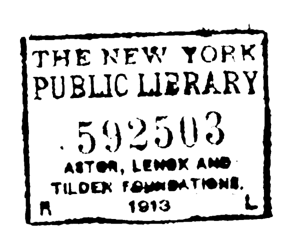
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ LXXXIV.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1815.



Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Ноября 8 дня 1815 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 21.

НОЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Свѣтская любезность и добродѣтель.

(Изъ записокъ старика, давно умершаго.)

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, — прекрасный полъ ищетъ своего счастія въ насъ, мы своего въ немъ; но, увы! почти никогда не находимъ.

Природа дала намъ твердость и силу, а ему красоту и пріятности; оба должны быть между собой друзьями, ибо оба имѣютъ одинъ въ другомъ нужду: но мы поступаемъ съ нимъ; а онъ съ нами — какъ злодѣи. Наши предки хотѣли обладать сердцами покорными, робкими, невинными, и — запирали женщинъ въ четыре стѣны, неприступныя для чужихъ глазъ. Удаливъ

ихъ отъ свѣта, они знакомили ихъ съ добродѣтелями, нужными только въ невольницахъ. Но добродѣтель, благородная свободою, походила въ сихъ оковахъ на преступленіе: общество не оживляемое женщинами — было мертво, и не услаждало утомленной души пріятнымъ разсѣяніемъ.

Наконецъ просвѣщеніе разрушило обычай дикій, достойный временъ варварскихъ; мущины возвратили женщинамъ ихъ права: но счастіе сдѣлалось еще рѣже, еще *невозможнѣе*. И мущинъ и женщинъ начали воспитывать такъ, какъ будто бы готовили ихъ жить внѣ дома и какъ будто бы они должны вѣчно стоять на великомъ театрѣ свѣта. Добродѣтели потеряли свою цѣну; наружный блескъ почитается главнымъ достоинствомъ, и всѣ требуютъ другъ отъ друга — одной *любезности*.

Долго для меня было не понятно, что значитъ ета любезность; и можетъ быть я не понялъ бы ее никогда безъ посредства тѣхъ дѣлъ, которыя привели меня въ Лондонъ, и того случая, который доставилъ мнѣ знакомство съ Графомъ N. —, идоломъ всѣхъ женщинъ и образцомъ всѣхъ мущинъ большаго свѣта. Я старался наблюдать всѣ его движенія, ловить всѣ его слова, не смотря на ихъ быстроту, по-

добную вѣтру. Ето человѣкъ, который всегда поетъ, или свиститъ, смѣется, или зѣваетъ, — который входитъ съ шумомъ, уходитъ украдкою, кланяется съ улыбкою, и вдругъ отворачивается, — который увѣряетъ всѣхъ въ дружбѣ, и не любитъ никого, соглашается со всѣми въ одно время, и въ томъ же дѣлѣ противорѣчитъ всѣмъ въ другое, — который, выучивъ нѣсколько выраженій, приятныхъ для самолюбія и суетности, повторяетъ ихъ женщинамъ молодымъ и устарѣвшимъ, прекраснымъ и непригожимъ, всѣмъ, всѣмъ *любезнымъ*, — который, присовокупляя къ сему краснорѣчію дерзкіе взгляды, не боится дерзко поступать съ ними, — наконецъ, который видитъ рѣдко свою Софію, супругу, способную сдѣлать счастливымъ всякаго, кромѣ его, и помнитъ объ ней только тогда, какъ спросятъ объ ея здоровьѣ. При сихъ сценахъ часто негодованіе, потрясая мою душу, изображалось даже на моихъ неподвижныхъ морщинахъ, — я обыкновенно нюхалъ табакъ, чтобы скрыть чувство, котораго не могъ подавить; а его дядя, старый морской Капитанъ, человѣкъ умный, но весьма грубый, угадывая сіе чувство, подходилъ ко мнѣ съ жестокимъ примѣчаніемъ, которое для меня было почти столько же неприятно, ибо увеличивало

мое замѣшательство: не правда ли, говорилъ онъ, что вся разность между нашими предками и нашими племянниками состоитъ въ томъ, что одни были *дикіе звѣри*, — другіе просто *скоты*?

Всѣ женщины, собиравшіяся въ домѣ Графа N., уступали первую ролю Княгинѣ П . . . Ето была ангелъ и сердцемъ и красотою, умомъ и пріятностію! — Она не хотѣла раздѣлять сихъ прелестей ни съ кѣмъ, но расточала ихъ всѣмъ: каждый имѣлъ право на ея ласки; но никто, отъ жалкаго супруга до любовника и отъ отца до дѣтей — не могъ почитать ее *своею*!

Нѣтъ! Алфонсъ и Ельмина счастливѣе для себя и полезнѣе для свѣта! Алфонсъ, просвѣщенный, благородный, чувствительный, великодушный, неустращимый, но столько же скромный, откровенный со всѣми, искренній безъ грубости съ друзьями, твердый безъ мщенія съ непріятелями, важный и веселый въ обществѣ, терпѣливый, снисходительный дома, посвящаетъ все время, все вниманіе дѣламъ, — весь умъ, все сердце Ельминѣ, которую обожаетъ. Ельмина, всегда одинакая въ поступкахъ, пріятная съ важностію, благоразумная въ самыхъ шуткахъ, осторожная съ героями моды, свободная съ

людьми, извѣстными добродѣтелїю, сострадательная къ бѣднымъ, привѣтливая со всѣми, готовая къ покорности, къ несчастїямъ, ко всякой великой жертвѣ, неприступная для тщеславїя, зависти, хитрости, обмана, — равнодушна къ свѣту, къ модной славѣ и къ моднымъ удовольствїямъ.

Мущины, пренебреженные Ельминою, говорятъ: „Какъ жаль, что она не подвержена слабостямъ своего пола!" и обращаются туда, гдѣ ихъ ожидаетъ *снисхожденіе* и *любезность;* а женщины, униженныя ея добродѣтелїю, хотятъ уронить ее, чтобы сравниться съ нею — ея паденїемъ! „Для чего" говорила ей Леди Ж..., „скрываешь свои достоинства и прелести во мракѣ уединенной жизни? Какъ можетъ презирать завоеванїя та, для которой они стоятъ не болѣе одного взгляда?" — Изъ всѣхъ низкихъ, презрѣнныхъ, черныхъ, злыхъ душъ, самыя низкїя, самыя презрѣнныя, самыя черныя, самыя злыя — тѣ, которыя стараются погубить добродѣтель и разрушить ея счастїе! Такова въ глазахъ моихъ Леди Ж. Но ея коварство, опасное для женщины обыкновенной, не произвело своего дѣйствїя надъ Ельминою, которая была выше лести. — Мое счастїе — отвѣчала она — такъ

велико, что мнѣ мало одного сердца для Алфонса, и я желала бы имѣть еще другое — для него же. Женщина, — продолжала она тономъ оскорбленной добродѣтели — способная раздѣлять свои чувства, не знаетъ ни любви, ни счастія.

Добродѣтельная Ельмина! посвящаю тебѣ слезу умиленія, которая въ сію минуту остановилась на моей щекѣ. Ты узнаешь того, кто болѣе всѣхъ способенъ удивляться твоему совершенству, — и можетъ быть заплатишь мнѣ слезою чувствительности!

Тщетно говорилъ я многимъ, что видѣлъ своими глазами счастіе Алфонса и Ельмины; — такова горестная участь порока, что онъ не вѣритъ добродѣтели! Души слабыя, чуждыя великаго, постояннаго счастія! я покажу вамъ другой примѣръ благополучной жизни. Амалія (*) была прекрасна и добродѣтельна, подобно Ельминѣ; наслаждалась такимъ же счастіемъ и почерпала его въ томъ же источникѣ. Ельмина еще въ цвѣтѣ лѣтъ; Амалія уже приближается къ страшному пре-

(*) Что добродѣтель Амаліи не романъ, всякой можетъ видѣть въ извѣстномъ Англійскомъ журналѣ The Spectator No 242.

Перевод.

дѣлу всѣхъ радостей подъ луною; — не говоритъ съ тѣмъ же восхищенїемъ о своей любви. — Ельмина молчитъ о своемъ счастїи, чтобы не унизить имъ другихъ, — Амалїя, избавляемая своими лѣтами отъ сего страха, открываетъ тайну онаго женщинамъ и мущинамъ.

Вечера въ домѣ Амалїи не были блистательны, но неизъяснимо приятны. Она имѣла особенный даръ простаго, трогательнаго краснорѣчїя и всегда управляла разговоромъ. Зимою любимое мѣсто ея было передъ каминомъ. Однажды нахожу ее среди друзей, и въ рукахъ у нее листокъ *Зрителя*.

„Мнѣ шестьдесять седьмой годъ;“ говорила она,“ „живши долго, я читала много; но до сихъ поръ, не знаю по чему, ни одинъ авторъ не писалъ о ложныхъ средствахъ, которыми мущины и женщины стараются плѣнять одни другихъ, — и которыя получили въ свѣтѣ имя *любезности*. И мущины и женщины обманываются въ томъ, что почитаютъ истиннымъ талисманомъ счастїя. Я могу судить рѣшительно, потому что была сорокъ лѣтъ супругою, и всѣ сорокъ лѣтъ наслаждалась счастїемъ: такое счастїе принадлежитъ не талантамъ моимъ, не воспитанїю. Прежде, т. е,

когда я была молода, — во всѣхъ домахъ, гдѣ презираемы были гибельныя моды, воспитывали дѣвицъ съ особенною осторожностiю. Онѣ никогда не видали предметовъ, для добродѣтели опасныхъ; простыя, но полезныя въ своей простотѣ обои, представляя разные великiе случаи изъ Священной Исторiи, имѣли гораздо лучшее дѣйствiе надъ ихъ невиннымъ сердцемъ, нежели картины, которыя представляютъ Венеру въ объятiяхъ Адониса, — Арiадну въ объятiяхъ Бахуса. Когда мой супругъ изъяснялся мнѣ о своей любви, то онъ, правда, говорилъ съ восторгомъ; но это былъ восторгъ христiанина, человѣка съ правилами, — а не тѣхъ героевъ, какими наполнены романы, не тѣхъ повѣсъ, какими свѣтъ наполненъ; и — сiи чувства служили основанiемъ нашей счастливой жизни." Никто не прерывалъ Амалiю. „Я покажу вамъ" продолжала она „нѣсколько писемъ, въ которыхъ содержится его первое объясненiе любви, — и одно, которое онъ писалъ уже послѣ многихъ лѣтъ нашего супружества!"

Амалiя принесла изъ кабинета письма. „Вотъ благородный и нѣжный языкъ истинной любви" сказала она; „послушайте."

7 Августа 1671 (*).

„Милостивая государыня!

„Если мои желанія, если мольбы мои „имѣютъ какую либо силу дѣйствовать „на вашъ покой и счастіе; то вы конечно „наслаждались въ прошедшую ночь самымъ „тихимъ сномъ, и Ангелъ хранитель осѣ„нялъ васъ своимъ покровомъ! Вѣчно по„мышлять объ васъ, безпрестанно бояться „несчастія, возможнаго въ человѣческой „жизни, и каждый часъ молить Бога, „чтобы отвратилъ отъ васъ оное, — та„кія чувства, такую заботливость питаю „въ себѣ для той, которая оскорбляется „моимъ приближеніемъ, и называетъ мое „нѣжное безпокойство дерзостію! Вы все„гда предъ моими глазами, — и въ сію „минуту они готовы излить слезные „потоки; но мое сердце не облегчается „слезами; оно нетерпѣливо желаетъ го„ворить вамъ въ сихъ строкахъ, желаетъ „изобразить вамъ свои мученія. Смятен„ная душа моя лишилась всѣхъ спо„собностей; внимательность ея исчезла! „Для меня книги — бѣлая бумага, друзья —

(*) Годъ и число писемъ показываютъ, что цѣлый вѣкъ прошелъ, какъ жила Амалія; но ея имя до сихъ поръ извѣстно и повторяется въ Англіи. *Перевод.*

„скучные, несносные гости! Спокойствїе „мое зависитъ единственно отъ вашей жа„лости; пощадите меня — ето наилучшее „торжество для васъ! Продолжать му„ченїе любовника — тиранство; сдѣ„лать его счастливымъ — истинное могу„щество красоты! Если не будете ослѣп„ляться гордостїю, то увидите, что васъ „ожидаетъ перемѣна приятная, — ли„шась покорнаго невольника, вы найдете лю„бящаго васъ друга. Но моя неволя для меня „сладостна, ибо съ нею неразлучна надеж„да: ваша чувствительность наконецъ „склонитъ васъ къ любви. Если ношу око„вы безъ ропота на владычицу, которая „на меня наложила ихъ; то, получивъ „свободу, помнить буду благодѣтельную, „нѣжную руку, которая мнѣ возвратила „оную." —

„Хотя онъ не получилъ отъ меня благосклоннаго отвѣта; но вы увидите, что онъ не терялъ надежды, и чрезъ мѣсяцъ еще написалъ ко мнѣ:"

3 Сентября 1671.

„Милостивая Государыня!

„Сего дни я проснулся очень рано, — „заря не алѣла еще на небѣ, — и я ждалъ „первыхъ лучей солнца, — не потому

„что они обѣщали мнѣ новое чувство
„радости; но я думалъ, что ихъ пріят-
„ный блескъ пробудитъ васъ къ счастію,
„послѣ тихаго покоя, котораго я желалъ
„вамъ вчера. Если мои молитвы услыша-
„ны, то восходящее солнце озарило васъ
„и ваши дѣйствія всею благостію Отца
„небеснаго. Пускай другіе вѣрятъ, что
„слѣпая судьба располагаетъ ихъ сердца-
„ми; я презираю столь низкія понятія
„о любви. Всѣ мои мысли, относящіяся
„къ вамъ, таковы, что могу съ твердою
„надеждою просить благословенія имъ у все-
„вѣдущаго Бога. Молю Его, да продлитъ
„къ вамъ свою благость, да управляетъ
„всѣми вашими движеніями, да наградитъ
„вашу непорочность, вашу добродѣтельную
„молодость, вашу благочестивую лю-
„бовь къ святой вѣрѣ! Такой языкъ
„новъ для особы вашего пола; но вы не
„принадлежите къ тѣмъ обыкновеннымъ
„женщинамъ, которыя ослѣпляются ле-
„стію, и дабы насладиться ложнымъ,
„минутнымъ обожаніемъ, подвергаются
„истинному, вѣчному презрѣнію. Красота
„увядаетъ; но, прекрасная Амалія, я
„люблю въ васъ душу, люблю ее болѣе са-
„мого себя. Если благородное воспитаніе,
„нѣкоторыя познанія и рѣшительное пре-
„зрѣніе свѣта, — если постоянное стрем-
„леніе къ строгой добродѣтели, глубокое по-

„чтеніе въ святой вѣрѣ — могутъ служить „въ раскрытію новыхъ чувствъ въ сердцѣ „столь добромъ, какъ ваше; — то мы про„ведемъ дни въ радости, и не будемъ ужа„саться печальныхъ мыслей о разруше„ніи. — Нѣтъ, старость откроетъ предъ „нами видъ вѣчной юности въ другомъ луч„шемъ мірѣ. Я написалъ сіи строки въ „нѣсколько минутъ, похищенныхъ у дол„жности, и не имѣю даже времени про„читать ихъ. Будьте снисходительны къ „простому выраженію чувствъ, которыя „перо начертало въ безпорядкѣ."

„Слѣдующія два письма писаны, когда уже былъ назначенъ день нашей свадьбы."

25 Сентября 1671.

„Несравненная Амалія!

„Нѣтъ ничего хуже хлопотливыхъ дѣлъ „въ то время, когда любовь занимаетъ всѣ „способности, — я чувствую ето. Всѣ, го„воря со мною, ясно видятъ, что не пони„маю ихъ, — и мнѣ должно или самому „запереться отъ всѣхъ, или всѣ будутъ за„пираться отъ меня. Сего дня по утру „одинъ молодой человѣкъ спрашиваетъ, что „новаго въ Голландіи? Я отвѣчаю: она не „изъяснимо прелестна! Другой — давно ли я „былъ въ Виндзорѣ? А я: она хочетъ ѣхать

„туда со мною! Заклинаю тебя, позволь по„цѣловать до свадьбы по крайней мѣрѣ руку „твою, чтобы душа моя не была въ та„комъ безпорядкѣ! Кажется, я могъ бы на„писать къ тебѣ цѣлую книгу, но никакой „языкъ на землѣ не выразитъ той пла„менной и благородной страсти, которая „дѣлаетъ меня навсегда твоимъ.“

30 Сентября 1671.

„Семь часовъ утра.

„Любезная Амалія! Послѣ Бога, ты „первая имѣешь право на мою благодар„ность, что встрѣчаю восходящее солнце съ „удовольствіемъ. Проводить каждый вечеръ „въ разговорахъ столь приятныхъ, видѣть „уваженіе женщины столь необыкновенной! „о, это блаженство выше всякаго опи„санія, выше всякой цѣны! Но, несравнен„ная дѣвица! я не ропщу на твое тор„жество; я радуюсь, что оно застав„ляетъ меня искать для тебя и для все„го свѣта каждый день новыхъ доказа„тельствъ той признательности, съ какою „принимаю твое снисхожденіе къ вздохамъ „сердца, тебѣ вѣрнаго и покорнаго.“

„Въ слѣдующемъ письмѣ онъ былъ милѣе, любезнѣе всѣхъ мущинъ въ Ан„гліи:“

20 Октября 1671.

„Мой любезный другЪ! извини, что бу-
„мага не слишкомЪ хороша; — я при-
„нужденЪ писать изЪ кофейнаго дому, кЪ
„которому дѣла меня приковали. Здѣсь
„толпа людей сЪ угрюмыми лицами
„жужжитЪ вкругЪ меня о деньгахЪ, —
„между тѣмЪ какЪ все богатство, все лю-
„бочестїе мое состоитЪ вЪ любви, — вЪ люб-
„ви, которая услаждаетЪ мое сердце, ожив-
„ляетЪ мой умЪ, возвышаетЪ мою душу
„и управляетЪ каждымЪ моимЪ движенї-
„емЪ. Тебѣ, милый другЪ! обязанЪ я
„почти всѣми благородными идеями,
„которыя сопровождали каждый мой по-
„ступокЪ, каждое мое слово; такова сила
„чистой страсти, что она возвышаетЪ
„обожателя до предмета обожаемаго! ТакЪ,
„прелестная Амалїя! я нахожу вЪ себѣ
„каждый день новыя добродѣтели единствен-
„но потому, что имѣю вЪ тебѣ столь до-
„браго, нѣжнаго друга! Обрати свой взорЪ
„на небо, которое сотворило тебя сЪ та-
„кими достоинствами, и соедини свои мо-
„литвы сЪ моими, чтобы Оно благословило
„всѣ сладостные, невинные часы нашей
„жизни; — проси Творца любви, чтобы
„освятилЪ тотЪ обрядЪ, который совершит-
„ся по Его же волѣ, — чтобы, давЪ намЪ
„счастїе, не позволилЪ забывать о его не-

„избѣжномъ концѣ, — чтобы научилъ по„коряться своему промыслу, который одинъ „можетъ настроить наше сердце къ жела„ніямъ, всегда пріятнымъ ему и намъ са„мимъ!“

„Я не хочу болѣе обременять васъ письмами, изображающими первыя минуты любви; но посмотрите на сей почеркъ дрожащей руки: вы безъ сомнѣнія улыбнетесь при мысли о человѣкѣ столь учтивомъ, т. е. о человѣкѣ, который можетъ говорить со мною языкомъ самымъ любезнымъ, послѣ сорока лѣтъ супружества.“

20 Іюня 1711.

„Милый другъ! я не писалъ къ тебѣ „вчера; отъ всего сердца прошу извинить „мое молчаніе. Оно происходитъ совсѣмъ „не отъ того, будтобы нѣжное внима„ніе мое къ тебѣ слабѣетъ; но отъ „того, что меня мучитъ мое послѣднее „письмо, и я боялся приняться за перо „до моего возвращенія. Знай, несравнен„ная Амалія, что ни старость, ни горе„сти и никакая злая судьба, преслѣдую„щая людей въ сей жизни, немогутъ по„колебать въ моей душѣ почтенія, кото„рое имѣю къ тебѣ, или изгладить въ ней „блистательную красоту, которою ты „восхищала меня въ ту незабвенную ми-

„нушу, когда отдавала мнѣ свою руку и „сердце.“

Ея сердце, ея голосъ, при чтенїи письма трепетавшїя отъ удовольствїя; ея лице, оживленное тихимъ, прiятнымъ волненїемъ крови, — розовой свѣтъ огня, изъ камина отражавшїйся, послѣднїя слова письма; изображающїя любовь самую постоянную и трогательную, — такъ настроили мое воображенїе и произвели въ немъ такое очарованїе, что Амалїя, плѣнительная уже одною добродѣтелїю, въ сїю минуту показалась мнѣ еще прекраснѣю! Такова жизнь Амалїи при своемъ закатѣ! Величественная, восхитительная картина солнца, склоняющагося къ горизонту подъ янтарными облаками, которыя вѣнчаютъ кроткое чело его и которыя сами еще болѣе украшаются погасающими его лучами, — не можетъ сравниться съ сею нравственною картиною, — съ вечернею жизнїю Амалїи! Ельмина! ты была подобна Амалїи на зарѣ своихъ лѣтъ; — твой вечеръ будетъ подобенъ ея вечеру! Ельмина, Амалїя! я зналъ васъ, и умѣлъ чувствовать во всемъ пространствѣ, что одна добродѣтель *счастлива*, что одна скромная добродѣтель *любезна!*

Съ Англ. А. Пкр...

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сонъ Гоѳоліи.

Гоѳолія.

Прилѣжный оба слухъ къ словамъ моимъ скло-
ните!
Не стану, Авениръ, въ дѣяньяхъ прежнихъ лѣтъ,
Въ пролитой мной крови, давать тебѣ отчетъ;
Свершила, что свершить чла должностью своею;
Безумный же народъ не признаю судьею.
Дѣла мои винилъ пусть въ буйствѣ онъ словесъ,
Успѣхомъ оправдалъ ихъ судъ самихъ небесъ;
Побѣдами моя усилена держава,
И двухъ морей брега познали дщерь Ахава!
Подъ сѣнію моей почилъ Ерусалимъ;
Спокойный Іорданъ не зритъ къ брегамъ своимъ
Аравлянъ хищниковъ, Филистимлянъ надмѣн-
ныхъ,
Какъ прежде, въ дни Царей, корыстью при-
влеченныхъ.
Царь Сирскій чествуетъ Царицей и сестрой;
Всей братіи моей убійца даже злой,
Съ ней равнымъ жребіемъ грозившій Гоѳоліи,
Сей гордый Іиуй трепещетъ въ Самаріи,
Со всѣхъ тѣснимый странъ толпами вражьихъ
силъ,

Что противъ хищника мой гласъ возстановилъ,
Меня владычицей призналъ онъ по неволѣ.
Я мудрости плоды вкушала на престолѣ;
Но смутный страхъ мою вдругъ душу посѣтилъ,
Блаженства моего токъ свѣтлый возмутилъ,
И сонъ (возможно ли! меня сонъ устрашаетъ!)
Снѣдающую духъ тоску во мнѣ питаетъ.
Бѣгу вездѣ отъ ней, вездѣ за мной она.
Я въ ночь глубокую вкушала сладость сна;
Предъ очи матерь мнѣ Іезавель предстала,
Она, какъ въ смертный день, богатствомъ ризъ блистала;
Подъ тягостію бѣдъ видъ гордый не упалъ;
Тотъ ложный даже цвѣтъ ланиты покрывалъ,
Случалось коимъ ей, ужь старостью тягчимой,
Изглаживать годовъ позоръ неизгладимой:
„Вострепещи" рекла „достойная мнѣ дщерь!
„Еврейскій Богъ готовъ сгубить тебя теперь!
„Въ рукахъ его тебя жалѣю я несчастну,
„О дочь моя!" Едва скончала рѣчь ужасну,
И наклонилась тѣнь на одръ къ главѣ моей,
А я объятія ужь простирала къ ней;
Но безобразну смѣсь лишь обрѣла со страхомъ
И плоти и костей, покрытыхъ гнуснымъ прахомъ;
Точился кровью трупъ отъ пятъ и до власовъ,
И спорилась о немъ несытыхъ стая псовъ.

Авениръ.

Великій Боже!

Гоѳолія.

Вдругъ предсталъ еще смущенной
Мнѣ отрокъ, ризою блестящей облеченной:
Такъ облачается жрецовъ Еврейскихъ родъ.
Спокойство возвратилъ мнѣ въ мысль его при-
ходъ;
Но между тѣмъ, какъ я отъ страха отдыхала,
И скромный видъ его, дивяся, созерцала,
Почула острый ножъ я вдругъ въ груди моей,
Который весь по кисть вонзилъ въ меня злодѣй.
Смѣсь чудныхъ призраковъ, столь разныхъ
межъ собою,
Быть можетъ, случая вамъ кажется игрою.
Боязни долго сей стыдяся я сама,
Считала ихъ мечтой смущеннаго ума;
Но одержимая толь злымъ вспоминовеньемъ,
Двукраты все однимъ терзалась сновидѣньемъ,
Двукраты отрока все зрѣла одного,
Вонзающаго мечь въ глубь сердца моего.
Сей ужасъ наконецъ сносить ужъ я устала,
За жизнь свою молить рѣшилася Ваала,
И шла спокойствія искать у олтарей:
Сколь властвуетъ боязнь надъ разумомъ людей!
Не знаю, чѣмъ во храмъ Евреевъ увлеклася,
И Бога ихъ смягчить надежда родилася.
Сей Богъ, возмнила я, прельщенъ цѣной даровъ,

Кто бъ ни былъ, менѣе Онъ будетъ мнѣ суровъ.
Вааловъ жрецъ! прости мнѣ робости внушенье!
Вхожу, народъ бѣжитъ, прервалося служенье!
Священникъ, гнѣва полнъ, противится въ вра-
тахъ,
Вѣщаетъ мнѣ; и вдругъ, о чудеса! о страхъ!
Я вижу, рядомъ съ нимъ самъ отрокъ тотъ
опасный,
Чей видъ напечатлѣлъ мнѣ въ память сонъ
ужасный;
Я вижу тожъ лице, и льняный тотъ хитонъ,
И поступь, и глаза, и словомъ точно онъ,
Онъ самъ шелъ близъ жреца; Левиты же
толпою
Вдругъ окруживъ его, сокрыли предо мною.
Вотъ чѣмъ устращена, осталась здѣсь на часъ,
Да вопрошу о семъ обѣихъ вмѣстѣ васъ.
Что предвѣщаетъ мнѣ, Маѳанъ, мой сонъ чу-
десный?

Катенинъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ (*).

Въ Германіи и во Франціи вообще думаютъ, что нынѣшній Россійскій языкъ собственно принадлежитъ почти всѣмъ Славянскимъ жителямъ Россіи, или лучше всей Россіи Великой, Бѣлой, Чермной и Черной; и на семъ-то мнѣніи основаны смѣшныя заключенія о первенствѣ упомянутаго языка передъ Богемскимъ и Польскимъ. Симъ заключеніямъ благопріятствуетъ еще и ложное мнѣніе о чистотѣ онаго, то есть яко бы онъ происходя отъ древняго языка Славянскаго, не имѣлъ въ себѣ словъ чуже-

(*) Сія статья, написанная Профессоромъ Краковскаго Университета г-мъ Бандтке, помѣщена въ Варшавскомъ журналѣ. Читателямъ по крайней мѣрѣ пріятно будетъ узнать, какъ за границею думаютъ о нашемъ языкѣ. Впрочемъ нѣкоторыя замѣчанія г-на Бандтке и справедливы и любопытны. *Ред.*

язычныхъ, кромѣ принятыхъ изъ Греческаго, изъ котораго Славянскій изстари заимствовалъ новыя выраженія. Будучи такого мнѣнія и Сочинитель рецензіи на Малороссійскую Енеиду, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ напечатанной въ Геттингенскихъ вѣдомостяхъ, онъ не могъ надивиться тому, что къ концу упомянутой Енеиды приложенъ былъ довольно пространный реестръ словъ Малороссійскихъ, которыя много несходны съ Великороссійскими; онъ не могъ себѣ представить, чтобы нарѣчіе до такой степени было отличнымъ отъ своего языка. Г. Рецензентъ никакъ несталъ бы тому удивляться, еслибъ припомнилъ себѣ, что въ одной и той же губерніи, на примѣръ Курской, въ одной и той же деревнѣ живутъ Малороссіяне и Великороссіяне, съ давнихъ временъ несходствующіе между собою въ языкѣ, въ образѣ мыслей и въ обычаяхъ. А что языкъ Малороссійскій (котораго столица есть Кіевъ), какъ не уступающій въ старшинствѣ Великороссійскому, не можетъ быть нарѣчіемъ сего послѣдняго, въ томъ удостовѣриться можно, обративши вниманіе на происшествія временъ прежнихъ; и хотя Нѣмцы увѣряютъ, яко бы Малороссійское нарѣчіе есть нечто иное какъ Русской языкъ, испорченный примѣсью къ нему Польскаго (*Dialectus Russica per Polonicam corrupta*. Bacmeister, Bib-

lioth. Tom: IX); не смотря на то, Малороссійское нарѣчіе старѣе многихъ другихъ: ибо Кіевъ процвѣталъ уже въ то время, когда Москва несуществовала, а Славянскіе *Поляне* еще прежде Рурика говорили не иначе какъ своимъ Славянскимъ языкомъ.

(Здѣсь можно несогласиться съ г-мъ Бандтке. Во первыхъ ни Славянскіе Поляне, при Днѣпрѣ обитавшіе, ни жители Княжества Кіевскаго и другихъ до присоединенія ихъ сперва къ Литвѣ 1320 г., а потомъ въ Польшѣ 1569 го, не могли говорить нынѣшнимъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ, потому что и самое названіе Малороссіи тогда не существовало. А что, во вторыхъ, Польской языкъ имѣлъ весьма сильное вліяніе въ составѣ Малороссійскаго нарѣчія, въ томъ никто изъ свѣдущихъ не сомнѣвается. Для другихъ же предлагаемъ примѣръ, въ которомъ Польскія слова означены косыми буквами. Вотъ начало грамматы Архіепископа Лазаря Барановича на Архимандрію Черниговскаго Елецкаго монастыря: „Всемъ *въ обецъ* и каждому „*зъ особна* такъ духовнаго, яко и „свѣцкаго *стану* на *преложенствахъ* „*ошеляныхъ* и *посполитости зоста*-

„*ючимъ* Христоименитымъ право-„славнымъ людемъ церкви святой Во-„сточной и нашего смиренія въ Духу „Святомъ возлюбленнымъ сыномъ симъ „нашимъ Архіерейскимъ *ознаймуемо* „писаньемъ, *ижъ* мы яко пастырь“ и проч. Здѣсь точно мы видимъ смѣсь церковнаго или Славянскаго книжнаго языка съ Польскимъ. *Прим. Редакт. В. Евр.*)

Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній Россійскій языкъ не уступаетъ въ изяществѣ ни Богемскому, ни Польскому; ибо онъ подобно имъ очищенъ, образованъ и имѣетъ обширную, хотя впрочемъ гораздо новѣйшую литтературу: однакожъ онъ не превосходитъ ихъ, какъ въ Германіи думаютъ тѣ, которые, не зная ни Богемскаго языка, ни Польскаго, опорочиваютъ все то, чего не разумѣютъ. Такъ, на примѣръ, г. Георги въ Описаніи въ Россіи обитающихъ народовъ, вмѣсто того чтобы откровенно объявить о незнаніи своемъ Польскаго языка, за благо разсудилъ увѣрять, якобы Польскія имена растѣній трудно выражать и выговаривать, — какъ будто легче было ему управляться съ Русскими именами! Кажется, всѣмъ извѣстно, что Нѣмецъ неможетъ своимъ алфавитомъ выразить ни Россійскаго глагола *дать*, ни

Польскаго дас. И потому ни Шлецеровъ, ни еще прежній Бакмейстеровъ и другихъ способы писать Славянскія и Россійскія слова Латинскими буквами ни для кого удобными быть не могутъ, развѣ только для тѣхъ, которые съ трудомъ складываютъ Славянскія буквы, и которые едва слегка разумѣя порусски, хотятъ съ большею для себя удобностію судить о литтературѣ разныхъ Славянскихъ народовъ. По тому-що и Добровскій лучше хочетъ побогемски, нежели Шлецеровымъ способомъ писать имена Славянскія, Россійскія и другія, и по всему кажется, что причины его справедливы.

(Странно, что Редакторъ Варшавскаго журнала въ примѣчаніи своемъ противорѣчитъ г-ну Бандтке и усердно совѣтуетъ всѣмъ Славянамъ принять Латинскія буквы, вмѣсто, на примѣръ, алфавита Россійскаго, и даже церковнаго. Онъ ссылается на Шлецера. Но Шлецеръ между прочимъ имѣлъ важную причину текстъ Русскихъ лѣтописей предлагать Латинскими буквами; онъ хотѣлъ, какъ самъ упоминаетъ, очищаемаго имъ Нестора представить ученымъ мужамъ въ Европѣ для того, чтобы заманить ихъ къ соучастію въ объясненіи пред-

метовъ Россійской Исторіи. Редакторъ говоритъ, что такая перемѣна облегчила бы другимъ народамъ, а особливо отъ Славянъ происходящимъ, способы учиться Россійскому языку. Это была бы слишкомъ великая жертва для такой маловажной причины. Постороннему дозволяется на досугѣ со всею холодностію разсуждать о выгодахъ отъ перемѣны Русскихъ буквъ на Латинскія; но каково Русскому патріоту слышать о такомъ странномъ и даже унизительномъ предложеніи для его благородной гордости! Мы знаемъ людей, которые желали даже, чтобы Русской языкъ совсѣмъ вышелъ изъ употребленія! Тогда конечно иностранцамъ нестоило бы никакого труда понимать насъ!! *Ред. В. Евр.*)

Языкъ Богемскій началъ процвѣтать, какъ діалектъ Славянскаго, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ при Императорѣ Карлѣ IV, который повелѣлъ сыновьямъ Курфирстовъ учиться пославянски (*). Потому онъ имѣетъ старшія произведенія словесности, за исключеніемъ только церковна-

(*) Въ Золотой Буллѣ 1356 года. „Electorum filii — —, incipiendo a septimo aetatis anno, in grammatica, Italica ac Slavica linguis instruantur.

го или древняго Славянскаго *нарѣчія*, которое служитъ основаніемъ не только Россійскому, но и всѣмъ другимъ языкамъ Славянскаго происхожденія; примѣтить однакожъ должно, что языки Богемскій и Польскій, отъ вліянія въ нихъ Латинской Іерархіи, далѣе нежели Россійскій отошли отъ своего источника. Смѣшивать же церковный языкъ съ нынѣшнимъ Россійскимъ есть то же самое, когда бы стали соединять его съ Польскимъ или Богемскимъ, или когда бы кто языкъ Отфрида, или Кіерона, или Улфилы вздумалъ называть нынѣшнимъ Нѣмецкимъ, Шведскимъ, или Датскимъ! Такимъ образомъ Богемскому языку принадлежитъ старшинство въ словесности передъ другими, — старшинство, котораго никакой иной оспорить у него не можетъ. Кромѣ богатства въ выраженіяхъ по части рудокопной, онъ отличается еще сохраненіемъ баснословной Славянской древности и народныхъ пѣсень. Но когда въ пятнадцатомъ вѣкѣ, во время Гусситовъ, половина Богеміи разорена была нападеніями Нѣмцовъ и внутренними междоусобными войнами, съ тѣхъ поръ народъ Богемской не могъ идти далѣе съ такимъ успѣхомъ, какъ началъ при Карлѣ IV. Какъ же скоро язвы исцѣлились отъ времени въ шестьнадцатомъ столѣтіи, то и духъ народный оживился въ первыхъ десяткахъ

семьнадцатаго, и предъ началомъ ужасной войны тридцатилѣтней снова разцвѣла Богемская словесность и явилась въ блестящемъ видѣ. Но спустя нѣсколько времени, когда Богемскіе Чины искали свободы, а Фердинандъ II желалъ неограниченной власти и соглашенія разномыслящихъ Диссидентовъ, — началась война тридцатилѣтняя. Великое множество природныхъ Богемцовъ выгнано было изъ отечества, и почти половина земли Богемской населена Нѣмцами, которыхъ еще въ тринадцатомъ столѣтіи находилось въ Богеміи значительное количество, а въ пятьнадцатомъ и семьнадцатомъ размножилось ихъ еще болѣе. По сей-то причинѣ Королевство раздѣляется на *Нѣмецкую Богемію* (Deutch - Boehmen), въ которой никто неумѣетъ говорить побогемски, и на *природную* или *Богемскую Богемію* (Stock - Boehmen), гдѣ почти всѣ жители говорятъ Богемскимъ языкомъ, и очень немногіе понѣмецки. Тотъ весьма бы ошибся, кто подумалъ бы, что Богемскій народъ обитаетъ только въ Богеміи; ибо и въ Венгріи есть Графства, населенныя почти одними Богемскими Славянами, которые или живутъ тамъ съ непамятныхъ вѣковъ, или избѣгши гоненій, коимъ Славяне часто были подвержены, тамъ нашли себѣ убѣжище. Слѣдственно ученый Доб-

ровскій справедливо полагаетъ до 6,000,000 человѣкъ Богемцовъ, живущихъ какъ въ самой Богеміи, такъ и въ Венгріи, считая въ томъ числѣ Моравовъ, Ганаковъ и другихъ соплеменниковъ. Однакожъ Тешенцовъ не можно причислять къ Богемцамъ; ибо въ Шлезіи только за Опавой и въ разсѣянныхъ поселеніяхъ Богемскаго исповѣданія, какъ то подъ Стрѣлою, подъ Цыцовымъ и проч. живутъ Богемцы. Залѣчились и въ другой разъ народныя раны, причиненныя тридцатилѣтнею войною, въ продолженіе которой несчастныя отбиранія въ казну дворянскихъ и мѣщанскихъ имѣній гораздо болѣе притѣснили народъ, нежели оружіе своихъ и неприятелей. И какъ скоро время, которое исцѣляетъ все и всему возвращаетъ спокойствіе — какъ скоро время снова наполнило жителями города, оставленныя гонимыми гражданами, какъ скоро разсѣялась грубая мгла, распространившаяся по Богеміи, — тогда опять начала въ ней процвѣтать отечественная словесность. Хотя же великая для нее утрата состоитъ въ томъ, что очень многіе литтераторы пишутъ понѣмецки, и что многіе совсѣмъ неразумѣютъ Богемскаго языка; однакожъ и отъ Нѣмецкой словесности въ Богеміи произошла весьма значительная польза для народной. Сія послѣдняя хотя невознеслась до той степени высо-

мы, которой могла бы достигнуть, когдабъ обстоятельства ей постоянно благоприятствовали, начиная съ 1618 го года, или съ 1355, или съ 1415 го; однакожъ ничто не можетъ лишить ее прежняго достоинства; ибо несмотря на многократныя бѣдствія, значительная часть народа сохранила языкъ свой, въ городахъ уцѣлѣли древніе обычаи, и слѣдственно остаются тщетными всѣ старанія тѣхъ людей, которые кричатъ о ненадобности Богемскаго языка, желаютъ его уничтоженія и съ увѣрительностію предвѣщаютъ ему оную. Когда Іосифъ II, благомыслящій, человѣколюбивый и доброхотный преобразователь всѣхъ народовъ, подъ скипетромъ его находившихся, бывъ увлеченъ Нѣмецкимъ предубѣжденіемъ, яко бы для общаго просвѣщенія и для облегченія дѣйствій правительства надлежало всѣхъ превратить въ Нѣмцовъ, сѣялъ неизбѣжную вражду между многочисленными своими народами; когда онъ полагалъ начало мятежей въ Нидерландахъ и вселялъ недоброхотство во всѣхъ подданныхъ не Нѣмецкаго происхожденія: въ то время усилія его произвести подобныя перемѣны и въ Богеміи остались тщетны, и оказались болѣе вредными нежели полезными. Ибо когда онъ въ числѣ двѣнадцати тысячь указовъ, нерѣдко противорѣчившихъ между собою, вы-

далъ одинъ такого содержанія; чтобы никто въ Богеміи неумѣющій поНѣмецки допускаемъ небылъ къ ученію въ Университетахъ; то симъ повелѣніемъ нетолько не содѣйствовалъ распространенію свѣта наукъ между природными Богемцами, но еще отдалялъ ихъ отъ ученія, предоставляя первенство Богемскимъ Нѣмцамъ, которые или никогда небыли истинными Богемцами, или быть ими перестали. Но привязанность, но любовь къ отечественному языку не угасла, и Богемецъ говоритъ поБогемски! Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, Богемскій языкъ никогда неуничтожится.

(Редакторъ Варш. журнала здѣсь прибавляетъ свое замѣчаніе, что въ Богеміи природный языкъ не есть языкъ общественный, но что онъ употребляется только между простымъ народомъ и между учеными.)

Польской языкъ началъ образоваться гораздо позже Богемскаго; ибо Казимиръ III несравненно менѣе, нежели современный ему Карлъ IV, имѣлъ досуга заниматься отечественною словесностію, и притомъ нашелъ Польшу въ большемъ безпорядкѣ, нежели упомянутый Государь Богемію. Но при Ягеллонахъ, именно же при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ II, языкъ Польскій

явился во всемъ блескѣ подлѣ Богемскаго. Но поелику благоденствїе Польскаго Королевства было непродолжительно, и когда въ царствованїе Сигизмунда III, изъ Дому Вазы, начались ужасные безпорядки, неуступающїе времени Гусситовъ, то и языкъ Польскїй по необходимости уклонился къ паденїю. Нѣтъ сомнѣнїя, что принятые въ обычай макаронизмы (*) всего болѣе содѣйствовали упадку Польскаго языка; однако и опустѣнїе городовъ не маловажною было тому причиною. Науки не процвѣтаютъ въ селахъ, гдѣ нѣтъ ни книжныхъ лавокъ, ни собранїя людей разныхъ состоянїй, различнаго образа жизни и разныхъ промысловъ. А моглиль науки процвѣтать въ городахъ, въ которыхъ отъ невѣжества, или отъ самолюбїя Старостъ размножились необитаемые домы, или угнѣздились Евреи? Однакожъ свѣтъ наукъ не могъ вдругъ угаснуть. Еще до начала осмнадцатаго вѣка примѣтно было слабое мерцанїе, хотя гоненїя за вѣру сдѣлались уже почти вездѣ общими, и хотя Iезуитскїя училища были не лучше Богемскихъ. Краковская Академїя, неимѣвшая ни силы, ни возможности дѣйствовать, была

(*) Смѣсь двухъ языковъ, на примѣръ Польскаго съ Латинскимъ. Поляки очень любили пестрить слогъ свой Латинскими словами даже безъ перемѣны въ окончанїяхъ.

болѣе духовнымъ собранїемъ нежели Академїей, болѣе монастырскою обителью нежели обществомъ людей ученыхъ. Но въ осмнадцатомъ вѣкѣ и тому остатку просвѣщенїя угрожали погибелью ужасные безпорядки и несогласїя. Неблагоприятная Польшѣ судьба не въ силахъ однакожъ была истребить просвѣщенїя, такъ чтобы оно не могло уже возродиться. Начатое съ 1750 года Ксендзомъ Конарскимъ преобразованїе школъ, а потомъ въ 1775 году учрежденїе Училищной Коммиссїи, къ концу столѣтїя вознесли Польскую словесность до высокой степени, и оставалось надѣяться, что успѣхи ея будутъ соразмѣрны народной дѣятельности, всему свѣту извѣстной.

(Окончанїе въ слѣд. нум.)

Изъ Словаря древняго и новаго Поэзїи, составленнаго Н. Остолоповымъ.

Литера Д.

Дактилическїй.

Заключающїй стопу дактиль. Латинскїе дактилическїе стихи, особливо екзаметры, потому такъ называются, что на концѣ имѣютъ стопу дактиль. Слѣдующїй стихъ изъ Виргилїевой Енеиды есть дактилическїй:

Bis patriae cecidere manus, quin protinus *omnia*
Perlegerent oculis. . . .

Дактиль.

Стопа Греческой и Латинской Поезїи, употребляемая и въ Россійскомъ стихосложенїи; состоитъ изъ трехъ слоговъ, одного *долгаго* и двухъ *краткихъ*; изображается такъ: — ᴗ ᴗ. По сему слова *Господи*, *мужество*, *славная*, *радостный*, *ἄγγελος*, *carmine*, суть дактили.

Слово сїе, какъ увѣряютъ, происходитъ отъ *δάκτυλος* палецъ, потому что пальцы раздѣлены такимъ образомъ, что одинъ долгїй имѣетъ подлѣ себя два короткихъ; но такое словопроизведенїе неможетъ показаться удовлетворительнымъ. Говорятъ еще, что стопа сїя изобрѣтена Бахусомъ, который прежде Аполлона пророчествовалъ въ Дельфахъ стихами сего размѣра. Греки иначе называли сїю стопу *πολιτικος*. (Diom. 3. p. 474.)

У насъ чаще употребляется дактиль вмѣстѣ съ хореемъ, по чему и стихъ называется *дактило-хореическимъ*.

Расположенїе дактило-хореическаго *шестистопнаго* стиха есть слѣдующее: въ первыхъ четырехъ стопахъ могутъ быть или все дактили, или все хореи, или

наконецъ дактили и хореи смѣшанно, не наблюдая порядка; въ пятой стопѣ непремѣнно долженъ быть дактиль, въ шестой въ женскомъ стихѣ хорей, а въ мужескомъ одинъ только долгой слогъ.

Пятистопный дактило-хореическїй стихъ въ первыхъ двухъ стопахъ долженъ имѣть дактиль, или хорей и еще слогъ долгїй, дѣлающїй пресѣченїе, но въ двухъ слѣдующихъ его стопахъ всегда долженъ быть дактиль, и сверхъ того одинъ слогъ долгїй, который съ долгимъ слогомъ пресѣченїя составляетъ пятую стопу; по сему оный стихъ есть мужескїй, а женскїй вмѣсто одного долгаго на концѣ слога принимаетъ хорей.

Примѣры:

1. Шестистопнаго дактило-хореическаго стиха.

a) Пять дактилей и одинъ хорей:

Женскїй.

Я выжи|маю пло|ды густо|лиственныхъ| лозъ вино|града.

Мужескїй.

Царь въ сладо|страстьи жи|вущїй воз|можетъ ли| славу об|рѣсть.

b) Пять хореевъ и дактиль:

Волны | моря | съ ревомъ | страшнымъ | къ брегу стре|мяся.

c) *Четыре хорея и два дактиля:*

Быстро | кони | подемъ, | прахъ возды|мая, не|сутся.

d) *Четыре дактиля и два хорея:*

Черныя| тучи от|всюду | весь гори|зонтъ по-кры|ваютъ. —
Гнѣвъ, бо|гиня, вос|пой Ахил|леса Пе|леева| сына.

e) *Три дактиля и три хорея:*

Кони по|слушные | быстро | мчатся| съ грознымъ во|зницей.

2. Пятистопнаго дактило-хореическаго стиха:

Мужескій.

Виденъ лишь | молніи | блескъ | | громъ безу|молку гре|митъ,

Женскій.

Вся ужа|снулася | тварь | | вся содро|гнулась При|рода.

Можно писать стихи дактилическимъ размѣромъ и безъ хорея, также какъ анапестомъ безъ ямба (см. анапест.), сохраняя слѣдующій порядокъ: пусть въ шестистопномъ стихѣ всѣ стопы будутъ дактили, и по окончаніи третьей пресѣченіе; въ пятистопномъ же пресѣченіе по окончаніи второй стопы; прочіе же стихи,

какЪ то четырестопный, тристопный и двустопный, должны быть безЪ пресѣченія.

Шестистопные:

Скоро ли, вѣтры, престанете? волны горами вздымаются!

Пар сы, снасти изломаны; силы матросы лишаются.

Пятистопные:

Скроемся въ хижину, искры отъ молніи сыплются.

Впрочемъ сїи стихи непремѣнно требуютЪ *сочетанія* сЪ другими дактилическими стихами, какЪ-то сЪ четырестопными, или тристопными, дабы удалить отЪ нихЪ скучную монотонїю.

Древнїе часто употребляли шестистопные дактило-хореическїе стихи вмѣстѣ сЪ пятистопными, и таковыя двустишїя совокупно назывались *геро-елегїяческими* стихами.

Четырестопные дактило-хореическїе стихи пресѣченїй не имѣютЪ, также какЪ *тристопные* и *двустопные;* только то замѣтить надобно, что вЪ четырестопныхЪ четвертою стопою, вЪ тристопныхЪ третьею, вЪ двустопныхЪ второю, когда не оканчиваются чистымЪ дактилемЪ, почитается вЪ женскихЪ стихахЪ хорей, а

въ мужескихъ долгій слогъ. — Примѣромъ дактило хореическихъ четырестопныхъ могутъ служить слѣдующіе стихи Державина;

Ступитъ на| горы,| горы тре|щатъ,
Ляжетъ на море, бездны кипятъ,
Граду ко|снется|, градъ упа|даетъ, ипр.

И сіи написанные къ Державину Дмитріевымъ;

Бардъ безъимянный! тебяль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю, и пр.

Примѣръ чистаго четырестопнаго дактиля:

Господи! будь мнѣ всегда покровителемъ!

Или:

Мысли печальны во время осеннее.

Примѣры тристопнаго дактило-хореическаго стиха:

Звонкопри|ятная| лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою| силой тво|ей
Ты и Боговъ и Царей,
Ты и народы плѣняла, ипр.

Державинъ.

Примѣръ чистаго тристопнаго дактилия:

Духи и злые волшебники!
Скройтесь въ пещеры подземныя.

Примѣръ дактило-хореическихъ четырестопныхъ вмѣстѣ съ такими же тристопными:

Гдѣ ты, прекрасная! гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя? и пр.

Карамзинъ.

Примѣры двустопныхъ дактило-хореическихъ стиховъ:

Гласъ ея| страшный
Двигнулъ весь| адъ,
Громы у|жасны
Глухо гре|мятъ.

Востоковъ.

Пчелка златая!
Что ты жужжишь,

Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?

Державинъ.

Примѣръ чистаго двустопнаго дактиля:

Грудь лебе|диная,
Поступь па|влиная.

Примѣръ дактило-хореическихъ тристопныхъ женскихъ вмѣстѣ съ такими же двустопными:

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ,
Съ шумомъ на землю валятся
Желтыя листья!
Поле и садъ опустѣли,
Сѣтуютъ холмы,
Пѣніе въ рощахъ умолкло,
Скрылися птички, и пр.

Карамзинъ.

Примѣч. Есть еще особенной родъ дактило-хореическихъ четырестопныхъ стиховъ, состоящій изъ трехъ хореевъ съ дактилемъ на концѣ. Примѣры можно видѣть въ старинныхъ пѣсняхъ:

Пере|катно| красно| солнышко,
Ты звѣздаль моя восточная. . . ,
Во слезахъ я слово молвила. . . ,
Прочь отъ стада лебединова. . . ,

Г. Карамзинъ написалъ симъ размѣромъ прекрасную сказку *Илья Муромецъ*. Вотъ ея начало:

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера,
Плыть отъ Трои разоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи, и пр.

Повѣсть Г. Востокова *Пѣвисладъ и Зора* писана такими же стихами:

Собирайтесь люди Кіевски
Передъ холмъ священный Боричевъ,
Поклонятися богамъ своимъ
И почтить святую силу ихъ,
Благочестнымъ приношеніемъ,
Пированіемъ и тризнищемъ!
Такъ взывалъ Баяновъ громкій хоръ,
Съ холма поле озираючи,
Въ звонки гусли ударяючи, и пр.

Двустишіе.

Distichon или distichus. — Два стиха, заключающіе въ себѣ полный смыслъ. Напр:

Тотъ мудръ во истину, кто все чрезъ опытъ знаетъ,
И кто, начавъ дѣла, на ихъ конецъ взираетъ.

Гол. Кутузовъ.

Для сильныхъ на земли долгъ первой, знаменитой,
Невинныхъ охранять и слабыхъ быть защитой.

Озеровъ.

Къ чему намъ служитъ власть, когда ее имѣя,
Не властны мы себя счастливыми творить?

Карамзинъ.

Въ Греческой и Латинской Поэзіи называются симъ именемъ два стиха, изъ коихъ первый екзаметръ, а вторый пентаметръ. У Виргилія на случай даннаго Августомъ празднества:

Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane;
Divisum imperium cum Jove Caesar habet.

И сей другой:

Unde superbit homo, cujus conceptio casus,
Nasci poena, labor vita, necesse mori?

Почти всѣ елегіи у древнихъ писаны такими двустишіями, также какъ и всѣ Овидіевы сочиненія, выключая Превращеній.

Слово дистихъ, distichus, происходитъ отъ δὶς, дважды, и στίχος, стихъ, См. елегическій.

Двустопный.

Стихъ, имѣющій двѣ какія либо стопы. — Составленіе и примѣры можно ви-

дѣть въ описаніи стопъ анапеста, дактиля, хорея и ямба.

Девизъ.

См. ѳмблема.

Діасирмъ.

Родъ ироніи, — самая злобная насмѣшка на счетъ какого нибудь лица.

Генрихъ IV, Король Французскій, споривъ нѣкогда съ Испанскимъ посланникомъ, сказалъ со гнѣвомъ: я пойду до Мадрита. *Для чего же не такъ, Ваше Величество,* возразилъ хладнокровно посланникъ: *Франциcкъ I также былъ въ Мадритѣ.* Чрезъ сей діасирмъ посланникъ напомнилъ о заточеніи Франциска I въ Испаніи и далъ замѣтить, что и съ Генрихомъ тоже послѣдовать можетъ.

Воссій такъ опредѣляетъ діасирмъ: *Inimica irrisio, sed extra caedem.* Rhet. contract. IV, x. 3.

Διασυρμὸς происходитъ, по мнѣнію Боссе, отъ *δια* per, изъ, и *συρίζω*, sibilo, свищу, и соотвѣтствуетъ отчасти Французскому *persifflage*. Но въ Лексиконѣ Шревелія *διασυρμὸς* переведено detractio, obtrectatio, поношеніе, ругательство, и произведено отъ *διασυρω* (distraho, lacero, detraho, obtrecto, разрываю, поношу, ругаю), соста-

вленнаго изъ частицы δια и глагола σύρω (traho, влеку). Сей переводъ и производство слова διασυρμὸς сходственнѣе съ тѣмъ значенїемъ, какое даетъ ему Лонгинъ (см. гл. XXXI) въ переводѣ Буало: le diasyrme, qui est une éspece d'hyperbole, n'est à le bien prendre, que l'exagération d'une chose basse et ridicule.

Дидактическій.

Didacticus. — Слово сїе, взятое изъ Греческаго языка и происходящее отъ глагола διδάσκω, doceo, учу, значитъ *поучительный;* оно придается тѣмъ сочиненїямъ въ стихахъ, кои имѣютъ предметомъ просвѣщенїе ума. Таковыя сочиненїя называются *дидактическими*, т. е. поучительными.

Должно думать, что дидактическое стихотворство, выключая лирическое (см. сїе слово), существовало прежде всѣхъ другихъ родовъ Поэзїи, потому что законы, бытописанїе и нравственныя поученїя были сочиняемы стихами. Гезїодова поема *о земледѣлїи* показалась нѣсколькими годами прежде Илїады. Емпедоклъ написалъ въ стихахъ Физику, Ѳеогнидъ, Никандръ, Парменидъ, Аратъ сочинили въ стихахъ множество разсужденій о разныхъ ученыхъ матерїяхъ. У Римлянъ Горацій, Виргилій,

Лукрецїй, Овидїй съ успѣхомъ упражнялись въ дидактической Поезїи.

Первое правило поемы дидактической состоитъ въ томъ, чтобы дать ей основанїе твердое, и чтобы она могла быть читателю приятна. Не надобно искать въ ней такой учености, такихъ подробностей, какїя могли бы написаны быть въ трактатѣ прозаическомъ, ибо сего нетерпитъ Поезїя; Пїитъ, подобно пчелѣ, собирающей съ цвѣтовъ самое приятнѣйшее, выбираетъ изъ своего предмета только то, что будучи полезно, можетъ соединено быть съ прелестями его искусства.

Полезнѣйшими для Поезїи дидактической украшенїями могутъ служить *епизоды*, т. е. вводныя повѣсти; ибо когда они хорошо помѣщены, когда привлекательны, то вознаграждаютъ читателя за скуку при чтенїи правилъ. Но должно наблюдать, чтобы сїи епизоды были неслишкомъ часты, для того чтобы нечасто отвлекать чрезъ нихъ вниманїе читателя отъ главнаго содержанїя поемы.

Расположенїе дидактической поемы зависитъ отъ произвола автора. Онъ можетъ сдѣлать ее повѣствовательною и драматическою, влагая поученїя свои въ уста извѣстныхъ философовъ, или законодате-

лей; можетъ даже прибѣгать къ помощи боговъ, Музъ, и дѣлать обращенія или призыванія по примѣру авторовъ епическихъ.

Слогъ сего рода твореній долженъ быть умѣренный: *повыше* посланія или епистолы, и нѣсколько *пониже* поемы епической; ибо въ поемѣ дидактической авторъ представляетъ лице хладнокровнаго мудреца, дѣлающаго поученіе, а потому и не можетъ, или не долженъ быть въ большомъ ентузіазмѣ, выключая єпизодовъ, кои, какъ повѣсти посторонныя, сіе принимать могутъ.

Въ поемахъ дидактическихъ можно употреблять стихи всякаго размѣра, однакожъ шестистопные предпочитаются.

Примѣрами сего рода твореній могутъ служить: Поема Лукреціева *De rerum natura*, Виргиліевы *Георгики*, Гезіодова поема *Работы*, Гораціева *Наука стихотворства*, которой подражалъ Буало; Опытъ или *разсужденіе о критикѣ* Англійскаго писателя Попа, Делилева поема *Сады*, и пр.

На Россійскомъ языкѣ въ дидактическомъ родѣ находятся: Переводъ Голенищева-Кутузова Гезіодовой поемы *Работы*; два полныхъ перевода Боалововой *Науки стихотворства*, первой Тредіаковскаго, а

второй Графа Хвостова и неполный переводъ г-жи Буниной; переводъ Станевича *Ландшафтовъ* (Paysages) Марнезїя; переводъ Князя Шихматова *Опыта о критикѣ* Г. Попа; поема *Притчи*, написанная Графомъ Хвостовымъ; Посланїе Ломоносова къ Шувалову *О пользѣ стекла*; отрывки изъ Делиллевой поемы *Сады* и изъ Виргилїевыхъ *Георгикъ*, переведенныя Воейковымъ, и поема Боброва *Таврида* или *Херсонида*, писанная четыростопными бѣлыми стихами.

Дїереза.

Симъ именемъ назывался у древнихъ нѣкоторый родъ стихотворческой вольности, посредствомъ коей пїитъ, имѣющїй нужду въ слогѣ для составленїя полнаго стиха, раздѣляетъ на два слога буквы, дѣлающїя въ обыкновенномъ нарѣчїи одинъ только слогъ.

Такимъ образомъ Горацїй сдѣлалъ изъ двусложнаго слова silvae три слога въ слѣдующихъ стихахъ:

Aurorum et *siluae* metu.

Кн. I. Ода XXIII.

Nunc mare, nunc *siluae*
Threicio Aquilone sonant.

К. V. Ода XIII.

Плавтъ изъ односложнаго *jam* сдѣлалъ два слога:

Hoc agite, sultis, spectatores nunc *iam*.

И это также дïереза, когда употребляется aulai вмѣсто aulae, vitai вм. vitae; вЪ Тибуллѣ dissoluenda вм. dissolvenda.

Слово *дïереза* взято сЪ Греческаго: διαιρεσις, значитЪ раздѣленïе, отЪ διαιρεω, дѣлю, раздѣляю. — Дïереза принадлежитЪ кЪ Метаплазму. См. сïе слово.

Диметръ.

ВЪ ГреческомЪ и ЛатинскомЪ стихосложенïи называются симЪ именемЪ стихи *ямбическïе четырестопные*, отЪ того что древнïе раздѣляли ямбическïй стихЪ по мѣрамЪ или метрамЪ, а каждой метрЪ заключалЪ двѣ стопы. (См. Ямбическïй.)

Сей ГорацïевЪ стихЪ есть диметрЪ:

Magis|ve rhom|bus, aut| scari|.

Дипиррихïй.

Двойный пиррихïй. ТакЪ имянуется вЪ Греческой и Латинской Поэзïи стопа, заключающая два пиррихïя, т. е. четыре краткихЪ слога, какЪ-то вЪ словахЪ: animula, adimere, reficio. — Сïю стопу иначе называютЪ *прокелевсматическою*.

Диспондей.

Двойный спондей. Въ древней Поэзіи: стопа, заключающая четыре долгихъ слога, на пр. въ словахъ incrementum, delectantes.

Дистихъ

См. Двустишіе.

Дитрохей.

Двойный трохей или хорей. Терминъ Греческой и Латинской Поэзіи, означаетъ стопу, состоящую изъ двухъ хореевъ: cantilena, comprobare, continenter, συνεσοντες, слабоумный, содержащій, состоящій.

Диѳирамбъ.

Диѳирамбъ былъ гимнъ, пѣтый Греками въ честь Бахуса. Обряды служенія сему богу, по словамъ Страбона, принесены Фригиянами на островъ Наксосъ, откуда распространились они по всему Архипелагу и достигли наконецъ до Ѳивъ. Народъ Ѳивскій сдѣлался ревностнѣйшимъ обожателемъ Бахуса, почему и пристрастился къ диѳирамбамъ болѣе нежели къ другимъ родахъ Поэзіи. Сосѣди скоро начали подражать Ѳивянамъ, и въ непродолжительномъ времени вся Греція наполнилась поемами диѳирамбическими. Рим-

лине, народъ не столько сладострастный и болѣе Грековъ приверженный къ строгой нравственности, не полюбили сей Поэзіи, хотя впрочемъ *галліамбическіе* ихъ стихи, воспѣваемые жрецами Цивиллы въ минуты восторга, во многомъ сходствовали съ диѳирамбомъ.

Цетцесъ (Tzetzes) основательно замѣчаетъ, говоритъ Аббатъ Арно, что диѳирамбическіе поэты отличались отъ лирическихъ тѣмъ только, что имѣли болѣе смѣлости и возвышенности. Сіе замѣчаніе совершенно образуетъ истинное свойство диѳирамба. Сей родъ Поэзіи требуетъ изображеній новыхъ, неожидаемыхъ, высокихъ, чудесныхъ, чувствованій сильныхъ, словомъ сказать: піитъ долженъ *быть*, или по крайней мѣрѣ *казаться* вдохновеннымъ.

Никакой опредѣленной формы диѳирамбы не имѣютъ; чѣмъ будутъ они непринужденнѣе, тѣмъ болѣе могутъ понравиться. — Въ диѳирамбахъ, посвящаемыхъ Бахусу, употребляются слова *Еванъ*, *Евое*, означающія сего бога. — На Русскомъ языкѣ примѣромъ сего рода Поэзіи можетъ служить напечатанный въ ежемѣсячномъ изданіи *Цвѣтникъ* (С. П. Б. 1809 No. 3) диѳирамбъ подъ

названіемъ: *Возвращеніе Бахуса изъ Индіи.*

Скалигеръ о диѳирамбѣ пишетъ слѣдующее: Диѳирамбомъ называли Греки Бахуса, или отъ того что онъ воспитанъ былъ въ пещерѣ, имѣвшей два отверстія (отъ слова *δὶς* дважды и *θύρα* дверь), или отъ того что онъ, по словамъ преданія, два раза родился, изъ бедра Юпитера и отъ Семелеи. Въ послѣдствіи диѳирамбомъ стали называть родъ гимновъ, воспѣваемыхъ въ честь Бахуса. Нѣкоторые писатели думали, что диѳирамбъ получилъ названіе отъ какого-то Диѳирамвія, уроженца Ѳивскаго, и что сей Ѳивянинъ былъ онаго изобрѣтателемъ; но если бы сіе истинно было, то Омиръ, столь много восхвалявшій свою страну, не забылъ бы о томъ сказать; а напротивъ, сей Поетъ приписываетъ изобрѣтеніе диѳирамбовъ Коринѳянамъ; Геродотъ же отдаетъ сію честь Аріону, жителю острова Лесбоса. Сей родъ Поезіи былъ столько воленъ и безчиненъ, что казался болѣе изобрѣтеннымъ людьми пьяными, бѣснующимися въ бахическомъ изступленіи. — Scaliger. Poet. Lib. 1.

Къ такому опредѣленію можетъ, кажется, подходить слѣдующій Италіанскій

диѳирамбѣ. — Италїянцы превосходятъ въ семъ родѣ Поэзїи предъ всѣми новѣйшими народами (выключая Россїйскаго); потому что языкъ ихъ, подобно древнимъ языкамъ, имѣетъ болѣе гибкости и вольности въ расположенїи словъ.

Ognun segua Bacco te,
Bacco, Bacco, Evoe!
Chi vuol bever, chi vuol bevere
Venga a bever, venga quà,
Voi imbottate come bevere
Gli è del vino ancor per te.
Lascia a bever prima a me,
Ognum segua, Bacco, te.

Jo ho voto gia il mio corno;
Dami un po il botaccio, in qua
Questo monte gira intorno
E'l cervello a spasso va.
Ognun corra in qua e in la
Come vede fare a mè,
Ognun segua, Bacco, te.

Jo mi moro gia di sonno,
Son io ebbrio, o si, o no?
Star piè ritti e'pie non ponno,
Voi siete ebbri, ch'io lo so.
Ognun faccia com'io fo,

Ognun succi, come me,
Ognun segua, Bacco, te.

Ognun gridi, Bacco, Bacco,
E pur cacci del vin giú
Poi con suoni farem fiacco
Bevi tu e tu e tu.
Io non posso ballar piú
Ognun gridi, Evoe,
Ognun segua, Bacco, te,
Bacco, Bacco, Evoe!

Вотѣ подражанїе, близкое къ подлиннику:

Всѣ послѣдуютъ тебѣ,
Бахусъ, Бахусъ, Евое!
Кто задумаетъ попить,
Къ намъ тотъ можетъ приходить;
Мы изъ бочки наливаемъ;
Пей, какъ всѣ мы попиваемъ;
Чашу выпилъ я твою;
Дай мнѣ, выпью и свою.
Вотъ, смотри, гора вертится!
Голова моя кружится;
Всѣ туда, сюда бѣгутъ,
Всѣ примѣръ съ меня берутъ,
Въ слѣдъ за Бахусомъ идутъ.

Клонитъ сонъ! — прости весь свѣтъ!
Что-то пьянъ ужь я, иль нѣтъ?

Ноги цѣлы, да не ходятъ!
На меня и всѣ походятъ.
Пейте, пейте — мой совѣтъ!
И полнѣе наливайте,
Бахусу вы подражайте!

Бахусъ, Бахусъ прокричимъ,
И винца мы нацѣдимъ.
Пейте, пейте — ну, смѣлѣе!
Всѣ рѣзвитесь веселѣе!
Мнѣ пришлось теперь сказать,
Что не въ силахъ я плясать. —
Всѣ послѣдуютъ тебѣ,
Бахусъ, Бахусъ, Евое!

Дихорей.

См. Дитрохей.

Діямбъ.

Двойный ямбъ. Въ Латинской и Греческой Поэзіи такъ называлась стопа, состоящая изъ двухъ ямбовъ или четырехъ слоговъ, изъ коихъ первый и третій краткіе, а второй и четвертый долгіе, какъ на примѣръ въ словахъ: Amenitas, ὑπεβλέπων, вȍстāлъ и̇ рēкъ.

(*Продолженіе послѣ.*)

〰〰〰〰〰〰

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Статья изъ Парижа.

Октября 15го (н. ст.) въ 8 часовъ по полудни Король принялъ въ тронной залѣ большую депутацїю Палаты Перовъ, представшей лицу Его Величества для поднесенїя адресса отъ всей Палаты. Канцлеръ, въ качествѣ Председателя, прочиталъ адрессъ, въ которомъ слѣдующїе отрывки достойны примѣчанїя:

„— — — Когда въ минувшемъ году Провидѣнїе услышало мольбы всего свѣта и возвратило васъ Францїи; когда Оно возстановило для васъ сей престолъ отцевъ вашихъ, сїе ваше и наше наслѣдїе: то появленїе особы Вашего Величества было знаменїемъ мира, которымъ вы могли бы хвалиться и которой мы благословлять долженствовали. Сей миръ не только былъ честный, но и славный, *для васъ* — потому что вы несли его, и что присутствїе ваше вдыхало во всѣхъ добродѣтель, — *для Французовъ*, которые и въ самыхъ даже не-

счастіяхъ собирали дань удивленія ихъ мужеству, — для соединенныхъ Державъ, которыя, бывъ свободны дѣйствовать по внушенію своего гнѣва, оковали его тогда великодушіемъ.

„ — — — Ваше Величество предварили насъ о болѣзненныхъ пожертвованіяхъ. Благоразумная и почтительная скромность налагаетъ на насъ долгъ ожидать въ молчаніи того времени, когда Ваше Величество соблаговолите объявить намъ объ оныхъ; но сія *глубокая* скорбь, которую сердце ваше предъ нами уже открыло — — Можемъ увѣрить васъ, что нѣтъ ни одного Француза, которой бы нераздѣлялъ ее съ вами, и что для услажденія горечи ея, для подражанія и содѣйствія вашей твердости никакое усиліе не покажется для насъ труднымъ, никакая жертва не будетъ для насъ невозможною.

„ — — — Перы, наслѣдственные совѣтники Короны, природные защитники правъ Государя и преимуществъ народа, верховные судіи преступленій, кои стали бы угрожать безопасности престола и государства, всегда будутъ готовы, Всемилостивѣйшій Государь, какъ подданные вамъ повиноваться, какъ граждане жертвовать собою благу отечества, какъ Перы Франціи подкрѣплять власть Королевскую всѣми силами, какія обѣ Полаты призна-

ютѣ необходимыми, дабы разсѣять враждебныя скопища и дать побѣду законамѣ.

„*Свободной и чистосердечной союзъ Палатъ съ Королемъ, уваженіе къ хартіи конституціонной* — сіи священныя слова, изѣ устѣ вашихѣ изшедшія, навсегда пребудутѣ для насѣ громогласнымѣ знакомѣ соединенія.

„— — — Мы совершенно увѣрены, что В. В. вознамѣритесь всегда соединять благодѣянія своего милосердія сѣ законами правосудія, и мы дерзнемѣ каждой разѣ у правоты вашей ходатайствовать о наградахѣ, просить о наказаніи, обѣ исполненіи существующихѣ законовѣ и о наблюденіи за безпристрастнымѣ управленіемѣ.

„— — — Вѣ истекшемѣ году мы видѣли Императоровѣ и Королей Европы, совокупно приемлющихѣ порукою одинѣ только нравственный характерѣ вашего Величества; и мы приносимѣ вамѣ, Всемилостивѣйшій Государь, новое для представленія имѣ поручительство, состоящее вѣ благоразумныхѣ поступкахѣ націи, которая умѣетѣ отречься отѣ пагубнаго, честолюбиваго желанія казаться другимѣ страшною, но которая питаетѣ неизмѣнную рѣшительность оградиться, согласно сѣ волею своего Монарха, внуще-

нїемъ должнаго ея правамъ уваженїя и довѣренности, которую она заслужитъ своими правилами."

Король отвѣчалъ: „Съ живѣйшимъ чувствомъ приемлю увѣренїя Палаты Перовъ. Я долженъ былъ, собравши вокругъ себя Членовъ, открыть имъ при семъ торжественномъ случаѣ глубокую скорбь, коею проникнуто мое сердце; нынѣ буду говорить имъ единственно о своихъ надеждахъ. Я знаю всѣ свои должности, и всѣ исполню; съ совершенною увѣренностїю надѣюсь на содѣйствїе Палаты Перовъ въ отвращенїи бѣдствїй отъ нашего отечества, и вижу вѣрную поруку въ самомъ способѣ, которымъ она теперь изъяснила мнѣ свои чувствованїя."

Немедленно послѣ того большая депутацїя Палаты Депутатской представлена была къ Е. Величеству для поднесенїя адреса отъ всѣхъ Членовъ; Г. Лене, Предсѣдатель Депутатской Палаты, читалъ слѣдующїй адрессъ:

„Всемилостивѣйшїй Государь!

„Слова (*) Вашего Величества глубоко проникли сердца вѣрныхъ вашихъ подданныхъ,

(*) Т. е. произнесенныя Королемъ въ Рѣчи при открытїи засѣданїй въ обѣихъ Палатахъ. Рдк.

членовъ Депутатской Палаты. Они исполнили ихъ почтенïемъ, любовïю и (почто въ тому прибавлять еще!) — скорбïю, которая тѣмъ болѣе мучительна, чѣмъ менѣе была предусматриваема, послѣ столь многихъ удостовѣрительныхъ обѣщанïй.

„Велики бѣдствïя отечества; но имъ пособить можно. Ежели нацïя, неприступная для провозглашенïй хищника, должна нести наказанïе за измѣну, въ которой неучаствовала, то она перенесетъ свое несчастïе.

„Первымъ ея утѣшенïемъ есть возвращенïе законнаго Короля ея. Въ самомъ дѣлѣ, сколь великая порука заключается въ семъ догматѣ законности, принятомъ гораздо болѣе для благоденствïя народовъ, нежели для выгоды Государей! Сïе спасительное правило устарѣло между нами; оно сохраняло порядокъ наслѣдованïя Королей нашихъ и готовило намъ, послѣ толикихъ бурь, надежное пристанище подъ сѣнïю ихъ престола. Насильство похитило верховную власть; но негиблющее право пережило насильство.

„Одни только законные Короли умѣютъ жертвовать собою для своихъ народовъ. Ваше Величество неоднажды то доказали. Послѣ всѣхъ великихъ пожертвова-

нїй, сдѣланныхъ вами, едва исчислить можемъ тѣ, на которыя нынѣ опять вы рѣшились. Для облегченія бремени бѣдствій нашихъ Ваше Величество неусомнились отъ многихъ вещей отказаться, и Августѣйшая фамилія слѣдуетъ вашему примѣру. Строгая бережливость уменшитъ издержки общественныя. Какой Французъ отречется удовлетворять нуждамъ государства? Объявите ихъ намъ, Всемилостивѣйшій Государь, и вы увидите, что нація покажетъ себя достойною самой себя и Вашего Величества.

„Мы всѣ имѣемъ нужду въ утѣшеніяхъ, и мы ищемъ ихъ въ томъ благѣ, къ которому вы показали намъ дорогу. Единодушіе составляетъ первое желаніе ваше; оно и для насъ необходимо. Мы постараемся всѣ имена партій слить въ одно имя Французовъ, — имя, которое всегда будемъ носить съ гордостію.

„Да престанутъ возмущать народъ пустымъ опасеніемъ мнимаго возобновленія налоговъ, навсегда уничтоженныхъ. Мы клялись въ вѣрности Хартіи; дозвольте, Ваше Величество, гордиться намъ мыслію, что даже запрещено сомнѣваться о нашей вѣрности. Мы желаемъ пособить бѣдствіямъ Франціи, возстановить ее, безъ но-

выхъ судорогъ, съ благоразумїемъ, съ поспѣшностїю. По нашимъ актамъ, по готовности нашей принять нужныя мѣры къ охраненїю народныхъ преимуществъ и тишины общественной, узнаютъ, вѣрны ли мы нашимъ обѣтамъ.

„Но, Государь, при всеобщемъ желанїи согласїя, при желанїи содѣлать его прочнымъ, должностїю своею почитаемъ просить у васъ правосудїя противу всѣхъ тѣхъ, кои престолъ вашъ подвергали опасности. Ваше милосердїе было почти безпредѣльно. Не преклоняемъ васъ къ намѣренїю отмѣнить его; мы знаемъ, что обѣщанїя Царей должны быть священны: но именемъ народа, именемъ сей жертвы, тягостїю бѣдствїй угнѣтаемой, умоляемъ васъ соблаговолить, да дѣйствуетъ правосудїе съ той точки, на которой милосердїе остановилось. Пускай тѣ, кои еще и теперь, ободряемые безнаказанностїю, не боятся тщеславиться своимъ неповиновенїемъ — пускай они преданы будутъ праведной строгости судилищъ. Палата потщится содѣйствовать составленїю потребныхъ къ тому законовъ и исполненїю сего желанїя.

„Съ тою же ревностїю она приступитъ къ средствамъ возвратить религїи власть, могущественнѣйшую силы самихъ законовъ, — религїи утѣшающей насъ въ

несчастїяхъ, повелѣвающей забывать обиды, содѣлывающей святою вѣрность клятвы.

„Не говоримъ, Всемилостивѣйшїй Государь, о необходимости разныя вѣтви власти Вашего Величества ввѣрять не иначе какъ въ чистыя руки; окружающїе васъ Министры подаютъ намъ вразсужденїи сего утѣшительныя надежды. Ихъ бдительность, столь важная въ семъ отношенїи, тѣмъ будетъ менѣе трудною, что опыты происшествїй показали чувства и мысли каждаго. Наши же Всемилостивѣйшїй Государь, неимѣютъ другой цѣли кромѣ благоденствїя вашего и счастїя отечества; и желанїя наши исполнятся, если мы получимъ сїю славную награду ревности и трудовъ нашихъ."

Король отвѣчалъ: „Я сильно проникнутъ чувствами, изъявленными Палатою. Съ удовольствїемъ приемлю надежды, представляемыя ею вразсужденїи лучшей участи въ будущемъ времени.

„Пусть несомнѣвается, что я съ полною довѣренностїю предлагать ей буду о нуждахъ государства, и съ твердостїю буду охранять права, долженствующїя утвердить всеобщую безопасность."

(Conserv. Impart.)

IV. СМѢСЬ.

Нищіе.

Лучше умереть, нежели просить милостыню.
ПЛАВТЪ.

Ремесло нищихъ, или лучше сказать ихъ *профессія* (ибо господа сіи также имѣютъ свою гордость), съ нѣкотораго времени отличилась весьма значительными успѣхами въ нашей части свѣта. Сословіе сихъ господъ увеличилось прибавленіемъ къ нему нѣсколькихъ орденовъ, или братскихъ обществъ, управляемыхъ однимъ уставомъ, хотя обязанности ихъ различны. Сначала братья сего ордена одѣвались въ рубища; теперь нищенствуютъ они въ одеждахъ, сіяющихъ золотомъ, въ опрятныхъ мундирахъ, въ щегольскихъ кафтанахъ, и даже ѣздятъ въ каретахъ; короче сказать, всѣ состоянія имѣютъ своихъ нищихъ. Теперь для каждаго класса въ народѣ есть особливый, свойственный ему способъ просить милостыни. Нищіе изъ простаго народа просятъ, кланяясь; принадлежащіе къ высшему классу, стоя на

колѣняхъ, а еще къ высшему, ползая по землѣ, или, иначе сказать, пресмыкаясь.

Физіологическіе опыты показали, что у нѣкоторыхъ животныхъ большая или меньшая способность двигаться зависитъ отъ устроенія крестца; тому же закону природы подлежатъ и гадины, имѣющія видъ человѣческій: съ большею легкостію двигаются и гнутся тѣ, у которыхъ становая кость (spina dorsi) имѣетъ болѣе гибкости. Буонапартъ, говоря однажды о нѣкоторомъ знаменитомъ нищемъ, который и до нынѣшняго времени постоянно держится своей профессіи, сказалъ: „Не „понимаю, какъ ето дѣлается; етотъ че„ловѣкъ ростомъ выше меня на восемь дюй„мовъ; не смотря на то, каждой разъ, съ „нимъ разговаривая, долженъ я нагибать„ся, чтобы его услышать!"

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ привыкли мы давать учтивыя названія поступкамъ самымъ неучтивымъ, принято въ обычай, вмѣсто *нищенски умолять*, говорить: *просить убѣдительно*, *представлять*, *стараться*, и проч. А чтобы совершенно знать, когда сіи слова (имѣющія конечно и свое собственное значеніе) должны быть принимаемы за синонимы укорительному выраженію, вмѣсто

котораго они употребляются, для того необходимо должно сдѣлать слѣдующее опредѣленіе: *просить нищенски, есть неотступно домогаться того, на что неимѣемъ никакого права.* Предложивши такое опредѣленіе, я остаюсь увѣреннымъ, что никто необманется въ истинныхъ моихъ намѣреніяхъ, и не боюсь, чтобы стали укорять меня въ неуваженіи священныхъ правъ честной бѣдности на сострадание сердецъ чувствительныхъ.

Чтобы нищенское ремесло, которое съ виду кажется очень легкимъ, отправлять съ нѣкоторымъ успѣхомъ, для того нужно имѣть достаточный запасъ терпѣнія, необычайное мужество и твердость для перенесенія всѣхъ укоризнъ, отказовъ, разнаго рода неудовольствій и даже презрѣнія; надобно навсегда отречься отъ независимости; надобно безпрестанно ползать изъ одной передней въ другую, одну руку протягивать къ господину, а другую подавать слугѣ, безтрепетно стоять у дверей, которыя уже двадцать разъ были затворяемы передъ твоимъ носомъ. Всему етому нельзя въ одинъ день научиться!

Испытатели натуры, для облегченія науки, изобрѣли раздѣленіе существъ на роды и классы, котораго совсѣмъ нѣтъ въ

природѣ; ибо въ трехъ царствахъ ея одни роды съ другими соединяются отношеніями, разрушающими всѣ системы, для раздѣленія ихъ вымышленныя. То же самое происходитъ и въ нравственномъ порядкѣ: общество состоитъ изъ людей *разныхъ* состояній и достоинствъ; но сія разность, сія раздѣльность сама собою исчезаетъ, какъ скоро пристально начинаемъ въ нихъ всматриваться. Такимъ-то образомъ прилѣжный наблюдатель отъ бродящаго по улицамъ нищаго переходитъ до нищаго сидящаго на мягкомъ диванѣ, мало обращая вниманія на внѣшнія отличія, раздѣляющія оныхъ; о просимомъ предметѣ заботится онъ еще менѣе, когда видитъ одинакія дѣйствія. Нищіе, просящіе хлѣба, богатства, славы, милостей, всѣ равно суть бремя для государства, стыдъ для народа, наказаніе для общества.

Судя по слѣдствіямъ, можно сказать, что постановленія древнихъ народовъ касательно нищихъ были гораздо лучше нашихъ. Египтяне, по свидѣтельству Геродота, не терпѣли у себя нищихъ и бродягъ; у нихъ въ каждомъ округѣ былъ полицейскій судья, которому всѣ граждане должны были объявлять, отъ чего именно каждой имѣетъ свое пропитаніе.

Тотъ же духъ господствовалъ и у Грековъ. „Въ нашей республикѣ нѣтъ нищихъ;“

говоритъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „а еслибъ кто сталъ заниматься „симъ постыднымъ ремесломъ, то мѣст„ный чиновникъ обязанъ немедленно вы„гнать его изъ своего округа.“

У Римлянъ одна изъ первыхъ обязанностей Цензорской должности состояли въ наблюденіи за нищими; и строгость законовъ вразсужденіи сего предмета до того простиралась, что именно въ нихъ изображено было: лучше нищимъ лѣнивцамъ дать умереть съ голоду, нежели питать ихъ праздность. Potius expedit inertes fame perire, quam in ignavia favere.

Огромныя богадѣльни, учрежденныя Императоромъ Константиномъ для выпускаемыхъ изъ неволи Христіянъ, отъ вкравшихся злоупотребленій сдѣлались нѣкоторымъ образомъ школою нищенства, и въ непродолжительномъ времени пагубная сія зараза распространилась по всей Европѣ.

Карлъ Великій издалъ грозныя повелѣнія противъ нищенствующихъ лѣнивцовъ; онъ строго запретилъ подавать милостыню здоровымъ нищимъ, уклоняющимся отъ работы, и такимъ образомъ очистилъ отъ нихъ обширное свое Государство; но по прошествіи двухъ сотъ лѣтъ учрежденіе на западѣ особаго монашескаго

ордена единственно для собиранія милостыни возобновило родъ нищихъ. Тѣмъ и другимъ уставъ предписывалъ жить на счетъ ближняго, не затрудняясь работою. Члены упомянутаго ордена приобрѣли уваженіе къ своимъ обѣтамъ; но нищіе никогда не могли своихъ утвердить на законахъ справедливости.

Въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ выдано было во Франціи около двадцати постановленій, тѣмъ менѣе полезныхъ, чѣмъ болѣе они были строги и чѣмъ болѣе клонились къ одной только цѣли, единственно къ уменьшенію зла посредствомъ заведенія рабочихъ домовъ. Надлежало бы предупреждать оное зло!

Правительства, одно за другимъ слѣдовавшія съ 1790 года, издавали касательно сего предмета постановленія весьма благоразумныя, которыя однакожъ почти нигдѣ не были произведены въ дѣйство. Первый и весьма удачный опытъ сдѣланъ былъ въ Белгіи подъ распоряженіями г-на Понтекулана, тогдашняго Префекта Дильскаго департамента, а нынѣшняго Члена Палаты Перовъ. Менѣе нежели черезъ годъ нищенство совершенно истреблено въ такой странѣ, гдѣ оно можетъ быть вкоренилось гораздо тверже нежели въ другихъ мѣстахъ. Все средство состояло въ учреж-

деніи убѣжищь для немощныхъ нищихъ и въ заведеніи работныхъ становъ и снарядовъ для могущихъ трудиться. Я самъ былъ въ то время въ Брисселъ и лично удостовѣрился, что въ управленіи дѣлами нѣтъ ничего невозможнаго для ума, соединеннаго съ постояннымъ терпѣніемъ. *J. T.*

(*Переводъ.*)

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

Состраданіе къ соотчичамъ и любовь къ словесности заставляютъ меня просить васъ вступиться за нашихъ сочинителей, переводчиковъ и издателей новыхъ книгъ. Сужденія объ нихъ Журнала *Сына Отечества*, кажется мнѣ, слишкомъ строги, и даже могутъ быть вредны нашей литтературѣ. Въ примѣръ возьму молодаго человѣка, который имѣетъ охоту и способность переводить, но по неопытности своей не можетъ еще совершенно на первый разъ удовлетворить требованіямъ искусившихся литтераторовъ. Онъ переводитъ книгу, издаетъ ее въ свѣтъ, зная, что есть люди, которые напишутъ на него критику, и это самое заставитъ его

прилѣжнѣе упражняться въ словесности. Потомъ переводитъ другую, третью книгу и отъ частаго упражненія дѣлается хорошимъ переводчикомъ. Самая строгая критика не можетъ его оскорбить, или отбить у него охоты къ продолженію его занятій, потому что она показываетъ именно его недостатки, которые онъ будетъ стараться впредь исправлять. Напротивъ того рѣзкое сужденіе Журнала *Сына Отечества*, неподкрѣпляемое никакими доказательствами, лишаетъ всякаго охоты издавать что нибудь въ свѣтъ, обидно и можетъ даже повергнуть инаго издателя въ бѣдственное состояніе. По моему мнѣнію долгъ *Сына Отечества* охуждать книги безнравственныя, соблазнительныя; издателей же книгъ, непринадлежащихъ къ сему разряду, наказывать лозою, а не убивать дубиною съ одного маху. Надѣясь на вашу справедливость и безпристрастіе, и что вы въ прозьбѣ моей не откажете принять участіе въ плачевномъ состояніи нашихъ сочинителей, переводчиковъ и издателей новыхъ книгъ, имѣю честь быть ревностнѣйшимъ вашимъ читателемъ

С. С.

С. П. Бургъ.

Ноября 8 дня 1815 года.

Отвѣтъ Редактора.

Мое мнѣніе, почтенный незнакомецъ, таково, что хорошая книга неттеряетъ своей цѣны отъ несправедливыхъ сужденій нетолько одного, но и всѣхъ вмѣстѣ журналистовъ, которые столько же могутъ погрѣшать, какъ и сочинители книгъ, ими разсматриваемыхъ. Сами вы, милостивый государь, одобряете *строгую критику*; но ее-то у насъ и не любятъ, ее-то и почитаютъ непростительнымъ оскорбленіемъ. Я говорю вообще о критикѣ, предоставляя самому господину Издателю *Сына Отечества* доказывать, почему его сужденія *безвредны* для нашей литтературы; ибо никто неимѣетъ права сомнѣваться, что онъ пишетъ съ добрымъ намѣреніемъ. Прибавлю только, что иногда для подкрѣпленія доказательствами своего мнѣнія о книгѣ нужно было бы наполнить многія страницы журнала выпискою грамматическихъ ошибокъ. Но надобно ли обременять *просвѣщенную* публику исчисленіемъ такихъ погрѣшностей, за которыя сочинителей и переводчиковъ слѣдовало бы отправить въ Уѣздное училище?

К.

Извѣстія и замѣчанія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по послѣднимъ извѣстіямъ, 9го Ноября н. с. изволилъ выѣхать изъ Берлина въ Варшаву, гдѣ Его Императорское Высочество КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЬ, недавно возвратившійся изъ Парижа, готовится принять Августѣйшаго Своего Брата. Польскіе полки, квартировавшіе въ разныхъ департаментахъ, начинаютъ вступать въ столичный городъ. Въ напечатанномъ въ Варшавской Газетѣ церемоніалѣ показаны всѣ распоряженія касательно встрѣчи Великаго МОНАРХА.

— Послѣ многократныхъ, большею частію неосновательныхъ извѣстій о статьяхъ заключеннаго мира, наконецъ обнародованы (правда, неоффиціально) *главныя* условія, кажется, неподверженныя сомнѣнію, потому что статьи онаго уже приводятся въ исполненіе. Такъ на примѣръ важная крѣпость Гюнингенъ срыта. Первыя укрѣпленія взорваны въ самой день воспоминанія Лейпцигской битвы, послѣ благодарственнаго молебствія съ пушечною пальбою и въ присутствіи всего гарнизона, стоявшаго въ парадѣ. Въ условіяхъ сказано между прочимъ, что Франція будетъ содержать 150,000 союзнаго войска пять лѣтъ, или и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. И въ самомъ дѣлѣ осталась во Франціи весьма значительная союзная армія, принадлежащіе къ которой Россійскіе полки располагаются отъ части на зимнія квартиры въ департаментахъ Маасскомъ, Мертскомъ, Вогезскомъ, Верхнемъ Марнскомъ и Нижнемъ. Слѣдственно и прочія статьи не менѣе справедливы, какъ то: уступка со стороны Франціи нѣкоторыхъ зе-

мель, приведеніе оной въ границы 1790 года, обязанность заплатить Союзникамъ 700 милліоновъ франковъ, и проч.

— Извѣстія изъ Франціи показываютъ, что тамъ все еще не совсѣмъ здорово. Незадолго передъ симъ читали мы въ газетахъ:

,,Во время засѣданія Палаты Депутатовъ, бывшаго 19 го числа сего мѣсяца, Министръ юстиціи *Барбе-Марбуа* предложилъ о постановленіи закона, служащаго къ прекращенію возмутительныхъ поступковъ и восклицаній, и проч. Въ начертаніи сего закона между прочимъ сказано: ,,Всѣ восклицанія, всякія рѣчи въ публичныхъ мѣстахъ произносимыя, также печатныя или рукописныя сочиненія, въ коихъ оскорбляется Особа Короля, или кого либо изъ его фамиліи, должны быть объявлены противозаконными и мятежническими; равнымъ образомъ почтутся возмутителями всѣ тѣ, кои отважатся провозглашать имя похитителя престола или кого либо изъ его родственниковъ, возбуждать негодованіе противъ правительства, распускать слухи объ отнятіи національныхъ имуществъ, о введеніи десятины и феодальныхъ правъ, снимать Королевскіе гербы и знамена, и проч. Каждый, кто уличенъ будетъ въ такомъ проступкѣ, накажется заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 до 5 лѣтъ, а потомъ находиться будетъ по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ подъ надзоромъ полиціи.“

Но между тѣмъ какъ въ Палатахъ *придумываютъ* средства объ укрощеніи мятежниковъ, злодѣи неперестаютъ ужасать спокойныхъ жителей своими адскими замыслами. Восклицаніе *да здравствуетъ Императоръ* ничего незначитъ передъ новыми покушеніями.

Недавно въ Парижѣ найдены оружія и снаряды на два полка, и все ето было спрятано въ домахъ частныхъ людей, которые однакожъ взяты подъ стражу. Новѣйшія извѣстія гласятъ, что духъ неповиновенія оказывается во многихъ мѣстахъ Франціи, и что даже обнаруживается господство явнаго возмущенія. Но вотъ ужаснѣйшій адскій замыселъ: нѣкоторые злодѣи вознамѣрились умертвить всѣхъ Членовъ Королевской фамиліи въ Тюйльерійскомъ Дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ, и освободить Нея изъ подъ стражи! Еще неизвѣстно, что будетъ съ симъ преступникомъ, но

Мюратъ уже разстрѣлянъ! Мюратъ, которой все еще мечталъ о завоеваніи Королевствъ, обдумывалъ гнусный планъ свой, находясь въ Аяччіо, пренебрегъ милосердое предложеніе Австрійскаго Императора о безопасномъ убѣжищѣ въ Его владѣніяхъ, рѣшился высадить въ Калабріи свою шайку, пойманъ, осужденъ и казненъ! Непослѣдняя ли степень безумія въ етихъ людяхъ? Они все еще увѣрены, что престолы имъ принадлежатъ, и поступаютъ точно какъ жильцы дома сумасшедшихъ! Во время казни Мюратъ не позволилъ завязать себѣ глазъ и умеръ съ твердостію, какъ Лабедойеръ и другіе разстрѣлянные Буонапартисты. Какое геройство! Но Лондонскіе преступники прежде казни продаютъ тѣло свое Хирургамъ и учащимся Анатоміи, очень спокойно торгуются съ ними, пропиваютъ полученныя деньги, и въ самое время исполненія приговора бранятся съ палачами, дразнятъ ихъ, высовываютъ языкъ, кривляются! Вотъ и они герои въ Буонапартовскомъ смыслѣ!

— Дворы Австрійскій, Англійскій и Прусскій согласно положили, чтобы всѣ до наукъ и художествъ касающіяся произведенія, въ разныя времена вывезенныя Французами изъ чужихъ земель, были непремѣнно возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ и городамъ. По сему всѣ искуственныя произведенія, похищенныя изъ Италіи, Германіи, Испаніи и Нидерландъ и хранившіяся въ Парижскомъ Музеумѣ и въ другихъ мѣстахъ, вывезены и отправлены куда слѣдуетъ. Не льзя исчислить спасительныхъ слѣдствій сего мудраго постановленія. Искуственныя произведенія, собранныя въ одно мѣсто, и притомъ въ такое какъ Парижъ, приманивали бы туда любопытныхъ изъ всей Европы. Парижскія мнѣнія опять начали бы вкрадываться, и опыты послѣднихъ временъ не принесли бы свѣту всей ожидаемой пользы.

Разныя извѣстія.

Явился другой Мильтонъ въ особѣ достопочтеннаго *Георга Товнзенда*, Члена Троицкой Коллегіи въ Кембриджѣ. Онъ издалъ восемь первыхъ книгъ большаго своего епическаго творенія Armageddon, которое посвятилъ Герцогу Девонширскому. Въ Епопеи его содержится ни болѣе ни менѣе какъ: страшный судъ, попаленіе земли, тысящелѣтное царство, великія событія при разрушеніи всѣхъ вещей и исполненіе временъ. Такимъ образомъ Англія можетъ славиться тѣмъ, что имѣетъ поетовъ, воспѣв-

шихъ и начало и конецъ времени, не смотря на приговоръ насмѣшниковъ, по мнѣнію моихъ при чтеніи той и другой поемы *время становится вѣчностію.*

— Извѣстно, что скоро послѣ пораженія Французской арміи въ Нидерландахъ, захвачены Буонапартовы бумаги, которыя печатаются въ Бриселѣ и издаются тетрадями. При третей, не задолго передъ симъ вышедшей тетради, приложено вытиснутое *изображеніе почерка Буонапартова*, снятое съ письма его къ военному Министру отъ 14 го Іюня текущаго года. Черты сего собственноручнаго письма со всевозможною точностію срисованы на прозрачной бумагѣ, и по сему вѣрному рисунку на мѣди вырѣзаны. Лафатеръ въ своей физіогноміи говоритъ, что „почеркъ „руки обнаруживаетъ характеръ пишущаго. Ко„му неизвѣстно,“ продолжаетъ Лафатеръ „что „при первомъ взглядѣ на письмо узнать мо„жно, при спокойномъ ли духѣ было оно писа„но, или при безпокойномъ? Медленнаго ли ха„рактера человѣкъ надъ нимъ трудился или „скорого, порядочнаго или безпорядочнаго, твер„даго или нерѣшительнаго, легкаго или тя„желаго?“ Посмотрѣвши на Буонапартовъ почеркъ, тотчасъ можно рѣшить, справедливо ли сказано о семъ истребителѣ человѣческаго рода однимъ умнымъ наблюдателемъ его по-

ступковъ: у него хаосъ въ головѣ и адъ въ серацѣ (cet homme a le chaos dans la tête et l'enfer dans le coeur)? Етотъ почеркъ представляетъ настоящую путаницу и каракульки столь мудреныя, что Буонапартъ неимѣлъ никакой нужды въ употребляемыхъ цыфрахъ или другихъ тайныхъ знакахъ. Въ семъ *изображенiи почерка руки* бывшаго Императора Французовъ видно также, что герой презираетъ правила грамматики и правописанiя.

— Въ изданномъ по повелѣнiю Буонапарта Катихизисѣ, которой былъ учебною книжкою во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ, онъ названъ *образомъ Бога живаго* (l'image de Dieu vivant), и упомянуто, что нелюбящiе Наполеона подвергнутся вѣчному осужденiю. На счетъ сей угрозы какой-то забавникъ сочинилъ епиграму, которую въ свое время читали въ Парижѣ съ большимъ удовольствiемъ:

On nous l'enseigne, et le précepte est clair,
Il faut t'aimer, o Corse haïssable!
Il faut t'aimer, sous peine de l'enfer. —
Ah, s'en est fait, nous irons tous au diable!

— Во многихъ Англiйскихъ вѣдомостяхъ помѣщены горькiя жалобы по случаю даннаго отъ Испанской въ Севиллѣ находящейся Инквизицiи всѣмъ духовникамъ наставленiя касательно предосторожностей отъ ереси, происходящей отъ внѣшней заразы. Ибо — такъ

сказано въ семъ окружномъ наставленіи — нынѣ въ Испаніи находятся многія тысячи душъ, оскверненныхъ заблужденіями и ересями народа, управлявшаго всею здѣшнею страною. Сочинители Англійскихъ газетъ угадываютъ, что упоминаемый въ наставленіи народъ есть не кто иной какъ — Британцы.

Озерова трагедія *Димитрій Донской* переведена на Нѣмецкой языкъ г-мъ Видебургомъ, и разсмотрѣна въ Рижскомъ *Зрителѣ* Докторомъ Меркелемъ. Рецензентъ почитаетъ сію трагедію отличнѣйшимъ произведеніемъ Русской словесности, и вообще приписываетъ ей похвалы весьма справедливыя. Но между прочимъ онъ предлагаетъ, якобы отъ лица Нѣмецкихъ просвѣщенныхъ читателей, слѣдующій вопросъ: для чего Піитъ въ содержаніе трагедіи, само по себѣ важное, патріотическое, принадлежащее къ Исторіи всего свѣта, вмѣшалъ любовную интригу? Потомъ отвѣчаетъ словами переводчика, взятыми вѣроятно изъ предисловія: „Для того, что въ Русскихъ трагедіяхъ господствуетъ драматическая система Французская — система, принятая во время Лудовика XIV, сообразно тогдашнимъ обычаямъ дворскимъ, и по правиламъ которой во всякомъ драматическомъ сочиненіи непремѣнно должна быть любовная завязка.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 22.
НОЯБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Хижина.

(Повѣсть.)

Графъ N. еще въ молодыхъ лѣтахъ украшенный всѣми тѣми добродѣтелями, коими приобрѣтается постоянное уваженіе, исполненный чести и добродушія, былъ увлеченъ далеко отъ своего отечества свирѣпыми бурями революціи. Ни одинъ Французъ непиталъ въ сердцѣ своемъ сильнѣйшей любви къ родинѣ; но Графъ долженъ былъ оставить Францію, покоряясь голосу чести, сей неограниченной повелительницы, которая требуетъ безусловнаго повиновенія, и которую любить должно болѣе своей жизни.

При немъ находились нѣжно любимая супруга и двухлѣтняя дочь, съ которыми онъ укрылся въ одной Нѣмецкой области, отдаленной отъ военнаго театра. Тамъ часто освѣдомлялся онъ о судьбѣ своего отечества, и оплакивалъ несчастныя жертвы, безпрестанно закалаемыя рукою безначалїя во угожденїе ненасытной жадности. Въ скоромъ времени увѣдомился онъ о горестнѣйшей для сердца своего потерѣ, передъ которою утрата имѣнїя ничего незначила: онъ увидѣлъ имя отца своего въ спискѣ осужденныхъ. Безъ вѣры, безъ сей божественной власти, требующей безропотнаго повиновенїя волѣ Промысла и подающей силы исполнять свои заповѣди, Графъ неперенесъ бы мучительной своей печали. Но у него оставались любимыя существа, утѣшавшїя его въ горести и облегчавшїя для него бремя жизни. Слезы его отираемы были супругою, которую Небо наградило кроткимъ нравомъ и вмѣстѣ душевною твердостїю, и которая, забывая, по видимому, собственное горе, исполняла обязанность нѣжной утѣшительницы въ то время, когда сама имѣла великую нужду въ утѣшенїи.

Сїя чета, коей союзъ еще болѣе укрѣпился несчастїемъ, единственно занималась попеченїями о воспитанїи юной По-

лины, утѣхи своей и надежды. Мы не можемъ, говорили родители, оставить ей богатства; надѣлимъ же ее добродѣтелями, сими дарами, которыхъ никто отнять у нее невозможетъ. Полина соотвѣтствовала нѣжнымъ попеченїямъ родителей. Они старались вкоренить въ ея разумъ правила, согласныя со впечатлѣнїями природы въ ея сердцѣ. Полина была прекрасна; ея физїономїя отличалась какою-то ясностїю и ангельскою чистотою; черты лица ея выражали кротость и проницательность; глаза ея, оживляемые чувствительностїю, имѣли въ себѣ какую-то милую выразительность. Бывши въ изгнанїи почти съ начала своей жизни, она незнала наслажденїй богатства. Счастливое невѣдѣнїе! Оно предохранило ее отъ печальныхъ воспоминанїй, и оставило при ней всю веселость возраста ея и невинности. Графъ и Графиня тщательно остерегались возмущать ея спокойствїе. Рѣдко въ ея присутствїи говорили они о бѣдствїяхъ Францїи и о своихъ собственныхъ. Полина была счастлива, ибо думала, что родители ея наслаждаются благополучїемъ; а родители изъ любви къ ней нехотѣли разрушать мечтательной ея увѣренности, и даже радовались симъ невиннымъ притворствомъ. Скрывая скорбь нашу ради страха, или для своихъ выгодъ, мы пита-

емъ ее, слѣдственно усиливаемъ; но когда таимъ оную во глубинѣ своего сердца, единственно для того чтобы ненарушить спокойствія въ любезныхъ намъ особахъ, то воображеніе подаетъ намъ руку помощи и улыбается, видя успѣхи благородныхъ усилій нашихъ: тогда-то мы забываемъ свое горе, имѣя въ виду благородную причину нашихъ поступковъ.

Таково было состояніе сего почтеннаго семейства, какъ вдругъ Графъ N. получаетъ извѣстіе, что бури начинаютъ утихать во Франціи, и что емигранты возвращаются въ отечество, уже неопасаясь лишиться головы на ешафотѣ. Сіи вѣсти дѣлаютъ глубокое впечатлѣніе въ его сердцѣ, и еще болѣе усиливаютъ въ немъ любовь къ родинѣ, сію любовь, которая всегда была для него драгоцѣнною. „Какъ!" восклицаетъ онъ: „мы можемъ опять увидѣть Францію! о неожиданное благополучіе! И такъ не все мое счастіе погибло! я увижу мѣсто моего рожденія, увижу тѣ мѣста, гдѣ жили мои предки, и гдѣ погребены тѣла ихъ!" Въ восторгѣ прижимаетъ онъ супругу и дочь къ своему сердцу, и радостныя слезы омочаютъ лице его. „Для тебя, любезная дочь" продолжаетъ Графъ: „наиболѣе для тебя нетерпѣливо ждалъ я минуты возвращенія своего

въ отечество. Здѣсь неизвѣстна твоя порода; здѣсь, на чужой сторонѣ, ты не что иное какъ чужестранка. Неимѣя достаточнаго имущества, здѣсь ты никогда не нашла бы себѣ супруга, и послѣ смерти нашей осталась бы однѣ безъ пристанища, въ крайней бѣдности. Теперь все перемѣнилось; мы поѣдемъ въ такую землю, гдѣ имя твое извѣстно, и гдѣ твоя фамилїя всегда была уважаема. Я надѣюсь обратно получить имѣнїе, принадлежащее мнѣ по праву наслѣдства. Сдѣлавъ нѣкоторыя маловажныя пожертвованія, возвращу его себѣ конечно, и тогда устрою твое состоянїе соотвѣтственно твоему достоинству.“ Все семейство раздѣляетъ съ Графомъ радость его и надежды, Поспѣшно сбираются и ѣдутъ во Францїю.

Графу извѣстно было, что замокъ его и мызы достались въ чужїя руки; но Графъ зналъ и то, что купившїй имѣнїе обязанъ фамилїи его своимъ возвышенiемъ. „Несомнѣваюсь,“ говорилъ онъ: „что Алибертъ съ радостїю возвратитъ мнѣ принадлежащее. Я всегда почиталъ его честнымъ человѣкомъ.“ И ета надежда показалась Графу еще менѣе сомнительною, когда на письмо свое получилъ онъ отъ Алиберта отвѣтъ слѣдующаго содержанїя: „Въ „томъ вѣкѣ, милостивый государь, никак-

„ного сомнѣнія, что я никогда неимѣлъ на„мѣренія присвоить помѣстье N. Я ку„пилъ оное для того единственно, чтобы „вамъ отдать его въ свое время, и вы все„гда найдете во мнѣ одинакія расположенія. „Ожидаю васъ нетерпѣливо, желая окон„чить съ вами наше дѣло Я желалъ бы „даже, чтобы вы удовлетворены были въ „сію же минуту, и я тогда только почту „себя счастливымъ, когда вы введены буде„те въ наслѣдственное ваше имѣніе."

Графу надлежало поспѣшить въ Парижъ со своимъ семействомъ. Алибертъ именно назначилъ ему свиданіе въ сей столицѣ; но Графъ не могъ преодолѣть желанія своего видѣть замокъ, лежащій почти по пути ему, въ разстояніи нѣсколька миль отъ Нанси. Можно ли изобразить чувства, возбудившіяся въ его сердцѣ при первомъ взглядѣ издали на древній замокъ, бывшій свидѣтелемъ игръ и забавъ его дѣтства? Какія сладостныя воспоминанія! Всѣ счастливые дни его и всѣ претерпѣнныя бѣдствія внезапно возобновились въ его памяти. И плачетъ онъ и смѣется въ одно время; горюетъ о прошедшемъ, радуется о настоящемъ и будущемъ. Хотя воспоминанія о столь драгоцѣнномъ мѣстѣ никогда нестарѣлись въ душѣ его; при всемъ томъ съ перваго разу онъ едва узналъ

его съ нѣкотораго отдаленнаго пункта. Куда дѣвались величественные, древнїе ряды деревъ, возвышавшихся надъ замкомъ и составлявшихъ сводъ, подъ которымъ утомленный путникъ находилъ убѣжище отъ лучей солнца. Жадная сѣкира низложила огромные пни, и замокъ, лишенный величественныхъ своихъ украшенїй, представлялся уединеннымъ зданїемъ среди обнаженной равнины. Сїе зрѣлище произвело болѣзненное впечатлѣнїе въ сердцѣ Графа; но скоро утѣшительная улыбка прояснила лице его. „И я жалѣю“ сказалъ Графъ: „о прекрасныхъ аллеяхъ, посаженныхъ моими предками! Но я вновь разсажу деревья; они будутъ расти, а я стану любоваться и радоваться дѣломъ рукъ моихъ! Болѣе одного вѣка надлежало растить сїи древнїе вязы и ждать ихъ зрѣлости; а истреблены они въ одну минуту! Увы! добро дѣлается медленно, а зло съ удивительною поспѣшностїю! Пятнадцать столѣтїй потребно на то, чтобы утвердить счастїе государства, и . . . . . въ одинъ годъ можно его совсѣмъ разрушить!“

Все семейство вступаетъ на дворъ замка. Графъ приложилъ руку къ сердцу, какъ будто бы хочетъ удержать его бїенїе. Издали видитъ онъ старика, которой кажется ему знакомымъ: это старый слуга

его родителя, это вѣрный Робертъ, бывшій дядькой самаго Графа. Старый Робертъ, увидѣвши гостя, остолбенѣлъ отъ изумленія. „Вы ли это, любезный мой господинъ? васъ ли я вижу? Какое неожиданное благополучіе; теперь я умру спокойно, ибо съ вами никогда уже не разстанусь болѣе!“ Графъ подаетъ руку доброму Роберту и говоритъ ему голосомъ умиленія. „Такъ, старый другъ мой, это я! Приди, отдохни на моемъ сердцѣ, на сердцѣ, имѣющемъ нужду въ любви взаимной! . . . Пойдемъ же теперь въ замокъ; я горю желаніемъ видѣть мѣста, отъ которыхъ мысленно никогда неудалялся. . . .“ — Ахъ! Ваше Сіятельство — сказалъ Робертъ: — здѣсь все очень, очень перемѣнилось; вы съ трудомъ распознаете. — Графъ беретъ Роберта за руку, входитъ въ большую залу и видитъ, что всѣ приборы вынесены. Паукъ растянулъ ткань свою подъ потолкомъ и подъ сводами оконъ, а карнизъ и штучные полы покрылись влажною пылью. Нѣкоторые старые фамильные портреты остались на стѣнѣ; но въ какомъ видѣ! Одни испорчены ударами ножа, другіе обветшали, какъ рубище! У всѣхъ вырѣзаны кресты, сія благородная награда, полученная за долговременную службу; и тѣ мѣста, которыя нѣкогда блистали сими

знаками почести, представляли видѣ глубокой и широкой язвы.

Каждая комната производила вѣ душѣ Графа сильныя, болѣзненныя впечатлѣнія. Повсюду находилѣ онѣ наготу и слѣды грабительства. Здѣсь была комната его родителя; здѣсь почтенный старецѣ наслаждался тихимѣ сномѣ, не возмущаемымѣ никакими упреками совѣсти за дѣла порочныя. Графѣ идетѣ вѣ другую комнату. „Вотѣ здѣсь, Полина" сказалѣ онѣ своей дочери: „здѣсь вѣ первый разѣ принялѣ я тебя вѣ свои обѣятія; здѣсь произнесѣ первыя мольбы о твоемѣ счастіи вѣ то время, когда ты не могла еще не только любить, но ниже знать меня!"

Графѣ и его семейство долго ходили по замку; онѣ и супруга его долго предавались воспоминаніямѣ о радостныхѣ случаяхѣ и о печальныхѣ. Послѣ всего старый Робертѣ повелѣ ихѣ вѣ свою хижину, находящуюся на краю сада; тамѣ предложилѣ имѣ молоко и плоды, разсказалѣ подробно обѣ опустошеніи замка и о насильственной смерти почтеннаго своего господина, которому сопутствовалѣ онѣ не только вѣ темницу, но даже кѣ подножію эшафота. „Много претерпѣлѣ я!" продолжалѣ старикѣ: „но напослѣдокѣ я сѣ ва-

ми, и — все прошедшее забываю. Прошу васъ, любезный мой господинъ, и васъ, милостивая государыня, именемъ Божїимъ прошу васъ не покидать стараго Роберта! Я пойду за вами, куда судьбѣ угодно; въ несчастїи буду служить вамъ еще съ большимъ усердїемъ, нежели въ благополучное время. Когда Алибертъ, великодушно призрѣнный и возвышенный вами, вступилъ во владѣнїе вашимъ имѣнїемъ, то я, превозмогши свое презрѣнїе къ его неблагодарности, рѣшился упросить его, чтобы не удалялъ меня отъ сего мѣста, которое память ваша содѣлала для меня толико любезнымъ. Онъ не лишилъ меня укромной моей хижины, и поручилъ мнѣ беречь замокъ, котораго самъ никогда непосѣщаетъ. Теперь удалюсь отсюда, и понесу воспоминанїя свои туда, гдѣ вы будете находиться. Нехочу быть одолженъ етому неблагодарному, которой безстыдно обогатился на счетъ своихъ благотворителей!" — Нѣтъ, любезный мой Робертъ — сказалъ Графъ: — ты не удалишься отсюда! — „Какъ, добрый мой господинъ! возможно ли?" — Алибертъ купилъ ето помѣстье единственно съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы сберечь его, чтобы возвратить мнѣ мою собственность. — Старикъ покачалъ головою, показывая тѣмъ свое сомнѣнїе. „Ахъ! сударь" сказалъ онъ: „боюсь етому повѣрить.

Алибертъ приобрѣлъ несчетныя богатства; онъ ворочаетъ дѣлами, и любитъ только тѣ, которыя доставляютъ ему прибыль. Привязанность, благодарность, мой милостивый Графъ, обогащаютъ только сердце, а для господина Алиберта етотъ капиталъ ничего незначитъ. Но еслибъ онъ и вправду вздумалъ отдать вамъ имѣнїе, то весьма не велика была бы его потеря, потому что оно ему обошлось не слишкомъ дорого. Проданы комнатные уборы, вина изъ погребовъ вашихъ и часть лѣса; вырученными деньгами заплаченная за имѣнїе выше цѣна окупилась, еще и съ барышомъ; притомъ же онъ восемь лѣтъ пользовался доходами съ земель вашихъ, и . . . .“ — Пускай только возвратитъ мнѣ одно ето убѣжище! — воскликнулъ Графъ: — тогда почту себя утѣшеннымъ и счастливымъ. —

Все семейство и съ вѣрнымъ Робертомъ отправляется въ Парижъ. На другой день по прибытїи въ столицу Графъ летитъ прямо къ Алиберту въ домъ и требуетъ, чтобъ о немъ доложили. Ему отвѣчаютъ, что господинъ Алибертъ очень занятъ дѣлами и что онъ проситъ минуту подождать въ передней. — „Скажитежъ ему, что съ нимъ хочетъ увидѣться Графъ N., прежнїй господинъ его.“ Сїе приказанїе исполняется; но Алибертъ все занятъ по прежнему,

Онъ велѣлъ объявить Графу, что можетъ принять его не прежде какъ завтра. Графъ, не будучи приготовленъ къ такой наглости подлаго выскочки, изумился, въ первый разъ видя столь разительную перемѣну декораціи. Онъ удерживаетъ праведный гнѣвъ свой и уходитъ. Такимъ образомъ уничтожилась одна часть надеждъ Графа, и онъ готовится претерпѣть великія пожертвованія прежде нежели возвратитъ себѣ свое имѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ Графъ вышелъ изъ сего вертепа разбойничества и хищеній съ отчаяннымъ сердцемъ. „Боже мой!“ сказалъ онъ: „что будетъ съ несчастнымъ моимъ семействомъ? Для того ли возвратился я въ отечество, чтобы жену мою и дочь предать ужасамъ бѣдности? Надежда вела меня къ родинѣ; сердце мое трепетало отъ радости, когда увидѣлъ я мѣсто своего рожденія! А теперь! О ложная надежда! обманчивая радость! вы низвергнете меня въ могилу! Что дѣлать? Что будетъ со мною? Гдѣ мои родители? ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Гдѣ друзья? они или померли, или разорились! . . . .“

Онъ входитъ въ свою квартиру. Графиня, нѣжная Полина, взглянувъ на измѣнившееся лице Графа, тотчасъ угадали, какой успѣхъ имѣло свиданіе. Онѣ несмѣютъ предлагать вопросовъ. „Мы погиб-

ля!" воскликнулъ Графъ отчаяннымъ голосомъ: „погибли невозвратно! Алибертъ подлѣйшая тварь въ природѣ! Я неимѣю ничего, и отъ одной только смерти ожидаю помощи." — О мой родитель! воскликнула Полина, заключивъ его въ своихъ объятiяхъ: — развѣ не остается у васъ дочь ваша?... — „Ето-то меня и убиваетъ," отвѣчалъ несчастный: „для чего я не одинъ въ мiрѣ? для чего я любимъ безцѣнными для меня существами? Любовь, дружба, сiи чистѣйшiя страсти сердца усугубляютъ мою горесть. Любезная супруга! милая дочь! не мои бѣдствiя приводятъ меня въ отчаянiе; ахъ, нѣтъ! сердце мое терзается при одной мысли о вашемъ злополучiи!" — Почему ето, другъ мой? — отвѣчаетъ Графиня: — развѣ мы неимѣемъ силъ, чтобы перенести его? или развѣ ты думаешь, что мы будемъ стыдиться своего состоянiя? Перестань, другъ мой! Незаслуженное несчастiе всегда перенести можно. Мы бѣдны, такъ чтожъ? Станемъ всѣ трудиться: я для своего супруга, Полина для своего родителя, ты для супруги своей и для дочери. Сiя взаимная нѣжность будетъ нашимъ руководителемъ, подпорою, утѣшенiемъ. Добродѣтельные люди, смотря на насъ, скажутъ: вотъ несчастные; но они мужественно и благородно сносятъ свое несчастiе. Самолюбцы

увидѣвъ насъ, скажутъ: ето бѣдняки, — и съ видомъ презрѣнія отъ насъ отворотятся. Но скажи Бога ради, какая намъ нужда до ихъ самолюбія и до ихъ презрѣнія? Не уже ли возмогутъ они хотя на одну минуту возмутить спокойствіе невинности, безропотно покоряющейся опредѣленіямъ судьбины? Пускай Алибертъ пользуется своею добычею, а мы и думать перестанемъ, будто Небо предало счастіе наше въ руки неблагодарнаго человѣка. —

„Добродѣтельная, обожаемая супруга!" восклицаетъ Графъ въ восторгѣ: „ты возносишь меня превыше несчастія; ты подкрѣпляешь меня своею силою; ты утѣшаешь меня своею любовію. Поѣдемъ, убѣжимъ отъ существъ ненавистныхъ, прекратимъ всякое сношеніе съ людьми — они всѣ порочны, всѣ достойны презрѣнія!" — Нѣтъ, мой другъ, не всѣ; — отвѣчаетъ Графиня: — я уличу тебя въ несправедливости. Прочти ето письмо; оно отъ добраго крестьянина, которой прежде снималъ на откупъ небольшую мызу, принадлежащую къ нашему помѣстью. —

Графъ беретъ письмо и читаетъ слѣдующія строки:

„Незнаю, помните ли вы, Сіятель-
„ный Графъ, Ришарда Бельмота, того
„крестьянина, которой нанималъ у васъ

„землю; вотъ онъ-то имѣетъ честь съ „должнымъ почтенїемъ писать сїе письмо „къ Вашему Сїятельству. Когда продавали „все ваше имѣнїе, то я, не могши купить „его, разумѣется для того чтобы все от„дать вамъ обратно, плакалъ и надрывал„ся съ горя. По крайней мѣрѣ я то сдѣ„лалъ, что могъ: я купилъ ту самую мы„зу, которую прежде у васъ нанималъ, и „заплатилъ за нее сто талеровъ, то есть „сумму годоваго найма; вотъ я и отдаю „вамъ ее въ такомъ состоянїи, въ какомъ „она мнѣ досталась, и за ту же цѣну, упо„вая, что Ваше Сїятельство за то гнѣ„ваться на меня не будете. Я повиненъ „заплатить вамъ за семилѣтнїй доходъ „деньги, всего двѣ тысячи двѣсти ливровъ, „которые получить можете когда и гдѣ „Вашему Сїятельству будетъ угодно. То„гда мы небудемъ должны одинъ другому. „Вашъ вѣрный и почтительный наемщикъ

Ришардъ Бельмотъ."

„Великодушный Ришардъ!" восклицаетъ Графъ: „и могъ ли я такого поступка ожидать отъ человѣка, котораго едва знаю; между тѣмъ какъ другой, возвышенный моею фамилїею, осыпанный моими благодѣянїями!... Ахъ! и такъ видно, что правота и человѣколюбїе только въ хижинахъ теперь обитаютъ!" — Переселимсяжъ и

мы въ хижину — сказала Графиня: — забудемъ прошедшее и обратимъ свои взоры единственно къ будущему нашему состоянїю; оно не можетъ быть блистательнымъ, но можетъ украситься взаимною нашею нѣжностїю. Вотъ планъ, мною предначертанный. Мы поѣдемъ жить на мызу, возвращаемую намъ добрымъ Ришардомъ. На остающуюся у насъ небольшую сумму, и на деньги, обѣщанныя благотворительнымъ Бельмотомъ, постараемся приготовить все нужное для выгоднаго помѣщенїя нашего въ простой хижинѣ; купимъ всѣ орудїя и снаряды, для хозяйства потребныя; станемъ трудиться, станемъ обработывать землю, и земля дастъ намъ пропитанїе. Мы будемъ имѣть *кусокъ хлѣба*, *ложку и миску*, чегожъ еще болѣе? —

Радость заблистала въ глазахъ Графа. Полина улыбается. „Какое удовольствїе!“ говоритъ милая дѣвица: „я стану работать для васъ! Каждой день буду встрѣчать восходящее солнце, и оно никогда незакатится, прежде нежели я окончу урокъ свой.“ — Бѣдная, безцѣнная дочь моя! — сказалъ Графъ съ глубокимъ вздохомъ: — какая разность между настоящею твоею долею и тою, на которую имѣешь право! — „Какаяжъ разность? Я незнала никакой другой доли, и всегда была богата

только вашею нѣжною любовїю. Развѣ въ хижинѣ вы менѣе станете любить меня, чѣмъ въ замкѣ? Етому статься не можно. Слѣдственно я ничего не потеряла."

Старый Робертъ, свидѣтель трогательнаго разговора, плачетъ отъ умиленїя и жалости, видя, въ какомъ состоянїи находятся господа его, и съ какимъ мужествомъ рѣшаются переносить свою долю. Онъ приближается къ Графу и говоритъ: „Почтожъ вы забыли старика Роберта? Думаете ли, что онъ будетъ для васъ безполезенъ?" — О другъ мой! — отвѣчаетъ Графъ: — мы почли бы себя счастливыми; но . . . — „Какъ? что такое, Ваше Сїятельство? меня отсылать? Вотъ какая причина! Да развѣ нѣтъ у васъ садика? Я буду смотрѣть за деревьями; вѣдь я еще, слава Богу, могу работать. Я буду жить съ вами; такъ мудрено ли, что и силы мои возвратятся и прежняя дѣятельность!" — Нѣтъ, нѣтъ, добрый Робертъ! — отвѣчалъ Графъ, дружески пожимая руку его: — неупотреблю во зло благородной твоей къ намъ привязанности. Я не въ состоянїи наградить тебя за услуги; могу предложить тебѣ только дружбу мою. . . — „Е, Ваше Сїятельство! я вѣдь ничего болѣе и нетребую!"

восклицаетъ Робертъ: „подарите, подарите меня вашею дружбой, которую предпочитаю всѣмъ богатствамъ неблагодарнаго Алиберта!“

Величайшая скорбь утишена самою слабою надеждою. Лишь только приятная мечта воображенія соединится съ нашею печалью, въ ту самую минуту солнечный лучь разгоняетъ бури. Сердце Графа отчасу успокоивалось. Онъ рѣшается привыкнуть къ новымъ своимъ обстоятельствамъ, и вотъ уже судьба его кажется менѣе суровою. На другой же день все семейство уѣзжаетъ изъ Парижа, закупивши напередъ нѣкоторыя недорогія необходимыя вещи для домашняго быту. Путешествіе было непродолжительно, и Графъ расположился на мызѣ добраго Ришарда, которому никогда въ голову не приходило, чтобы бѣдная хижина могла когда нибудь быть убѣжищемъ особѣ, прежде богатой и знаменитой.

(*Продолжен. въ слѣд. книжк.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Круглая порука.

На вѣточкѣ сидѣла мошка,
И мошку зябликъ съѣлъ;
А зябликомъ позавтракала кошка,
А кошку подхватилъ орелъ
И скушалъ на верху Кавказскаго утеса;
Орла, какъ слышалъ я,
Убилъ отъ скуки изъ ружья
Какой-то батюшкинъ сынокъ повѣса;
Повѣсу невзначай ужалила змѣя: —
Вотъ круглая порука
И намъ наука.
Мы всѣ на свѣтѣ таковы:
Готовы притѣснить того, кто насъ слабѣе,
А то и вонъ изъ головы,
Что есть и насъ сильнѣе!

Н. О.

Прозьба къ Г. Издателю.

Нашъ стихотворъ Хилонъ тоскуетъ,
За чѣмъ никто его не критикуетъ. —
Увѣдомьте его: онъ критиковъ найдетъ
Тогда, какъ кто нибудь стихи его прочтетъ.

О — въ.

Епитафія Наполеону.

Переводъ съ Французскаго (*).

Прохожій! обо мнѣ ты не жалѣй нимало!
Когда бы живъ я былъ, тогдабъ тебя не стало!

Н. О.

Новой Демокритъ (**).

Друзья! нашъ новой Демокритъ
Удачно съ древнимъ поравнялся; —
Тотъ надъ дурачествомъ смѣялся,
А нашъ дурачествомъ смѣшитъ.

— но —

(*) Paſſant qui que tu sois, ne plains pas mon sort.
Si je vivais, tu ſerais mort.

(**) Разумѣется, что сіи имена соединились въ воображеніи Поэта. *Рдр.*

Епиграмма.

Дамонъ объ *орденѣ* начальство безпокоитъ.
Такъ чтожъ? — безъ шутокъ — онъ *дорическаго*
стоитъ.

— но —

Мнѣнїе:

Нашъ *Момусъ* издалъ въ свѣтъ свои *стихо-
творенья.*
Не лучшель былобъ ихъ назвать: смѣхотво-
ренья?

Кн. Ш. — въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Елегіи.

(Изъ Словаря древнія и новыя Поэзіи.)

I. О происхожденіи Елегіи.

Грамматики, обыкновенно не столько счастливые, сколько плодовитые въ етимологическихъ изысканіяхъ, предлагаютъ разныя происхожденія слова *Елегія*. — Діомедъ производитъ оное отъ εὐλογεῖν, хвалить (1), и основываетъ мнѣніе свое на первомъ употребленіи сей поемы, состоявшемъ, какъ онъ полагаетъ, въ похвалѣ умершихъ. Иные производятъ слово Елегія отъ глагола ἐλεγαίζειν, *быть въ безуміи, въ изступленіи* (2); другіе отъ ἐλεεῖν, *сострадать, сожалѣть*; — отъ ἔλεον λέγειν, *жалобу говорить, жаловаться*, или *жалобами возбуждать сожалѣніе*; отъ слова ἐλελεῦ (3), служившаго припѣвомъ нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсень любовниковъ;

(1) Gram. 1, 3. (2) Marian Victorin. Gram. 1, 3.
(3) Gyrald. de Poët. I. 1.

а иные, упоминаемые Скалигеромъ (4), производятъ сїе слово отъ ἐλεὸς (ulula), сова, по причинѣ печальнаго крика сей птицы. Но лучше, кажется, вмѣстѣ съ Боссїемъ (5) принять мнѣнїе Дидима, который производитъ сїе слово отъ ἒ ἒ λέγειν, *говорить увы*, и думаетъ, что Елегїю называли такъ по употребленїю въ ней сихъ жалобныхъ восклицанїй. Овидїй также полагалъ сїе происхожденїе; онъ всегда придавалъ Елегїи епитетъ: *жалобная*, *печальная*, что видно изъ его восклицанїя при оплакиванїи смерти Тибулла: „Ахъ! печальная Елегїя!" говоритъ онъ: „никогда не принадлежало тебѣ съ такою справедливостїю твое имя: Ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit."

Теренцїанъ Мавръ и Боецїй имѣли такое же мнѣнїе, какъ Овидїй (6), и описывали Елегїю съ нимъ согласно.

И такъ Елегїя, слѣдуя истинному словопроизведенїю, есть Поема, посвященная слезамъ и жалобамъ.

Тотъ же приведенный выше Дидимъ называетъ Елегїю *печальною пѣснїю, которую поютъ съ флейтою*, θρῆνος ᾀδυμένος πρὸς αὐλον. Плутархъ удостовѣ-

---

(4) Poëtic. I. 1. — (5) Simplic. in Epictet. (6) Ars metric. Consol. Philos.

ряетъ, что дѣйствительно таков было употребленіе первыхъ Елегій, и что сіе означено въ денныхъ запискахъ Пиѳическихъ игръ (7). Сіе обстоятельство заставляетъ думать, что Елегія въ началѣ своемъ была иное что, какъ причитаніе при похоронахъ, столь обыкновенное во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ. Римляне, по древнему закону, переданному намъ Цицерономъ (8), такое же дѣлали употребленіе изъ флейты, что подтверждаетъ и бывшая у нихъ пословица; jam licet ad tibicines mittas, *посылай за флейщиками*, для означенія, что въ больномъ нѣтъ надежды къ выздоровленію. Проклъ также ясно говоритъ (9), что въ началѣ своемъ Елегія была употребляема только при похоронахъ. Можно однакожъ догадываться, что сіи похоронныя причитанія не имѣли той формы Елегіи, какую видимъ въ Мимнермѣ и въ его послѣдователяхъ (10).

---

(7) Opusc. mus. (8) Cic. de Leg. 1, 2. (9) In Phot.
(10) Въ примѣръ такихъ Елегій можно привести следующій плачь Давида при извѣстіи о смерти Саула и сына его Іонаѳана: „Воздвигни столпъ, Ізраилю, надъ умершими на высокихъ твоихъ язвенными; како падоша сильніи? не возвѣщайте въ Геѳѣ, ниже повѣдайте на исходищахъ Аскалонихъ, да не возвеселятся дщери иноплеменничи, ни да возрадуются дщери необрѣзанныхъ. Горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь

Кто же первый далъ ей извѣстную форму? Дабы разрѣшить сїе, надлежитъ вѣрно знать и творца елегическаго стиха и тотъ вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ; но сїе неизвѣстно, и самые Грамматики въ ономъ не были согласны, такъ что распри ихъ о семъ продолжались до временъ Горацїя:

Quis tamen exiguos elegos emiserat autor,
Grammatici certant, et adhuc sub judice lis est. —

Horat. Ars. poët. ver. 77.

на васъ; и села начатковъ (житныхъ), яко тамо повержен бысть щитъ сильныхъ; щитъ Сауловъ не бысть помазанъ елеемъ. Отъ крове язвенныхъ, и отъ тука сильныхъ, лукъ Іонаѳановъ не возвратися тощь вспять, и мечь Сауловъ не возвратися тощь. Саулъ и Іонаѳанъ возлюбленніи и прекрасніи неразлучни, благолѣпніи въ животѣ своемъ, и въ смерти своей неразлучишася, паче орловъ легцы, и паче львовъ крѣпцы. — Плачите по Саулѣ дщери Ізраилевы, иже васъ облачаше въ червленицы со укращеніемъ вашимъ, и возлагаше украшеніе злато на ризы ваша. Како падоша силніи посредѣ брани, Іонаѳане, до смерти на высокихъ твоихъ язвенъ еси: болѣзную о тебѣ, брате мой Іонаѳане, красный ми зѣло, удивися любовь твоя отъ мене паче любви женскія. Како падоша силніи и погибоша оружія бранная?,, (2. Кн. Цар. гл. 1.)

Т. е.

Грамматики до нынѣ спорятъ, кто былъ изобрѣтателемъ елегическаго стиха (или Елегїи); но распря ихъ еще не рѣшена.

Если повѣрить Суиду, то или безумный Ѳеоклесъ, или славный Мидасъ, были изобрѣтателями стиха елигическаго(11), — Ѳеоклесъ во время своего изступленїя или сумасшествїя, а Мидасъ при оплакиванїи смерти матери своей. Если же послѣдовать Теренцїану Мавру (12), то слава сего изобрѣтенїя принадлежитъ Каллиною, Ахиллъ Стацїй (13), приписавъ честь сїю Архилоху, колеблется потомъ между Клонасомъ и Терпандромъ, и болѣе склоняется на сторону Клонаса. Гермезїанаксъ (14) полагаетъ на конецъ Мимнерма изобрѣтателемъ елегическаго стиха. Но всѣ сїи догадки не могутъ быть удовлетворительны. Предположенїе Гермезїананкса должно быть нѣсколько основательнѣе; ибо онъ самъ упражнялся въ Елегїяхъ; но можетъ быть Мимнермъ только усовершенствовалъ сей родъ Поэзїи; можетъ быть онъ первый началъ описывать въ Елегїи любовь. Проперцїй даетъ ему въ нѣжности преимущество предъ Гомеромъ:

(11) Suidas in voce ἔλεγος. (12) In Arte metr. (13) Achil. Stat. in Poëtic. Horat. (14) Hermes. ap. Athen. I, 13.

Plus in amore valet Mimnermi versus Homero.

Lil. I, *el.* 9.

T. e.

Въ любви Миммермовъ стихъ Гомерова приятнѣй.

Вотъ все, что можно узнать объ Елегïи древнихъ до того времени, какъ Тибуллъ, Овидïй и Пропердïй назначили ее для изображенïя однѣхъ только несчастïй любовниковъ.

Горацïй показалъ намъ различныя употребленïя сей поемы (15), изображенныя еще подробнѣе у Буало:

La plaintive elégie, en longs habits de deuil,
Sait, les cheveux épars, gémir sur un cercueil.
Elle peint des amans la joie et la tristesse,
Flatte, ménace, irrite, appaise une maitresse.

L'art poëtique.

T. e.

„Плачевная Елегïя, въ длинномъ траурномъ одѣянïи, съ распущенными воло-

(15) Versibus impariter junctis querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia compos.

Vers. 75.

T. e. Елегiя въ неразныхъ стихахъ своихъ служила прежде для стенанiй, но послѣ включено въ нее и полученiе желанiя.

сами, умѣетъ стенать на гробѣ; она описываетъ радость и печаль любовниковъ, ласкаетъ, грозитъ, раздражаетъ, успокоиваетъ любовницу."

Впрочемъ и неудивительно, если Елегія, послѣ стенаній на могилахъ, стала оплакивать несчастія отъ любовной страсти; сей переходъ весьма естественъ. Безпрестанный плачь и стонъ любовниковъ не есть ли нѣкоторый родъ смерти? Ибо, говоря ихъ языкомъ, они живутъ только обожаемымъ ими существомъ, и лишаются жизни при несчастіяхъ, отъ онаго происходящихъ. И то также естественно, что они послѣ стенаній начали употреблять Елегію, какъ бы изъ благодарности, для изображенія радости и для воспѣванія своихъ побѣдъ.

Римляне, выключая Овидія, незнали другаго употребленія сей поемы. Когда прославляли они удовольствія сельской жизни, или оплакивали несчастія, причиняемыя войною, всегда говорили объ ономъ въ отношеніи только къ любви своей. Описываетъ ли, на примѣръ, Тибуллъ прелестную долину, прохладную тѣнь дерева, защищающаго его отъ солнечнаго зноя, или чистый и прозрачный источникъ, — онъ обращается къ Деліи и говоритъ ей: „Только бы мнѣ быть съ тобою, моя Делія!

готовъ я сдѣлаться и землѣдѣльцемъ и пастухомъ!

Ipse boves; modo sim tecum, mea Delia; possim
Jungere; et in solo pascere monte pecus.

II. О свойствахъ Елегіи.

Елегія, опредѣленная въ началѣ своего изобрѣтенія къ стенанію и слезамъ, занималась только одными несчастіями; она не выражала другихъ чувствій, не говорила другимъ языкомъ; сохраняя небрежность свою, столь свойственную людямъ огорченнымъ, она старалась болѣе трогать, чѣмъ нравиться; искала болѣе состраданія, нежели удивленія. Она удержала сей характеръ и въ жалобахъ любовниковъ и въ радостныхъ ихъ пѣснопѣніяхъ; ея мысли были всегда живы и натуральны, чувствія нѣжны, выраженія просты.

Обыкновенно думаютъ, что для сочиненія Елегіи довольно быть страстнымъ, и что съ одною любовію, безъ науки и дарованій, можно писать прекрасныя Елегіи. Такое мнѣніе развѣ на томъ только основывается, что сами стихотворцы въ елегическихъ твореніяхъ своихъ не къ Аполлону и не къ Каллїопѣ обращались, а един-

ственно къ владычицамъ ихъ сердецъ (16);
но если бы они не имѣли другой Музы, другаго Аполлона, кромѣ своихъ любимицъ, то безъ сомнѣнія недостигли бы до того совершенства, которое имъ приобрѣло похвалу всѣхъ вѣковъ. Одна страсть произведетъ нѣсколько сильныхъ и натуральныхъ мыслей; но сіи мысли, будучи или не на своемъ мѣстѣ, или неприлично выражены, могутъ много потерять своей цѣны. Страсть доставляетъ чувствія; но искусству предоставлено изъяснить ихъ и присовокупить красоты выраженія.

Сіе не то значитъ, чтобы искусство нужно было для приведенія въ порядокъ мыслей въ Елегіи, и чтобы она требовала рѣчи непрерывной; нѣтъ, ея свойство не принимаетъ методы геометрической: постепенная точность въ изображеніи чувствованій не можетъ быть прилична людямъ, исполненнымъ скорби, или радости (ибо сіи только страсти служатъ предметомъ Елегіи); но искусство нужно въ ней для содѣланія въ мысляхъ нѣкотораго безпорядка, столь сообразнаго съ натурою,

(16) Non haec Calliope, non haec mihi cantat Apollo;
Ingenium nobis ipsa puella facit.

Propert. Lib. 2, El. 1.

и однимъ только славнымъ писателямъ извѣстнаго. Тибуллъ въ етомъ превосходенъ: его Елегїи исполнены замысловатыхъ отступленiй; онъ принимается за свой предметъ, оставляетъ его, и снова принимается. Ежели, на примѣръ (17), изображаетъ онъ зло, отъ войны происходящее; то, приписавъ всѣ ненавистныя имена изобрѣтшему кованїе мечей, непосредственно присовокупляетъ, что причиною войны и всѣхъ народныхъ раздоровъ есть скупость, любостяжанїе; потомъ завидуетъ счастїю тѣхъ, кои жили въ спокойное царствованїе Сатурна; на конецъ, какъ бы увидѣвъ въ рукахъ врага обращенное на себя смертоносное оружїе, онъ умоляетъ боговъ отвратить отъ него сїю опасность. Послѣ новаго отступленїя, гдѣ хвалитъ воздержанїе первобытныхъ человѣковъ, и опять начинаетъ бранить войну, описываетъ адъ, низвергаетъ въ оный любителей раздоровъ, и оканчиваетъ прославленїемъ мира и спокойствїя. Иногда же сей самый Поетъ, жалуясь на болѣзнь (18), удерживающую его въ чуждой землѣ и препятствующую сопутствовать Мессалѣ, начинаетъ вдругъ сожалѣть о златомъ вѣкѣ, въ которомъ никакое зло не было извѣстно; потомъ возвращается въ своей

(17) Кн. 1, Ел. 10. (18) Кн. 1, Ел. 3.

болѣзни и проситъ Юпитера объ излѣченіи; послѣ сего описываетъ Елисейскія поля, куда должна провождать его сама Венера, ежели Парка прервeтъ нить его жизни; на конецъ, почувствовавъ возрождающуюся въ сердцѣ надежду, утѣшаетъ себя тою мыслію, что Боги, всегда милостивые къ любовникамъ, позволятъ ему еще увидѣть Делію, которая по разлукѣ съ нимъ не имѣетъ ни малѣйшаго спокойствія.

Кажется, если бы кто другой былъ въ описываемомъ Тибулломъ положеніи, то имѣлъ бы тѣ же самыя мысли, и такъ же бы соединилъ и объяснилъ ихъ. У него видна только натура; а искусства, какого требуютъ отступленія, совсѣмъ непримѣтно.

Всякая принужденность противна свойствамъ Елегіи. Принужденноть съ печалію неможетъ быть вмѣстѣ, и способна только отвратить сострадавіе, а не возбудить оное. Я сомнѣваюсь, чтобы Г. Николевъ могъ кого нибудь тронуть слѣдующими стихами въ написанной имъ Елегіи:

Лишаюсь силъ моихъ отъ вздоховъ и тоски;
Ужь смѣшанъ съ кровію токъ слезныя рѣки,
Котору извлекла изъ глазъ моихъ разлука (19).

---

(19) См. *Твореній* Николева 5 Часть, стр. 98.

Рѣка, смѣшанная съ кровію и про-ліеннaя изъ глазъ отъ разлуки; а да-лѣе *уподобленіе рока змію*, который *вселилъ въ него адъ*; *веля любовь*, ко-торый *наполнилъ кровь его горечью* и пр. и пр. не могутъ почтены быть мыслями, происшедшими прямо отъ чувствъ сердеч-ныхъ. — Французъ Депортъ еще стран-нѣе написалъ въ одной своей Елегіи: „Не-„бо доставило мнѣ случай увидѣть тебя (говоритъ онъ своей любовницѣ) „для „того только, чтобы вдругъ поразить „меня всѣми своими стрѣлами; однакожъ, „казалося, что оно чувствовало приго-„товляемое мнѣ бѣдствіе: ибо въ томъ „несчастный день, когда явилась ты столь „прелестною, безпрестанно шелъ дождь.“ Потомъ присовокупляетъ сіе разсужденіе:

Soit qu'il le fist d'ennuy de ma perte prochaine,
Soit qu'il portast le deuil de ma mort inhumaine.

Desportes El. 2.

T. e.

„Оно сдѣлало сіе или отъ скуки, что „приближается моя погибель, или потому, „что надѣло трауръ отъ безчеловѣчной „моей смерти.“ — Жаль, что Г. Депортъ не выдумалъ еще какой нибудь причины! При семъ случаѣ можно повторить ска-занное объ Елегіи Сумароковымъ:

Противнѣе всего Елегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство.

Разсужденія могутъ быть приличны Елегіи, но тѣ только, кои какъ будто сами отъ себя раждаются; чрезъ сію легкость они болѣе кажутся *чувствами*, нежели *разсужденіями*. Такъ Тибуллъ, описывая прекрасную долину и сказавъ, что въ ней родился Амуръ и научился стрѣлять изъ лука, прибавляетъ съ обыкновенною своею простотою:

Hei mihi! quam doctas nunc habet ille manus!
Lib. II, El. 1.

Какую мѣткую Амуръ имѣетъ руку!

Елегія нелюбитъ мыслей *выисканныхъ* (называемыхъ Французами recherchées), ни тѣхъ, кои только *замысловаты*. Сіи послѣднія могутъ быть приличны другому роду Поезіи; а тамъ, гдѣ требуется одного чувства, остроуміе не должно имѣть мѣста. Когда Проперцій призывалъ тѣни Каллимаха и Филетаса, то онъ не спрашивалъ у нихъ, какимъ образомъ внушили имъ Музы громкіе стихи; а требовалъ только, чтобъ они сказали ему, гдѣ нашли простоту, свойственную Елегіи.

Dicite, quo pariter carmen tenuastis in antro?
Lib. III, El. 1.

Изображенія похоронъ совершенно приличествуютъ свойству Елегіи. — Древніе очень часто представляли собственную свою кончину, и даже учреждали иногда обрядъ погребенія, а иногда оканчивали свои Елегіи надгробною надписью. Тибуллъ, сказавъ, что онъ неможетъ пережить потери Нееры (20), которая была уже съ нимъ обручена и которую похитилъ его соперникъ, тотчасъ устроиваетъ свои похороны. Онъ желаетъ, чтобы Неера, съ роспущенными волосами, плакала передъ его костромъ; чтобъ непремѣнно она была вмѣстѣ съ своею матерью; чтобы обѣ, надѣвъ черныя платья, собрали его прахъ, оросили бы оный виномъ и молокомъ, и сокрыли бы въ мраморной урнѣ съ драгоцѣннѣйшими благовоніями; онъ сочиняетъ еще надгробную надпись, показывающую, что причина смерти его послѣдовала отъ потери Нееры:

Ligdamus hic situs est, dolor hunc et cura Neerae
Conjugis ereptae, causa perire fuit.

Предметы веселые имѣютъ въ Елегіи особенную свою приятность, когда противополагаются состоянію Поэта, или представляемыхъ имъ лицъ. Петрарка, лишась своей Лауры, писалъ:

---

(20) Кн. III, Ел. 2.

Zephiro torna: e'l bel tempo rimena
E i fiori, e l'herbe sua dolce famiglia. . . . .
Ridono i prati, e'l ciel si rasserena,
L'aria e l'acqua e la terra è d'amor piena:
Ogni animal d'amar si riconsiglia.
Ma per me, lasso! tornano i piu gravi
Sospiri. . . . .

Sonetto XLII.

Т. е.

„Уже Зефиръ возвращается; онъ приводитъ съ собою приятную погоду, цвѣты и зелень, любезныхъ ему товарищей; луга смѣются и небо яснѣетъ; воздухъ, вода, земля и всѣ животныя соединяются любовїю. Но, увы! для меня возвращаются мои стенанїя, вздохи. . . .“ и пр.

Какой натуральный и горестный переходъ! Впрочемъ сей родъ описанїя долженъ быть употребляемъ съ великою осторожностїю; Елегїя не столько требуетъ изображенїя приятныхъ предметовъ, сколько выраженїя нѣжныхъ чувствъ.

И такъ, дабы собрать вмѣстѣ всѣ помѣщенныя здѣсь изслѣдованїя, скажемъ, что Елегїя одолжена происхожденїемъ своимъ причитанїю при похоронахъ, и что соединясь потомъ съ любовною страстїю, стала употребляться любовниками для изображенїй скорби и радости; что она

требуетъ мыслей нѣжныхъ и натуральныхъ, выраженій простыхъ и непринужденныхъ, описаній плачевныхъ и удаленныхъ отъ всякой напыщенности.

❖

Елегію раздѣляютъ еще на *треническую* и *еротическую* (21). Треническая описываетъ печаль, болѣзнь, и всякое несчастливое приключеніе; еротическая занимается одною только любовію и всѣми отъ любви происходящими слѣдствіями.

❖

Древніе употребляли въ Елегіяхъ стихъ екзаметръ вмѣстѣ съ пентаметромъ, что можно видѣть въ приведенныхъ выше Латинскихъ примѣрахъ. — На Русскомъ языкѣ употребляются въ Елегіяхъ по большей части шестистопные ямбическіе стихи; однакожъ сіе не должно быть правиломъ непремѣннымъ: въ Елегіи всякой размѣръ употребленъ быть можетъ.

Н. Остолоповъ.

(21) Аполлосъ въ Правилахъ піитическихъ.

Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ.

(Окончаніе)

Нынѣшній Россійскій языкъ не могъ образоваться прежде 1147 года, то есть прежде основанія города Москвы, не могъ также обогащатися успѣхами до перенесенія Столицы во Владимірѣ на Клязьмѣ и потомъ въ Москву при Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ 1328 года; то есть Россійское господствующее нарѣчіе прежде упомянутой епохи еще тогда не установилось на твердомъ и незыблемомъ основаніи. Точно то же было въ Италіи, пока нарѣчія Флорентинское, Римское и такъ называемое Vulgare illustre не одержали превосходства надъ другими. Но господствованіе главнаго нарѣчія немогло скоро утвердиться; ибо хотя и возносилась династія Московскихъ Государей, но обстоятельства времени столь мало благоприятствовали Россіи, что невозможно было помышлять о словесности. Съ 1224 года и Великая Россія и Малая содѣлались добычею Татаръ (*); а подъ Татарскимъ игомъ немогли процвѣтать науки. Еще болѣе, нежели господство чуж-

(*) Не Татаръ, а Монголовъ — разность превеликая! Рдр.

дыхъ пришельцевъ, успѣхамъ въ просвѣщенiи и счастiю народа препятствовало раздѣленiе Россiи на малыя Княжества. Не смотря на то, племена Россiйскiя сохранили природный свой языкъ и даже самыя сокровища древней своей словесности, точно какъ и Богемцы, которые также очень много пострадали отъ жестокихъ браней за изповѣданiе вѣры и отъ угнѣтенiй за вольность. Какъ Поляки посреди бѣдствiй безначалiя и притѣсненiй отъ сосѣдовъ не переставали быть Поляками; подобнымъ образомъ Русскiя племена соблюли памятники церковнаго языка и древнiя лѣтописи. Подъ правленiемъ Великихъ Князей Литовскихъ возродились науки въ Малой Россiи, какъ вдругъ разрушительное суевѣрiе Сигизмунда III, Короля по несчастiю Польскаго, начало преслѣдовать подданныхъ Греческаго исповѣданiя и Диссидентовъ. Первыя печатныя книги богослужебнаго языка появились въ городахъ Литовскихъ и Польскихъ; Великая же Россiя, хотя подъ именемъ Московскаго Княжества и была уже въ 1462 году освобождена отъ Татаръ Iоанномъ Васильевичемъ I, а приведена въ лучшее устройство Царемъ Iоанномъ Васильевичемъ Грознымъ; не смотря на то, она не могла придти въ себя такъ скоро, какъ бы ожидать надлежало отъ дѣятельности Славянскаго поколѣнiя, всегда и вездѣ

равно любящаго языкъ свой и обычаи. Смутныя времена самозванцовъ погрузили Россію въ бездну несогласій, которыя равнялись безначалію Польши; упорный же въ своихъ мнѣніяхъ Сигизмундъ III тою же самою рукою наносилъ бѣдствія и Польшѣ и Россіи. Слѣдственно и тогда, при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, языкъ Россійскій немогъ установиться. Только подъ правленіемъ Романовыхъ образованіе языка могло бы совершиться; но поелику всякое доброе дѣло медленно возрастаетъ, то и успѣхи наукъ небыли быстры. Можетъ быть излишнее подражаніе чужимъ обычаямъ при Петрѣ Великомъ имѣло не весьма выгодное вліяніе. Силою несчастій и разныхъ перемѣнъ въ Отечествѣ прекрасный оный языкъ отдалился, и долженствовалъ отдалиться, отъ богослужебнаго, или древняго Славянскаго, почти на такое же разстояніе какъ и Польскій; ибо хотя склоненія и спряженія нѣсколько сходны въ обоихъ, однакожъ и различіе велико. Множество словъ Татарскихъ, Шведскихъ, Чухонскихъ служатъ также доказательствомъ несходства его съ древнимъ Славянскимъ. Но господа Рецензенты Нѣмецкіе или невѣдаютъ о томъ, или нехотятъ вѣдать, и это потому что весьма обыкновенная страсть къ систематическимъ расположеніямъ, хо-

тя несходнымъ съ натурою вещи, но прекраснымъ на бумагѣ, сбиваетъ съ прямой дороги многихъ писателей и читателей, неразумѣющихъ основательно ни одного Славянскаго нарѣчія. А поелику Нѣмецкія Академіи, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи (?), иногда умѣютъ прислужиться неиначе какъ со вредомъ другой стороны, то и не удивительно, что презирая Богемскій языкъ и Польскій, одинъ только Россійскій выставляютъ за достойный уваженія, и за такой даже, которой прежде былъ всеобщимъ. Подобное заключеніе конечно не войдетъ въ голову ни одному ученому Россіянину (*); ибо онъ легко удостовѣриться можетъ, что языкъ его, какъ Великороссійскій, такъ *Малороссійскій* (?), или какой-либо другой (**), безъ нарушенія преимуществъ другихъ языковъ, имѣютъ свои высокія достоинства, которымъ однакожъ вовсе ненужны ни увеличенныя похвалы, ни присвоеніе повсемѣстной употребительности. Когда Россійская словесность начала возрастать при Петрѣ Великомъ, котораго правою рукою въ духовныхъ распоряженіяхъ былъ ученый *Литвинъ* (??) Ѳеофанъ

(*) Объ закладъ биться нельзя. Рдръ.

(**) Какой же бы это другой? Въ Россіи много областныхъ, простонародныхъ нарѣчій; но языкъ гражданскій и книжный одинъ. Рдръ.

Прокоповичъ, въ то время — незнаю, по надобности, или безъ нужды — выдуманы были многія слова по образцамъ Нѣмецкихъ. Тогда по примѣру стариннаго *величества* вошли въ употребленіе *высочества* (Hoheiten, Altesses) и многія другія слова, которыхъ нѣтъ ни въ Польскомъ языкѣ, ни въ Богемскомъ; ибо сіи языки не имѣли надобности принимать измѣненія по образцамъ чужестраннымъ... Одинъ изъ примѣровъ слишкомъ скораго и смѣшнаго сужденія о языкахъ Польскомъ и Россійскомъ подалъ ученый Рецензентъ (Шлецеръ) по случаю разсмотрѣнія въ Геттингенскихъ вѣдомостяхъ на вѣки достопамятнаго Словаря г-на Линде, когда по одной буквѣ А осудилъ онъ цѣлое огромное твореніе. Но онъ могъ бы убѣдиться, что и Россійскій языкъ въ словахъ съ етой буквы начинающихся небогаче Польскаго, и что въ немъ здѣсь также почти всѣ слова чужестранныя, а по большей части Латинскія, или Французскія. Судить же о языкѣ Польскомъ по словамъ начинающимся съ буквы А есть то же самое, что заключать о Нѣмецкомъ единственно по словамъ, начинающимся съ X, Ps, Ph!

Потомство воздастъ должную справедливость великимъ заслугамъ Шлецера въ ученомъ свѣтѣ, но не похвалитъ ло-

жныхъ мыслей его, въ упомянутой рецензіи находящихся. Изящность и совершенство одного языка не вредитъ таковымъ же достоинствамъ другаго. Богемскій, Польскій и нынѣшній Россійскій могутъ процвѣтать каждой особенно, могутъ даже сообщать одинъ другому нетолько минутной блескъ, но и постоянное сіяніе, и дай Боже, чтобы и *Малороссійскій языкъ сталъ въ ряду ученыхъ Славянскихъ языковъ* (*)! Дай Боже, чтобы Славянскій богослужебный языкъ, какъ первоначальный, или по крайней мѣрѣ какъ древнѣйшій извѣстный намъ источникъ, былъ изучаемъ всѣми Славянскими народами, для уразумѣнія высшихъ наукъ, для сохраненія Славянскихъ обычаевъ, и для того, дабы не обгерманиться, не опа-

(*) Г. Бандтке предполагаетъ въ Малороссійскомъ языкѣ, по видимому, богатую литтературу; между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила, и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова *Енеида* и двѣ или три извѣстныя оды. Великороссійскій языкъ, на которомъ написаны уже многія тысячи книгъ разнаго званія, еще далекъ отъ совершенства; когда же догонитъ его Малороссійской почти съ одною своею *Енеидою*, и къ чему бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудами? *Рдр.*

шариться, не отурчиться, не удалиться отъ общаго источника народныхъ обычаевъ, котораго цѣлой десятокъ столѣтій изсушить былъ не въ состоянїи.

(*Съ Польскаго.*)

О влїянїи языковъ на раскрытїе способностей разума въ дѣтяхъ.

(*Изъ новаго сочиненїя г-жи Сталь: Объ Германїи.*)

Изученїе языковъ, которое составляетъ главнѣйшїй предметъ воспитанїя у Нѣмцовъ, гораздо болѣе содѣйствуетъ раскрытїю способностей въ дѣтяхъ, нежели Математика, или естественныя науки. *Паскаль*, сей великїй Геометръ, коего обширный умъ совершенно обнималъ ту науку, въ которой онъ особенно упражнялся, равно какъ и всѣ прочїя, самъ признался, сколь вредно для разума первоначальное образованїе онаго посредствомъ Математики. Сїя наука въ раннее время жизни занимаетъ только механизмъ понятливости; дѣти, съ первыхъ лѣтъ упражняющїяся въ наукѣ счисленїя, ослабляютъ въ себѣ природную силу воображенїя, ко-

торое въ ихъ возрастѣ бываетъ столь богатымъ и прекраснымъ! А вмѣсто ее они отнюдь не приобрѣтаютъ ни проницательности, ни мѣткости разума. Дѣйствія Ариѳметики и Алгебры единственно состоятъ въ показаніи намъ однихъ и тѣхъ же истинъ посредствомъ тысячи способовъ. Но задачи жизни несравненно труднѣе Математическихъ: ни объ одной изъ нихъ не льзя сказать что либо рѣшительно такъ, а неиначе; напротивъ того каждая имѣетъ свои особенныя отношенія. Надобно угадывать, надобно избирать съ помощію наблюденій и соображенія обстоятельствъ; а все ето ни малѣйшаго не имѣетъ сходства съ непогрѣшительными путями ариѳметическихъ выкладокъ. Здѣсь открытыя истины отнюдь не ведутъ еще къ истинамъ убѣдительнымъ, а только сіи послѣднія служатъ указателями въ дѣлахъ, въ искусствахъ и въ общежитіи. Безъ сомнѣнія есть нѣкоторая точка, гдѣ и математическія даже науки безусловно требуютъ той быстрой силы изобрѣтательной, безъ которой неможно проникнуть таинствъ натуры; и кажется, что гдѣ мысль достигаетъ высочайшей точки, тамъ воображеніе Гомера и воображеніе Невтона касаются между собою. Но мало ли есть дѣтей, которыя, неимѣя никакихъ отличныхъ способностей въ Математикѣ, не

время свое должны посвящать сей наукѣ? Мы стараемся обработать въ нихъ одну только способность души — внимательность, тогда какъ надобно раскрывать всю существенность нравственную, а особливо въ такое время жизни, въ которое легко можемъ ослабить въ нихъ и душу и тѣло, если только будемъ стараться исключительно объ одной части. Нѣтъ вещи, которая бы столь мало пригодна была въ жизни, какъ математическія умозаключенія. Какое бы ни было предложеніе въ ариѳметическихъ выкладкахъ, оно тотчасъ оказывается истиннымъ, или ложнымъ; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ истина такъ смѣшана и перепутана съ ложью, что нерѣдко при разныхъ побужденіяхъ только однимъ инстинктомъ преклоняемся болѣе на ту нежели на другую сторону, а особливо когда обѣ имѣютъ одинакій вѣсъ во мнѣніи нашемъ. Математика, приучая къ безошибочной достовѣрности, внезапно вооружаетъ насъ противу всѣхъ мнѣній, несходныхъ съ нашими мыслями; между тѣмъ какъ неподвержено никакому сомнѣнію, что на пути жизни нашей всего важнѣе проникать другихъ, то есть постигать всѣ тѣ причины, которыя заставляютъ другихъ мыслить и чувствовать иначе нежели какъ мы чувствуемъ и мыслимъ. Математика тому только придаваетъ цѣну и достоинство,

что дѣйствительно доказано; между тѣмъ какъ есть первоначальныя истины, есть истины разумомъ и сердцемъ постигаемыя, хотя впрочемъ и не можно дѣйствительно доказать ихъ.

Мнѣ кажется, что для пользы добрыхъ нравовъ и здраваго смысла лучше бы назначить для Математики извѣстное время, и почитать ее только частїю учебнаго круга, а отнюдь не основанїемъ воспитанїя, отъ котораго зависитъ образованїе души и характера.

Нѣкоторые также въ своихъ системахъ воспитанїя совѣтуютъ начинать ученїе естественными науками, которыя служатъ для дѣтей не инымъ чѣмъ какъ только простою забавою. Сїи науки суть учебныя игрушки, приобучающїя дѣтей къ методическимъ забавамъ и къ приобрѣтенїю поверхностныхъ знанїй. Принято ложное мнѣнїе, будто бы по возможности должно щадить дѣтей отъ затруднительныхъ упражненїй, — ихъ ученїе превращать въ забаву, — какъ можно ранѣе давать имъ въ руки вмѣсто игрушекъ Естественную Исторїю съ картинками, и показывать имъ физическїе опыты вмѣсто кукольныхъ представленїй. Такую систему я почитаю равно за погрѣшительную. Если и принять за сбыточное дѣло, будто бы дитя могло по-

средствомъ игрушекъ чему нибудь порядочно научиться, то и тутъ очевидный вредъ является въ томъ, что при наблюденіи такого порядка упускаютъ изъ виду раскрытіе способности вниманія; которая несравненно важнѣе чѣмъ прибавленіе къ прочимъ еще одного какого нибудь познанія: Внимательность, для математическихъ наукъ потребная; простирается; такъ сказать, по прямой линіи; разумъ человѣческій дѣйствуетъ въ нихъ подобно такой пружинѣ, которая всегда дѣйствуетъ по одному направленію.

Воспитаніе, состоящее въ ученіи посредствомъ забавъ и игрушекъ, сообщаетъ уму дитяти разсѣянность и непостоянство. Во всякомъ случаѣ трудъ есть одна изъ великихъ пружинъ натуры: Умъ дитяти долженъ привыкать къ труду, равно какъ душа къ терпѣнію. Усовершенствованіе юнаго возраста неменѣе зависитъ отъ труда, какъ зрѣлаго отъ болѣзни. Безъ всякаго сомнѣнія желать должно, чтобы родители и судьба обоихъ сихъ средствъ не употребляли во зло. Съ помощію рисунковъ и картъ познакомишь дитя свое со многими вещами, но непокажешь ему пути ученія; а привычка къ забавамъ, теперь устремляемая тобою къ наукамъ, скоро возметъ другое направленіе, когда дитя выдетъ изъ подъ твоего

присмотра. Изученїе языковъ не безъ причины у древнихъ и новѣйшихъ было основою всѣхъ воспитательныхъ заведенїй, изъ которыхъ вышли образованнѣйшїе люди въ Европѣ. . . .

Грамматическая наука требуетъ постояннаго и внимательнаго разсужденїя, равно какъ и Математика; но она гораздо тѣснѣйшую имѣетъ связь съ мыслью. Грамматика соединяетъ идеи однѣ съ другими, какъ наука счисленїя вяжетъ въ одну цѣпь числа: логика Грамматики столь же въ тѣсныхъ предѣлахъ заключается, какъ и логика Алгебры; но первая можетъ прикладываема быть ко всему, что ни находится въ нашемъ разумѣ и воображенїи. Слова суть вмѣстѣ знаки и предметы, невольники и свободные; они подлежатъ строгимъ правиламъ слога и господствуютъ въ своемъ натуральномъ значенїи: вотъ почему въ метафизикѣ Грамматики видимъ строгую точность умствованїй вмѣстѣ съ совершенною свободою мыслей. . . Языки неистощимы какъ для дитяти, такъ и для взрослаго, и каждой можетъ изъ нихъ брать для себя, что заблаго разсудитъ.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Статья изъ Варшавы.

Прибытіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ сію столицу дѣлаетъ столь важную епоху въ Исторіи нашего народа, что хотя въ предшедшемъ нумерѣ Газеты и помѣстили мы краткое извѣстіе о вшествіи Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ ЦАРЯ нашего въ Варшаву (*); однакожъ въ обязанность себѣ вмѣняемъ съ большею подробностію увѣдомить нашихъ читателей о нѣкоторыхъ происшествіяхъ того достопамятнаго дня, въ который при первомъ извѣстіи о прибытіи Вселюбезнѣйшаго МОНАРХА подвигнутые радостію жители здѣшней столицы устремились во срѣтеніе великодушнаго Воскресителя имени Польскаго, дабы приближиться къ Могущественнѣйшему изъ Владыкъ земныхъ, полагающему славу свою и удовольствіе въ правотѣ и въ назиданіи счастія народовъ.

(*) Въ 12 день Ноября, нов. ст.

Невозможно выразить словами всей силы тѣхъ чувствъ, съ коими Всемилостивѣйшій ЦАРЬ нашъ принятъ былъ новыми Своими подданными; и ими-то именно оное торжество отличается отъ всѣхъ прочихъ. Проникнутые любовію къ Тому, Который лишь только ступилъ на Польскую землю; въ тужъ минуту явился Благодѣтелемъ ея жителей, мы занимались мыслями и чувствами благодарности, какъ вдругъ пущенная въ Мокотовъ ракета возвѣстила намъ о прибытіи туда Вожделѣннѣйшаго МОНАРХА. Войска обоихъ народовъ немедленно заняли мѣста свои, и Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ поспѣшилъ на встрѣчу къ Августѣйшему Своему Брату: МОНАРХЪ изволилъ предпринять шествіе изъ Мокотова верхомъ при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Войска расположены были слѣдующимъ порядкомъ:

Пѣхота, состоящая изъ двадцати баталіоновъ, стояла по обѣимъ сторонамъ улицы отъ Саксонской Дворцовой площади до тріумфальныхъ воротъ; именно же:

Баталіонъ Литовскій — — Финляндскій	Россійской Гвардіи:
— — гренадерскій — — пѣшихъ егерей	Польской гвардіи:

И 2

Учащіеся подпрапорщики.

Резервные баталіоны 15й дивизіи Россійской.

Два резервные баталіона 26 й дивизіи Россійской.

Полки 2й и 4й линейной пѣхоты Польскаго войска.

Полки 1й и 5й пѣшихъ егерей Польскаго войска, а на лѣвомъ ихъ крылѣ минеры и саперы.

Конница состояла изъ 16 эскадроновъ. Восемь эскадроновъ Россійской и Польской гвардіи расположены были отъ тріумфальныхъ воротъ до перекрестка въ срединѣ аллеи, а 1й и 2й конноегерскіе Польскіе полки отъ перекрестка до бельведера. Артиллерія Россійская и Польская, состоящая изъ 84 орудій, находилась надъ окопами. Громогласное *ура* раздавалось по рядамъ воиновъ.

У тріумфальныхъ воротъ ожидали Члены Ратуши и всѣ Чиновники Департамента, за ними цехи съ развѣвающимися хоругвями, а въ сторонѣ отъ нихъ Старѣйшины изъ Евреевъ.

По приближеніи МОНАРХА въ тріумфальнымъ воротамъ, Президенту город-

скаго Совѣта надлежало привѣтствовать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО и поднести ЕМУ ключи отъ столицы; но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ объявить свою волю, что приметъ ключи въ замкѣ. МОНАРХЪ имѣлъ шествїе въ мундирѣ и въ знакахъ Польскаго войска и съ лентою Ордена Бѣлаго Орла по кафтану.

На Саксонской площади, гдѣ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ остановиться, Россїйскїя и Польскїя войска, подъ предводительствомъ Государя Цесаревича, парадным маршемъ проходили мимо ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, сперва пѣхота, потомъ конница, напослѣдокъ артиллерїя.

Оттуда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ многочисленною свитою Генераловъ и другихъ военныхъ Чиновниковъ изволилъ отправиться въ Свой Дворецъ чрезъ Краковское предмѣстїе. Рѣдкое и восхитительное сїе зрѣлище представляло ОТЦА между любящими дѣтьми ЕГО. Начиная отъ трїумфальныхъ воротъ до Дворца жители всякаго званїя наполняли собою всѣ улицы, домы и окна, разнообразно украшенные вязями и гирляндами съ первою буквою Всевысочайшаго имени. Католическое духовенство, свѣтское и монашествующее, подъ начальствомъ Епископовъ, облечен-

ныхъ въ богослужебныя ихъ одежды, привѣтствовало МОНАРХА передъ храмами Св. Креста, Ксендзовъ Кармелитовъ (гдѣ также находились сироты подъ надзоромъ Сестръ милосердія) и Бернардиновъ. Другіе Епископы, яко Сенаторы, ожидали МОНАРХА въ Дворцовыхъ покояхъ съ прочими Сенаторами. Консисторіи исповѣданій Евангелическаго, Авгбургскаго и Реформованнаго привѣтствовали ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО передъ Домомъ Визитокъ.

Въ Краковскомъ предмѣстіи недалеко отъ Дворца представилось трогательное зрѣлище. Тамъ стояли въ рядъ съ одной стороны заслуженные воины и инвалиды, а съ другой — на устроенномъ въ видѣ амфитеатра возвышеніи при Сигизмундовой колоннѣ — будущая надежда отечества, учащееся юношество подъ начальствомъ своихъ Ректоровъ, Префектовъ и Учителей. Скромно одѣтыя дѣвицы, пришедшія изъ разныхъ воспитательныхъ заведеній съ своими надзирательницами, бросали цвѣты къ стопамъ МОНАРХА, Который на всѣ знаки преданности народа уклоненіемъ главы изъявлялъ свое Высочайшее удовольствіе.

Наконецъ, прибывши къ замку въ половинѣ втораго часа при безпрерывныхъ

восклицаніяхъ народа, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, былъ принятъ у лѣстницы Членами Временнаго Совѣта, Членами Сената, Государственнаго Совѣта и другими, коими и препровожденъ въ покои. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ тужъ минуту изволилъ пойти въ Греко Россійскую церковь для принесенія Господу Богу благодареній по счастливо окончившемся путешествіи. Послѣ благодарственнаго молебна Великій Князь Константинъ Павловичь въ залахъ Бѣлой и Исторической представлялъ МОНАРХУ Генераловъ поименно, а другихъ офицеровъ Польскихъ корпусами. За тѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ въ аудіенцъ-залѣ принимать Членовъ Временнаго Совѣта и Сената, Президентъ коего, Сенаторъ — Воевода Островскій, имѣлъ счастіе привѣтствовать ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА слѣдующей Рѣчью на Польскомъ языкѣ:

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ!

„Неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія обратили въ ничто политическіе замыслы и усилія Поляковъ, которые многими несчастіями бывъ лишены отечества и всякими средствами стараясь оное возвратить себѣ, даже съ оружіемъ въ рукахъ искали его въ странахъ далекихъ; но благость и величіе души ТВОЕЙ содѣлали, что

мы обрѣтаемъ оное въ собственныхъ домахъ нашихъ.

„ТЕБЯ, Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ, моими устами привѣтствуютъ граждане всѣхъ сословій, находящіеся въ сей столицѣ прежнихъ Королей нашихъ; они, признавая ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО своимъ Попечителемъ, Благотворителемъ и ЦАРЕМЪ, приносятъ ВАМЪ дань любви, хвалы, благоговѣнія и ненарушимой вѣрности.

„Изъ всѣхъ Владыкъ земныхъ единый ТЫ, Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ, возможешь уврачевать политическія и гражданскія язвы наши; ТЫ послѣдуешь побужденіямъ благороднѣйшаго Своего сердца, и Поляки будутъ счастливы!

„Преклонныя лѣта мои и нынѣшнее состояніе здоровья не даютъ мнѣ возможности распространиться въ изложеніи моихъ чувствій; но и всѣ усилія въ тому были бы тщетны: ибо сердце мое преисполнено толикимъ благоговѣніемъ предъ высокими доблестями ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, что уста мои выразить онаго не въ силахъ.“

МОНАРХЪ соизволилъ въ отвѣтѣ Своемъ изъявить Высочайшую милость Свою въ народу.

После того введенъ былъ Президентъ Градскаго Общества, Станиславъ Венгржецкій, съ Членами, и также произнесъ Рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ!

„Исходитъ уже третій годъ послѣ того какъ при первомъ вступленіи войскъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА я подносилъ ключи города сего достопочтенному Вождю оныхъ, и сей знакъ покорности уже тогда былъ предвѣстіемъ перемѣны печальной доли Поляковъ. Съ того самаго времени отъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА слышали мы единыя только слова утѣхи и успокоенія; и тогда уже мысленно взирали на ТЕБЯ не только какъ на могущественнѣйшаго Побѣдоносца, но и какъ на великодушнѣйшаго Попечителя нашего. Нынѣ же, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, толико всѣми вожделѣнный, вступая въ сію столицу СВОЕГО Царства, которому даровалъ ТЫ новое бытіе, благоволи принять ключи, кои, какъ начальствующій въ городѣ, имѣю счастіе поднести ТЕБѢ, во свидѣтельство покорности и благоговѣнія, подобающихъ наилучшему МОНАРХУ отъ вѣрныхъ подданныхъ.

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ! Пришествіе ТВОЕ предварили благодѣянія,

коими соблаговолилЪ ТЫ милостиво осыпать народЪ ТВОЙ. Уже по Всевысочайшей волѢ ТВОЕЙ обЪявлены намЪ и основанія народнаго Устава, содержащія вЪ себѢ сѢмена будущихЪ выгодЪ и присоединяющія новыя свободы кЪ прежнимЪ. Пышно привѢтствовали ТЕБЯ, ВсемилостивѢйшій ГОСУДАРЬ, столицы Европы, яко Подателя мира народамЪ и побѢдоноснаго Героя; мы же вЪ простотѢ и искренности сердецЪ привѢтствуемЪ ТЕБЯ яко Отца и Благотворителя. Преисполненные чувствомЪ благодарности за ввѢреніе начальства надЪ нами мужамЪ добродѢтельнымЪ, постигающимЪ ТВОИ намѢренія, мы приносимЪ ТЕБѢ жертву тѢхЪ сердецЪ, которыми клялися ТЕБѢ, и которыя навсегда сохранятЪ ненарушимую вѢрность. — Да здравствуетЪ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, ЦАРЬ нашЪ!"

ПотомЪ, поднося ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ на подушкѢ ключи, ПрезидентЪ имѢлЪ счастіе услышать отвѢтЪ изЪ устЪ МОНАРХА: *не принимаю ключей, ибо прихожу къ вамъ не какъ побѣдитель, но какъ попечитель вашъ и другъ, желающій всѣхъ видѣть счастливыми.* Непосредственно за тѢмЪ ПрезидентЪ городскаго СовѢта Минасовичь поднесЪ ИМПЕРАТОРУ хлѢбЪ сЪ солью при слѢдующихЪ

словахъ: „Приносимъ ТЕБѢ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, драгоцѣннѣйшіе дары Неба, хлѣбъ и соль, знаменіе искренности и преданности.“

Освѣщеніе столицы, коимъ окончился торжественный день сей, описано въ другомъ мѣстѣ; мы только то еще прибавимъ, что вшествіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Варшаву отнюдь неуподоблялось онымъ тріумфамъ Римскимъ, въ которыхъ за колесницею древнихъ побѣдителей шли порабощенные Цари и несены были добычи народовъ; нѣтъ, оно составляло тріумфъ Вселюбезнѣйшаго МОНАРХА, дышущаго благостію; Того, Который въ другой уже разъ возвращается изъ дальняго похода увѣнчанный побѣдою; Того, Который мудростію, милосердіемъ и кротостію обезоруживалъ неприятелей, покорялъ сердца и влекъ за Собою благословеніе народовъ.

Вотъ описаніе встрѣчи, сдѣланной ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ на границѣ Польскаго Царства.

Въ 10 й день (нов. ст.) Ноября 1815 года Князь Адамъ *Чарторыскій*, Членъ временнаго Правительства, увѣдомившись о приближеніи МОНАРХА къ городу Калишу, немедленно съ назначенными отъ

временнаго Правительства Сенаторами, Воеводою *Соболевскимъ* и Каштелляномъ *Збоинскимъ*, съ Государственнымъ Совѣтникомъ *Линовскимъ*, съ Директоромъ почтъ *Шмидецкимъ*, Намѣстникомъ Префекта Департамента Калишскаго и почетною гвардіею, отправился къ границѣ Царства; когда же ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ прибылъ на оную въ половинѣ шестаго часу вечеромъ, и изволилъ выдти изъ кареты, то былъ привѣтствованъ отъ Воеводы *Соболевскаго* слѣдующею Рѣчью:

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ!

„Нынѣ наступилъ вожделѣнный день, чистѣйшею радостію исполняющій сердца новыхъ подданныхъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Его предварили ТВОИ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, благодѣянія, а дарованіе намъ Устава, столь же свободнаго какъ и всѣ мысли великой души ТВОЕЙ, содѣлаетъ веселіе наше еще болѣе торжественнымъ.

„Ставъ Подателемъ мира и Распорядителемъ Европы, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, ТЫ соблаговолилъ принять въ уваженіе благородныя чувства народа, въ которомъ два вѣка несчастій невозмогли ослабить любви къ отечеству.

„Примѣръ воителей! Права побѣды употребляешь ТЫ единственно на приготовленіе СЕБѢ благословенія народовъ.

„Такъ, ГОСУДАРЬ Всемилостивѣйшій! Провидѣніе, допустившя претерпѣть намъ всякія бѣдствія и наибольшее изъ нихъ — утрату отечества, предназначило Высочайшей Особѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА славу, достойную благороднаго сердца ВАШЕГО, — славу пресѣчь оныя бѣдствія при самомъ ихъ источникѣ, утвердить бытіе и счастіе Польши. Неизмѣнно бытіе ея, ибо находится оно подъ щитомъ обширной ТВОЕЙ Имперіи.

„Уполномоченные отъ временнаго Правительства ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, мы притекли отъ имени Сената принять повелѣнія ВАШИ, притекли повергнуть у ногъ ТВОИХЪ дань глубочайшей благодарности, ненарушимой вѣрности и безпредѣльнаго усердія.“

МОНАРХЪ Всемилостивѣйше соизволилъ отвѣтствовать, что „желанія ЕГО вразсужденіи нашей страны тогда исполнятся, когда увидитъ ОНЪ Польшу цвѣтущею и Поляковъ счастливыми.“

(Изъ Варш. Вѣдом.)

IV. СМѢСЬ.

О заговорѣ противъ Духа Журналовъ.

Въ 18й книжкѣ Вѣстника Европы напечатана довольно хорошо написанная статья подъ заглавіемъ: *Нѣчто о Журналахъ.* Въ ней находятся многія весьма справедливыя замѣчанія на наши періодическія изданія, и между прочимъ на *Духъ Журналовъ.*

Сочинитель сей статьи, присланной изъ С. П. Бурга, Г. *Стр — вичь* говоритъ, что по первому объявленію о *Духѣ Журналовъ думали, что ето будетъ извлеченіе изъ всѣхъ Русскихъ изданій, и потому кинулися на него съ жадностію;* что *политическія статьи изъ обыкновенныхъ иностранныхъ газетъ въ Духѣ Журналовъ являются позже, нежели въ С. П. Бургскихъ вѣдомостяхъ;* что *Издатели Духа Журналовъ стараются отличиться какимъ-то . . . : тономъ, вовсе непристойнымъ Русскому Журналу, и приносящимъ имъ мало чести у людей благомыслящихъ;* что *слогъ у*

нихъ неправиленъ и тяжелъ; что *стихотворенія въ Духѣ Журналовъ ниже посредственныхъ*, и наконецъ, что *гораздо лучше и полезнѣе подписаться на простыя Московскія Вѣдомости, нежели на сіе высокопарное изданіе.* — Все ето едва ли не совершенная правда. Г. *Стр — вичь* (или кто бы онъ ни былъ) имѣлъ полное право все ето написать. Издатели же *Духа Журналовъ* должны были или защищаться позволительнымъ образомъ, то есть доказать публикѣ, что Г. *Стр — вичь* обвиняетъ ихъ несправедливо, или — средство самое вѣрное и благоразумное — *молчать*. Нѣтъ! они употребили къ защищенію своему средство самое необыкновенное: они открыли передъ публикою . . . *заговоръ противъ Духа Журналовъ!!!* (*)

Главный Издатель Духа Журналовъ торжественно объявляетъ, будто онъ въ минувшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ письмо отъ неизвѣстнаго, который признался ему, что одинъ журналистъ нанялъ его написать критику на *Духъ Журналовъ* за *триста* рублей (**), и будто сей

(*) См. 42 ю книжку *Духа Журналовъ*. *Прим. Соч.*

(**) Цѣна очень хорошая! Признаюсь передъ цѣлымъ свѣтомъ, что я самъ написалъ бы за 300 р. *въ пользу Инвалидовъ* критику на

неизвѣстный соглашался отказаться отъ такого порученія *за шесть сотъ* рублей, угрожая *въ противномъ случаѣ убить Духа Журналовъ однимъ ударомъ* (*). Спустя недѣлю, онъ же главный и *пяти-класный* (стр. 841) Издатель получаетъ опять отъ неизвѣстнаго другое письмо, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его, что онъ былъ въ домѣ одного журналиста, гдѣ за чашею пунша нашелъ собраніе молодыхъ *двенадцатикласныхъ* (стр. 841) людей, которые *читали разные журналы, хохотали, критиковали и бранили всѣхъ и все безъ пощады* (стр. 840), и что въ семъ собраніи прочтена *презлая критика на Духъ Журналовъ, весьма коварно написанная* (стр. 844) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы лишить его на будущее время подпищиковъ. — Главный Издатель *Духа Журналовъ* присовокупляетъ съ своей стороны, что *дѣйствительно былъ противъ него такой коварный заговоръ* (стр. 845), и *въ доказательство, до какой подлости алчность корысти способна довести человѣка, присвояющаго*

Духъ Журналовъ и не скрылъ бы своего имени. *Критикой* никто оскорбляться не можетъ, кромѣ дурныхъ и неблагонамѣренныхъ писателей. *Прим. Соч.*

(*) Вотъ ужь это не хорошо: *лежачаго не бьютъ*! *Прим. Соч.*

себѣ титло цѣнителя дарованій, вкуса и нравовъ (стр. 840), напечаталъ послѣднее письмо. — Какія же еще болѣе потребны доказательства?

И не стыдно было печатать такія выдумки! Если и дѣйствительно доставлены къ главному Издателю оба ети странныя письма; то какъ могъ онъ повѣрить *неизвѣстнымъ*, о которыхъ самъ же отзывается весьма неучтиво. Для чего онъ, получивъ первое письмо съ требованіемъ 600 р., не удержалъ посланнаго и не принялъ извѣстныхъ мѣръ къ отысканію того, кто писалъ къ нему ето диковинное посланіе? — Въ послѣднемъ письмѣ сказано, что у Журналиста въ полномъ совѣтѣ положено было для *униженія Духа Журналовъ поставить его на одной доскѣ съ Кабинетомъ Аспазіи и Демокритомъ* (стр. 842). И такъ остаются теперь въ подозрѣніи только два здѣшніе Журналиста. — Кого же главный Издатель *Духа Журналовъ* разумѣетъ подъ именемъ *подлаго, корыстолюбиваго человѣка, присвояющаго себѣ титло цѣнителя дарованій, вкуса и нравовъ*: Издателя ли *Русскаго Инвалида*, заслужившаго благородною цѣлію всеобщее уваженіе, или Издателя *Сына Отечества*, на котораго сердятся многіе безграмотные писатели

за его колкія, но часто справедливыя замѣчанія въ статьѣ Современной Русской Библіографіи?

Я имѣю честь знать лично почтеннаго Издателя Русскаго Инвалида, но увѣренъ, какъ и всѣ вообще, что къ нему не собираются такіе глупцы, какими представлены въ *Духѣ Журналовъ* сочинитель послѣдняго письма, X, Z, UPS и Тс; что онъ не позволяетъ никому у себя *бранить всѣхъ и все безъ пощады* и что не нанимаетъ писать ругательства на журналистовъ. — Издатель *Сына Отечества* знакомъ мнѣ болѣе пяти лѣтъ. Я у него очень часто бываю, но никогда не находилъ ни пьяной бесѣды, ни людей похожихъ на X, Z, и проч. Собираются къ нему иногда извѣстные литтераторы, которыхъ могу я назвать всѣхъ по именамъ; но ни однажды не видалъ я ихъ за *чашею пунша и, ей Богу! не бранятъ они всѣхъ и все безъ пощады.* — Покорнѣйше прошу главнаго Издателя *Духа Журналовъ* разрѣшить мое неудоумѣніе и объявить мнѣ и всѣмъ, не Издатель ли *Сына Отечества* сдѣлалъ противъ него *такой коварный заговоръ?* Если дѣйствительно это онъ, то я разрываю навсегда съ нимъ мое знакомство. Вѣрно и другіе послѣдуютъ въ такомъ случаѣ моему примѣру:

пусть его знается съ одними только *двенадцатикласными.* — Если же главный Издатель *Духа Журналовъ*, какъ человѣкъ, ошибся, или можетъ быть и *пошутилъ*; если кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ не имѣетъ онъ лучшихъ доказательствъ на заговоръ противъ *Духа Журналовъ*: то я предсказываю ему, что публика *пошутитъ* надъ его Журналомъ весьма забавнымъ образомъ.

Главный Издатель *Духа Журналовъ* надѣется на то, что публика *не заставитъ себя водить за носъ* (*) *какому нибудь злонамѣренному Зоилу* (стр. 845), и что *Журналъ его, какъ сами критики* (**) *сознаются, находится въ рукахъ знатнѣйшихъ Особъ* (стр. 846); притомъ же *есть высокоумные, которые его твердятъ какъ букварь, а въ другіе журналы и не заглядываютъ* (стр. 841)!!! Завидная участь *Духа Журналовъ*! Какъ жалки передъ нимъ всѣ прочія періодическія изданія: *Вѣстникъ Ев-*

(*) Да если полно у публики носъ? Впрочемъ надлежало бы сказать: *недастъ* водить себя за носъ Зоилу, или не *заставитъ* Зоила водить себя за носъ. Въ жару Богъ знаетъ что напишешь! *Прим. Соч.*

(**) Не критики, а неизвѣстные чудаки, которые ведутъ съ нимъ переписку. *Прим. Соч.*

ропы, *Амфіонъ*, *Россійскій Музеумъ*, *Рускій Вѣстникъ*, *Рускій Инвалидъ* и *Сынъ Отечества!*

Изъ уваженія къ свѣдѣніямъ главнаго Издателя *Духа Журналовъ*, о которыхъ говоритъ какой-то весельчакъ Z на стр. 841, постараюсь я разобрать подробно обвиненія Г. *Стр. — вича* и прочесть со вниманіемъ *Духъ Журналовъ*; но на єто надобно время, а можетъ быть и терпѣніе. Между тѣмъ желательно бы знать, кто такіе сотрудники главнаго Издателя и какихъ они классовъ, или *въ какихъ еще классахъ?* По сіе время извѣстны только два неутомимые баснописца или *Баснотворца*: Г. С... и Г. Л... Оба мастерски пишутъ басни, особенно первой. Какая сила въ его басняхъ! На примѣръ, Оселъ у него тащитъ на себѣ вдругъ *бычка*, *барана*, *корову*, *теленка*, *козла*, *свинью* и *ягненка* (*). Не вѣрю, чтобы знатнѣйшія Особы читали съ удовольствіемъ такія басни въ *Духѣ Журналовъ*.

Александръ Измайловъ, 6 *го класса*.

(*) *Духъ Журналовъ* книжка 27, басня: *Оселъ на охотѣ*, стран. $\frac{163}{21}$, $\frac{164}{22}$, $\frac{165}{23}$, и $\frac{166}{24}$. — Въ басняхъ Г. С..., напечатанныхъ въ нынѣшнемъ 1815 году въ типографіи Плавиль-

Достопамятныя явленія(*).

1.

Земляной пожаръ.

Лѣтъ за десять передъ симъ нѣсколько семей поселилось близь Свіяжска на возвышенномъ мѣстѣ открытаго поля (**). Мѣсто сіе хотя и непокрывается водою въ весенній разливъ, но бываетъ отовсюду окружено ею. — Проведя нѣсколько времени въ семъ новомъ селеніи, жители, отъ начавшагося ли огня, или по другимъ какимъ причинамъ, всѣ безъ исключенія, оставили свои домы, и пожаръ на томъ мѣстѣ продолжается донынѣ.

Въ рединѣ онаго возвышенія (какъ сказываютъ) находится яма, до двухъ аршинъ глубиною, изъ которой и выходитъ непрестанно слабое пламя, видимое однакожъ довольно хорошо и издали въ ночное время, съ густымъ

щикова, есть даже *чудесное*, а именно: Ежъ обнимаетъ у ужа *колѣна* (стр. 10) — вѣтеръ *избоченивается* (стр. 12) — кувшинъ *подымаетъ носъ и самъ прыгаетъ* (стр. 13 и 14) — Звѣзды *зажимаютъ глаза* (стр. 15) — *Яблокъ* (то есть яблоко) *держитъ преостро ухо* (стр. 16) — Сова *каркаетъ* и проч. — Жаль, что и ети басни непомѣщены въ *Духѣ Журналовъ*, а то бы и ихъ, можетъ быть, *твердили* какъ *букварь*.

Прим. Соч.

(*) Изъ Казанск. извѣст. сокращенно.

(**) Иначе *Гривка*, и сей пожаръ извѣстенъ въ Свіяжскѣ подъ именемъ *пожара на Гривкѣ*.

дымомъ, дающимъ, особенно въ лѣтнее время, себя чувствовать съ самомъ Свіяжскѣ по сильному, весьма неприятному запаху, котораго мнѣ не умѣли сравнить съ другимъ какимъ либо извѣстнымъ. Страннѣе всего то, что пожаръ сей, продолжающійся уже *почти* 4 *года*, нераспространился далѣе сажень пяти десяти въ окружности (почему жители и неопасаются его), но остается какъ бы на одномъ мѣстѣ, и ни дожди осенніе, ни зимніе снѣги, растаявающіе отъ жара, не могли доселѣ утушить его: онъ продолжается зимою съ такою же силою, какъ и лѣтомъ. Нынѣ однакожъ огонь становится слабѣе, какъ думать надобно, отъ уменьшающагося непрестанно количества сгараемой матеріи, но — *какой*?

Примѣровъ таковаго пожара немного извѣстно, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ подобный огонь замѣченъ (сколько я знаю) только: 1) въ 1734 году Г. Гмелиномъ въ берегу рѣки Тома въ слояхъ горячаго шифера; 2) въ 1771 на Чумышѣ (рѣкѣ въ Томской Губерніи), гдѣ загорался угольный флецъ, и еще въ двухъ торфяныхъ мѣстахъ, изъ коихъ одно 3) близь Томска горѣло 2 года, а другое 4) близь Кузнецка 5 лѣтъ.

2.

Необыкновенный градъ.

Въ одной изъ деревень Оренбургскаго помѣщика Н. И. Тим., отстоящей отъ Оренбурга на 120 верстъ къ Сѣверо-Востоку, 7го Іюля текущаго года шелъ градъ величины необычайной: нѣкоторыя изъ градо-

вакъ вѣсили три четверти фунта. Слѣды сего явленія ознаменованы опустошеніемъ. Градомъ побило 800 десятинъ хлѣба; четыре коровы, сто девятнадцать гусей и болѣе двухъ сотъ утокъ, множество разныхъ дикихъ птицъ и небольшихъ звѣрковъ, лишились отъ онаго жизни. Градъ низвергался на землю съ такою силою, что въ лѣсу, гдѣ онъ проходилъ, обломало съ деревъ великое множество сучьевъ. Ширина градоноснаго облака составляла почти версту. На третій день въ помянутой деревнѣ избитая градомъ земля во многихъ мѣстахъ уподоблялась какъ бы нѣкоей теркѣ, и ямки, сдѣланныя на землѣ градомъ, простирались въ глубину нѣкоторыя болѣе полдюйма, а въ ширину съ дюймъ. Крыши на домахъ и вѣнцы, или звѣнья строеній, имѣли на себѣ весьма примѣтные отпечатки свирѣпости града. По словамъ жителей, градоносное облако имѣло молочный цвѣтъ и шло съ Ю. З. Передъ началомъ града былъ день ясной и тихой. Градовины вообще имѣли фигуру неправильную и большія изъ нихъ состояли изъ множества малыхъ, весьма плотно между собою смерзшихся градинокъ. Шумъ отъ паденія града былъ слышанъ за 12 верстъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

Извѣстія и замѣчанія.

Вселюбезнѣйшій, Всемилостивѣйшій МОНАРХЪ нашъ возвращается въ Отечество, въ нѣдра Августѣйшей Своей Фамиліи, предварившей Высочайшее ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА прибытіе въ Петрополь. Безпримѣрный въ бытописаніяхъ міра ГОСУДАРЬ, во свидѣтельство о подъятыхъ подвигахъ, несетъ къ счастливымъ своимъ Россамъ побѣдные лавры, мирныя оливы и благословенія народовъ.

Подтверждаются пріятныя извѣстія, что окончательныя условія мира между союзными Державами и Франціей подписаны въ Парижѣ 20 числа Ноября мѣсяца. Еще прежде между Министрами Державъ, договаривающихся о мирѣ, постановлено, чтобы расходы Франціи на уплату контрибуціи и на содержаніе оставляемыхъ въ оной союзныхъ войскъ въ первые три года, считая съ 1 го Декабря 1815 го, простирались ежегодно не свыше 270 милліоновъ франковъ. Изъ оныхъ 140 милліоновъ будутъ отпускаемы въ уплату контрибуціи, а остальные 130 на содержаніе войска. Извѣстно однакожъ, что кромѣ 700 милліоновъ контрибуціи, Франція обязалась удовлетворить и всѣ долговыя требованія частныхъ людей въ другихъ Государствахъ. Англія одна считаетъ таковыхъ долговъ 200 милліоновъ франковъ. Для Гамбурга и Пруссіи потребуются также весьма важныя суммы.

Касательно военнаго присмотра за Франціею извѣстно, что главное начальство надъ союзною арміею поручено Фельдмаршалу Герцогу Веллингтону, которому дадутся отъ

союзныхъ Державъ уполномочія распоряжать оною по своему усмотрѣнію, сообразно однакожъ предписаннымъ правиламъ. Должайшее пребываніе союзныхъ войскъ во Франціи, или уменшеніе оныхъ по времени, зависѣть будутъ отъ внутренняго состоянія и расположенія умовъ въ упомянутомъ государствѣ. Въ самомъ Парижѣ находиться будутъ до нѣкотораго времени 40,000 человѣкъ войска Державъ союзныхъ. По выступленіи оттуда Прусаковъ нынѣ всѣ караулы заняты Англичанами, которые также поставили пушки на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ стояли во время пребыванія Прусаковъ.

Несмотря однакожъ на присутствіе войскъ, Французы шалятъ и злодѣйствуютъ по старой привычкѣ. Впрочемъ полиція исполняетъ свою должность, и число отводимыхъ въ тюрьмы бездѣльниковъ умножается. На всѣхъ мостахъ, ведущихъ въ столицу, поставлены жандармы, которымъ приказано останавливать всѣхъ офицеровъ и солдатъ, неимѣющихъ при себѣ надлежащихъ паспортовъ. Таковая строгость имѣетъ уже великіе успѣхи; ибо въ короткое время взяты подъ стражу многіе подозрительные Штабъ-Офицеры. Въ разныхъ мѣстахъ учреждаются военные суды, которые весьма устрашаютъ охотниковъ до революцій. Все сіе дѣлается въ слѣдствіе закона противъ измѣны, который принятъ обѣими Палатами и состоитъ изъ 12 статей. По силѣ онаго всѣ тѣ, кои станутъ возбуждать къ мятежу и непослушанію посредствомъ какихъ либо печатныхъ сочиненій, прокламацій, также рѣчей, рисунковъ, естамповъ, каррикатуръ, запрещенныхъ кокардъ и разс-

нія разглашеній неоснованительныхъ и могущихъ приводить въ сомнѣніе о ненарушимости національныхъ имуществъ, заключены будутъ въ тюрьму отъ 3-хъ мѣсяцовъ до 5 лѣтъ, смотря по важности преступленія, и сверхъ того заплатятъ денежную пеню отъ 50 до 20,000 франковъ. При вторичномъ же преступленіи обвиненный обязанъ будетъ штрафъ сей вносить вдвое.

Нынѣ вниманіе Французской публики устремлено на судъ, производимый надъ Неемъ. Оной составленъ былъ изъ Маршаловъ Журдана, Массены, Ожеро, Мортье; Генералъ-Лейтенантовъ Газана, Клапареда и Виллата. Ней потребовалъ въ етомъ Военномъ Судѣ, чтобъ его отослали въ другой Судъ, а именно къ Перамъ — и Члены согласились!! Преступникъ мечталъ какъ нибудь продлить дѣло, а между тѣмъ дожидаться какой нибудь благопріятной для себя перемѣны. Но онъ обманулся; отъ Короля дано строгое повелѣніе Палатѣ Перовъ *немедленно произнести приговоръ* надъ Неемъ.

— Октября 31 числа Императоръ и Императрица Австрійскія имѣли торжественный въѣздъ въ Венецію, при радостныхъ восклицаніяхъ собраннаго народа. Присутствіе Монарха благодѣтельно для жителей. Онъ сбавилъ поземельную подать въ Венеціянскихъ областяхъ съ 20 на 11 милліоновъ ливръ. 2го Ноября посѣщалъ Его В-во Венеціянскія гошпитали и сиротскіе домы, и освѣдомлялся даже о самыхъ мѣлкихъ подробностяхъ.

— Причиною вновь возникшихъ несогласій въ Кантонѣ между Англичанами и Китайцами,

почитаетъ Китайское правительство то, что Англичане ввезли туда многіе товары, служащіе къ роскоши, отъ чего нравы Китайскаго народа могутъ развратиться.

Англичане получили извѣстія, что въ *Остъ-Индіи* заключенъ ихъ Губернаторомъ выгодной миръ съ *Раею Непаульскимъ*, который уступилъ имъ многія крѣпкія мѣста.

Разныя извѣстія.

Бывшій нѣкогда Датскимъ Консуломъ въ *Тунисѣ* г. Голкъ недавно издалъ въ свѣтъ любопытныя Статистическія извѣстія о Тунисскомъ Королевствѣ. По показанію сочинителя число жителей въ семъ государствѣ простирается до трехъ милліоновъ; въ самомъ же главномъ городѣ находится ихъ 130,000 человѣкъ. Оно было гораздо многолюднѣе прежде послѣдняго ужаснаго опустошенія отъ моровой язвы, которая похитила до 780,000 жителей. Число Христіанскихъ невольниковъ почти всегда бываетъ тамъ отъ 1500 до 2000; изъ которыхъ двѣ трети суть Неаполитанцы. Дей содержитъ регулярныхъ войскъ 5400 человѣкъ, и можетъ въ случаѣ надобности выставить нерегулярный корпусъ, состоящій изъ 50,000 Бедуиновъ. Морскую силу его составляютъ 20 разбойническихъ кораблей, ме-

жду которыми самое большое судно есть фрегать о 36 пушкахъ.

— Въ *Австрійскомъ Наблюдателѣ* содержится печальное извѣстіе о смерти славнаго путешественника Зецена и объ утратѣ всѣхъ собранныхъ имъ восточныхъ рукописей и другихъ рѣдкостей. Онъ умеръ, какъ думаютъ, отъ яда, которымъ будто бы *опоилъ* его Иманъ Санскій. Зеценъ имѣлъ неосторожность везти съ собою изъ Моки въ Сану, что въ Аравіи, ботаническія и литтературныя свои сокровища, коими надлежало навьючивать семнадцать верблюдовъ.

— Іосифъ Буонапартъ, убѣжавшій въ Сѣверную Америку, по свидѣтельству тамошнихъ публичныхъ листковъ, купилъ себѣ близь Новаго Іорка, на берегу рѣки Гундсоновой, имѣніе, принадлежавшее прежде Лорду Каурmенею. Бѣглецъ отправилъ уже и корабль въ Бордо, чтобы привезти изъ Франціи въ Америку жену, дѣтей своихъ, и можетъ быть еще какое нибудь *благоприобрѣтенное* имущество, кромѣ тѣхъ сокровищъ, которыя онъ успѣлъ взять съ собою.

— Вотъ нѣчто похожее на извѣстную басню: *Волкъ и Ягненокъ*. Представители народнаго Конвента Французскаго, находившіе-

ся при арміи, пріѣхавши въ Лейденъ, тотчасъ начали прибирать къ рукамъ всѣ дорогія вещи, Университету принадлежавшія. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ большую золотую медаль, схватилъ ее и сказалъ: *вотъ опять изображеніе какого нибудь тирана!* — Извините, гражданинъ Представитель, — отвѣчалъ одинъ изъ Членовъ Университета: — эта медаль есть знакъ признательности славнаго врача Вансвитена, который учился въ нашемъ Университетѣ. — *Ну такъ это аристократическое изображеніе*; отвѣчалъ грабитель, опуская медаль въ карманъ свой: *все равно!*

— Извѣстно, что изъ Англіи отправляютъ на островъ Св. Елены для Буонапарта цѣлой домъ о 24 покояхъ, сервизы, бѣлье, платье и многія другія вещи, къ удовлетворенію не только нуждъ, но даже и прихотей служащія. Въ одномъ Англійскомъ листкѣ, по поводу сей заботливости, написано: Ежели Принцъ-Регентъ на свои деньги такъ щедро снабжаетъ Буонапарта, то ничего неостается говорить. Чтожъ касается до Англійскаго народа, то онъ отъ себя можетъ послать къ злодѣю развѣ только — *петлю*.

Увѣдомленія о благотвореніяхъ бѣднымъ.

(Письмо къ Редактору В. Е.)

По поводу напечатаннаго вами въ Вѣстникѣ Европы (*) письма моего о бѣдной Поручицѣ *Никитиной* съ дѣтьми, чрезъ Г. Помощника Почтмейстера Ивана Васильевича *Бѣляевскаго*, отъ человѣколюбцевъ по 25 сего Октября получено (кромѣ собранныхъ принимающими большое участіе въ семъ дѣлѣ Господ. Полицмейстеромъ Королевымъ и Командиромъ внутренней стражи Шатиловымъ) 210 рублей, изъ коихъ 200 рублей положены для приращенія въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія на имя дѣтей Поручика Никитина. Порядокъ полученія денегъ: 25 — 10 — 25 — 100 — 5 — 15 — 5 — 25 рублей; остальные 10 р. употреблены будутъ на нужды дѣтей. — Г-жа *Никитина* скончалась, понесши съ собою полную признательность Христіанки къ своимъ Благодѣтелямъ и ту увѣренность, что дѣти ея нашли и найдутъ себѣ помощь въ благочестивыхъ Россіянахъ. — Вашъ и проч. — Кал. Кав. Соб. Кл — рь Пр.

Крлвъ.

27 Октября 1815 г.
Калуга.

(*) No 17й 1815, стран 78—79.

— Получивъ изъ Малороссіи, въ конвертѣ подъ печатью Городнис. Почт. Експ., отъ благотворительной неизвѣстной Особы, означившей имя свое буквами Ф. Д. Б., *пятьдесять* рублей, я препроводилъ оные къ двумъ бѣднымъ вдовамъ, по *двадцати пяти* рублей для каждой. Имѣя въ виду несомнительныя свидѣтельства, могу великодушныхъ Благотворителей удостовѣрить, что обѣ упомянутыя вдовы достойны ихъ призрѣнія.

Первая, Капитанша Елисавета Ивановна *Доброхотова*, живущая въ *Обояни*, вовсе неимѣетъ пропитанія, а дѣти ея *голы* и *босы* — такъ пишетъ она сама къ одной почтенной особѣ, которая за нее ходатайствуетъ.

Другая, Капитанша Марѳа Михайловна *Лопухина*, живущая въ *Можайскѣ*, лишившаяся дома и всего своего имущества во время непріятельскаго разоренія, съ двумя малолѣтными дѣтьми также терпитъ крайнюю нужду. М. К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 23.

ДЕКАБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Хижина.

(Продолженіе.)

Извѣстіе о прибытіи Графа и его семейства обрадовало всѣхъ жителей въ цѣломъ околоткѣ. Почти всѣ прежніе наемщики земель сохранили къ нему непоколебимую приверженность: они прибѣжали увидѣть Графа и увѣрить его своими клятвами, что его благодѣянія остаются у нихъ въ свѣжей памяти. — „Какая перемѣна, милостивый Графъ! Вы поступали съ нами какъ съ дѣтьми своими; за то и мы любили васъ какъ отца. Когда градъ опустошилъ наши нивы, тогда вы нетолько не потребовали отъ насъ должнаго, но еще и помогли намъ." — Помните ли, ма-

тушка Графиня! — сказалЪ еще одинЪ изЪ сихЪ добрыхЪ людей: — помните ли, какЪ за двѣнадцать лѣтЪ передЪ симЪ страдалЪ я отЪ жестокой болѣзни? Я нечаялЪ остаться вЪ живыхЪ на свѣтѣ; жена моя и бѣдныя дѣти рыдали уже надо мною, какЪ надЪ мертвымЪ. Вы меня подняли на ноги своею помощїю; вы возвратили отца моимЪ дѣтямЪ. — „Никогда," восклицаетЪ другой: „никогда не забуду того дня, вЪ которой пришли было изЪ города полицейскїе, чтобы забрать весь домашнїй скарбЪ мой и продать; на мнѣ былЪ долгЪ, а заплатить было нечѣмЪ. БезЪ васЪ, матушка Графиня, меня отвели бы вЪ тюрьму; я умерЪ бы сЪ горя; жена и дѣти мои умерли бы отЪ голода. Вы сжалились надЪ нами, заплатили долгЪ мой, сохранили жизнь и честь нашу. СовсѣмЪ другїя настали времена, сЪ тѣхЪ порЪ какЪ мы работаемЪ на етаго разбогатѣвшаго кровопїйцу! ОнЪ поступаетЪ сЪ нами жестоко, очень жестоко! . . . БеретЪ сЪ насЪ вдвое, хотя наши доходы остаются все тѣ же. Упаси Боже отЪ какого нибудь несчастїя! — тогда онЪ вЪ конецЪ разоритЪ насЪ. ОнЪ не смотритЪ на урожай; много ли БогЪ далЪ хлѣба, или мало, — ему все равно, давай тѣ же деньги." — Любезные друзья! — отвѣчалЪ ГрафЪ, сильно растроганный: — если я и сдѣлалЪ для

васъ чтонибудь доброе, то вы за все съ избыткомъ заплатили мнѣ въ сію минуту! Но къ чему воспоминать о минувшихъ дняхъ счастія? Теперь я уже не могу быть вамъ полезенъ, и эта невозможность еще болѣе тѣснитъ мое сердце! — „Отецъ нашъ!" восклицаютъ почти въ одинъ голосъ добрые крестьяне: „все наше имущество тебѣ принадлежитъ. Неотказывайся, милостивый Графъ, принять... десять тысячь франковъ! Эта небольшая сумма на нѣсколько времени можетъ . . ." — Нѣтъ, нѣтъ, любезныя дѣти! — отвѣчаетъ Графъ, до слезъ растроганный: — за чѣмъ для меня нести вамъ такой значительной убытокъ? Вы, подобно мнѣ, во всемъ имѣете нужду. Тогда только приму благородную помощь вашу, когда усмотрю возможность отдать вамъ обратно то, что предлагаете мнѣ съ толикимъ добродушіемъ. Теперь ничего болѣе не требую кромѣ вашихъ совѣтовъ. Я такой же землепашецъ, какъ и вы, — примолвилъ Графъ улыбаясь: — но вы лучше меня разумѣете свое дѣло; вы меня поучите, и я наконецъ сдѣлаюсь хорошимъ хозяиномъ. —

Добрые крестьяне удалились съ прискорбнымъ чувствомъ отъ неожиданнаго ими отказа.

Графъ съ семействомъ своимъ расположился въ хижинѣ, хотя бѣдно убранной, но запасенной всѣми вещами, необходимо нужными для жизни. Новой хозяинъ купилъ себѣ пару лошадей и нѣсколько штукъ домашней скотины. Полина взялась ходить за птицею, Графиня смотрѣть за хозяйствомъ, а Графъ распоряжать немногимъ количествомъ рукъ, употребляемыхъ въ обрабатыванїю поля. Робертъ разбилъ садъ по своему плану, расчищаетъ землю и разсаживаетъ на ней кусточки. Во всемъ наблюдается надлежащїй порядокъ домостроительства, а чистота и опрятность представляютъ если не изобилїе, то по крайней мѣрѣ отсутствїе всякаго недостатка.

Неизобразимыя приятности нѣжнаго единодушія придаютъ всему красоту въ семъ тихомъ обиталищѣ. Графъ не можетъ надивиться неутомимости своей супруги, которая, по видимому, совершенно забывъ о прошедшемъ, съ удовольствїемъ занимается трудами новаго своего состоянїя, принятаго по волѣ неизбѣжной судьбины. Сия благородная, чистая душа никогда, ниже на одну минуту, неизмѣняла своимъ обѣтамъ; во всякое время тоже спокойствїе, та же веселость духа; работа, толико недостойная прежней знатности и воспитанїя Графини, въ рукахъ ея становилась благородною отъ дѣйствїя на нее

той величественной наружности, которая и въ самомъ несчастіи не лишается своего блеска. Графиню всѣ въ околоткѣ любили и почитали; всѣ качества ума ея и сердца и самая даже бѣдность ея внушали уваженіе. Добродѣтель всегда сохраняетъ права свои, въ комъ бы она ни обитала. Можно похитить у нее тлѣнныя драгоцѣнности, которыя окружаютъ ее, несообщая однакожъ ей никакихъ новыхъ приятностей; но́ кто лишитъ ее природнаго ея блеска? Пускай порокъ закрываетъ себя добычами своей алчности; при немъ всегда останется отвратительная его наружность, и ложный блескъ не только не скроетъ его безобразія, но еще послужитъ къ открытію онаго.

Съ какою ревностію Полина предавалась упражненіямъ, столь мало ей приличнымъ! Съ какою любезною веселостію несла она на головѣ своей кувшинъ, молокомъ наполненный! Какая радость блистала въ глазахъ ея, когда она подносила родителямъ своимъ корзинку съ плодами, недавно ею сорванными! Полинѣ было шестнадцать лѣтъ отъ роду; ея щеки пылали тѣмъ яркимъ румянцемъ, которымъ здоровье украшаетъ юность; умъ ея былъ простъ и непритворенъ, какъ сама натура, хотя впрочемъ обработанъ родителями со всевозможнымъ тща-

ніемъ; ея голосъ и тѣлодвиженія были чужды всякаго притворства, всякой принужденности свѣтской, но благородны и вмѣстѣ плѣнительны невинностію дѣтскаго возраста. „Вотъ, милой папенька!" часто говорила она своему родителю: „не сказывала ли я вамъ, что мы будемъ здѣсь счастливы? Я ничего въ свѣтѣ нежелаю болѣе, потому что мы всѣ другъ друга любимъ отъ всего сердца. Мнѣ хотѣлось бы только, чтобы вы были повеселѣе; видя грусть вашу, я иногда чувствую какой-то недостатокъ въ моемъ счастіи: сдѣлайте же папенька, я прошу васъ, чтобы я была совершенно счастлива!" При сихъ словахъ она цѣловала чело почтеннаго своего родителя, а Графъ отвѣчалъ ей нѣжною улыбкою и вмѣстѣ слезою умиленія.

Полина всячески старалась украшать жилище своихъ родителей. Внутренность хижины, руками ея убранная, съ перваго взгляда казалась довольно нарядною. Недорогія, но красивыя обои изъ бумаги покрывали ветхія стѣны хижины; пріятныя изображенія сельскихъ видовъ разливали жизнь и веселость въ семъ тихомъ убѣжищѣ. Все, что ни дѣлала, все, что ни говорила Полина, отличалось любезностію простоты и невинности. Незабытъ ею былъ и маленькой садикъ, въ которомъ работалъ

добрый Робертъ: она сѣяла цвѣты и тщательно ихъ поливала. „Цвѣты распустятся,“ говорила она сама себѣ: „папенька полюбуется ими и наградитъ меня улыбкою.“ На одномъ краю сада находилась старая, вѣтвистая яблонь; обвившаяся вокругъ ея виноградная лоза сообщала ей свою зелень, которой дерево лишилось отъ времени. Полина вздумала подъ симъ лиственнымъ сводомъ, съ помощїю Роберта, устроить бесѣдку и поставить скамью подъ деревомъ. Ежедневно ввечеру и поутру все семейство собиралось подъ симъ лиственнымъ наметомъ, и здѣсь всѣ вмѣстѣ возносили мольбы свои къ престолу небеснаго Утѣшителя несчастныхъ.

Долгїе вечера протекали скоро. Графъ купилъ нѣсколько изъ тѣхъ хорошихъ книгъ, которыя въ маломъ пространствѣ вмѣщаютъ многїя мысли. Графиня читала; Графъ перерывалъ ее основательными и поучительными своими разсужденїями. Полина прилѣжно слушала чтенїе, а еще прилѣжнѣе замѣчанїя своего родителя; чтенїе занимало ея умъ и разсудокъ, а родительскїя наставленїя нравились разуму ея и сердцу.

Такимъ образомъ сїе добродѣтельное семейство провело нѣсколько мѣсяцовъ, Оно было бы счастливымъ, еслибъ только

Графъ возмогъ прошедшее изгнать изъ своей памяти; но при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ онъ неимѣлъ той душевной твердости, которая, вознося насъ превыше величайшихъ бѣдствій, дозволяетъ намъ находить счастіе во всѣхъ положеніяхъ жизни. Въ одинъ лѣтній вечеръ, когда гроза и ненастье вогнали все семейство въ хижину, около десяти часовъ Графъ, сидѣвшій за ужиномъ, услышалъ стукъ у дверей домика. „Кто тамъ?" громко спрашиваетъ онъ, поднявшись съ мѣста." — Отопри — отвѣчаетъ голосъ: — отопри, добрый Ришардъ! — „Да кто вы таковы?" — Путешественники, утомленные, обмокшіе, сбившіеся съ дороги. Отворите; взглянувши на насъ, тотчасъ узнаете. . . . — Графъ отпираетъ дверь. Входитъ молодой человѣкъ, весьма хорошо одѣтый; за нимъ идетъ слуга, только что привязавшій двухъ верховыхъ лошадей у дверей хижины. Незнакомецъ думалъ найти здѣсь Ришарда Бельмота; увидѣвши же Графа, онъ отступаетъ съ изумленіемъ, снимаетъ съ головы измокшую шляпу, почтительно кланяется Графинѣ и ея дочери и проситъ извиненія въ невѣжливой своей оплошности. Потомъ, обратясь къ Графу, продолжаетъ: „Я думалъ, что вхожу въ домъ Ришарда Бельмота; у него-то я и просилъ убѣжища отъ дождя, имѣя нужду въ отдыхѣ весь-

ма неудодлжительномЪ. Простите ли мнѣ, милостивый государь, мою слабку, и дозволите ли на одну минуту воспользоваться гостепрїимствомЪ вашимЪ?" ГрафЪ, которато несчастїе сдѣлало недовѣрчивымЪ, нѣсколько времени колеблется: но ободрившись приятною наружностїю, благородствомЪ и откровенностїю, примѣтными на лицѣ молодаго человѣка, проситЪ его сѣсть и отвѣдать бѣднаго ужина. Молодой человѣкЪ учтиво соглашается на предложенїе, а Графиня старается угостить его сЪ тою же любезною привѣтливостїю, которая украшала ее вЪ блистательнѣйшїе дни счастїя. Молодой гость всему удивляется, попеременно смотритЪ на Графа, на его супругу, на Полину, коея глаза потупляются внизЪ каждой разЪ, повстрѣчавшись сЪ выразительными взорами юнаго незнакомца.

Сїе замѣшательство, сїя принужденность, сЪ коими сЪ начала сходятся между собою незнакомые люди при первомЪ свиданїи, уступили мѣсто откровенности и даже совершенной довѣренности. ГрафЪ обЪявляетЪ свое имя, разсказываетЪ о своихЪ несчастїяхЪ, которыя довели его до необходимости искать убѣжища на етой небольшой мызѣ, сбереженной добрымЪ РишардомЪ БельмотомЪ. „КакЪ, сударь!" восклицаетЪ незнакомецЪ: „я нахожусь

теперь у Графа N.! Какъ, это вы! вы живете въ хижинѣ, тогда какъ подлый ростовщикъ обладаетъ замкомъ вашихъ предковъ! . . . Никто, милостивый государь, конечно никто въ бѣдствїяхъ вашихъ не беретъ такого участїя, какъ я. Сколько разъ мой отецъ говорилъ мнѣ о васъ и о вашей фамилїи!" — Развѣ зналъ меня вашъ родитель? — „Онъ былъ другъ вашъ. Я называюсь Карлъ д'Орланжъ; мое имѣнїе въ полумилѣ отсюда. . . ." — Д'Орланжъ! Такъ конечно, я имѣлъ честь пользоваться его дружбою. Когда гроза революцїи заставила меня удалиться изъ отечества, вы были еще очень молоды. — „Я въ то время только что вступилъ въ училищную Коллегїю." — Но что сдѣлалось съ вашимъ родителемъ? Я нетерпѣливо желаю съ нимъ увидѣться. — На сей вопросъ молчанїе Карла и выкатившїяся двѣ слезы изъ очей его были отвѣтомъ. — Понимаю васъ, доброй юноша! — сказалъ Графъ, прижимая руку его къ своему сердцу. Ахъ, какого родителя вы лишились, и сколь справедлива печаль ваша! — „Она уменьшается, Графъ! ибо я нахожу его друга. О еслибъ я возмогъ нѣкогда заслужить вашу благосклонность; еслибъ возмогъ удостоиться того расположенїя, которое вы къ нему имѣли! Половину года провожу я въ своей деревнѣ; съ удовольствїемъ

рѣшился бы я продлить время моего здѣсь пребыванія, еслибъ надѣялся иногда видаться съ вами. Случай сохранилъ для меня имѣніе; но самимъ небомъ свидѣтельствуюсь, что выше всѣхъ щедротъ его ставлю дозволеніе его познакомиться съ фамиліей, неменѣе почтенною по добродѣтелямъ своимъ, какъ и по несчастіямъ." — Не говорите о несчастіяхъ, господинъ д'Орланжъ! — сказала Графиня: — увѣряю васъ, что мы здѣсь очень счастливы. — „Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь очень счастливы" поспѣшно примолвила Полина, и закраснѣвшись боязливо взглянула на мать свою, какъ будто желая узнать, не съ излишнею ли опрометчивостію вмѣшалась она въ разговоръ, до нее непринадлежащій.

Между тѣмъ тучи разошлись, буря утихла и небо прояснилось. Слуга молодаго д'Орланжа докладываетъ, что можно ѣхать. Карлъ встаетъ неохотно, прощается съ хозяевами и проситъ дозволенія часто посѣщать ихъ въ сельскомъ жилищѣ. Разговоръ о немъ продолжался нѣсколько минутъ. — „Этотъ молодой человѣкъ" сказалъ Графъ: „имѣетъ многія хорошія качества." — Да, — отвѣчаетъ Графиня: — мнѣ полюбился характеръ его, кроткой и откровенной; его наружность любезна и благородна; бесѣда его служитъ доказатель-

ствомъ хорошаго воспитанія. — „Видѣлиль вы," сказала Полина: „видѣлиль выкатившіяся изъ очей его двѣ слезы, когда говорилъ онъ о своемъ родителѣ?" — Да, я видѣлъ, — отвѣчалъ Графъ: — и мнѣ очень приятно было смотрѣть на нихъ. Сердце у него прекрасное! — „Вѣдь онъ обѣщалъ часто посѣщать насъ," продолжала Полина съ милою невинностію: „и я етому рада . . . Вамъ понравилась его бесѣда, папенька; онъ станетъ васъ занимать ею, а вы иногда имѣете нужду въ такомъ препровожденіи времени." — Етому ты рада, милая Полина; но я нерадъ, очень нерадъ. — „Почему, папенька?" — Ежели онъ станетъ къ намъ ѣздить, то недолженъ ли и я посѣтить его? Мнѣ, бѣдному обитателю хижины, явиться въ огромномъ замкѣ, въ кругу молодыхъ людей, богатыхъ и гордыхъ! Несчастіе, дочь моя, должно скрываться въ неизвѣстности въ такое время, когда уважается одно богатство. — „Мнѣ кажется, папенька, что вы слишкомъ строго судите объ етомъ молодомъ человѣкѣ. Онъ вовсе не походитъ на людей своего вѣка. . . ." — Да ты почему судишь о немъ такъ выгодно? — спросилъ Графъ, улыбаясь. — „По собственнымъ вашимъ словамъ объ немъ, по всѣмъ его рѣчамъ, по его приятному виду. . . ." — Люди, мой сердечной другъ, часто гово-

рятъ несравненно лучше, нежели думаютъ, и прекрасная физiономiя невсегда бываетъ зеркаломъ прекрасной души. — Полина замолчала; но сердце ея стѣснилось. Не зная совсѣмъ ничего лживости, она жалѣла, что отецъ ея имѣлъ такое предубѣжденiе, которое почитала она несправедливымъ и которое разрушало сладостнѣйшiя мечты ея воображенiя. Она ушла въ свою каморку, думала цѣлую ночь о молодомъ д' Орланжѣ, и плакала, невѣдая о причинѣ слезъ своихъ.

Сiя непредвидѣнная встрѣча сдѣлала глубокое впечатлѣнiе въ сердцѣ Карла. Полина судила о Карлѣ по сему неизъяснимому побужденiю, по которому добрыя души иногда взаимно себя угадываютъ. Въ самомъ дѣлѣ Карлъ не былъ похожъ на людей своего вѣка; онъ не имѣлъ ни холоднаго самолюбiя ихъ, ни вѣтренности: нѣжная душа его отличалась тонкою разборчивостiю особливаго рода; онъ скрывался, чтобъ дѣлать добро, точно какъ другiе скрываются, дѣлая зло. Онъ зналъ, что благородная гордость нерѣдко бываетъ подругою несчастiя; что иногда человѣкъ, бѣдностiю постигнутый, не менѣе оскорбляется когда ему даютъ, какъ и въ то время когда отказываютъ, и что возлагать на него бремя признательности есть то же

что сдѣлать ему добро только въ половину. Положеніе Графа возбудило болѣзненныя чувства въ сердцѣ Карла. „Какое мужество въ его рѣшимости!“ сказалъ онъ самъ себѣ: „какое благородство въ его обращеніи, въ его наружности, въ рѣчахъ его! А Графиня — она, по видимому, забывая о своемъ положеніи, и другихъ заставляетъ забывать о немъ! Смотря на нее, думаешь, что она живетъ въ большомъ домѣ; все, ее окружающее, въ глазахъ посторонняго возвышается, какъ ея мысли, и украшается въ соотвѣтственность прекрасной душѣ ея.“

Но еще болѣе сильное, болѣе нѣжное участіе возбудилось въ душѣ Карла, когда представилъ онъ себѣ юную Полину, единственную подпору, единственное утѣшеніе четы, гонимой несчастіемъ. Онъ приводитъ себѣ на память слова, вырвавшіяся изъ сердца Полины: *въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь очень счастливы.* „Ангельское существо!“ говоритъ онъ: „твое счастіе состоитъ въ сладостнѣйшихъ, въ чистѣйшихъ чувствіяхъ: но ты бѣдна, живешь въ удаленіи отъ свѣта, которому должна бы служить украшеніемъ; но ты любишь, ты любима и благополучна!“ Во всѣхъ блестящихъ обществахъ столицы ни одна женщина не сдѣлала столь глубокаго впечатлѣнія въ серд-

цѣ Карла. Вѣ пышныхѣ и шумныхѣ собранїяхѣ красотѣ онѣ тщетно искалѣ пищи своей чувствительности. При любезной наружности онѣ всегда видѣлѣ и жеманство, при умѣ и тщеславныя требованїя, при чувствительности и приторную, плаксивость. Онѣ представляетѣ себѣ, какимѣ благополучїемѣ наслаждался бы человѣкѣ, нѣжно любимый Полиною, и его воображенїе, распаленное чувствами сердца, предалось мечтанїямѣ о возможнѣйшемѣ блаженствѣ.

Между тѣмѣ надобно знать, что нѣжная разборчивость заставила его принять такое намѣренїе, которое у иныхѣ раждается отѣ корыстолюбїя. Онѣ твердо рѣшился жениться неиначе какѣ на особѣ, имѣющей ежели не равное богатство тому, какимѣ самѣ обладаетѣ, то по крайней мѣрѣ достаточное для независимой жизни. „Я нехочу" онѣ часто говаривалѣ: „чтобы корысть составляла такой союзѣ, отѣ котораго зависитѣ счастїе цѣлой жизни, и которой одною только смертїю расторгается. Я богатѣ; еслибѣ я захотѣлѣ потребовать себѣ вѣ замужство бѣдную дѣвушку, то несомнѣваюсь, что гордость или тщеславїе незамедлили бы отдать мнѣ ея руку; но кто увѣритѣ меня, что я получу любовь ея? Если она уважаетѣ святость своихѣ обязанностей, то станетѣ

любить меня, какъ своего благодѣтеля. Сїе званїе въ глазахъ ея конечно придастъ мнѣ такїя преимущества, которыя недолжны имѣть мѣста въ супружествѣ, гдѣ всѣ права съ обѣихъ сторонъ должны быть равны. Равенство въ достаткѣ не дастъ вѣсамъ склониться на одну сторону. Мужъ не можетъ себѣ вмѣнять въ заслугу своей щедрости; жена не имѣетъ причины стыдиться, что приняла благодѣянїя. Мужъ, дѣлающїй богатою жену свою, долженъ отъ нее ожидать пеинаго чего какъ только благодарности; ибо любовь не покоряется повелѣнїямъ: а я непремѣнно хочу быть любимымъ. Женщина, имѣющая хорошїй достатокъ для независимой жизни, не выдетъ за меня единственно по честолюбїю; ибо отъ ея воли зависитъ выбрать себѣ другаго жениха, которой также удовлетворитъ сїю любимую страсть ея. Ежелижъ она предпочтетъ *меня*, что такое преимущество будетъ принадлежать именно мнѣ одному; оно будетъ доказательствомъ любви, потому что другое движенїе сердца не заставило бы ее рѣшиться. Она не будетъ мнѣ должна никакою благодарностїю, потому что я небуду ея благодѣтелемъ; а еслибъ она нѣкогда и перестала любить меня, по крайней мѣрѣ я не могъ бы уже винить ее въ неблагодарности."

Сїи мысли можетъ быть покажутся нѣсколько романическими; но Карлъ держался ихъ съ непоколебимымъ упрямствомъ, и твердо рѣшился не отступать отъ любимаго своего плана. Правда, что онъ тогда еще невидалъ Полины; со времени же свиданїя съ нею еще неотдавалъ себѣ отчета въ томъ впечатлѣнїи, которое она сдѣлала въ его сердцѣ. Происходившїя въ немъ движенїя были столь чисты и столь тихи, что онъ почиталъ ихъ не инымъ чѣмъ, какъ только состраданїемъ къ несчастїю, и тѣмъ удивленїемъ, тѣмъ почтенїемъ, которыя возбуждаются добродѣтелью и невинностїю. Истинная любовь, разумѣя сїе слово въ прямомъ смыслѣ, при началѣ своемъ скрывается подъ таинственною завѣсою, сквозь которую разсудокъ не можетъ проникнуть съ перваго раза; она прежде чувствуется, нежели познается.

Полина безпрестанно думала о Карлѣ; она непредлагала сердцу своему никакихъ вопросовъ, и предалась симъ первымъ опаснымъ впечатлѣнїямъ со всею неосторожностїю дѣтскаго возраста. Однакожъ она не смѣла произносить имени Карла въ присутствїи своихъ родителей. Естьлижъ иногда и хотѣла говорить о немъ, то вдругъ останавливалась, чувствовала жаръ

въ лицѣ и удивлялась движенію своего сердца, которое въ первой разъ въ жизни заставляло ее скрывать мысли. Ежеминутно ожидала она появленія того, съ кѣмъ нетерпѣливо желала опять увидѣться. Можетъ быть онъ придетъ сегодня, — такъ думала Полина, и, сама незная для чего, старалась убирать хижину; не менѣе заботилась и о своемъ нарядѣ, и нѣсколько разъ прикалывала цвѣтки къ волосамъ своимъ, заплетеннымъ въ косы и подобраннымъ съ нѣкоторымъ особеннымъ искусствомъ, о которомъ прежде никогда не думала.

На другой же день послѣ свиданія молодой Карлъ почувствовалъ сильное желаніе идти на мызу къ Графу. Но онъ вспомнилъ, что такое докучливое усердіе покажется необыкновеннымъ проницательному взору хозяина; опять на другой день рѣшался, снова раздумывалъ, и наконецъ положилъ себѣ непрежде какъ черезъ нѣсколько дней посѣтить обитателей хижины.

На послѣдокъ онъ отправился къ нимъ пѣшкомъ, и даже безъ слуги. Они несчастны, подумалъ себѣ Карлъ, а несчастіе нелюбитъ свидѣтелей. Приближившись къ мызѣ, онъ вознамѣрился прежде обойти кругомъ садикъ. Вдругъ слышитъ жа-

лобы и плачевные стоны, раздающїеся изъ бесѣдки, устроенной Полиною. Онъ прокрадывается вдоль частаго плетня къ бесѣдкѣ, смотритъ сквозь него и видитъ Графа, которой стоялъ, держа руку на головѣ, и казался погруженнымъ въ мрачное отчаянїе. „Успокойся, другъ мой,“ говорила Графиня: „ободрись и положи надежду свою на Бога, Который никогда еще неоставлялъ насъ.“ — Что съ вами дѣлается, милой папенька? — спросила Полина, прижимая его къ своему сердцу. — „Мы умираемъ отъ безпокойства. Прочти намъ ето пагубное письмо.“ — Мы погибли, — отвѣчаетъ Графъ: — погибли неизбѣжно! Насъ преслѣдуютъ даже въ сей бѣдной хижинѣ. Жадный Алибертъ и того нехочетъ, чтобы мы потовымъ трудомъ снискивали себѣ пропитанїе. Отецъ мой подписалъ одно долговое обязательство еще прежде революцїи; етотъ долгъ былъ тогда для насъ незначущимъ; но теперь онъ лишитъ насъ всего нашего имущества. Алибертъ, безъ сомнѣнїя опасаясь, чтобы какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возвратило намъ нашего имѣнїя, вздумалъ теперь принудить меня искать себѣ убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Злодѣй купилъ етотъ долгъ, и вотъ что ко мнѣ пишетъ: „Заимодавецъ вашего родителя уступилъ „мнѣ долговое обязательство на сумму че-

„тырехъ тысячь франковъ, которыми „состоитъ ему должною ваша фамилїя. „Онную сумму прошу васъ, милостивый „государь, заплатить мнѣ. Имѣю честь „предварительно васъ увѣдомить, что еже„ли въ теченїе двухъ недѣль етотъ долгъ „не будетъ очищенъ, то я найдусь прину„жденнымъ вашу мызу и все къ ней при„надлежащее взять въ свое владѣнїе. И такъ „прошу васъ, милостивый государь, немед„ленно рѣшить сїе дѣло, и не принудить „меня къ строгимъ мѣрамъ, противнымъ „нѣжному моему сердцу. Вашъ вѣрный слу„га *Алибертъ.*"

И такъ жена моя и дочь, о Боже! доведены до ужасной бѣдности! Что мнѣ дѣлать? Умолять о состраданїи?... какъ подлецу, пресмыкаться у ногъ?... Лучше сто разъ умереть! Могу ли просить, когда нѣтъ въ мїрѣ ни одного человѣка, отъ котораго захотѣлъ бы я принять благодѣянїя? Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Небо! для чего я имѣю дочь! — „Но другъ мой," сказала Графиня спокойно и съ благородною важностїю: „хотя и неожидала я сего новаго несчастїя, однакожъ надѣялась найти въ тебѣ болѣе твердости и мужества. Развѣ мы лишены всѣхъ средствъ къ пропитанїю себя? Развѣ неостаются при насъ работа, терпѣнїе и любовь вза-

имная? Пускай гонитель нашъ возметъ себѣ мызу. Съ остатками своего имущества мы опять возвратимся на мѣсто заточенія нашего, когда уже недозволяется намъ дышать воздухомъ въ отечествѣ, куда призваны мы были надеждою, и откуда изгоняемся несчастіемъ.“ — Я умѣю вышивать и рисую изрядно — сказала Полина: — я прокормлю васъ; надѣйтесь на любовь мою. Мы проживемъ на свѣтѣ; а жить во взаимной любви пріятно! —

Сто разъ готовъ былъ Карлъ прервать разговоръ сей, но опасеніе отказа удерживало порывы его великодушія. Ужасныя слова; *нѣтъ въ мірѣ ни одного человѣка, отъ котораго захотѣлъ бы я принять благодѣянія* — сіи слова удерживали стремленіе души его.

Графъ обращается къ старому Роберту, безмолвному свидѣтелю сей нѣжной и горестной сцены. „По утру рано, вѣрный другъ мой,“ говоритъ ему Графъ: „ступай въ Нанси, отведи туда пару лошадей моихъ, которыя служили мнѣ для пашни и которыя теперь останутся безъ дѣла; постарайся тамъ продать ихъ. Потомъ продадимъ и небольшое стадо свое, которое начинало уже распложаться; сбудемъ съ рукъ и наши домашніе приборы. Наконецъ оставимъ страну, которой не могу не любить,

хотя вся надежда моя на счастіе въ ней уничтожилась.“

Давши сіе приказаніе, Графъ возвратился въ хижину; за нимъ пошли супруга и дочь его, и старались всѣмъ краснорѣчіемъ любви своей утишить движенія уязвленнаго его сердца.

Рано по утру на другой день старый Робертъ печально ведетъ обѣихъ лошадей въ Нанси. Дорогою разсуждаетъ онъ о положеніи господъ своихъ; чѣмъ болѣе тѣснитъ ихъ несчастіе, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ сердечную къ нимъ привязанность и рѣшается никогда неразставаться съ ними. Графъ провелъ весь етотъ день въ ужасномъ безпокойствѣ, вопреки всѣмъ усиліямъ супруги и дочери утѣшить его въ семъ новомъ несчастіи. Ни бодрость ихъ ни любовь неполучаютъ въ томъ ни малаго успѣха. Ихъ-то несчастіе онъ и оплакиваетъ, и чѣмъ болѣе достойными являются онѣ лучшей участи, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ силъ переносить мысль объ ужасной бѣдности, имъ угрожающей.

Графъ, во весь день нетерпѣливо ожидавшій возвращенія Роберта, уже по захожденіи солнца слышитъ конскій топотъ. „Ахъ, ето Робертъ!“ говоритъ онъ: „старикъ ходилъ попустому; онъ непродалъ

моихЪ лошадей, и ведетЪ ихЪ обратно. Несчастїе во всемЪ гонитЪ меня!" — И идетЪ медленно на встрѣчу вѣрному служителю. КакЪ же удивился ГрафЪ, увидѣвЪ вмѣсто своихЪ лошадей пару несравненно лучшихЪ. „Что ето значитЪ, РобертЪ! для чего ведешь ты етѣхЪ лошадей?" — Для чего? для работы на вашей мызѣ. Ваши лошади никуда негодились; вотЪ я и продалЪ ихЪ, а купилЪ другихЪ: посмотрите, етѣ помоложе и получше. — „СтарикЪ! развѣ незналЪ ты? . . ." — Извините, батюшка ГрафЪ; я зналЪ, что надобно продать вашихЪ обѣихЪ лошадей; такЪ я и продалЪ ихЪ; вотЪ и деньги. . . . — „Что я вижу!" — ВЪ етомЪ мѣшкѣ по вѣрному счету должно быть четыремЪ тысячамЪ франковЪ. — „Да гдѣ взялЪ ты деньги, безтолковой человѣкЪ?" — Не сердитесь, батюшка ГрафЪ; вѣдь я неукралЪ ихЪ. Со мною было забавное приключенїе . . . . ха, ха, ха, ха! Я сталЪ на площади вЪ Нанси сЪ обѣими дряхлыми своими товарищами, за которыхЪ, правду сказать, не надѣялся получить большую цѣну; какЪ вдругЪ какой-то человѣкЪ, одѣтой курьеромЪ, подходитЪ прямо ко мнѣ, и, говоря ФранцузскимЪ языкомЪ пополамЪ сЪ НѣмецкимЪ, предлагаетЪ за лошадей двѣсти луидоровЪ. Я было подумалЪ, что онЪ хочетЪ шутить надо мною, и для то-

то сказалъ ему, чтобы онъ шелъ далѣе своею дорогой. Я право не шучу, отвѣчалъ онъ: Господинъ мой, одинъ Нѣмецкій Князь, которому вдругъ велѣли уѣхать изъ Парижа, лишился на дорогѣ двухъ лошадей; ихъ надобно замѣнить другими, немедля ни одной минуты и во что бы то ни стало. Время дорого; ежели ты неотдашь мнѣ лошадей своихъ за двѣсти луидоровъ, то я пойду искать въ другомъ мѣстѣ. Увидѣвши, — продолжаетъ Робертъ — что етотъ человѣкъ нешутитъ, я отдалъ лошадей, взялъ деньги и пожелалъ ему счастливой дороги. Оставшись одинъ и разсудивъ, что, какъ Графъ долженъ заплатить только четыре тысячи франковъ, а у меня сверхъ того еще восемь сотъ въ барышахъ, то онъ можетъ удержать при себѣ мызу. Но чтобъ не было остановки въ работѣ, надобно купить лошадей. Вотъ я и купилъ ету пару. Славные кони, батюшка Графъ! увѣряю васъ, что ни одна нестарѣе шести лѣтъ. —

„О Провидѣніе!" восклицаетъ Графъ: „Ты подаешь мнѣ свою помощь въ ту минуту, когда я дерзнулъ роптать на Тебя!" — Видишь ли, другъ мой, — сказала Графиня: — видишь ли, что никогда не должно терять надежды на благость Неба. — Оно печется о насъ, — примолвила Поли-

на: оставитъ ли Оно насъ, видя взаимную любовь между нами? —

Доброе семейство идетъ въ бесѣдку, куда Робертъ приноситъ ужинъ. Тихое веселїе оживило всѣ лица, и Графъ, обрадовавшись сбереженїю своего небольшаго хозяйства, на минуту забываетъ объ утратѣ всего имѣнїя. „Наконецъ послѣ многихъ годовъ" говоритъ онъ: „въ первой разъ начинаю вкушать счастїе. Я привыкаю къ роду жизни по нынѣшнему состоянїю нашему, и увѣренъ, что ея удовольствїя суть плодъ невинности. Такъто жили оные благочестивые Патрїархи, о которыхъ говоритъ намъ Священное Писанїе." — Слова Графа наполняютъ радостїю сердце его супруги. Полина, сжимая руку родительскую въ своихъ рукахъ, говоритъ: „Смотрите, какъ чисто небо, какъ прекрасна природа! какой роскошный вечеръ! Ваши слова украсили все, насъ окружающее."

На другой день всѣ проснулись съ прiятными движенїями сердца послѣ вчерашняго происшествїя, и радостно принялись за обыкновенныя свои работы. Солнце уже высоко поднималось, какъ вдругъ приходитъ молодой д'Орланжъ въ такое время, когда его совсѣмъ неожидали. Только Поли-

на примѣтила его издали, и не предувѣдомивши родителей своихъ о семъ новомъ посѣщеніи, побѣжала спрятаться въ маленькой бесѣдкѣ. Она незнаетъ, идти ли ей въ хижину, или нѣтъ; какой-то неизвѣстный страхъ оковалъ ея ноги: на послѣдокъ ободряется и входитъ съ боязливымъ замѣшательствомъ, которое придало ей новую любезность. — „Ахъ, сударь!" сказала Графиня: „послѣ вашего отъѣзда отсюда насъ едва было непринудили снова ѣхать въ заточеніе!" Потомъ разсказала объ угрожавшемъ семейству новомъ несчастіи, и о томъ, какимъ образомъ Провидѣніе подало имъ свою помощь. „Радуюсь, сударыня," отвѣчалъ Карлъ: „и благодарю Провидѣнію какъ за васъ, такъ и за себя. Хотя имѣю честь знать васъ только съ недавняго времени, однакожъ все что касается до вашего счастія, или несчастія не есть чуждымъ моему сердцу." — Не извѣстенъ ли вамъ — спрашиваетъ Графъ — етотъ Нѣмецкій Князь, которой недавно проѣхалъ черезъ Нанси? — „Я незнаю его" отвѣчаетъ Карлъ: „но скажите мнѣ, милостивый государь, надобно ли, чтобы въ несчастіяхъ вашихъ единственно случай былъ прибѣжищемъ? Что было бы съ вами безъ нечаянной встрѣчи съ етимъ Нѣмецкимъ Княземъ? Что было бы съ вашимъ семействомъ? Ета мысль ужа-

саетъ меня, когда подумаю о будущемъ. Неужели въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, которой былъ бы достоинъ вашего уваженія? Я довольно богатъ, и почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ, не боясь отказа. . . .“ — Государь мой!, — перерываетъ Графъ съ гордымъ видомъ: — я ничего не принимаю кромѣ того, что Небо мнѣ посылаетъ. — „Простите меня!“ говоритъ Карлъ: „простите меня за нескромныя предложенія! Я отнюдь неимѣлъ видовъ на титло вашего благотворителя, но желаю только быть другомъ вашимъ; а все получаемое нами отъ друга есть даръ небесный.“ Отвѣтъ сей обезоруживаетъ Графа, а Карлъ заводитъ рѣчь о другомъ дѣлѣ: онъ говоритъ Графу о знакомыхъ ему людяхъ, о бѣдствіяхъ революціи, о надеждѣ на лучшій вещей порядокъ. Во всѣхъ рѣчахъ его видны просвѣщенный разумъ, точная разсудительность, живое и блестящее воображеніе, благородное и чувствительное сердце.

Графъ уходитъ заниматься своимъ дѣломъ; Графиня также, имѣя надобность удалиться, проситъ извиненія у д'Орланжа, въ томъ что необходимость заставляетъ ее удовольствіемъ его бесѣды пожертвовать хозяйственнымъ упражненіямъ. Полина идетъ за Графиней, а

Карлъ возвращается домой, положивши себѣ за правило чаще посѣщать родителей Полины.

Уже онъ нескрываетъ отъ себя чувствій, юною Полиною возбужденныхъ въ его сердцѣ, въ которомъ нѣжнѣйшая любовь со дня на день приобрѣтаетъ большую силу. Онъ забываетъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, всѣ прежнія забавы, всѣ прежніе планы; — семейство Графа сдѣлалось предметомъ всѣхъ его желаній. Очень часто посѣщалъ онъ хижину. Графъ и Графиня привыкли съ удовольствіемъ его видѣть; и когда случалось, что дѣла, или уваженіе приличности, удерживали его дома, то всѣ въ семействѣ тотчасъ вспоминали о немъ, и жаловались на его отсутствіе.

Однажды Карлъ, пришедши по обыкновенію посѣтить обитателей хижины, увидѣлъ Полину одну сидящую подъ тѣнью бесѣдки. Графъ и Графиня въ другомъ мѣстѣ занимались работою. Полина только лишь окончила свой урокъ, и со всею невинностію своего сердца предалась сладостнымъ его движеніямъ, какія только первая любовь произвести удобна. Карлъ подходитъ къ ней боязливо. Она все невидитъ его, — какъ вдругъ, поднявъ глаза вскрикиваетъ отъ изумленія и радости.

„Какъ! ето вы, сударь; я васъ не ожида-ла.“ — Я нестолько счастливъ... Любезная Полина вѣрно никогда меня не ожидаетъ. — „Вотъ и ошибаетесь; я часто надѣюсь, что вы къ намъ пожалуете, а особливо надѣюсь въ то время, когда батюшка печаленъ. Вы иногда возвращаете ему нѣсколько веселости.“ — Я отдалъ бы все на свѣтѣ, когда бы возмогъ истребить въ немъ память объ его несчастїяхъ! Но какъ могу утѣшить его я, когда присутствїе Полины, ангела небеснаго, еще не сдѣлало сего чуда? И о чемъ жалѣть ему?.. — „Ахъ, онъ жалѣетъ не о себѣ, а о мнѣ, между тѣмъ какъ мнѣ ничего нежаль!“ — Какъ! вамъ ничего не жаль? А богатства, которое вамъ принадлежало?.. — „Мнѣ неизвѣстны удовольствїя богатства.“ — А высокая степень, которую вы занимали бы въ свѣтѣ? — „Я никогда незнала гордости.“ — А счастїе, которое низпровергнуто революцїей? — „Я люблю и любима: вотъ мое счастїе!“ — Благородная душа! — „Вы меня слишкомъ превозносите; признаюсь вамъ напротивъ, что я бы хотѣла быть богатою, потому что батюшка мой жалѣетъ объ имѣнїи; хотѣла бы обладать всѣмъ, что можетъ сдѣлать его счастливымъ, и если ему угодно, то я бы согласилась быть даже Королевой. Ахъ! еслибъ онъ могъ быть доволенъ сею тихою неиз-

вѣстностію, въ которой живемъ нынѣ, то я была бы счастливѣе здѣсь, нежели въ какомъ нибудь огромномъ замкѣ; я была бы счастлива даже въ пустынѣ, живучи съ маменькою, съ папенькою и... съ вами, по тому съ вами" прибавила она зардѣвшись: „что присутствіе ваше сдѣлалось необходимымъ для моихъ родителей."

Карлъ готовъ былъ упасть къ ногамъ возлюбленной, какъ вдругъ услышалъ онъ шумъ отъ приближенія Графа и Графини. Онъ подходитъ къ нимъ и говоритъ: „Я нехотѣлъ помѣшать вашимъ упражненіямъ, добрые сосѣди; я пришелъ сюда теперь съ вами проститься. . . ." При сихъ словахъ Полина дрожитъ и блѣднѣетъ. — Какъ ето, Карлъ! — сказалъ Графъ: вы разстаетесь съ нами? — „Точно такъ, сударь; нѣкоторое важное дѣло зоветъ меня въ Парижъ, гдѣ я долженъ буду прожить болѣе мѣсяца. Дай Боже, чтобъ ето отсутствіе, которое покажется мнѣ очень продолжительнымъ, неуменьшило благосклонности, оказываемой мнѣ вами до сего времени." Въ тужъ минуту онъ уходитъ, бросивши взглядъ на Полину, которая забыла даже пожелать ему счастливой дороги, и старалась утаить слезы, исторгнутыя изъ ея очей симъ новымъ извѣстіемъ.

Прошло нѣсколько дней послѣ Карлова отъѣзда въ Парижъ. Графъ начиналъ уже съ большимъ спокойствіемъ сносить свой жребій. Его мыза день ото дня принимала видъ лучшій; все ему удавалось хорошо. Посѣянный хлѣбъ начиналъ созрѣвать и всѣ признаки обѣщали богатую жатву. Однажды ввечеру поздно, когда Графъ располагался уже успокоиться послѣ дневной своей работы, вдругъ слышитъ онъ болѣе десятка ружейныхъ выстрѣловъ, раздавшихся изъ его садика. Онъ встаетъ поспѣшно, нѣсколько встревоженный сими неожиданными звуками; Графиня и дочь ея улыбаются. Графъ отворяетъ дверь, и видитъ въ саду яркое освѣщеніе; потѣшный огнь поднимается къ верху и сіяетъ надъ всею долиною. Толпа крестьянъ восклицаетъ въ одинъ голосъ: Да здравствуетъ нашъ доброй господинъ! Сего дня день его рожденія; да сохранитъ его Богъ на многія лѣта! — Тутъ приходитъ Графиня съ дочерью; обѣ вѣнчаютъ цвѣтами чело отца и супруга. Добрые крестьяне толпятся около Графа, и спорятъ между собою, кому принадлежитъ право поднести ему огромной букетъ и прочитать коротенькое привѣтствіе. Графъ обнимаетъ всѣхъ поодиначкѣ; на глазахъ его сверкаютъ слезы веселія и благодарности. Пастухи привели женъ и дѣтей своихъ; незабыли так-

же взять съ собою и музыканта со скрипкою. Начались танцы на лужку при свѣтѣ радостныхъ огней, повѣшенныхъ на древесныхъ вѣтвяхъ. Искреннее и живое веселïе оживляло етотъ праздникъ, продолжавшïйся до самой полуночи. Послѣ всего крестьяне сдѣлали залпъ изъ всей своей артиллерïи и разошлись по домамъ.

И самое время заставляло ихъ прекратить пляски. Небо начинало застилаться густыми тучами, ясныя звѣзды скрывались одна за другою, и вдали отдавался гулъ грома. Скоро взвился ужасный вихорь; громовые удары становились сильнѣе, чаще и поражали слухъ страшнымъ трескомъ; небо пылало молнïями. Графъ и семейство его покоились на своихъ постеляхъ; ибо гроза ихъ не ужасала. „Громъ никогда не устремляется на хижины" сказалъ Графъ ложася, и заснулъ спокойно, думая о счастïи, которымъ насладился при наступленïи ночи.

На другой день по утру выходитъ Графъ изъ хижины для исправленïя полевыхъ работъ своихъ. Какъ же онъ изумился и опечалился! Вся нива опустошена градомъ. Полусозрѣвшïе колосья вырваны съ корнями и разбросаны на полѣ.

даже сучья на деревахъ сломаны, и еще зеленые плоды отторжены отъ обнаженныхъ вѣтвей. Кровь хладѣетъ въ жилахъ Графа при семъ ужасномъ позорищѣ; нѣтъ болѣе надежды на жатву; плоды трудовъ цѣлаго года истреблены въ одну минуту! Чѣмъ пропитать семейство? кто дастъ сѣмянъ для новаго засѣва полей? Столь великое несчастїе тѣмъ болѣе тяготило его душу, что бывъ на канунѣ упоена чистѣйшею радостїю, она не приготовлялась къ перенесенїю новыхъ ударовъ.

. . . . . .

Графиня и дочь ея, взглянувъ на ужасные слѣды опустошенїя, въ сїю грозную ночь воспослѣдовавшаго, сперва поражены были горестїю; но скоро собрали всѣ силы любви своей для утѣшенїя Графа. Онѣ забыли о своемъ собственномъ несчастїи, и единственно старались успокоить огорченнаго. Но усилїя ихъ были безполезны; въ первой еще разъ Графъ не внималъ краснорѣчивымъ ихъ ласкамъ: бодрость ихъ не возбудила въ немъ мужества. Онъ ходитъ по равнинѣ въ смутномъ, безмолвномъ отчаянїи, не проливая слезъ и не произнося никакихъ жалобъ на Провидѣнїе, испытующее его съ толикою строгостїю.

Весь ужасный день проведенъ въ сѣтованіи, и во всю ночь благодѣтельный сонъ ни на одну минуту незакрывалъ глубокой раны несчастнаго отца семейства.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХИ,

написанные послѣ представленія трагедіи Димитрій Донской, въ которой дѣвица Мочалова играла роль Ксеніи.

1.

Пусть зависть силится твой разорвать вѣнецъ,
Поетъ чувствительный, Димитрія творецъ!
Безвреденъ ядъ ея., ничтожны всѣ старанья;
Усилье слабое надмѣнной слѣпоты!

Вѣнецъ безсмертенъ дарованья;
Когда онъ утвержденъ рукою красоты!

2.

Довольно ты, Донской, защитниковъ имѣешь;
Отъ жала критики они тебѣ покровъ!
Ты сердцемъ Ксеніи владѣешь; —
А каждый зритель ей свое отдать готовъ.

N:

Весь ужасный день проведенъ въ сѣтованіи, и во всю ночь благодѣтельный сонъ ни на одну минуту незакрывалъ глубокой раны несчастнаго отца семейства.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХИ,

написанные послѣ представленія трагедіи Димитрій Донской, въ которой дѣвица Мочалова играла роль Ксеніи.

1.

Пусть зависть силится твой разорвать вѣнецъ,
Поетъ чувствительный, Димитрія творецъ!
Безвреденъ ядъ ея., ничтожны всѣ старанья;
Усилье слабое надмѣнной слѣпоты!

Вѣнецъ безсмертенъ дарованья;
Когда онъ утвержденъ рукою красоты!

2.

Довольно ты, Донской, защитниковъ имѣешь;
Отъ жала критики они тебѣ покровъ!
Ты сердцемъ Ксеніи владѣешь; —
А каждый зритель ей свое отдать готовъ.

N:

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О преимуществахъ, изящности и богатствѣ языка Санскритскаго, также о пользѣ и удовольствіяхъ отъ изученія онаго (*).

Давно уже многіе изъ извѣстнѣйшихъ Французскихъ ученыхъ, особливо почтенный *Анкетиль-Дюперонъ* и знаменитый *Силвестръ де Саси*, честь и слава Восточной словесности, желали, чтобы кто

(*) Сіе разсужденіе произнесено г-мъ *Шези*, Лекторомъ и Профессоромъ Королевской Французской Коллегіи, по случаю открытія учебнаго курса Санскритскаго языка и словесности, въ началѣ истекающаго года. Сей древній, у насъ почти неизвѣстный языкъ, нынѣ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ съ такой стороны, которая и для насъ весьма любопытна. Довольно упомянуть, что въ немъ находятъ многія слова, сходныя съ Русскими. Одинъ изъ Членовъ *Варшавскаго Общества друзей наукъ*, подкрѣпляемый щедростію нѣкотораго вельможи, трудится теперь надъ изслѣдованіемъ сходства между языками Славянскаго происхожденія

нибудь изъ нашихъ Литтераторовъ занялся изученїемъ *Санскритскаго* языка — сего древняго корня, изъ котораго, подобно юнымъ вѣтвямъ, возникли всѣ нарѣчїя, употребительныя въ Индїи. Но или по безпечности, или по недостатку бодрости, никто изъ Французовъ не внялъ ихъ воззванїю. Увлекаемый склонностїю къ сему роду ученїя, или, можетъ быть, имѣя болѣе терпѣнїя, рѣшительно вознамѣрился я снять покровъ, скрывавшїй отъ нашихъ взоровъ сїе таинственное святилище. Чѣмъ болѣе я трудился, чѣмъ чаще мелькали слабые лучи свѣта, тѣмъ болѣе любопытство мое приобрѣтало новыхъ силъ и, подобно наставляющимся въ таинствахъ и соединяющимся съ Божествомъ неиначе какъ послѣ жестокихъ испытанїй, я имѣлъ счастїе вступить въ священный храмъ, въ которомъ хранятся познанїя одного изъ древнѣйшихъ и образованнѣйшихъ въ свѣтѣ народовъ. Какое удовольствїе почувствовалъ я, когда въ первый разъ началъ разбирать сїи ветхїе пальмовые листы, бывшїе долгое время столько же для меня непостижимыми, сколько для древнихъ листки Си-

---

и Санскритскимъ. Въ бытность ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Варшавѣ на одной прозрачной картинѣ сїяло Высочайшее Имя, изображенное, кромѣ другихъ, и *Санскритскими* письменами. Рдръ.

риллїцны, — когда началъ понимать вв҃ѣренныя сему таинному веществу высочайшїя истины философїи — и когда уразумѣлъ я сей первобытный образецъ изящества, толико древнїй какъ мїръ и столь же долго, какъ онъ, имѣющїй продолжаться !!

Не изъ одного любопытства предпринялъ я одолѣть столько трудностей; желанїе нѣкогда быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ, облегчить имъ средства въ прохожденїи сего новаго поприща — вотъ побудительная причина, подкрѣплявшая мою бодрость, которая, безъ сей мысли, признаюсь, нѣсколько разъ меня оставляла. Но могъ ли я ласкать себя надеждою, что достигну столь почтенной цѣли ? За нѣсколько мѣсяцевъ сїе намѣренїе представлялось моему разуму несбыточною мечтою. Но возвращенїе любезнаго нашего Государя (*) заставило меня повѣрить существенности онаго.

Съ полною увѣренностїю въ благосклонности Монарха, всегда почитавшаго науки своею отрадою и утѣшенїемъ, съ надеждою на помощь Министра, который неусыпными трудами непрестанно старается распространять область наукъ и словесности, — дерзнулъ я прибѣгнуть къ покро-

(*) Лудовика XVIII.

вительству послѣдняго, и просить, чтобы представленіе мое повергнуто было къ подножію трона. Король не только удостоилъ оное своего благоволенія, но ещё повелѣлъ въ *Коллегіи Французской* учредить каѳедру Санскритскаго языка и словесности, и такимъ образомъ причисливъ меня къ знаменитымъ сочленамъ, Августѣйшій Государь вознесъ меня на степень чести, о коей никогда я не дерзалъ мечтать, и которой достойнымъ можетъ содѣлать меня одно усердіе, съ какимъ постараюсь оправдать благодѣтельныя намѣренія Его Величества!

И такъ, милостивые государи, мы приступаемъ къ преподаванію въ первой разъ во Франціи того языка, коего разумѣніемъ до сего времени могли хвалиться только Англичане, — языка знаменитаго, которой, по замѣчанію одного изъ остроумнѣйшихъ писателей нашихъ, можетъ быть есть тотъ глаголъ боговъ, о коемъ Гомеръ упоминаетъ. По крайней мѣрѣ онъ стоитъ сей чести какъ по своему богатству, такъ по изящности и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ есть преданіе, будто *Сарасвати* (богиня красноръчія) сама расположила оный, и измѣрила всѣ его звуки; — такъ они пріятны для слуха! — Не думайте, милостивые государи, чтобы я здѣсь употре-

билъ гиперболу; ибо извѣстно, что ни для одного языка не изобрѣтено болѣе правильной ортографической системы, дабы избѣжать грубыхъ и нестройныхъ звуковъ, обыкновенно происходящихъ отъ стеченія гласныхъ буквъ и согласныхъ. — Но не одно сіе качество отличаетъ прекрасной Санскритской языкъ; другая прелесть, еще очаровательнѣйшая, скоро возбудитъ ваше любопытство и содѣлаетъ менѣе чувствительною сухость, неразлучную вообще съ изученіемъ языковъ. Я говорю о поразительномъ сходствѣ, которое вы, съ перваго взгляду, будете имѣть случай замѣтить между симъ древнимъ языкомъ, Греческимъ и Латинскимъ — не только въ однихъ словахъ, но даже въ самыхъ оборотахъ словосочиненія; о семъ духѣ аналогіи, который, кажется, располагалъ имъ при первоначальномъ образованіи, такъ что, узнавъ корень, намъ нетрудно будетъ составить безчисленное множество словъ производныхъ, кои, въ совокупности представляя уму нѣчто цѣлое, легко и неизгладимо печатлѣются въ памяти.

Таковы суть, ежели позволите такъ изъясниться, точки отдохновенія, ожидающія насъ на пути сего труднаго поприща! Но хотя бы мы не встрѣчали оныхъ, хотя бы надлежало намъ проходить пустыни

безплодныя; то не довольно ли одной перспективы чародѣя Оазиса, чтобы подкрѣпить наше любопытство? Скажу просто: какія неудовольствія могутъ сравниться съ тѣми безчисленными наслажденіями, которыя обрѣтать будетъ умъ нашъ, изучая словесность совершенно новую, богатую, такую, въ которой важнѣйшая встрѣтится трудность — сдѣлать лучшій выборъ! —

Философія, Метафизика, Грамматика, Богословіе, Астрономія, Математика, Законоискусство, Нравственность, Стихотворство — всѣ сіи науки, обработанныя у Индіянъ въ то время, когда вся Европа погружена еще была въ глубокомъ мракѣ невѣжества, представятся вмѣстѣ жаднымъ вашимъ взорамъ и подадутъ вамъ случай къ ученымъ изслѣдованіямъ: и кто знаетъ — можетъ быть изъ васъ кому нибудь, м. г., назначено, съ помощію быстраго и наблюдательнаго ума, разлить свѣтъ на Исторію человѣка и на начало нашихъ познаній.

Философъ, изучающій религію и богослужебные обряды различныхъ народовъ, обрѣтетъ въ *Ведѣ* обширное поле для своихъ розысканій. Изъ всѣхъ памятниковъ, дошедшихъ къ намъ отъ древней Индійской словесности, священныя книги сіи неоспо-

римо суть такое произведенїе, которое сильнѣйшимъ образомъ должно возбуждать наше любопытство какъ по своей отдаленной древности, такъ и по своему предмету, могущему сообщить намъ драгоцѣннѣйшїя объясненїя не только на Индїйское богословїе, но, можетъ быть, на самые богослужебные обряды Египтянъ, Грековъ и даже нѣкоторыхъ новѣйшихъ народовъ.

Индїйцы думаютъ, что Веда первоначально людямъ открыта самимъ Брамою, и долгое время сохраннема была въ изустномъ преданїи; потомъ одинъ мудрецъ раздѣлилъ ее на четыре части, а именно: *на Ритшъ, Іаджушъ, Саманъ,* и *Атаревану;* отъ чего сей мудрецъ получилъ названїе *Віаза* или *Веда-Віаза*, то есть раздѣлителя Веды. Сему-то лицу Индїйцы приписываютъ свои древнѣйшїя сочиненїя, какъ то: *Пурана* и *Магабгарата*, въ коихъ описываются сраженїя *Курусовъ* и *Пандусовъ*, двухъ потомственныхъ поколѣнїй Бгараты, одного изъ древнѣйшихъ Царей Индїйскихъ. Но пространство сихъ творенїй и явное различїе въ слогѣ показываютъ, что онѣ не суть произведенїе одного и того же пера: вѣроятно, что Индїйцы приписали *Віазѣ* сочиненїя разныхъ мудрецовъ, коихъ имена утрачены древностїю.

Безчисленныя произведенія философіи, особенно *Ніаіа*, *Меиманса*, *Веданта*, *Санкхіа-Састра* подадутъ метафизику случай сравнить ихъ съ системами, 'преподававщимися нѣкогда въ школахъ Греціи и Италіи; а сходство ихъ ученія съ ученіемъ Перипатетиковъ, Платониковъ и секты Италіянской убѣдитъ его, что существовали нѣкогда сношенія между народами, представляющими такое разительное согласіе мыслей и понятій.

Станемъ ли говорить о сочиненіяхъ Грамматическихъ? Искуснѣйшіе наши филологи съ живѣйщимъ удовольствіемъ прочтутъ знаменитые *Сутры* или афоризмы *Панини*, *Саддганта-Каумуди*, *Сарасвати-Пракриія-Мугдга-Бода* и другіе трактаты, въ которыхъ теорія языка изслѣдована съ такою же логикою какъ и остроуміемъ; и можетъ быть они почерпнутъ въ оныхъ нѣкоторыя новыя идеи о семъ неистощимомъ предметѣ, насающемся организаціи самаго человѣка и духа анологіи, столь ему естественнаго.

Но какое неистощимое сокровище представляютъ огромные и древніе *Пураны*, сіи магазины, гдѣ, подъ покровомъ иносказанія и вымысла, погребена большая часть древней Индійской Исторіи. Уже Миѳологія Индійская, которую они въ себѣ

содержатъ, отчасти начинаетъ объясняться. Г. Мооръ, собравъ и раздѣливши въ прекрасномъ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ Гинду-Пантеонъ (Пантеонъ Индійскій), главныя божества съ различными ихъ принадлежностями, явилъ подвигъ полезнѣйшій и могущій облегчить уразумѣніе стихотворцевъ. Сиръ В. Джонесъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ 12 томѣ *Изслѣдованій объ Азіи*, сдѣлалъ остроумное сравненіе боговъ Индійскихъ съ нѣкоторыми Греческими и Римскими божествами. Но еще мало написано удовлетворительныхъ сочиненій объ Исторіи и Географіи Индійской. Впрочемъ, ежели мы болѣе познакомимся съ языкомъ Санскритскимъ, то безъ сомнѣнія наши познанія касательно сихъ наукъ также распространятся; часто одно открытіе, одно счастливое вдохновеніе даетъ уму человѣческому полетъ быстрѣйшій.

Что же принадлежитъ до Астрономіи и Математики, то любители точныхъ знаній изъ записокъ Г. Дави получили весьма выгодное мнѣніе касательно цвѣтущаго состоянія сихъ наукъ у Индійцовъ въ то время, когда цѣлая Европа предавалась сумазброднымъ нелѣпостямъ Астрологіи; съ большимъ удовольствіемъ увидѣли бы они въ *Биджа-Ганита*, алгебраическомъ сочиненіи, писанномъ на Санскритскомъ язы-

къ, что многія предложенія извѣстны были въ школахъ Бенарскихъ за долго передъ тѣмъ, какъ онѣ въ разныя времена изобрѣтаемы были въ Европѣ Ферматомъ, Ейлеромъ и Лагранжемъ.

Довольно упомянуть о законахъ Мену, которыхъ сочиненіе В. Джонесъ относитъ къ 1280 году до Р. Х., чтобы возбудить сильнѣйшее любопытство въ законоискусникѣ и заставить его размышлять объ одномъ изъ произведеній, утверждающихъ древность народа, для котораго онѣ писаны, и показывающихъ вмѣстѣ и древнее его просвѣщеніе и ужасное поврежденіе нравовъ въ отдаленнѣйшую отъ насъ епоху.

Гитопедеса, представляя неоцѣненный оригиналъ древнѣйшихъ апологовъ, долженъ быть весьма важнымъ въ глазахъ Моралиста: книга чрезвычайно любопытная, которая, будучи извѣстна подъ несправедливымъ названіемъ *басней Пильпая*, переведена не только на всѣ языки Азіятскіе, но даже почти на всѣ Европейскіе!

Но недумайте, м. г., чтобы сія прекрасная литтература изобиловала сокровищами только для однихъ сухихъ наукъ и для строгаго разума; нѣтъ, пламенное воображеніе также занимаетъ въ ней мѣсто. Ни у одного народа блистательная Поезія не являлась

въ убранствѣ великолѣпнѣйшемъ, не была сопровождаема свитою, болѣе прелестною, болѣе очаровательною!

Отъ величественной епопеи до робкой стыдливой идиллїи, разнообразнѣйшїя произведенїя генїя представятся во множествѣ вашимъ изумленнымъ взорамъ, и заставятъ васъ чувствовать всѣ возможныя впечатлѣнїя, къ какимъ только душа наша способна.

Особенно въ епической Поезїи языкъ Санскритской похищаетъ пальму у всѣхъ доселѣ извѣстныхъ; изъ великаго множества Индїйскихъ стихотворцевъ безсмертный Валмики въ своемъ *Рамаїанѣ* лучше всѣхъ постигнулъ тайну — въ приличнѣйшихъ мѣстахъ выставлять всѣ красоты епопеи. Подъ очаровательнымъ перомъ его она принимаетъ всѣ тоны, всѣ краски. Описываетъ ли онъ сцены тихїя и умилительныя; прекрасный сей языкъ, столько же звучный, какъ и обильный, сообщаетъ ему тогда выраженїя самыя гармоническїя, и, подобно спокойной рѣкѣ, извивающейся среди мховъ и цвѣтовъ пестрѣющихъ, тихо увлекаетъ очарованное наше воображенїе: но въ предметахъ, требующихъ выразительности и силы, его слогъ столь же быстръ и живъ, какъ самое дѣйствїе. Колесницы несутся,

кипящіе яростію слоны разрушают ужасныя преграды, ржущіе кони ударяют копытами в стонущую землю, громады движутся, сходятся, копья свистят и сокрушаются, смерть летит со всѣх сторон. . . . . Мы не читаем болѣе, а переносимся в средину ужаснѣйшей брани.

Из епизода сей поемы (смерть *Іаджнадатта*), недавно мною изданной в свѣт, вы, я думаю, видѣли превосходство сего искуснаго стихотворца в родѣ нѣжном и страстном; может быть и теперь приятно будет вам узнать его слог в род благородном и возвышенном. Слѣдующій отрывок, взятый из той же поемы, и заключающій в себѣ описаніе поединка Лакшмана, молодаго брата Рамы, с исполином Атикаіем, братом неистоваго Равана (ежели только не утомлю вашего вниманія), может содѣйствовать моему намѣренію.

Рама, молодой, исполненный мужества Государь, осаждает с безчисленным воинством город Ланку (*), столицу Равана, похитителя его супруги. Находясь на возвышеніи, он бесѣдует с Вибгиша-

(*) Старинное названіе какъ острова Цейлана, такъ и его столицы.

номъ, роднымъ братомъ Тирана, оставившимъ дворъ его по причинѣ жестокостей и несправедливыхъ поступковъ, и принявшимъ сторону Рамы. Когда какой нибудь неприятельской полководецъ со многочисленною толпою выходилъ изъ крѣпости и вызывалъ противниковъ на сраженїе; то Рама вопрошалъ бѣглецовъ объ имени, достоинствѣ и силѣ неприятеля, и по показанїямъ оныхъ назначалъ того или другаго изъ своихъ Генераловъ — выступить противу вражескаго полководца.

Пусть говоритъ самъ стихотворецъ:

Атикаїя, видѣвъ смерть трехъ своихъ братьевъ и дядей, равныхъ силою Савръ, воскипѣлъ ужаснѣйшею яростїю. — „Вези „меня," рекъ онъ возницѣ: „вези меня предъ „лице Рамы; съ нимъ хочу измѣрить свои си„лы. Да сражу его, да исторгну сей гибель„ный корень — и тогда Лекшмана, Сугри„ва, Ангада, и безчисленные воины, соста„вляющїе стебель и вѣтви онаго, будутъ „посѣчены единымъ ударомъ!"

Колесница несется со звукомъ, подобнымъ грохоту громовому; и Атикаїя, имѣя на челѣ великолѣпную дїадиму, держа въ рукѣ огромный лукъ, потрясаетъ звучащею тетивою, и приближается величественный — какъ Вишну, когда онъ тремя

шагами измѣрилъ землю. Земля дрожитъ, лѣса движутся, львы и тигры рыкаютъ въ ужасѣ. Непріятельское воинство не можетъ снести пламени очесъ его, разсыпается во всѣ стороны и открываетъ ему путь свободный. Рама, узрѣвъ его приближеніе, вопрошаетъ Вибгишана: — „Кто сей, о Вибгишанъ! кто сей ужа„сный стрѣлецъ исполинскаго роста? Ко„лесница его, вооруженная стрѣлами, „копіями, мечами, палицами, прибли„жается быстро. Окруженный сими бли„стательными оружіями, онъ подобенъ бур„ной тучѣ, чреватой молніями. Кто сей „надмѣнный Ракшасса, разсѣвающій по пути „своему страхъ и столь гордо ко мнѣ „устремляющійся?“

— „Это“ отвѣтствуетъ ему Вибгишанъ, „мужественный Атикаія, одинъ изъ „сыновъ Равана, коего сила равняется си„лѣ отца его. Управляя искусно и лукомъ „и мечемъ, сражаясь на конѣ и на колесни„цѣ, онъ прославился даже между Девами „и Данавами.“

„Претерпѣвая нѣкогда неслыханныя же„стокости, онъ обратилъ на себя благо„воленіе Брамы; изъ десницы сего боже„ства сильнаго принялъ онъ сію блестя„щую златомъ колесницу, сію божествен„ную броню, сіи очарованныя оружія —

„страхъ и ужасъ Сурасовъ и Асурасовъ. „Быстрѣйшія молніи стрѣлы его ужаснѣе „вредоносныхъ озеръ бога водъ." Уже Атинаія разсѣваетъ воинство Сугрива. Такъ молодой левъ своимъ появленіемъ обращаетъ въ бѣгство стада робкихъ ланей. Надменный исполинъ не преслѣдуетъ бѣгущихъ, почитая ихъ недостойными ударовъ своихъ, но устремляется прямо къ Рамѣ, которому предлагаетъ сраженіе слѣдующею рѣчью:

„Не съ врагомъ обыкновеннымъ хочу „я измѣрить силы свои; и ежели справедливо, сынъ Дасарата, что ты съ мужествомъ соединяешь силу, то почто медлишь начать битву?"

Лакшмана раздраженный симъ гордымъ вызовомъ, бросается между Рамою и исполиномъ, и съ язвительною улыбкою простираетъ божественный свой лукъ, готовясь положить на тетиву стрѣлу острую. „Какъ, Сумитри (*)!" реkъ онъ: „ты, слабое „дитя, дерзаешь вступить со мною въ брань? „Послушай меня; удались! страшись острія „сихъ стрѣлъ, ужасныхъ самымъ безсмертнымъ. Безразсудный, ты хочешь возбудить „погасшій огнь разрушенія! . . . Бѣги от-

(*) Прозваніе Лакшмана отъ *Сумитры*, его матери.

„сѣлъ; или, ежели упорствуешь въ своемъ „безумномъ намѣреніи, то приготовься „сойти въ царство Іама. Видишь сія о-„стрыя стрѣлы, блистающія златомъ? ви-„дишь сіе копіе, коего блескъ равняется сія-„нію солнца? Оно растерзаетъ грудь твою, „напьется твоей крови, какъ разъяренный „левъ, утоляющій жажду свою кровію моло-„даго слона!"

„Не въ пустыхъ словахъ" спокойно отвѣтствовалъ ему сынъ Сумитры: „не въ „безразсудномъ самохвальствѣ состоитъ му-„жество. Оставь безполезный разговоръ и „покажи лучше себя на самомъ дѣлѣ. Одинъ „храбрый достоинъ названія героя. Лукъ, „или мечь — какое оружіе избираешь ты? — „я готовъ сразиться! — Горю желаніемъ „отдѣлить отъ тѣла сію надменную главу, „видѣть ее катящуюся къ ногамъ моимъ, „какъ зрѣлый пальмовый плодъ, падающій „отъ дуновенія вѣтра! — Съ какимъ удо-„вольствіемъ стрѣлы мои насытятся твоею „кровію! : : : Я дитя, говоришь ты, и „немогу противустать тебѣ. — О! страшись „презирать меня; но зри во мнѣ Духа „смерти, готоваго поразить свою добычу."

Такъ два ратоборца воспаляютъ вза-имно огонь въ сердцахъ; и Девы, прилик-нувъ съ высокихъ странъ ефира, въ мол-чаніи ожидаютъ имѣющей начаться бранѣ

Лишь только Лакшмана престалъ говорить, какъ вдругъ исполинъ, кипящій яростію, пускаетъ въ него быстрый дротикъ; но сынъ Сумитры слѣдуетъ окомъ за дротикомъ, и противупоставивъ оному коленья свои стрѣлы, раздробляетъ его на три части. Тысячи стрѣлъ летятъ и сокрушаются; наконецъ Лакшмана, будучи счастливѣе, поражаетъ въ чело своего противника. Но боль только что усугубляетъ его силы. Онъ схватываетъ лукъ твердѣйшій прежняго, кладетъ новую стрѣлу и пускаетъ оную съ такою силою, что Лакшмана, не могшій избѣгнуть ее, поражается въ грудь. Стрѣла отразилась огненною чертою, ужасною, какъ скипетръ Брамы. Атикаїя противупоставляетъ ему стрѣлу съ золотыми крыльями, блистающую какъ лучь солнечный. Стрѣлы встрѣчаются въ воздухѣ, подобясь двумъ разъяреннымъ змїямъ, испускающимъ другъ противъ друга огнедышущія жала, и сокрушась, низвергаются въ молнїяхъ на землю. Сынъ Сумитры тѣснитъ своего противника, осыпаетъ его градомъ стрѣлъ; но всѣ онѣ притупляются о дїамантовую броню, защищавшую сына Равана и падаютъ къ стопамъ его. Между тѣмъ какъ Лакшмана истощалъ безплодныя усилїя, богъ вѣтровъ Ваїу притекаетъ на помощь къ младому герою, и подаетъ ему

сей совѣтъ: „Тщетно, сынъ Сумитры, „стараешься пронзить броню твоего противника, данную ему отъ Владыки мїра; „онъ останется невредимъ, когда ты для „разрушенїя очарованїя не употребишь „стрѣлы того же Брамы."

„Лакшмана тотчасъ возлагаетъ роковую „стрѣлу на лукъ величины чрезвычайной „какъ лукъ Индра. Стрѣла летитъ. Тщетно „исполинъ укрывается отъ оной подъ всѣми „своими оружїями. Будучи быстрѣе самой „молнїи, она не утомляется въ своемъ „полетѣ, сожигаетъ, разрушаетъ всѣ препятствїя и разитъ Атикаїя. Ужасная „глава его отдѣляется отъ туловища и „падаетъ съ громомъ подобно утесу, отторженному перуномъ, и Ракшассы (*), свидѣтели смерти своего полководца, въ страхѣ „обращаются въ бѣгство въ Ланку, дабы „возвѣстить Равану о семъ печальномъ „происшествїи."

Многїя другїя поемы, каковы *Магабгарата*, гдѣ описаны приключенїя и сраженїя Курусовъ съ Пандусами, *Сусипала Бада* (смерть Сусипалы), *Рагу Ванза* блистаютъ красотами превосходнѣйшими; иногда въ епизодахъ повѣствуются происшествїя и матерїи чрезвычайно зани-

(*) Племя исполиновъ враждебныхъ богамъ и людей, покорныхъ скипетру Равана.

мательныя. Таковъ епизодъ *Рагавать-Гита*, или удивительной разговоръ между Кришною и Аржуномъ о божествѣ и безсмертіи души, коего прекраснымъ и вѣрнымъ переводомъ одолжены мы перу ученаго и знаменитаго Вилкинса.

Надобно замѣтить, м. г., что сіи древнія сочиненія, равно какъ и древнѣйшія произведенія Грековъ, подавали обильнѣйшіе предметы генію драмматическихъ стихотворцевъ. Здѣсь долженъ я сказать вамъ, что Индійцы, какъ народъ образованной, будучи чувствительны къ блистательнымъ прелестямъ сцены, имѣютъ самый богатѣйшій театръ, театръ конечно несовершенный, ежели судить объ ономъ по строгимъ правиламъ Аристотеля, но которой, можетъ быть, неуступаетъ нашему въ выраженіи чувствованій, въ прелести положеній, въ изображеніи характеровъ. Сколько любезнаго, приятнаго, естественнаго представляется намъ въ *Саконталѣ*, въ семъ прекрасномъ сочиненіи, прекрасно переведенномъ на Англійской языкъ г. Джонесомъ и о которомъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ Германіи сказалъ: что если бы Санскритская словесность имѣла только одно сіе произведеніе, то для него надлежало бы учиться тому божественному языку, на которомъ оно написано.

Но, благодаря обилїю Музъ Индїйскихъ, мы кромѣ знаменитыхъ сочиненїй, о которыхъ выше было упомянуто, найдемъ у Индїйцовъ множество другихъ плѣнительныхъ произведенїи во всѣхъ родахъ Поезїи.

Мало въ Европейской словесности такихъ сочиненїй, кои можно было бы сравнить въ чувствѣ съ *Мега-Дута*; а въ Еротической Поезїи сладострастный *Джаіа-Дева* въ своей маленькой поэмѣ: Любовь Мадава и Рады, торжествуетъ надъ всѣми доселѣ извѣстными елегическими стихотворцами. Никто еще неизображалъ неистовствѣ любви и ея сладострастїя цвѣтами живѣйшими и очаровательнѣйшими. По мнѣнїю Пандитовъ, или мудрецовъ Индїйскихъ, сей будто бы мистической отрывокъ изображаетъ порывы души, ищущей соединиться съ Богомъ, и съ сей точки зрѣнія представляетъ онъ поразительное сходство съ прелестною аллегорїею Амура и Психеи.

Наконецъ, нѣтъ бездѣлки, начиная отъ мадригала до ѣдкой епиграмы, которая успѣшно не была бы обработана Бардами Гангеса. Мнѣ попадались многїя такїя, которыя могли дать самое выгоднѣйшее мнѣнїе о прелести и остротѣ ума ихъ.

Но я, м. г., опасаюсь продлить рѣчь мою, и почитаю за нужное окончить здѣсь сїе слабое начертанїе, которое кисть болѣе искусная могла бы представить въ приятнѣйшемъ видѣ.

О если бы оно дало вамъ хотя нѣкоторое понятїе о сей богатой галлереѣ, долженствующей мало по малу открываться вашимъ взорамъ! если бы поселило въ васъ охоту къ изученїю онаго языка и къ созерцанїю образцовыхъ на немъ творенїй! Трудъ чрезмѣрный, но преодолимый. Судя по благородному жару, какой многїе изъ васъ обнаружили предо мною, я не сумнѣваюсь, что мы скоро водворимъ во Францїи сїю прекрасную, сїю полезную словесность, и что наши усилїя увѣнчаны будутъ счастливѣйшимъ успѣхомъ.

Изъ Magasin Encycl. *Пбдн.*

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Дополнительная статья къ помѣщенной прежде (*) изъ Варшавы.

Польскïе Епископы, бывъ уже предъ лицемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА вмѣстѣ съ Сенаторами въ самый день Высочайшаго вшествïя въ столицу, 21 го Ноября (нов. ст.) имѣли счастïе въ другой разъ представляться ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ купно съ депутатами отъ всѣхъ капитуловъ каѳедральныхъ и отъ духовенства. Преосвященный *Малчевскiй*, Епископъ Куявскïй, какъ старшïй въ Iерархïи Польскïя Церкви, произнесъ слѣдующее Слово:

„Всепресвѣтлѣйшïй ГОСУДАРЬ!

„Именемъ всего духовенства имѣемъ счастïе предъ ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ЦАРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ явить пламенныя и искреннѣйшïя желанïя наши, возбужденныя любовïю и благодарностïю.

(*) Въ 22 нумерѣ *Вѣстн. Евр.*

„Евангеліе возлагаетъ на насъ обязанности благоговѣнія, послушанія и вѣрности, коими каждый подданный долженъ своему Монарху. Оно повелѣваетъ намъ вкоренять тѣ же самыя добродѣтели въ душахъ христіанъ, ввѣренныхъ нашему надзору. Но сердца наши еще сильнѣе чувствуютъ оныя святыя обязанности, бывъ побуждены къ тому многими милостями, которыя ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ЦАРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО излить на насъ соблаговолили. Сердца сіи умѣютъ прославлять оныя высокія ТВОИ доблести, оный духъ человѣколюбія и благотворительности, кои суть источникъ и вина великихъ подвиговъ, ТОБОЮ совершаемыхъ.

Вся Европа воздаетъ справедливую дань тѣмъ преславнымъ души ТВОЕЙ доброщамъ, тѣмъ великимъ доблестямъ, кои однѣ изъ числа всѣхъ достоинствъ присвояютъ ТЕБѢ священнѣйшее право быть Отцемъ народа. Чѣмъ же обязаны ТЕБѢ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, мы, коимъ возвращаешь бытіе, коихъ ставишь въ ряду народовъ, коимъ дозволяешь вновь принять имя Поляковъ, имя, которымъ мы нѣкогда гордились, и которое почитали уже навсегда утраченнымъ!

„Благоволи, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, принять искреннѣйшія желанія на-

нія, наши мольбы, возсылаемыя къ Небу о благоденствіи священнѣйшей ТВОЕЙ ОСОБЫ, Всепресвѣтлѣйшаго ТВОЕГО Дома и пространной ТВОЕЙ Имперіи."

МОНАРХЪ Всемилостивѣйше соизволилъ отвѣтствовать Епископамъ, что „ОНЪ единственно желаетъ благоденствія „странѣ сей и ея жителямъ; а какъ во „всякой странѣ религія и нравственность „суть сильнѣйшія средства къ общему благу, то духовенство обязано учить народъ онымъ и чрезъ то содѣйствовать „устроенію счастія въ отечествѣ."

Имена представлявшихся ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Епископовъ суть слѣдующія:

Преосв. *Малчевскій*, Епископъ Кувявскій.
— — *Скаршевскій*, — — Любельскій.
— — *Голашевскій*, — — Выгѣрскій.
— — *Гурскій*, — — Кѣлецкій.
— — *Цѣхановскій*, — — Хелмскій.
— — *Вороничъ*, — — наименованный Краковскій.
— — *Замбржыцкій*, — — Вицеадминистраторъ Варшавскій.
— — *Левиньскій*, — — Суффраганъ Кувявскій.
— — *Малиновскій*, — — Цынненьскій.

Въ 24й день тогожъ мѣсяца имѣла счастіе быть представлена ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Депутація *Варшавскаго Общества любителей наукъ*. Президентъ Общества, Статскій Совѣтникъ *Сташицъ*, отъ имени всѣхъ Членовъ привѣтствовалъ МОНАРХА слѣдующею Рѣчью:

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ!

„Варшавское Общество любителей наукъ повергаетъ къ подножію престола ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА дань благодарности, соединенной съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, за особенное покровительство, коимъ посреди побѣдъ, посреди тяжкихъ трудовъ военныхъ, не всегда благопріятствующихъ наукамъ, соизволили ВЫ Всемилостивѣйше осѣнять всѣ Институты народнаго просвѣщенія въ краю нашемъ.

„Цѣль нашего Общества состоитъ въ усовершенствованіи отечественнаго языка, въ сохраненіи историческихъ дѣяній народа, въ приложеніи наукъ къ полезнымъ искусствамъ, а особливо къ тѣмъ, кои могли бы придать большую цѣну внутреннимъ произведеніямъ нашего края. Общество сіе, учрежденное и подкрѣпляемое единственно иждивеніемъ Членовъ своихъ, исходатайствовавъ дозволеніе отъ верхов-

ной Власти, еще подъ Прусскимъ правительствомъ начало свои работы. Его Величество Король Саксонскій утвердилъ бытіе Общества, украсивъ оное Королевскимъ своимъ титломъ.

„Великій ИМПЕРАТОРЪ! Ученый свѣтъ призналъ ТЕБЯ другомъ наукъ и Покровителемъ. Еще болѣе обязаны Поляки поднести ТЕБѢ оное славное титло. По ТВОИМЪ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, повелѣніямъ учрежденные Институты народнаго просвѣщенія въ областяхъ Волынской и Подольской, — Университетъ Виленскій съ толикою щедростію снабдѣнный, толикими отличіями и почестями украшенный, подадутъ грядущимъ вѣкамъ неопровержимые доводы о принадлежности ТЕБѢ сего титла, которое неможетъ быть чуждымъ великой душѣ ТВОЕЙ. Благоволи, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, онную великодушную попечительность простерти и къ нашему Собранію! Оно есть первое и единственное въ своемъ родѣ на землѣ нашей.

„Предпринимая великій подвигъ возрожденія нашего, ТЫ вѣдалъ, ЦАРЮ, что человѣколюбіемъ и правотою Монархи содѣлываются образомъ Божества на земли, что сіи только двѣ добродѣтели имена ихъ передаютъ вѣкамъ, и пріобрѣтаютъ

нїю благословенїе всѣхъ народовъ. Благодѣянїя оныхъ небесныхъ доблестей произведутъ живѣйшїя впечатлѣнїя въ сердцахъ Поляковъ, и покажутъ полезнѣйшїя дѣйствїя. До той минуты, въ которую, мощный ОБЛАДАТЕЛЬ, опредѣлилъ ТЫ содѣлаться распорядителемъ судьбы нашей, несчастный народъ нашъ, игралище политическихъ выкладокъ, попеременно былъ добычею насильства, клеветы и обмановъ; по тому-что всѣ жертвы наши, вся наша любовь принадлежали единственно нашему отечеству. . . Отнынѣ та же любовь Поляковъ неразлучно сопряжена будетъ съ любовїю, принадлежащею ЦАРЮ ихъ, и всѣ ихъ усилїя устремляться будутъ единственно къ прославленїю царствованїя своего Воскресителя.

„Оными благотворными доблестями вдохновенный, даруя намъ Уставы свойственныхъ намъ законовъ и правительства, соединяя народъ Польскїй съ Россїйскимъ, отдаляешь, Всемилостивѣйшїй ГОСУДАРЬ, всякое взаимное несогласїе отъ сихъ двухъ старшихъ братьевъ великаго потомства Славянскаго, и оставляешь при нихъ только единодушное рвенїе совершить великїя ТВОИ намѣренїя, стремящїяся единственно къ устроенїю счастїя безчисленному поколѣнїю Славянскому!

„Общество наше, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, будетъ участвовать въ исполненіи сего намѣренія. Взаимное стараніе объ усовершенствованіи обоихъ родственныхъ между собою языковъ, отъ одного источника проистекшихъ, взаимное въ нихъ водвореніе наукъ, будутъ плодами новыхъ отношеній и связей между обоими народами, и сіи связи Общество наше тщательно хранить будетъ."

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ обыкновенною своею благостію и снисхожденіемъ соизволилъ объявить депутаціи, что зная великую полезность онаго Общества для края, ОНЪ пріемлетъ его подъ особенное Свое покровительство, и обѣщаетъ оказывать ему всякое пособіе.

Наконецъ, Президентъ Общества поднесъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ восемь томовъ годовыхъ упражненій Общества, также Гомерову Иліаду своего переложенія на Польской языкъ, и еще своего же сочиненія книгу о произведеніяхъ горъ Карпатскихъ; а Ректоръ Лицея, г-нъ Линде, представилъ составленный имъ Словарь въ VI томахъ.

По отпускѣ Членовъ Общества любителей наукъ, введена была Сенаторомъ Графомъ Станиславомъ Потоцкимъ депу-

тація Евангелическо-реформованной Консисторіи. Пасторъ Дителъ, первенствующій Членъ Депутаціи, представилъ МОНАРХУ слѣдующее прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій ГОСУДАРЬ!

„Имѣвъ счастіе видѣть вшествіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Всемилостивѣйшаго и Всялюбезнѣйшаго ЦАРЯ нашего, въ столичный городъ нашего отечества при радостныхъ восклицаніяхъ всѣхъ жителей, мы навсегда сохранимъ въ памяти своей оный 12й Ноября мѣсяца день, день торжественный, отъ котораго начинается новая епоха политическаго бытія и благоденствія нашего края.

„Но чтобы оный день содѣлать памятнымъ и торжественнымъ и для отдаленнѣйшихъ потомковъ нашихъ, мы опредѣлили на первый разъ черезъ каждыя два года, а потомъ, какъ скоро будемъ въ состояніи (въ чемъ и не сомнѣваемся), ежегодно 12 го Ноября соединять брачными узами и снабжать тремя стами Польскихъ злотыхъ одну пару изъ бѣдныхъ людей, принадлежащихъ къ служебному состоянію.

„Того ради всепокорнѣйше просимъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ЦАРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилостивѣйше подп

дить оное наше опредѣленїе, служащее доказательствомъ всеподданнической любви и благодарности сердецъ нашихъ.

„Постановленїе о томъ представимъ въ свое время учрежденнымъ отъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА властямъ для разсмотрѣнїя и утвержденїя онаго.

„Благоволи, Всемилостивѣйшїй ГОСУДАРЬ, принять насъ подъ Свое Высочайшее покровительство."

МОНАРХЪ соизволилъ отвѣтствовать: „Тѣмъ благодарю охотнѣе Собранїю за такое доказательство искренней его преданности, чѣмъ прiятнѣе для меня постановленїя сего рода."

(Варш. Вѣдом.)

IV. СМѢСЬ.

Нѣчто о цѣли Поэзіи.

Начало Поэзіи сокрыто во мракѣ отдаленныхъ временъ міра. Древніе называли Поэзію языкомъ боговъ: она освящала ихъ торжества, участвовала въ обрядахъ религіи, была наставницею Царей и народовъ. Исторія съ благоговѣніемъ чтитъ имена Орфеевъ и Амфіоновъ. Сіи вдохновенные просвѣтители племенъ дикихъ услаждали сердца гармоніей, умягчали грубые нравы и постановляли законы общежитія. Тиртей громомъ лиры своей пробуждалъ въ Спартанцахъ духъ мужества и творилъ героевъ; Ѳалесъ первый смягчилъ жестокость Лакедомонскихъ обычаевъ. Греки на торжественныхъ играхъ своихъ вѣнчали лаврами безсмертныхъ лириковъ! Таковый санъ имѣли первобытные стихотворцы, отличавшіеся титломъ земныхъ пророковъ.

Посмотримъ на Поэзію новѣйшихъ временъ, и согласимся, что древніе умѣли

благороднѣе цѣнить сію небесную посланницу. Прежде, какъ говорятъ, была епоха воображенія; нынѣ настала епоха разсудка. — Время утишаетъ порывы души человѣческой и замѣняетъ ихъ умозрѣніями. Въ юности человѣкъ предается влеченію пылкихъ страстей; но возмужавъ, судитъ о вещахъ съ большею точностію и смотритъ на нихъ осторожнѣе. — То же и съ родомъ человѣческимъ! . . . Новые обычаи, новый образъ правленія и религіи измѣняютъ ходъ ума человѣческаго. — Такимъ образомъ и Поезія новѣйшихъ временъ получила другія правила и назначеніе. Древніе писали какъ древніе и оставили намъ высокіе образцы; но мы, отдаленные отъ нихъ столѣтіями, должны соображаться и съ духомъ своего времени.

Цѣль новѣйшей Поезіи состоитъ въ удовольствіи просвѣщеннаго человѣка, — цѣль благородная, отнюдь неунижающая высокаго искусства. Кто равнодушенъ къ красотамъ Поезіи, тотъ лишаетъ себя многихъ пріятностей жизни. Мы забываемъ тяготу обязанностей, заботъ и горестей своихъ, внимая гласу Поезіи, которая возноситъ духъ нашъ къ природѣ и къ Творцу ея. Привыкши находить изящное въ окружающихъ насъ предметахъ, пере-

стаемъ скучать своими занятїями. Любимецъ Музъ всегда выше обыкновеннаго круга своей дѣятельности — и вся жизнь его нечто другое, какъ Поезїя, или картина прекраснаго.

Народъ, возведенный генїемъ Поезїи на высшую степень образованности, пользуется множествомъ священнѣйшихъ выгодъ предъ народами дикими и грубыми. Тамъ, гдѣ умѣютъ цѣнить истинные таланты, судить о преюсходныхъ творенїяхъ древнихъ и новыхъ, гдѣ писатели и стихотворцы ревнуютъ къ славѣ своего вѣка: тамъ сколько удовольствїй для человѣка - гражданина - патрїота! Замѣчено, что Поезїя служитъ знаменїемъ величїя и блага народнаго. Стихотворцы, совершенствуя умы своихъ соотечественниковъ, возносятъ ихъ въ лучшую сферу понятїй, учатъ — смѣло скажу — благородно мыслить и говорить, благородно чувствовать. Напротивъ народы грубые, хотя сильные, недостигали своего величїя и благоденствїя; они являлись на позорищѣ свѣта — но Поезїя не озарила бытїя ихъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ — и память сихъ народовъ исчезаетъ!

По возрожденїи наукъ въ Европѣ, снова Поезїя оказала незабвенныя услуги роду

человѣческому. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ родились геніи, ставшіе на ряду съ древними пѣснопѣвцами. По несчастію, образованіе нашихъ дней уклонилось отъ благороднѣйшихъ видовъ; въ Поэзію вкрались злоупотребленія, унижающія санъ стихотворца. Нынѣ молчитъ труба епическая; поемы древнія почти забыты: мадригаллы, сонеты, експромты ежедневно обременяютъ словесность нашего времени. — Да возстанутъ наши вдохновенные пѣснопѣвцы, и да возложатъ неувядаемые вѣнки на олтарь Русской Поэзіи!

Г. Сокольскій.

Деревня.

Воспомня сельскій кровъ и время золотое,
Которое провелъ я въ сладкой тишинѣ,
Безъ скорбей и заботъ, въ безпечности, покоѣ, —
Могуль не воздохнуть подъ часъ наединѣ?

Тамъ все вокругъ меня веселіемъ дышало:
Зеленые холмы, видъ классовъ золотой,
Пруды, аллеи, садъ — все взоръ мой обольщало;
Тамъ былъ я окруженъ любезною семьей.

Поутру пробудясь, въ восторгѣ умиленья
Природѣ-матери я пѣсни воспѣвалъ;
Въ вечерни сумерки, въ часы отдохновенья,
Съ безпечною душой въ окрестностяхъ гулялъ.

Когда являлася Луна, подруга нощи,
Ей сладкія мечты спѣшилъ я открывать;
Лишь въ полдень уходилъ подъ тѣнь прохладной рощи
О милыхъ, о родныхъ украдкой горевать,

И внемля зефировъ съ листочками шептанью,
И трелямъ соловья, поющаго любовь,
И горлицъ радостныхъ по рощѣ воркованью,
Я сердцемъ разцвѣталъ, съ судьбой мирился вновь.

Сколь живо и теперь еще воспоминаю,
Какъ съ удочкой спѣшилъ на берегъ чистыхъ водъ,
Или въ день праздничный, напившись дома чаю,
Я слушать выходилъ дѣвъ сельскихъ хороводъ!

Мѣста спокойствія, мѣста уединенья!
Кто не полюбитъ васъ, мятежный видѣвъ свѣтъ,
И кто вамъ предпочтетъ всегдашній вихрь круженья,
Жилище роскоши и скуки и суетъ?

Деревня, сельскій кровъ! прими хвалу нельстиву!
Я, прежній житель твой, днесь въ шумѣ городскомъ.
Веду жизнь скучную, печальну, хлопотливу,
И вихрь суетъ кляну, и самъ кружуся въ немъ.

Г. Сокольскій.

Разныя извѣстія.

Англичанинъ Брюстеръ изобрѣлъ зрительную трубу, которую можно употреблять подъ водою. Посредствомъ сего орудія можно разсматривать находящіяся глубоко на днѣ моря растѣнія, рыбы, насѣкомыя и всякіе другіе предметы. Для тѣхъ, кои съ помощію Таухерова колокола занимаются вытаскиваніемъ изъ моря разныхъ вещей, новоизобрѣтенная труба должна быть весьма полезною, тѣмъ болѣе что иногда небудетъ имъ нужды и въ упомянутомъ колоколѣ, когда съ поверхности воды станутъ разсматривать все, на днѣ находящееся. Симъ изобрѣтеніемъ оказана важная услуга испытателямъ природы.

— Недавно писано было во многихъ вѣдомостяхъ, что Летиція, Фешъ и другія особы, принадлежащія къ фамиліи Буонапарта, надѣли на себя трауръ по полученіи извѣстія о смерти Мюрата. Въ нѣкоторомъ публичномъ листкѣ по сему случаю сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „ И всѣмъ фамиліямъ въ Европѣ можно бы наложить на себя трауръ о томъ, что Буонапартова фамилія не вышла на берегъ въ Калабріи вмѣстѣ съ Мюратомъ, гдѣ заслуги сего *достопочтеннаго* дома получили бы себѣ должную награду.“

— Письма изъ Рима увѣдомляютъ о значительной находкѣ, весьма пріятной для всѣхъ любителей древности. Близь Палестрины открыто большое древнее зданіе. Принадлежащая къ нему мраморная лѣстница о 60 ступеняхъ и немалое пространство зданія со многими статуями, стоящими въ нишахъ на своихъ подножіяхъ, уже очищены. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ дальнѣйшихъ успѣховъ сего открытія.

— На островѣ Отаити Король сложилъ свое достоинство въ пользу новорожденной своей дочери. Странное обыкновеніе той земли обязываетъ отца со времени рожденія Принцессы быть уже не Королемъ, но только регентомъ или правителемъ.

— Въ нѣкоторомъ саду близь Сальцбурга найдены въ землѣ двѣ древнія *стеклянныя* урны. Одна изъ нихъ вложена въ круглой внутри выдолбленной камень, и пристала такъ плотно, что не льзя вынуть ее безъ опасенія повредить стекло. Въ ней находились кости сожженнаго Римлянина, которыя занимали цѣлую половину урны, наполненной водою даже до верхняго края. Влага втекла туда сквозь покрышку изъ ноздреватаго камня; между камнемъ и урною находился желѣзной гри-

фель. Другая урна также наполнена была костями и водою; но она удобно вынута изъ каменнаго своего футляра. При сей урнѣ то достойно примѣчанія, что внутренняя сторона камня, бывъ чисто вымыта горячею водою, все еще издавала крѣпкой приятной запахъ.

— Изъ Каира увѣдомляютъ о свирѣпствующихъ тамъ бунтахъ. Войска возстали на своихъ предводителей, будучи недовольны вводимымъ вновь военнымъ порядкомъ на образецъ Европейской. Убытокъ, понесенный городомъ Каиромъ по случаю сихъ происшествій, простирается до 23 хъ милліоновъ піастровъ. Франки (такъ называютъ въ Турецкой Имперіи всѣхъ Европейцовъ) обороняются такъ хорошо, что имъ ничего не можно было сдѣлать.

— Въ Англійскихъ листкахъ Morning-Chronicle представлено честолюбіе Буонапартово слѣдующимъ образомъ: „Онъ желалъ въ Черномъ морѣ мыть бѣлье, въ Средиземномъ купать лошадей, въ Балтійскомъ ловить рыбу, по Атлантическому океану прогуливаться, а въ Тихомъ смотрѣться вмѣсто зеркала. При такихъ исполинскихъ замыслахъ теперь должно ему очень страннымъ казаться, что конецъ всей исторіи его воспослѣдуетъ въ мышеловкѣ на островѣ Св. Елены.

— Въ одномъ Парижскомъ листкѣ напечатано слѣдующее разсужденіе, по случаю отсылки изъ Англіи на островъ Св. Елены разныхъ дорогихъ вещей, назначенныхъ для употребленія Буонапарта: „Что скажутъ безчисленные несчастливцы, коихъ жилища имъ сожжены, опустошены и разрушены, что скажутъ они, когда узнаютъ, что онъ пользуется такими выгодами, и живетъ такъ роскошно? Что скажутъ тысячи несчастныхъ, коихъ отцы и дѣти, мужья и братья принесены имъ на жертву своему бѣшенству среди горячихъ песковъ Египта, на опустошенныхъ равнинахъ Испаніи, въ холодныхъ степяхъ Россіи и въ другихъ мѣстахъ различныхъ: что скажутъ они, услышавъ, что онъ живетъ подъ прекраснымъ небомъ и окружается всѣми тѣми предметами, коими услаждено быть можетъ тихое и спокойное пребываніе? Не имѣя намѣренія порицать Англичанъ за то, что они приготовляютъ нарядной домъ и пріятности житейскія такому человѣку, который долгое время имѣлъ въ рукахъ своихъ верховную власть, и обладалъ многими великолѣпными чертогами, не можемъ (однакожъ незамѣтить, что при сихъ распоряженіяхъ мало наблюдаются законы мздовоздающей справедливости, и что есть великое различіе между жребіемъ, которымъ будетъ насла-

ждаться Буонапартъ, и тѣмъ, которой заслужилъ онъ своими дѣлами. Человѣкъ, въ припадкѣ бѣшенства учинившій убійство, осуждается на смертную казнь; бѣдняка, отъ крайней нужды похитившаго одинъ талеръ, бросаютъ въ тюрьму: а человѣкъ, по обдуманному плану съ холодностію обагрившій кровію всю Европу для насыщенія безчеловѣчнаго своего честолюбія, и ограбившій оную, остается въ живыхъ, будетъ проводить время свое въ прекраснѣйшемъ обиталищѣ, въ совершенномъ спокойствіи, котораго онъ лишалъ другихъ, и ни о чемъ не печалясь, кромѣ только о невозможности погружать другихъ въ горесть...“

— Въ Сербіи возникли новыя безпокойства. Оттоманская Порта исполненіе условій, на которыхъ покорились Сербы, поручила двумъ Пашамъ, Румелійскому и Травникскому, между коими уже давно существуетъ непримиримая вражда. Первый изъ нихъ убѣдилъ жителей Сербіи, чтобы они присоединились къ нему и встрѣтили бы Пашу Травникскаго вооруженною рукою. Такимъ образомъ сія земля снова сдѣлалась позорищемъ войны и безначалія.

Къ любителямъ и любительницамъ отечественной словесности.

Прекращая изданіе Амфіона нынѣшнимъ годомъ, намѣренъ я возобновить немедленно *Публичныя Чтенія свои* о *Словесности*, начатыя мною въ 1812 году, и прерванныя несчастнымъ вторженіемъ въ Москву непріятеля. Лестные отзывы многихъ почтеннѣйшихъ Особъ о прежнихъ Чтеніяхъ, и ободрительное желаніе, чтобъ я продолжалъ ихъ, принуждаютъ меня остающееся время отъ службы посвятить на сіе дѣло. Порядокъ и образъ Чтеній будетъ тотъ же, какъ и прежде. Повторивъ сокращенно общія правила о Краснорѣчіи и Поэзіи, займусь я изложеніемъ правилъ различныхъ родовъ сочиненій, также чтеніемъ и разборомъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ Писателей. — Для сего назначенъ одинъ день въ недѣлю, — суббота. Засѣданія открываются въ 1 мъ часу по полудни въ домѣ Ея Превосходительства Аграфены Ѳедоровны Кокошкиной, бывшемъ прежде Графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глѣба. — Полной курсъ Чтеній продолжится до Іюня мѣсяца (*). Если

(*) Извѣстія о сихъ Чтеніяхъ и извлеченія изъ оныхъ будутъ сообщаемы въ *Вѣстникѣ* Европы 1816 года. *Рдр.*

скоро соберется достаточное число Слушателей, то я могу начать его въ теченіи сего же мѣсяца. Цѣна билету за 24 Чтенія, или полной курсъ, полагается 50 рублей.

Смѣю ласкать себя надеждою, что почтеннѣйшіе любители и любительницы Россійской словесности удостоятъ меня и нынѣ благосклоннаго своего посѣщенія; при семъ всепокорнѣйше прошу поскорѣе увѣдомить меня о своемъ желаніи, дабы я немедленно, судя по числу Слушателей, могъ взять нужныя мѣры какъ въ разсужденіи залы, такъ и въ предуготовительномъ расположеніи работъ своихъ. Употреблю всѣ мои силы, дабы заслужить благосклонное вниманіе почтеннѣйшей Публики, и особенно, быть полезнымъ молодымъ охотникамъ до словесности, которыхъ или должность, или другія занятія отвлекаютъ отъ слушанія лекцій Университетскихъ. — Зная, что я говорить долженъ предъ Слушателями, искушенными уже въ главнѣйшихъ началахъ науки и вкуса, постараюсь, чтобы мои Чтенія, сколько можно, болѣе чужды были сухости обыкновенныхъ лекцій, впрочемъ иногда необходимой. — Сообразно существу преподаваемаго мною искусства, первое попеченіе мое будетъ — соеди-

нить, по силамъ своимъ, *приятное съ полезнымъ.*

Императорскаго Московскаго
Университета Профессоръ
Алексѣй Мерзляковъ.

О благотворенiи бѣдной вдовѣ.

Отъ неизвѣстной благотворительной Особы полученныя здѣсь въ Москвѣ *пятьдесятъ* рублей, по ея желанiю, отправлены чрезъ почту въ *Можайскъ* къ бѣдной вдовѣ, Капитаншѣ М. М. *Лопухиной.* (Вѣстн. Европы 1815 № 22, стран. 159.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 24.

ДЕКАБРЬ 1815.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Хижина.

(Окончаніе.)

На другой день при восхожденіи солнца Графъ идетъ въ садъ, бродитъ по дорожкамъ въ разныхъ направленіяхъ, и безъ всякаго намѣренія приближается къ бесѣдкѣ. Онъ хочетъ сѣсть, но скамейка была опрокинута бурею. Графъ возвращается, чтобы продолжать уединенную свою прогулку, и вдругъ видитъ лежащую на травѣ бумагу, на подобіе письма свернутую и смоченную росою. Любопытство заставляетъ его поднять бумагу. Онъ развертываетъ ее и читаетъ слѣдующія строки: „Родитель „вашъ во время ужасовъ революціи скрылъ „подъ симъ старымъ деревомъ весьма зна-

„чущую денежную сумму. Одинъ изъ дру-
„зей вашихъ сообщаетъ вамъ сїе важное
„извѣстїе." Какъ изображу изумленїе Графа? То кажется ему, что мечты воображенїя обольщаютъ его; то думаетъ онъ, что горесть начинаетъ повреждать его разсудокъ. Нѣсколько разъ перечитываетъ записку; сердце бьется въ немъ съ необыкновенною силою; онъ кличетъ супругу свою и дочь, которыя прибѣгаютъ, объятыя безпокойствомъ. Въ то самое время, какъ онѣ приближились къ Графу, онъ падаетъ въ безпамятствѣ, не возмогши выдержать столь сильнаго потрясенїя. Ему стараются всячески помочь, и въ скоромъ времени возвращаютъ чувства. „Любезная супруга!... милая дочь!... такъ, это вы, это васъ я вижу!... и я точно не въ безпамятствѣ! Но гдѣ же записка, бывшая въ рукахъ моихъ въ сїю самую минуту?" — Она здѣсь! — отвѣчаетъ Графиня. — „И это не сонъ! возможно ли! . . . сокровище, кладъ . . . вотъ здѣсь подъ старой яблонью. Мы ожили, если только писавшїй записку не вздумалъ позабавиться надъ нами." Графиня читаетъ бумагу; призываютъ Роберта; начинаютъ копать подъ деревомъ. Лишь только подняли дернъ, вдругъ находятъ небольшую желѣзную скрынку; ее поспѣшно открываютъ, и чтожъ? Весьма значительная сумма золота

представляется взорамъ семейства, объятаго изумленіемъ и радостію. „О родитель мой!" восклицаетъ Графъ послѣ минутнаго, выразительнаго молчанія: „родитель мой! ты въ другой разъ даруешь мнѣ жизнь, и даже изъ глубины могилы; твое отеческое предвѣдѣніе заботилось о будущей судьбѣ твоего сына; ты исторгаешь меня изъ пропасти отчаянія и возвращаешь мнѣ благополучіе! Отнесемъ ето золото къ нынѣшнему владѣльцу моего имѣнія! Обиталище предковъ моихъ, убѣжище моего дѣтства! опять увижу васъ, опять буду обладать вами! Я буду жить въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили мои предки! О радость! Незнаю, перенесу ли столько противуположныхъ движеній, и притомъ съ такою силою повторяющихся!" Графиня и дочь ея, принимая великое участіе въ радости Графа, страшатся вредныхъ слѣдствій отъ излишества оной; и съ такими же усиліями стараются умѣрить ее, какія употребляли наканунѣ для уменьшенія въ немъ скорби. Какъ скоро утихли первые восторги, положено отправиться въ Парижъ на другой же день поутру.

По прибытіи въ столицу Графъ тотчасъ детитъ къ Алиберту, и узнаетъ, что етотъ негодяй посаженъ въ тюрьму за злоумышленное банкрутство; и что все

его имѣніе должно быть продано для удовлетворенія заимодавцевъ, которыхъ вознамѣрился было етотъ бездѣльникъ ограбить. Надлежало ждать недѣлю до объявленія судебнаго приговора объ имѣніи Алиберта. По прошествіи упомянутаго времени Графъ получилъ обратно свои помѣстья, и притомъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Графъ и его семейство должны были еще нѣсколько времени оставаться въ Парижѣ, дабы вновь запастись всѣми необходимо нужными приборами для украшенія замка, которой былъ совершенно обнаженъ корыстолюбивымъ Алибертомъ. Однажды случилось Графу сидѣть уединенно въ своемъ кабинетѣ; погрузившись въ приятныя размышленія, онъ въ молчаніи восхищался видами будущаго благополучія, которые послѣ многихъ безпокойствъ и мученій утѣшительно представлялись его воображенію. Вдругъ отворяется дверь, входитъ Карлъ д'Орланжъ, и говоритъ: „Какъ! вы въ Парижѣ, любезный сосѣдъ! Какое неожиданное благополучіе!" — Ахъ, Карлъ! — отвѣчаетъ Графъ, его обнимая: — вы видѣли меня въ несчастномъ состояніи; теперь все перемѣнилось: я имѣю очень хорошій достатокъ для независимой жизни! Деньги, спрятанныя покойнымъ моимъ родителемъ и найденныя мною, по увѣдомленію

какого-то неизвѣстнаго друга, въ такое время когда овладѣло мною отчаяніе, дали намъ возможность снова приобрѣсть наше имѣніе. — „Ахъ, какое счастіе! И такъ мы по прежнему будемъ сосѣдами! Вѣдь вы намѣрены жить въ своемъ замкѣ?“ — Безъ всякаго сомнѣнія, любезный Карлъ, мы опять будемъ сосѣдами; но я надѣюсь еще, что мы вразсужденіи васъ навсегда останемся обитателями маленькой хижины добраго Ришарда Бельмота, то есть истинными вашими друзьями. Ахъ, Карлъ! чтобы дать вамъ понятіе о нынѣшнемъ моемъ счастіи, я долженъ бы изобразить вамъ все мною претерпѣнное; а ето не возможно! Не свое собственное горе я оплакивалъ, но — я супругъ и отецъ. Что сдѣлалось бы съ моею бѣдной Полиною, когда бы она лишилась своихъ родителей? Теперь судьба ея рѣшена; скоро выдамъ ее замужъ соотвѣтственно ея породѣ и добродѣтелямъ... — „Что я слышу!“ восклицаетъ Карлъ, вдругъ поблѣднѣвши: „Полина...“ — Точно такъ, любезный другъ! — отвѣчаетъ Графъ, занятый своими мыслями, и непримѣчая движеній Карла: — она выдетъ за Шевалье Вальвиля, человѣка весьма любезнаго. Полина познакомилась съ нимъ, будучи еще ребенкомъ. Вальвиль уѣзжалъ, точно какъ и мы, изъ Франціи, и я въ несчастное время далъ ему обѣщаніе, что

если когда либо возвращусь въ отечество и получу обратно имѣнїе, то никто кромѣ его не будетъ супругомъ моей дочери; онъ также обѣщался, по возвращенїи въ отечество и обратномъ полученїи имѣнїя, все богатство свое повергнуть къ ногамъ Полины. Теперь только я узналъ отъ его повѣреннаго, что Шевалье съ недавняго времени находится во Францїи, и что онъ нашелъ въ цѣлости все свое имѣнїе. Я увѣдомляю его, что и наше состоянїе также благополучно, и надѣюсь черезъ нѣсколько дней обнять его здѣсь въ Парижѣ. Видите ли, любезный д'Орланжъ, что теперь ничего недостаетъ къ моему счастїю, и я увѣренъ, что доброе сердце ваше раздѣляетъ со мною мою радость. —

Карлъ цепенѣетъ, мгновенно приходитъ въ состоянїе той безчувственности, которая постигаетъ человѣка, услышавшаго прочитанный ему приговоръ смертный; онъ ищетъ отвѣта, и едва произноситъ нѣсколько словъ почти невразумительныхъ. Онъ желалъ бы пасть къ ногамъ Графа и признаться ему въ любви своей къ Полинѣ; но удерживается, вспомнивъ, что Графъ далъ уже слово. Не видя въ несчастїи своемъ никакой помощи, Карлъ извиняется какимъ-то важнымъ дѣломъ и

поспѣшно уходитъ съ растерзаннымъ сердцемъ.

Между тѣмъ Графъ приказываетъ позвать супругу и дочь свою. „Любезная Полина!" говоритъ онъ послѣдней: „съ самаго дня твоего рожденія безпрестанно забочусь я о твоемъ счастіи, и сегодня хочу объявить тебѣ мои намѣренія касательно устроенія онаго на прочномъ основаніи. До нынѣ ты находила его въ нѣжности своихъ родителей и во взаимной любви, которою платила намъ за всѣ о тебѣ старанія; но другія чувства, другія обязанности должны занять мѣсто въ твоемъ сердцѣ, впрочемъ отнюдь не изгоняя прежнихъ. Ты нѣсколько разъ слышала отъ меня о Шевалье Вальвилѣ; я уважаю его характеръ, и думаю, что жена его будетъ имъ весьма счастлива." Полина слушала отца своего, не смѣя перерывать его; но какъ скоро Графъ кончилъ, она залилась слезами. — „Къ чему етѣ слезы, моя любезная Полина? Не уже ли думаешь, будто отецъ твой хочетъ сдѣлать тебя несчастною?"

— Нѣтъ, вовсе недумаю; но онъ къ устроенію моего счастія употребляетъ не тѣ средства, какія должно. Ради самаго Бога не заставьте меня жалѣть о нашей

бѣдности! Я была счастливою въ хижинѣ, потому что жила съ вами. Теперь, когда фортуна благоприятствуетъ намъ, вы хотите отдалить меня отъ того, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ. И надобно ли мнѣ удаляться отъ наилучшаго изъ родителей и отъ нѣжно любимой мною маменьки, чтобы соединиться съ человѣкомъ, котораго я совсѣмъ незнаю, которой незнаетъ и меня, и которой женится на мнѣ единственно изъ корысти, если онъ сребролюбивъ, или только чтобы сдержать давное слово, ежели онъ человѣкъ честный? Ахъ, папенька, сжальтесь надо мною! — „Какъ! не уже ли ты хочешь, чтобы я не исполнилъ своего обѣщанїя! Что сказалъ бы Вальвиль объ етомъ? Не имѣлъ ли бы онъ справедливой причины жаловаться на такой съ моей стороны поступокъ? Еслибъ мы теперь были по прежнему бѣдны и жили бы въ хижинѣ Ринарда Бельмота, то отказъ нашъ имѣлъ бы по крайней мѣрѣ видъ благоразумной разборчивости; но...“ — Ты даешь мнѣ прекрасную мысль, другъ мой! — перерываетъ Графиня: — въ ней заключается вѣрный способъ узнать характеръ Вальвиля, и честнымъ образомъ взять обратно обѣщанїе, которое ты далъ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько неосторожно. Признаюсь, мнѣ очень удивительно, что ты увѣдомился о возвращенїи Вальвиля и о

его обстоятельствахъ не отъ него самаго, а отъ другихъ людей. Напиши же къ нему письмо, но скрой отъ него счастливый случай, возвратившїй намъ имѣнїе; напротивъ того изобрази ему нашу бѣдность такъ, какъ будто бы она и теперь еще продолжалась. Помѣстье его находится въ Туренской провинцїи; черезъ три или четыре дня ты получишь отвѣтъ, и если онъ поспѣшитъ къ намъ съ помощїю своею и утѣшенїемъ, то я отдамъ должную справедливость благородству души его и безкорыстїю. Сама Полина нестанетъ тогда отрекаться отъ вѣрнаго счастїя, отъ соединенїя съ такимъ человѣкомъ, коего добродѣтельныя качества небудутъ подвержены никакому сомнѣнїю. —

Графъ готовится поступить по совѣту своей супруги, а Полина съ благодарнымъ чувствомъ бросилась обнимать свою родительницу. Какъ жаль мнѣ тебя, говорила она мысленно: ахъ! какъ жаль тебя, бѣдная хижинка добраго Ришарда! Тамъ въ первой разъ увидѣла я того, отъ котораго мое сердце может быть скоро должно будетъ на вѣки отказаться! —

Состоянїе Карла еще мучительнѣе; судьба его рѣшена, и самъ Графъ произнесъ надъ нимъ свой приговоръ. Онъ чув-

ствуетъ, что должно отказаться отъ Полины, и принимаетъ твердое намѣреніе никогда уже невидать ее. Тщетно старается онъ мучительную страсть свою излѣчить разсѣянностію; посѣщаетъ всѣ собранія, зрѣлища, балы, и — вездѣ видитъ одну только Полину. Его здоровье, отъ природы не крѣпкое, еще болѣе ослабѣло отъ сильныхъ движеній сердца. Онъ соглашается на неотступныя прозьбы одного друга, которой вознамѣрился удалить его изъ Парижа и отвезти въ какую нибудь его деревню. Сдѣланы были всѣ приготовленія, и уже наступилъ часъ отъѣзда, какъ вдругъ Карлъ получаетъ записку отъ Графа, распечатываетъ ее и читаетъ:

„Я очень безпокоюсь, любезный мой „Карлъ, такъ долго не видя васъ и даже „не имѣя объ васъ никакихъ извѣстій. „Это ли обѣщали вы обитателямъ бѣдной „хижины? Посѣтите меня какъ можно скорѣе, ибо я долженъ сообщить вамъ нѣчто „о весьма важномъ дѣлѣ."

Письмо сіе возбудило въ Карлѣ мысли чрезвычайно безпокойныя. Онъ незнаетъ, должно ли исполнить желаніе Графа; опасается, чтобы увидѣвши Полину, не потерять власти надъ самимъ собою и не открыть тайны любви своей. Какое бы еще было

важное дѣло? Непроникъ ли Графъ? . . . Не встрѣтилось ли препятство въ супружествѣ Полины и Вальвиля? И лучь надежды блеснулъ въ сердцѣ Карла; онъ утѣшается симъ блескомъ, часто обманчивымъ, и ѣдетъ къ отцу Полины.

Графъ былъ одинъ. Увидѣвши Карла, онъ встрѣтилъ его и посадилъ подлѣ себя. Первая минута прошла въ молчаніи; наконецъ Графъ начинаетъ: „Мнѣ надлежало бы, любезный другъ, осыпать васъ упреками, за то что вы объ насъ невспомнили въ цѣлыя двѣ недѣли; но я поберегу ихъ для другаго времени; а теперь, безъ предисловія, хочу говорить съ вами о томъ важномъ дѣлѣ, для котораго просилъ я васъ ко мнѣ пожаловать. Помѣстье N. N. вчера принадлежало мнѣ; но сего дня я уже не господинъ ему болѣе." Карлъ отступаетъ въ изумленіи; а Графъ, подавая ему бумагу, продолжаетъ: „Возвращаю это помѣстье тому, кому оно принадлежитъ." Карлъ быстро глазами пробѣгаетъ бумагу, и видитъ въ ней договоръ, по которому Графъ передаетъ ему всѣ права свои на имѣніе. — Что я вижу, сударь! — восклицаетъ Карлъ: — для меня вы лишаете всего ваше семейство! И вы могли подумать, будто я соглашусь принять такое благодѣяніе, притомъ еще и

неимѣя въ немъ ни малѣйшей нужды? — „А вы“ отвѣчаетъ Графъ: „могли подумать, что я приму знатную сумму, которою вамъ угодно было подарить меня?“ — Я, сударь? Кто вамъ сказалъ? . . . — „Нѣтъ, Карлъ! теперь уже нельзя болѣе скрывать тайны вашего великодушія; я все знаю. Робертъ вчера случайно повстрѣчался съ тѣмъ слугою мнимаго Нѣмецкаго Князя, которой заплатилъ двѣсти луидоровъ за пару лошадей моихъ. Робертъ пошелъ въ слѣдъ за етимъ человѣкомъ и узналъ подлинно, что онъ уже шесть лѣтъ находится въ вашей службѣ. По скромности можно таить поступокъ, приносящій честь нашему сердцу; но я недумаю, Карлъ, чтобы нужно было отпираться отъ него, когда онъ сталъ уже извѣстенъ.“ — Пускай такъ, сударь; признаюсь, что бывъ тронутъ несчастіемъ, которое готово было разразиться надъ вами, я позволилъ себѣ употребить сіе средство для отвращенія угрожавшаго вамъ удара; но. . . — „Погодите, еще не все;“ перерываетъ Графъ, и продолжаетъ: „Робертъ, побуждаемый очень естественнымъ любопытствомъ, нашелъ средство подружиться съ Джемесомъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ вашего великодушія. Они разговаривали о васъ, и служитель, душевно вамъ преданный, не могъ скрыть отъ Роберта добрыхъ дѣлъ

защихъ. Онъ разсказалъ сему последнему, что вы, дабы избежать подозренія, притворно обьявили о путешествіи въ Парижъ; что на другой день после опустошенія градомъ всей моей мызы вы вместе съ Джемесомъ ночью принесли скрынку съ деньгами, которыя не задолго передъ темъ получили вы въ наследство после умершаго дяди; что оба вы спрятали скрынку у меня въ беседке подъ старою яблонью, и что въ наступившее утро поехали въ столицу. Роберту удалось заманить ко мне своего приятеля, и Джемесъ мне во всемъ признался." — О бездельникъ! — воскликнулъ Карлъ съ досадою: ну, такъ и быть! Точно, сударь, это я, я скрытнымъ образомъ подложилъ деньги, чтобы нераздражить вашей чувствительности: но ради Бога не отдавайте мне ихъ обратно; вы заставите меня умереть отъ стыда и печали. — „И я также, любезный Карлъ, умеръ бы отъ стыда и печали, еслибъ принялъ такое благодеяніе и не былъ растроганъ толь нежною разборчивостію и толикимъ великодушіемъ; но чемъ могу я заслужить вамъ?" — Увы! Полина уже помолвлена!... — „Полина? какъ! развѣ?.."— Должно во всемъ вамъ признаться. Нехочу, чтобы вы приписывали поступкамъ моимъ более достоинства, нежели сколько они заслуживаютъ въ самомъ деле. Такъ, мило·

стивый государь! еслибъ не Полина, то я незнаю, до какой степени тронули бы меня ваши несчастія и добродѣтели! Увидѣвши дочь вашу, я не могъ неполюбить ее. Я не смѣлъ просить у васъ руки ея; но хотѣлъ сдѣлать прежде, чтобъ она имѣла достаточное для независимой жизни имѣніе, слѣдственно чтобы могла свободно и непринужденно избирать себѣ супруга. Теперь судите объ отчаяніи, мною овладѣвшемъ, когда отъ васъ я услышалъ, что Полина уже назначена осчастливить другаго! Я твердо рѣшился никогда невидать ее, какъ вдругъ вы узнаете тайну моего, такъ вамъ угодно называть, великодушія. Не умножайтежъ моей горести запрещеніемъ своимъ обезпечить состояніе единственно любимой мною особы. Деньги, которыя вы желаете возвратить мнѣ, пусть будутъ приданымъ Полины. — „Небесная душа!" восклицаетъ Графъ: „твои желанія исполнятся! Принимаю даръ твой, и опять отдаю его тебѣ обратно: Полина свободна, и она — твоя!" — Что я слышу? — „Я взялъ назадъ свое слово." — Возможно ли? — „Шевалье Вальвиль почитаетъ насъ разоренными; онъ получилъ все свое имѣніе, но говоритъ, будто дѣла его весьма разстроены и будто для поправленія себя онъ принужденъ искать богатой невѣсты." — Какая

подлость! — „Слѣдственно я ему ничѣмъ не долженъ, и Небо, даруя мнѣ такого зятя какъ ты, любезный Карлъ, дѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ всѣхъ отцовъ на свѣтѣ!“ Карлъ бросается въ объятія Графа. — Вы отдаете мнѣ Полину! — говоритъ онъ: — но согласится ли она быть моей женою? Надобно, чтобы она была совершенно свободна въ выборѣ; а безъ того я не могу быть счастливъ. — „Ея расположенія мнѣ еще неизвѣстны;“ отвѣчаетъ Графъ: „однакожъ обнаружить ихъ весьма нетрудно. Полина еще незнаетъ, что я сего дня получилъ отвѣтъ отъ Шевалье Вальвиля, къ которому она всегда изъявляла предо мною не что иное какъ отвращеніе. Хотите ли сами читать въ ея сердцѣ? Спрячьтесь въ етомъ кабинетѣ, а я позову ее сюда.“ —

Карлъ исполняетъ совѣтъ Графа, и въ тужъ минуту входитъ Полина по призыву своего родителя. — „Любезная дочь! сей часъ получилъ я письмо отъ Шевалье Вальвиля; онъ подтвердилъ во мнѣ то доброе мнѣніе, которое имѣлъ я о душевныхъ его свойствахъ: онъ все еще почитаетъ насъ бѣдными, и требуетъ руки твоей.“ Полина бросается къ ногамъ своего отца, и говоритъ, обнимая его колѣна: „О мой родитель! вамъ угодно, чтобъ

я умерла; покаряюсь вашей волѣ! — „Я право не понимаю" отвѣчаетъ Графъ улыбаясь: „откуда взялась въ тебѣ такая ужасная ненависть къ Вальвилю. Ты отъ меня что нибудь скрываешь, любезная дочь моя; скажи откровенно, ужь неотдала ли кому нибудь своего сердца безъ моего вѣдома? — „Такъ, родитель мой!" отвѣчаетъ Полина залившись слезами: „отдала свое сердце безъ вашего вѣдома и даже безъ своего собственнаго: я полюбила Карла д'Орланжа. . . ." При семъ послѣднемъ словѣ мгновенно отворяется дверь кабинета, и Карлъ лежитъ уже у ногъ Полины, неподвижный отъ страха и надежды. — Вотъ супругъ твой, моя любезная Полина! — сказалъ Графъ, обоихъ прижимая къ своему сердцу.

Увѣдомленная Графиня приходитъ насладиться сею трогательною картиною. Графъ съ сердечнымъ краснорѣчіемъ изображаетъ ей всѣ благодѣянія Карла, и то съ какою благородною чувствительностію хотѣлъ онъ избѣжать ихъ благодарности. Графиня достойна была слушать такое повѣствованіе; однакожъ оно ее неприве́ло въ изумленіе. Добродѣтели не возбуждаютъ одна въ другой изумленія, имъ вовсе неприличнаго; онѣ только могутъ платить взаимную дань справедливаго удивленія.

На другой день все семейство отправляется въ помѣстье Графа, а чрезъ нѣсколько дней совершено и бракосочетанїе въ древней часовнѣ замка. Добрые крестьяне, находившїеся при отправленїи обряда, изъявляли передъ господами своими искреннюю радость. Графъ отдалъ доброму Ришарду маленькую мызу, сбереженную симъ великодушнымъ селяниномъ. Старикъ Робертъ и теперь еще живъ; время лишило его крѣпкаго здоровья, но оставило въ сердцѣ его довольно силы, чтобы любить господъ, толико достойныхъ всей его привязанности. Алибертъ недавно умеръ въ темницѣ — справедливая награда тѣмъ презрѣннымъ тварямъ, которыя при потрясенїяхъ отечества единственно помышляютъ о средствахъ набогатиться на счетъ своихъ благодѣтелей! Ни слова не скажу о благополучїи Карла и Полины: счастїя не было бы на земли, когда бы ненаходили его въ тѣхъ сладостныхъ, чистѣйшихъ чувствахъ, которыя Небо вселило въ человѣческомъ сердцѣ для украшенїя быстраго перехода, вообще называемаго жизнїю.

Сарразенъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

Кутузову-Смоленскому (*)

Благоговѣнье! се взываетъ
Отечество къ своимъ сынамъ;
„Россіяне!" оно вѣщаетъ:
„Ужель страшиться полчищъ вамъ,
„Врагомъ Европы предводимыхъ? —
„Сыны Славянъ непобѣдимыхъ!
„Грядите! самъ Творецъ за насъ!" —
И святъ Отечества сей гласъ. —

Явились грозны ополченья!
Взываютъ воины: Грядемъ!
И се! Орелъ, предвѣстникъ мщенья,
Паритъ надъ доблестнымъ Вождемъ!
Съ нимъ храбрость, опытность, геройство,
Въ побѣдахъ кротость и спокойство;
За Вѣру, за ЦАРЯ Онъ мститъ: —
Се Россовъ сильный мечь и щитъ!

(*) Читанная на публичномъ актѣ въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета сего Декабря 22 дня.

Но кто Герой сей знаменитый,
Сей бодрый Мужъ и въ сѣдинахъ,
Вознесшій лавромъ мечь увитый?
Кутузовъ! Оттомановъ страхъ!
Я слышу, доблестный взываетъ:
„Друзья! Отчизна погибаетъ;
„Зоветъ ея священный гласъ:
„Пойдемъ! Богъ крѣпости за насъ!“

❖

И Россамъ ли носить оковы?
Нѣтъ, нѣтъ, для родины драгой
Они всѣмъ жертвовать готовы!
О торжество любви святой!
Столь знаменитое геройство
Не есть ли душъ великихъ свойство?
И кто, стремясь на подвигъ сей,
Не презритъ тысячи смертей?

❖

Таковъ духъ Россскихъ ополченій!
Ихъ къ родинѣ любовь живитъ;
Ни громъ, ни бури всѣ сраженій —
Ничто любви сей не мертвитъ!
Герои мужествомъ пылаютъ;
„Къ знаменамъ!“ тысячи взываютъ:
„Се мщенья часъ! мечи во длань!“ —
И воскипѣла страшна брань. . . .

❖

Кичливый врагъ, тиранъ надменной,
Въ предѣлы Россскіе влетѣлъ,

И рдѣетъ небо раскаленно
Пажарами градовъ и селъ;
Мечи убійственны сверкаютъ,
Младенцевъ, старцевъ поражаютъ,
И рыщетъ смерть изъ строя въ строй,
И разлился кровавой бой.

✠

Уже Бородино пылаетъ,
Объято пламенемъ вражды;
Уже Марсъ брани призываетъ:
И грозны воиновъ ряды,
Вращая острыми мечами,
Стѣснясь, желѣзными стѣнами
Летятъ, сражаются, падутъ. . . .
Лишь громы мѣдныхъ жерлъ ревутъ!

✠

Ужасно зрѣлище отмщенья!
Багрово зарево кругомъ;
Весь адъ кипитъ въ пылу сраженья:
Все кровь ліетъ, — все мещетъ громъ,
И смерть свирѣпая ярится. . . .
Кто съ Россами дерзнетъ сравниться?
Какъ львы, враговъ они разятъ,
За Вѣру и Отчизну мстятъ!

✠

О ужасъ! рвы, долины, рощи,
Все кровію напоено!
Тріумфъ! — Герои Полунощи!
О славное Бородино!

Примѣръ для поздняго потомства
И память казни вѣроломства!
Ты Россамъ будешь такъ вѣщать:
„За гражданъ славно умирать!"

✤

Но что сразитъ враждебны силы?
Какъ вихрь — Европы врагъ летитъ.
Предъ нимъ — стонъ, вопль; за нимъ — могилы. . .
Но живъ еще Россіи щитъ;
Въ немъ зритъ она свое спасенье:
Нѣтъ стѣнъ Москвы; но ихъ паденье
Ничто предъ Росскою страной.
Кутузовъ Исполинъ-Герой!

✤

Герои древніе взирали
Отъ высоты небесныхъ странъ;
Благословенье низпослали
На близкихъ сердцу согражданъ:
Румянцевъ, мудрый повелитель!
Суворовъ, бранныхъ бурь смиритель!
Вашъ духъ Героя оживлялъ —
Онъ съ вами побѣждать позналъ.

✤

Вождь славный Сѣверный Героевъ!
Кому возможно описать
Твой умъ и опытность средь боевъ?
Не современнымъ награждать
Тебя за подвиги велики!

Потомства благодарны клики,
Любовь признательныхъ сердецъ —
Се твой безсмертія вѣнецъ!

✠

Твой взоръ вокругъ перуны мещетъ;
Ты нашъ Полнощный Геркулесъ:
Воззришь — и гордый врагъ трепещетъ!
Ты Ангелъ праведныхъ Небесъ.
Съ тобой всѣ ужасы Природы;
Гладъ, вьюги, мразы, непогоды
Со льдистыхъ Сѣвера бреговъ
Несутъ погибель на враговъ!

✠

Кутузовъ всюду самъ летаетъ —
Ему не страшенъ грозный бой;
Его побѣда осѣняетъ
Вѣнцомъ лавровымъ и хвалой!
Гремитъ *ура*! и врагъ смятенный,
Геройствомъ Россовъ изумленный,
Собралъ остатки дерзкихъ силъ —
И съ поля битвы отступилъ.

✠

Уже онъ для себя спасеньемъ
Одно позорно бѣгство зритъ;
Но окрыленный Правды мщеньемъ
Герой вездѣ его разитъ;
Вездѣ побѣды знамениты:
Равнины Краснаго, граниты,

Брега Днѣпра, Березины
Въ крови врага обагрены.

✤

И палъ сей исполинъ надменной. .
Уже Смоленской — полубогъ,
Уже хвала и честь вселенной. . .
Но кто, какой Герой возмогъ
Прейти святой Судьбы уставы?
Рекла — и нѣтъ любимца Славы,
И Вождь Славянъ, Россіи щитъ,
Во гробѣ бездыханъ лежитъ!

✤

Кто, кто избѣгнетъ смерти длани?
Царь, рабъ — равны въ ея очахъ. . . .
И палъ Герой, рѣшитель брани —
И слезы на безцѣнной прахъ
Сама Побѣда проливаетъ;
Лишь Смерть съ улыбкою взираетъ,
Гордяся жертвою своей . . .
О жребій горестный людей! . . .

✤

Но нѣтъ, сразитъ ли смерть Героя?
Могила славѣ не предѣлъ:
Кто былъ оградой Царствъ покоя,
Того безсмертіе удѣлъ!
Потомство судитъ всѣхъ дѣлами,
И благодарности слезами
Оно тотъ мраморъ ороситъ,
Гдѣ прахъ Смоленскаго сокрытъ.

✤

Вѣщай, вѣщай, правдива Слава!
Гдѣ свѣтлый тронъ воздвигнутъ твой.?
Сія счастливая Держава
Не та ли, гдѣ МОНАРХЪ-Герой
Въ побѣдахъ и трудахъ толикихъ?
Россія! о страна великихъ!
Кто стать противъ тебя возмогъ?
Твоя защита: Вѣра, Богъ!

•

Друзья! доколѣ дѣти, сами
Неможемъ мы ЦАРЮ служить: —
Нашъ долгъ радѣть ЕМУ сердцами! . . .
И для НЕГО учиться, — жить!
Героямъ дань — благословенья:
Здѣсь, здѣсь, въ семъ храмѣ просвѣщенья
Клянемся имъ во слѣдъ летѣть,
И за Отчизну умереть!

Викторъ Чюриковъ.

Къ Отечеству.

Отечество! страна благословенна!
Любезный, милый край!
Земля родимая! — о! что мнѣ вся вселенна?
Россія! ты мой свѣтлый рай; —
Ты мнѣ все счастіе! люблю тебя я славить! —
Цвѣти, дражайшее, въ подсолнечной блистай!
Кто можетъ твоего величія убавить? —
Никто! — Цвѣти и удивляй!

Григорій Волковъ.

Пенза.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчанія на отрывокъ изъ сочиненій г-жи Сталь объ Германіи (*).

(Пропустимъ десятка четыре строкъ, въ которыхъ сочинитель говоритъ объ *отрывкѣ* изъ книги г-жи Сталь безъ всякихъ доказательствъ, и изъявляетъ досаду на Редактора, помѣстившаго оный въ своемъ журналѣ.)

Кто хотя малое имѣетъ о ходѣ наукъ свѣдѣніе, кто хотя поверхностныя имѣетъ о нихъ понятія; тотъ признаться долженъ (о чемъ издавна уже всѣ ученые мужи думаютъ одинаково), что образецъ наилучшаго искусства умствовать и мыслить заключается въ точныхъ наукахъ, коихъ матерью и предводительницею всегда была Математика, и даже такъ что тѣ науки, въ которыя она не могла быть введена, или остаются донынѣ въ

(*) Сіи замѣчанія написаны именно на тотъ *отрывокъ*, которой недавно видѣли читатели въ 22 мъ нумерѣ *Вѣстника Европы*. Обѣ статьи переведены изъ *Денника Виленскаго*.

младенчествѣ, или, придерживаясь только одной вѣроятности, безпрестанно измѣняютъ составъ свой, потому что бросаются отъ догадки къ догадкѣ. Только разумъ есть вездѣ одинъ и тотъ же. Кто имѣетъ его для наукъ, тотъ имъ же пользуется и во всѣхъ случаяхъ жизни; а кому недостаетъ его въ дѣлахъ общежитія, тотъ ненайдетъ его и въ наукахъ. Можно, правда, научить человѣка хорошо мыслить и умствовать; однакожъ никому не льзя дать разума, никого нельзя научить имѣть его. Гдѣ же брать оные примѣры умствованія здраваго и точнаго? Безъ всякаго сомнѣнія тамъ, гдѣ найти ихъ можно. Еслибъ г-жа *Сталь* доказала, что въ Математикѣ и въ другихъ точныхъ наукахъ умствуютъ ложно, тогда ея противъ нихъ возраженія были бы справедливы. Но какъ скоро она, какъ скоро всякъ имѣющій здравый разсудокъ соглашается, что упомянутыя науки состоятъ изъ истинъ неоспоримо доказанныхъ; то что могутъ значить всѣ противупоставляемыя имъ возраженія, и въ чьихъ глазахъ могутъ имѣть цѣну сіи прекословія? Еслижъ правда, какъ г-жа *Сталь* думаетъ, что самая большая часть жизни человѣческой и случаевъ, оную составляющихъ, по видимому, зависитъ отъ какой-то неизвѣстности, о которой ничего нельзя ни предсказать, ни сказать утверди-

тельно, а остается только угадывать, то я спрашиваю, *вопервыхъ*, слѣдуетъ ли изъ сказаннаго выше, что науки точныя немогутъ никакой принести пользы въ общежитіи? слѣдуетъ ли также, что оной прославляемой сочинительницею мѣткости надобно учиться въ языкахъ? и гдѣ именно въ нихъ ета мѣткость заключается? *Во вторыхъ*, поелику изученіе языковъ имѣетъ большое вліяніе, какъ думаетъ г-жа *Сталь*, на раскрытіе способностей разума, то можно бы опять спросить почитателей сего мнѣнія (буде есть ихъ, неговорю много, но хотя нѣсколько), что они разумѣютъ подъ способностями разума, и сколько считаютъ сихъ способностей? также, всѣ ли онѣ вмѣщаются въ памяти? Если бы на сей послѣдній вопросъ можно было отвѣчать утвердительно, то изученіе языковъ, которое относится единственно къ памяти, въ самомъ дѣлѣ служило бы къ усовершенствованію оныхъ способностей. Но какимъ образомъ языки могутъ доводить до совершенства, на примѣръ, воображеніе, или понятливость, или способность выводить заключенія? Развѣ по тому только, что плоды воображенія могутъ быть выражены словами изустно и на бумагѣ? Въ такомъ случаѣ и всѣ знанія человѣческія можно вмѣщать въ области языковъ; но кто въ состояніи такъ далеко простирать свою

шутку? кто захочетъ для забавы увѣрять кого-либо въ такомъ странномъ и смѣшномъ предположенїи? Если изученїе языковъ, и оно только одно, изобилуетъ столь вѣрными средствами совершенствовать способности разума, то Греки, знавшїе только свой природный языкъ, были народъ самой тупой, а Римляне, изъ которыхъ очень немногїе умѣли погречески, малымъ чѣмъ были лучше первыхъ. Такимъ же образомъ и въ наше время должны имѣть самыя бѣдныя способности разума Англичане и Французы, потому что они менѣе всѣхъ другихъ народовъ упражняются въ изученїи заграничныхъ языковъ. Комужъ ето непокажется смѣшнымъ и страннымъ? Я провелъ всѣ молодые годы свои въ публичныхъ училищахъ, слѣдственно имѣлъ возможность удостовѣриться въ неопровержимой, всѣми школьными наставниками принятой истинѣ, что съ самаго начала обученїя тотчасъ можно съ достовѣрностїю судить о способностяхъ и дарованїяхъ юношей, наблюдая, къ какимъ наукамъ или свѣдѣнїямъ наиболѣе охоты въ нихъ оказывается; и найдено, что ученики, тотчасъ прилѣпляющїеся къ наукамъ точнымъ, именно же къ Математикѣ, выходятъ послѣ людьми прямо учеными; и на оборотъ, остаются навсегда слабыми обнаружившїе отвращенїе отъ упомянутыхъ

наукѣ и единственно полюбившіе тѣ свѣдѣнія, кои относятся къ одной памяти. Наконецъ, едва ли гдѣ болѣе учатъ дѣтей языкамъ, нежели у насъ; ибо почти все домашнее воспитаніе, все ученіе дѣтей женскаго пола заключается у насъ единственно въ изученіи языковъ. Чтожъ мы выиграли отъ такого воспитанія, и лучше ли способности разума усовершенствованы у насъ, ...ли у другихъ народовъ? Особливо же ...му оный *отрывокъ* изъ сочиненія *Сталь* почитаю истинно вреднымъ, ...менно у насъ должно положить пре... ...ному сорочьему воспитанію; у насъ надобно возбуждать охоту къ наукамъ ...мъ, которыми образуются лучшіе лю... ...которыя однѣ въ состояніи раскрыть і усовершенствовать способности разума. Въ стихотворствѣ и въ словесности мы можемъ стать на ряду со многими народами Европы; но именно въ точныхъ наукахъ мы долгое время послѣ Коперника дремали, и едва теперь только начинаемъ протирать глаза свои. И потому-то нѣкоторые изъ сосѣдственныхъ намъ народовъ ставятъ насъ далеко на низшей степени просвѣщенія отъ той, на которой сами находятся. Впрочемъ я покорно прошу изъяснить мнѣ, для чего изученіе языковъ было столь важнымъ и даже необходимымъ? Ежели для удобнѣйшаго при-

обрѣтенія свѣдѣній, разсѣянныхъ въ заграничныхъ сочиненіяхъ; въ такомъ случаѣ языки дѣйствительно полезны суть и помогаютъ усовершенствованію душевныхъ способностей; но развѣ изъ того слѣдуетъ, что *они даютъ* познанія, и что *они раскрываютъ* способности? Нимало! Точно какъ еслибъ утверждалъ кто нибудь, что хорошая книга при свѣчѣ написанная есть плодъ свѣчи, или что всѣ произведенія словесности суть плоды черниль и бумаги. Скажу болѣе, хотя ето можетъ быть вамъ и небудетъ нравиться: самое даже искусство писать ничего неприобрѣтаетъ отъ изученія языковъ; ибо хотя во многихъ языкахъ, а особливо древнихъ, находимъ образцы превосходнѣйшіе: однакожъ ихъ почти никогда неможно съ совершенною точностію представить на другомъ языкѣ, то есть въ переложеніи, и они совсѣмъ ничего не помогутъ человѣку, отъ природы неполучившему дара писать краснорѣчиво. Можно, напротивъ того, еще сказать, что оные образцы стѣсняютъ геній, принуждая его быть подражателемъ тамъ, гдѣ, движимый только силою своей упругости, онъ могъ бы произвести плоды собственные, чудесные своею оригинальною изящностію, каковы на примѣръ суть *Оссіяна*, или нашей *Дружбац-*

кой (*). Но ежедневные опыты намъ показываютъ, что у просвѣщенныхъ нынѣ народовъ ученые люди, посвятившїе себя точнымъ наукамъ, суть почти всегда и лучшїе писатели не только въ предметахъ по своей части, но и въ другихъ, какъ-то политическихъ, статистическихъ, историческихъ и нравственныхъ; напротивъ того люди занимающїеся исключительно языками, или особливо однимъ языкомъ, рѣдко отличаются искусствомъ въ сонмѣ писателей. Наконецъ точныя науки такъ успѣшно образуютъ разсудокъ и способность умствованїя, что опытные въ оныхъ люди куда ни обратятся, вездѣ хорошо судятъ, дѣйствуютъ, пишутъ; между тѣмъ какъ упражняющїеся единственно въ языкахъ, и даже въ одной литтературѣ, суть большею частїю люди, живущїе въ тѣсной сферѣ, кромѣ своего дѣла ни къ чему другому неспособные. Вооружаясь противъ точныхъ наукъ, они напоминаютъ басню о лисицѣ, которая назвала высоко висѣвшїя виноградныя кисти — незрѣлыми.

(*) *Елисавета Дружбацкая*, природная стихотворица Польская первой половины истекшаго столѣтїя. Ея Сельскїя еклоги сдѣлали епоху возрожденїя хорошаго вкуса въ Польской Поэзїи. *Рдръ.*

Показавши такимъ образомъ вообще несправедливость мнѣній г-жи *Сталь*, просимъ теперь дозволенія остановиться надъ нѣкоторыми особенными мыслями и выраженіями, которыя, какъ намъ кажется, послужатъ новымъ доказательствомъ той истины, что для ясности и красоты слога очень полезно придерживаться правильности и точности, коимъ научиться можно изъ наукъ математическихъ и физическихъ. Во первыхъ спрашиваю, что значитъ *механизмъ понятливости*, и есть ли какой нибудь смыслъ въ сихъ выраженіяхъ? Тотчасъ за тѣмъ слѣдуетъ *природная сила воображенія*, которое въ дѣтяхъ бываетъ *богатымъ и прекраснымъ*, и которое будто бы *ослабляется наукою счисленія*. По моему мнѣнію, кто говоритъ, что въ дѣтяхъ бываетъ богатое воображеніе, тотъ незнаетъ ни дѣтей, ни воображенія: ибо для богатства воображенія потребенъ великій запасъ понятій, которой приобрѣтается неиначе какъ въ продолженіе извѣстнаго времени посредствомъ многихъ наблюденій и опытовъ; а именно сего дѣти имѣть немогутъ. Воображеніе у дѣтей бываетъ весьма дѣятельное и рѣзвое, какъ сами дѣти; но оно обращается въ кругѣ очень тѣсномъ, разширяемомъ уже послѣ приобрѣтаемыми свѣдѣніями. И укрѣпится ли,

обогатится ли въ комъ нибудь воображеніе отъ того, что онъ научится одной и той же вещи давать разныя названія? По чему же бы, я спрашиваю, наука счисленія должна непремѣнно ослаблять природную силу воображенія? по чему бы наука, преподающая способы съ точностію понимать вещи и излагать ихъ, не могла *разуму* дать *мѣткости?* и что другое можетъ дать ее? Такимъ образомъ, останавливаясь надъ частями упомянутаго отрывка, повсюду видишь примѣры ложнаго умствованія и недостатокъ именно той мѣткости разума, которая получается отъ природы, но которую совершенствуютъ науки. Г-жа *Сталь* увѣряетъ, что Математическія истины нимало ненаучаютъ насъ рѣшать ежедневныхъ, какъ говоритъ она, *задачь жизни.* И въ самомъ дѣлѣ ни Математика и ни одна изъ точныхъ наукъ не содержатъ въ себѣ наставленій о томъ, какъ должно поступать въ общежитіи при стеченіи затруднительныхъ обстоятельствъ; но поможетъ ли тутъ и знаніе языковъ Греческаго, Сирійскаго, Англійскаго? Никто не думалъ и неподумаетъ, будто загадки общежитія рѣшаются математическими выкладками, и никому неприходило въ голову науку счисленія опровергать такимъ смѣшнымъ возраженіемъ. Напротивъ того

каждый въ Математикѣ находитъ искусство здраваго умствованія, которое во всей природѣ и во всѣхъ наукахъ есть одно и то же, и которое отнюдь не привязано ни къ какому языку; такъ что человѣкъ съ хорошо устроенною головою мыслитъ и умствуетъ равно хорошо въ Англіи, какъ и въ Китаѣ; а кому природа отказала въ благословенныхъ дарахъ своихъ, тотъ бредитъ погречески, полатыни, пофранцузски равно какъ и на природномъ своемъ языкѣ. Когда дѣти упражняются въ Математикѣ, или въ другихъ точныхъ наукахъ, неимѣя къ нимъ врожденной склонности, въ томъ не наука виновата, а виновато неблагоразуміе тѣхъ особъ, кои заставляютъ дѣтей учиться предметамъ, неприступнымъ для ихъ разумѣнія; и въ семъ то случаѣ полезно учить ихъ языкамъ, ежели имѣютъ они память и даръ хорошаго произношенія. Еслибъ кто вздумалъ слѣпаго учить живописи, искусство ли было бы тутъ виноватымъ? . . . . Отославши насъ къ *инстинкту* животныхъ въ такихъ вещахъ, которыя именно подлежатъ власти разсудка, г-жа *Сталь* далѣе говоритъ, что *Математика приучаетъ насъ къ безошибочной достовѣрности.* Вотъ самая лучшая похвала, хотя впрочемъ противъ воли приписанная сей точной наукѣ! Но выводимое изъ того слѣд-

отвѣтъ, будтобы она *вооружала насъ противу всѣхъ мнѣній несходныхъ съ нашими мыслями*, ложно. Ибо *ученая нетерпимость* не принадлежитъ ни математикамъ, ни физикамъ; напротивъ того она свойственна людямъ исключительно занимающимся одною какою нибудь отраслію изъ многосложнаго состава знаній человѣческихъ. При томъ же объ очевидныхъ или хорошо доказанныхъ истинахъ не можетъ быть двухъ противныхъ мнѣній, и я никогда неслышалъ, чтобы кто опровергалъ предложеніе, на примѣръ что сумма трехъ угловъ треугольника равна двумъ угламъ прямымъ; напротивъ, математикъ сдѣлалъ привычку къ точности доказательствъ, а не къ войнѣ за мнѣнія. Война сія случается только въ наукахъ и мнѣніяхъ неточныхъ, и гнѣвъ за противныя мнѣнія ни въ какомъ случаѣ небываетъ плодомъ науки, а развѣ дурнаго воспитанія, ученой гордости и нетерпѣливаго нрава!

Смѣшно также, что г-жа *Сталь* несовѣтуетъ почитать Математику основаніемъ воспитанія, *отъ котораго зависитъ образованіе души и характера!* Да ктожъ когда нибудь почиталъ Математику за средство къ образованію характера? Никто также не принимаетъ ее за основаніе

воспитанія, но всѣ думали и думаютъ, что она есть основаніе всѣхъ наукъ физическихъ. Не менѣе погрѣшительны, а часто даже и смѣшны, слѣдующія за тѣмъ сужденія, по видимому блестящія и важныя, но въ самомъ дѣлѣ не заключающія въ себѣ той основательности, коея образцы находимъ въ точныхъ наукахъ. Кто, на примѣръ, въ состояніи изъяснить, что значитъ слѣдующее: „грамматическая наука *гораздо тѣснѣйшую имѣетъ связь съ мыслью* нежели Математика?" Мнѣ казалось бы просто, что кто говоритъ и пишетъ, математикъ ли ето, или грамматикъ, тотъ мыслитъ; разница только въ томъ, что первой всегда мыслитъ справедливо и съ точностію, а другой не всегда. *Логика Грамматики столь же въ точныхъ предѣлахъ заключается какъ и логика Алгебры.* Когда бы сказано еще было, что одна столь же прекрасна какъ и другая, то и въ етомъ заключалась бы неопровержимая истина и вмѣстѣ похвала точности логическихъ наблюденій надъ языкомъ, или вообще надъ языками; только я тутъ ничего невижу унизительнаго для Математики: ибо мнѣніе, будто бы логика Грамматики *можетъ прикладываема быть ко всему, что ни находится въ нашемъ разумѣ и воображеніи*, не есть доказательство, при томъ же оно и выражено

весьма неясно. Но для показанія достоинства и духа цѣлаго отрывка, по моему мнѣнію, довольно будетъ хладнокровно разобрать послѣдній періодъ: *языки неистощимы какъ для дитяти, такъ и для взрослаго, и каждой можетъ изъ нихъ брать для себя, что заблагоразсудитъ.* Какія сокровища! По етому все благоденствіе частныхъ людей и оборона отечества заключаются въ языкахъ! Теперь-то понимаемъ, отъ чего Греки и Римляне пришли въ упадокъ!

Андр. Снядецкій.

О пятнахъ на солнцѣ.

На солнцѣ бываютъ видимы черныя, неправильной фигуры пятна, иногда показывающіяся въ разныхъ мѣстахъ на поверхности онаго и по большей части окруженныя полутѣнью (pénombre), отличающеюся отъ прочихъ частей солнечной массы весьма яркими коймами, между которыми онѣ раждаются и исчезаютъ!

Оныя пятна, въ первый разъ примѣченныя 1611 года Іезуитомъ *Шейнеромъ* и *Галилеемъ*, подвержены великимъ перемѣнамъ. Шейнеръ видѣлъ, какъ одно изъ

пятенъ измѣнялось въ своей фигурѣ, увеличивалось, уменьшалось, превращалось въ полутѣнь, напослѣдокъ совсѣмъ исчезало. Де ла Гиръ также дѣлалъ наблюденія надъ исчезающими пятнами на солнечной поверхности (1).

Въ 1812 году Іюня $\frac{11}{23}$ дня въ 9 часу поутру при тщательномъ посредствомъ телескопа разсматриваніи поверхности солнца, не найдено ниже малѣйшаго пятна наономъ; но въ тотъ же день въ третьемъ часу по полудни при первомъ возрѣніи почти на самой срединѣ солнечной поверхности показалось продолговатое значительной величины пятно, простирающееся отъ южной стороны къ сѣверной, и занимающее болѣе 25 секундъ дуги круга; оно ежедневно измѣнялось въ своей фигурѣ, распространялось, уменьшалось, и черезъ нѣсколько дней исчезло (2). Иногда являются на солнцѣ пятна и остаются на немъ въ продолженіе нѣсколька мѣсяцевъ (3).

Явленіе пятенъ также происходитъ весьма непостояннымъ образомъ: со времени ихъ открытія, то есть съ 1611 года, почти ниодного дня не было, чтобы ненаходили какого нибудь пятна на солн-

(1) Mem. de l'Acad. de Paris 1702 pag. 137.
(2) Cahiers des observ. Astron. en 1812 à Wilna.
(3) Caſſini, Elem. d' Astron. pag. 81.

цѣ, и весьма часто видѣли ихъ въ немаломъ количествѣ; а Шейнеръ въ одинъ день насчиталъ ихъ болѣе *пятидесяти*. Въ послѣдовавшіе годы число пятенъ уменшалось: отъ 1650 до 1670 примѣчено ихъ только два, но и тѣ наблюдаемы были весьма короткое время (4); отъ 1695 до 1700 ни одного непримѣчено; съ 1700 до 1710 безпрестанно упоминается объ нихъ въ астрономическихъ дневныхъ запискахъ; въ 1710 мъ году говорится только объ одномъ пятнѣ; въ 1711 и 1712 мъ непримѣчено ни одного; а въ 1713 мъ только одно видно было въ Маѣ мѣсяцѣ (5). Съ сего времени почти каждой день солнце покрывалось пятнами. Кассини говоритъ въ 1740 мъ году (6): „нынѣ пятна появляются весьма часто и притомъ еще въ большомъ количествѣ.“ Съ 1749 до 1771 появлялись они безпрестанно, и довольно значительныя (7). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія было ихъ не слишкомъ много: почти съ 1806 года до 1812 го солнце сіяло чистое, ниже малѣйшимъ пятномъ непомраченное (8).

Съ 1812 го начали появляться пятна годъ отъ году чаще, и каждой разъ боль-

(4) Caffini pag. 82.
(5) Mem. de l'Acad. 1713.
(6) Elem. d'Astron. pag. 82.
(7) De la Lande, Astron. § 3132.
(8) Chaiers des observ. Astron. à Wilna.

тія, но самыя значительнѣйшія по величинѣ своей изъ всѣхъ видѣнныхъ въ послѣдніе три года примѣчены въ нынѣшнемъ 1815 мъ $\frac{2}{14}$ дня Іюня. Онѣ изображены подъ No I (1). По измѣреніи, того же дня въ седмомъ часу по полудни, нитянымъ микрометромъ (котораго каждое отдѣленіе = 2″, 49) въ маломъ Доллондовомъ астрономическомъ телескопѣ (2), пятно совершенно черное подъ литерою *a* заключало въ себѣ 20 секундъ дуги круга, раздѣленнаго на 360 градусовъ, *b* = 20″, *c* = 15′, а вся занимаемая ими поверхность *fe* = 2′ 29″ (3). Чертежъ подъ No II показываетъ пятна, срисованныя $\frac{5}{17}$ го дня Іюня въ 7 мъ часу по полудни, а No III представляетъ пятна, бывшія на солнцѣ $\frac{9}{21}$ го дня тогожѣ мѣсяца въ 10 мъ часу поутру. Въ послѣ-

(1) Въ приложенномъ при сей книжкѣ рисункѣ.

(2) Всѣ фигуры пятенъ и ихъ положеніе срисованы такъ, какъ онѣ казались въ Астрономическомъ телескопѣ, въ которомъ предметы представляются въ обращенномъ видѣ.

(3) Солнце превосходитъ величиною землю въ 1448000 разъ; видимая поверхность его, измѣренная $\frac{2}{14}$ Іюня, заключала въ себѣ 31′ 34″ дуги, а пятно 2′ 29″; а какъ 31′ 34″ : 1448000 = 2′ 29″ : 113920, то и слѣдуетъ, что пространство занятое пятнами болѣе нежели во сто тысячь разъ превосходило величину всего земнаго шара.

довавшіе за тѣмъ дни на поверхности солнца примѣтны были только немногія малыя пятна; но $\frac{15}{27}$ го снова они появились, какъ показано на рисункѣ No IV. Дня $\frac{18}{20}$ го Іюня — смотри чертежъ подъ No V. Съ того времени облака, закрывшія небо, препятствовали продолжать наблюденія надъ солнцемъ.

О природѣ сихъ пятенъ мнѣнія были различны: одни почитали ихъ за особливыя тѣла, обращающіяся около солнца (4). *Гевелій* и *Галилей* утверждали, что они на поверхности солнца составляются изъ дыму, или облаковъ, или пѣны, и плаваютъ въ океанѣ тончайшей матеріи (5). *Де ла Гиръ* думалъ (6), что ядро, или внутренняя часть солнца, состоитъ изъ твердаго сгустившагося вещества; что ядро сіе покрыто горами, выпуклостями, впадинами, и окружено огнистою матеріею солнца, наподобіе атмосферы, которая въ движеніи своемъ возвышается и опадаетъ (flux et reflux); что когда опадаетъ она весьма низко, то вершины горъ и значительныя возвышенности

(4) *Тардъ* называетъ ихъ Sidera Borbonia, а *Малапертъ Sidera Austriaca.*

(5) *Hevelii* Selenogr. pag. 83.

(6) *Histoire de l'Academ.* 1700, pag. 118. *Mem. de l'Acad. 1702*, pag. 138.

онаго твердаго вещества выставляются надъ поверхностїю огнистой атмосферы, и такимъ образомъ показываются намъ въ видѣ пятенъ.

Но справедливѣе сказалъ *Лапласъ* (7): „о природѣ пятенъ донынѣ еще ничего неизвѣстно." Впрочемъ оныя пятна открыли весьма важный феноменъ въ солнечномъ свѣтѣ, а именно круговое движенїе солнца, которое въ 25 дней и 12 часовъ совершаетъ обращенїе около своей оси.

В. Карчевскїй.

Вильна.

---

(7) Expoſition du ſystème du Monde pag. 12.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Рѣчь Графа Ланжюине къ Перамъ Франціи.

Сія Рѣчь, произнесенная въ Палатѣ Перовъ во время совѣщаній о строгихъ мѣрахъ, какія принять надлежало касательно общественной безопасности, очевидно показываетъ господствующій образъ мыслей во Франціи. Она незадолго передъ симъ помѣщена была въ публичныхъ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ.

Восходя на сіе мѣсто ораторскихъ вѣщаній, не могу преодолѣть въ себѣ двухъ весьма болѣзненныхъ чувствій — печали и изумленія; печали, ибо вижу, что подъ управленіемъ наилучшаго Короля предложенъ законъ (*), толико пагубный; изум-

(*) Законъ, повелѣвающій немедленно брать подъ стражу нарушителей общественнаго тишины, и неповинующихся Королевской власти Буонапартистовъ.

ленія (здѣсь употребилъ я скромное выраженіе), ибо слышу, что подавшіе проектъ упомянутаго закона объявляютъ, что одни только лицемѣры, мятежники, сообщники злодѣевъ и приверженцы кровожаднаго деспотизма могутъ быть недовольны онымъ. Въ продолженіе цѣлаго года, о которомъ воспоминанія для меня ненавистны, никогда не былъ я свидѣтелемъ столь грозной гнѣвливости ораторовъ. Не уже ли надобно прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ? не уже ли предложенный законъ необходимо для насъ нуженъ? Совсѣмъ нѣтъ! Развѣ Министры медлили брать подъ стражу тѣхъ людей, кои казались имъ опасными для общественнаго спокойствія? Развѣ находится хотя одинъ департаментъ, гдѣ бы оказалось какое нибудь недоразумѣніе по сему предмету? никакъ! Министры сами упоминали, что берутъ на себя всю отвѣтственность. Скажемъ правду: никто, умѣющій мыслить, не дѣлаетъ имъ никакого сопротивленія; ничто не стѣсняетъ ихъ усердія, ничто не ослабляетъ послушанія ихъ агентовъ. Какой Префектъ захотѣлъ бы не исполнить жестокихъ ихъ повелѣній? Сіи чиновники и подпрефекты состоятъ подъ начальствомъ только Министровъ, или Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ сами Министры неподлежатъ никакой отвѣтственности, и да-

же нѣтъ закона, которой бы предписывалъ требовать отчета въ ихъ поведенїи. Вотъ уже протекло осмнадцать мѣсяцовъ, а еще и рѣчи небыло о столь важномъ постановленїи. Нѣтъ ни преступленїя, ни наказанїя, когда несуществуетъ законъ, которымъ то и другое опредѣляется. Тщетно усматриваю надобность такого закона . . . Но о семъ буду говорить въ другое время. Теперь скажу, что не знаю ничего подобнаго предложенному проекту, кромѣ одного только въ 1793 мъ году постановленнаго закона о самовольномъ забиранїи подъ стражу всѣхъ людей подозрительныхъ, и еще того что дѣлала въ сосѣдственномъ краю Коммиссїя безопасности, коея слишкомъ позднее уничтоженїе доставило утѣху великому народу. (Тутъ Рѣчь оратора вдругъ прервана была восклицанїями: *наблюдать порядокъ!* И болѣе всѣхъ настаивалъ Князь Сентъ-Еньянъ.) Я сказалъ сущую правду, продолжалъ Графъ Ланжюине: вижу, что она здѣсь ненравится, и нестану повторять ее. Буду говорить только о неприличности предложеннаго закона, даже о несовмѣстности его съ здравою политикой. По силѣ сего закона нѣсколько сотъ тысячь полицейскихъ чиновниковъ будутъ имѣть право брать подъ стражу людей за мнимое преступленїе противъ государства; такое забиранїе подъ стражу уполномочи-

ваетъ правительство держать арестантовъ въ тюрьмѣ годъ, или даже нѣсколько лѣтъ, не обязывая оное отсылать ихъ къ суду. Положимъ, что каждой полицейскій чиновникъ возметъ подъ стражу только одного человѣка; что воспослѣдуетъ? Тотчасъ окажется милліонъ Французовъ, самовольно задержанныхъ. Гдѣжъ мы найдемъ темницы для помѣщенія всѣхъ арестантовъ? Но, говорятъ, они люди подозрительные, или, какъ сказано въ Уложеніи уголовныхъ законовъ, обвиненные. Соглашаюсь называть ихъ подозрительными; но можно ли почитать ихъ за обвиненныхъ? „Только судьи могутъ опредѣлять наказанія за проступки, какіе бы они ни были.“ Вотъ что мы читаемъ въ Уложеніи уголовныхъ законовъ, написанномъ подъ правленіемъ тирана. Утверждаютъ, что несдѣлано никакихъ перемѣнъ въ системѣ властей, дающихъ повелѣніе о взятіи подъ стражу. Однакожъ въ сущности все приняло иной видъ; ибо судья имѣетъ право только дать приказаніе о явкѣ въ судъ, а не о взятіи подъ стражу; его власть дѣйствуетъ только въ изобличеніи обвиняемаго и въ приспособленіи закона, опредѣляющаго наказаніе. Все пошло иначе: ибо нѣтъ закона, который бы одно подозрѣніе признавалъ уже за доказанное злодѣйство, или бы предписывалъ взятіе подозрѣваемыхъ подъ стражу. Слѣдственно пред-

ложенный законъ только умножитъ число арестантовъ, а отнюдь не коснется справедливо подозрительныхъ. . . . Еще другие предлагаютъ наказаніе для подозрительныхъ: совѣтуютъ отдавать ихъ подъ надзоръ полиціи; яснѣе же сказать, осуждаютъ ихъ жить за 400 миль отъ дому, или оставаться въ тюрьмѣ, если не представятъ по себѣ поручителей. Вотъ какой жребій ожидаетъ людей, называемыхъ подозрительными! А сколько ихъ будетъ всего на все? столько, сколько служителей исполнительной власти. Гдѣ? въ цѣломъ Королевствѣ, не исключая ни одного департамента. Сколько времени продлится наказаніе? полгода, годъ, нѣсколько лѣтъ сряду. Какія же печальныя слѣдствія будутъ имѣть такіе поступки для тѣхъ людей, коихъ имѣніе отъ того пострадаетъ, и на которыхъ поступятъ доносы отъ заимодавцовъ ихъ и служителей, даже отъ собственныхъ женъ и дѣтей ихъ, убѣжденныхъ подущеніями неприятелей! И чѣмъ должно кончиться такое несчастіе? Неувидимъ ли заговоровъ въ самихъ темницахъ? Кто поручится намъ, видѣвшимъ толикіе опыты, кто поручится, что не возобновятся Сентябрскіе ужасы? Предлагаемый законъ угрожаетъ пагубою не только лицамъ, каждому особенно, но и цѣлымъ фамиліямъ. Что скажу о слѣд-

ствїяхъ, могущихъ постигнуть правительство, Министровъ и объ Палаты? И какая публичная власть захочетъ дать на такой законъ свое изволенїе? Какая судьба постигла тѣхъ, кои подобнымъ образомъ поступили въ несчастное время вышеупомянутаго года? Имена ихъ покрыты безславїемъ; и ничто не можетъ изгладить приговора объ ихъ безчестїи. Наконецъ, кто станетъ платить подати въ то время, когда подозрѣваемый, отдаленный отъ своего дома и семейства, будетъ томиться въ темницѣ? Кто будетъ нести государственныя повинности? Какой ужасъ распространится по Францїи! Какое во всѣхъ дѣлахъ замѣшательство! Какимъ ударомъ сразится политическое тѣло, уже и безъ того находящееся при послѣднемъ издыханїи! Простите мнѣ, милостивые государи, сїи замѣчанїя. Не могу забыть я, что нѣкогда подозрѣваемы были мать моя, сестра, братъ и дочь, едва спасшїяся отъ смерти, угрожавшей имъ за то единственно, что и тогда, какъ нынѣ, держалъ сторону справедливости и свободы противу страстей раздраженныхъ. Въ доказательство, что даже и въ древнемъ Римѣ думали о подозрѣнїяхъ, приводятъ въ примѣръ законъ, начинающїйся словами: Caveant Consules. Но если мы, какъ ученики, желаемъ

приводить во свидѣтельство примѣры изъ Исторіи, то должны помнить и то, чему далѣе учили насъ въ школѣ. Въ Римѣ совсѣмъ небыло темничныхъ заключеній. Диктаторы и Консулы, облеченные грозною властію, повелѣвали подозрительныхъ охранять ихъ же собственнымъ пріятелямъ, такъ что обвиняемые могли въ садахъ наслаждаться свѣжимъ воздухомъ, могли веселиться на обѣдахъ и пріятно проводить свое время. Цицеронъ, по опредѣленію Сената, приказалъ умертвить во святилищѣ сообщниковъ Катилины; но, за сей противный закону проступокъ, осужденъ былъ на изгнаніе. А онъ спасъ отечество! Когда въ Англіи остановляютъ дѣйствіе закона Habeas corpus, въ то время не даютъ власти осми стамъ тысячь полицейскихъ приставниковъ брать подъ стражу всякаго, кого имъ заблагоразсудится. И такъ я желаю, чтобы предложенный проектъ закона былъ оставленъ безъ вниманія, какъ неприличный. Если обстоятельства необходимо требуютъ, то я готовъ приступить къ благоразумнымъ распоряженіямъ, имѣющимъ въ предметѣ стѣсненіе частной свободы. Но желаю и прошу, чтобы законъ не былъ распространяемъ на департаменты, въ которыхъ спокойствіе не было нарушено: въ противномъ случаѣ законъ сей будетъ справедли-

вою сатирою на Правительство. Назначьте двумѣсячный срокъ на испытанїе одного человѣка и на изслѣдованїе всѣхъ отраслей его заговора; а потомъ отсылайте его въ обыкновенныя судилища. Однимъ словомъ: сдѣлайте какїя нибудь перемѣны, а иначе законъ вашъ будетъ противенъ законамъ человѣчества.

В. В.

Извлеченїе изъ Рѣчи Дюка Ришелье, читанной имъ въ Палатѣ Депутатовъ.

По Королевскому повелѣнїю Французскїе Министры должны были заключенный между союзными Державами и Францїею трактатъ объявить Паламамъ. По прочтенїи онаго въ Депутатской Палатѣ 25го Ноября (н. с.), Дюкъ Ришелье говорилъ между прочимъ слѣдующее:

„Таковы суть статьи, подписанїе коихъ немогли Королевскїе Министры далѣе откладывать. Обязанности, принятыя на себя Францїей, суть слѣдствїемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ она теперь находится по причинѣ пагубныхъ происшествїй. . . Послѣ двадцатипяти-лѣтнихъ смятенїй, послѣ не-

исчислимыхъ усилій, кои при безпрестанныхъ нападеніяхъ, завоеваніяхъ, разореніяхъ поколебали политическое бытіе почти всѣхъ странъ, и даже повсюду угрожали опасностію гражданскому порядку, возстановленіе законной Французской Монархіи было началомъ спокойствія цѣлаго міра; наша независимость, наше отечество, наша значительность за границей, наши вспомогательныя средства существенно никакой важной перемѣны не претерпѣли. . . Отдалимъ отъ себя неосторожную мысль объ изъявленіи нынѣ, или о посѣяніи на будущее время, неполитическаго и опаснаго неудовольствія. Сіе собраніе, въ которомъ присутствуютъ отличнѣйшіе мужи Франціи, и которое наилучше можетъ узнать причины теперешнимъ несчастіямъ изобрѣсти средства къ уврачеванію оныхъ, сіе, говорю, собраніе въ свое время да объяснитъ Франціи неприятныя истины, о которыхъ не прилично упоминать при нынѣшнемъ торжественномъ обстоятельствѣ. Въ продолженіе полувѣка Франція справедливо желала уничтоженія безпорядковъ, вкравшихся въ систему ея внутренней политики. Таковый подвигъ, нетрудный для Правительства, невозможенъ былъ для многолюдныхъ собраній, въ которыхъ и добрыя желанія не всегда управляются умѣренностію. Возникшія изъ того препятства и

несчастная недовѣрчивость произвели ненависть, сопротивленія и пагубное упрямство. Ослабѣніе и упадокъ власти, уклоненіе отъ религіи, пренебреженіе законовъ, расторженіе общественнаго союза были внезапнымъ слѣдствіемъ дерзновенныхъ предприятій. Скоро всеобщее опасеніе распространилось за предѣлами Франціи, и подало причину къ безпрестаннымъ войнамъ, чего и ожидать надлежало. Франція повсюду возбуждала боязнь, мщеніе и ненависть, которыя быть могутъ приведены въ забвеніе развѣ только временемъ, примѣрнымъ снисхожденіемъ нашимъ и постояннымъ благоразуміемъ. Боязнь, гнѣвъ и ненависть народовъ снова пробудились при вторичномъ появленіи человѣка, пагубнаго для Франціи. . . . Великая тягость, на насъ возложенная, и оскорбительная недовѣрчивость должны огорчать насъ.. Но остановитесь надъ тѣмъ вреднымъ впечатлѣніемъ, которое произвело въ разгнѣванной Европѣ несчастное происшествіе, коего жертвою содѣлалась Франція, а еще болѣе удобность, съ каковою мятежникамъ удалось восторжествовать надъ своимъ собственнымъ отечествомъ; размыслите, что время, въ которое по несчастію намъ жить досталось, наступило непосредственно послѣ пагубной эпохи двадцатипяти-лѣт-

нявю неуваженія мирныхъ договоровъ, святости обѣщаній, вѣры и вѣрности; разсудите, что сіи основанія безопасности народовъ были у насъ предметомъ поруганія; подумайте, что безпрестанное и какъ бы въ систему приведенное нарушеніе всѣхъ нравственныхъ правилъ политики нескоро можетъ остановиться, равно какъ и ходъ ужасныхъ, пагубныхъ слѣдствій революціи, которыя по несчастію недавно опять оказались во Франціи; разсудите наконецъ, что столь частое нарушеніе всего, что только ни почитается между людьми священнѣйшимъ, нанесло ужасныя бѣдствія всѣмъ народамъ, и что къ нашему величайшему несчастію еще и теперь опасаются насъ и недовѣряютъ намъ всѣ тѣ, на которыхъ сперва мы свои права распространяли, и которые нынѣ намъ предписываютъ договоры! Будучи принуждены покориться несчастію, Провидѣніемъ на насъ низпосланному, обратимъ взоры свои на Короля, котораго намъ Небо возвращаетъ. Примемъ участіе въ скорби его; но да будетъ же примѣромъ нашимъ и его рѣшительность! Народы и Цари уважаютъ его, и являютъ ему свою довѣренность; его великодушная твердость, и она одна только приобрѣла намъ дружбу Монарховъ. Если мы дружбу сію подкрѣплять будемъ

нашимъ благоразумїемъ, умѣренностїю и вѣрнымъ исполненїемъ принятыхъ въ трактатѣ обязанностей; то всѣ народы не откажутъ намъ въ своемъ доброхотствѣ. Слишкомъ долго угождали мы властолюбїю, слишкомъ много приобрѣли мы пагубной славы отъ храбрости войскъ и кровавыхъ трофеевъ ихъ побѣды; намъ остается еще приобрѣсть лучшую славу, а именно заслужить, чтобы народы забыли причиненное имъ зло хищникомъ престола и сжалились бы надъ нашимъ состоянїемъ; постараемся, чтобы они имѣли въ намъ довѣренность, чтобы узнали насъ хорошо и навсегда искренно примирились бы съ нами. . . .“

В. В.

IV. СМѢСЬ.

РАЗГОВОРЪ
о путешествіи (*).

Софронимъ, Мелодоръ и Критонъ.

Соф. (*разсматривая глобусъ*) Вотъ Геттингенъ, городъ учености; вотъ пышный Лондонъ; вотъ шумный Парижъ. Путешествіе, мысль сладостная! до сихъ поръ все я только надѣюсь. Когда скажутъ мнѣ: надежда твоя исполнилась — отправляйся; ахъ! слова утѣшительныя! — А здѣсь — o nation barbare! какъ мнѣ все наскучило! Однообразіе терзаетъ мою душу. Черезъ нѣсколько лѣтъ я бы возвратился въ Отечество съ новыми знаніями, насмотрѣвшись на разныхъ людей, на разныя страны. (*Приходитъ Мелодоръ.*)

Мел. Здравствуйте, Софронимъ! О чемъ вы, такъ задумались? въ нашилъ лѣта смотрѣть Сентябремъ!

(*) Читанный на публичномъ актѣ въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета Декабря 22 дня 1815.

Соф. Чужїе краи, Мелодоръ . . . .

Мел. Что за чужїе краи? Развѣ мы не то же видимъ небо и солнце, какое видѣлъ и странный Таверньe, который всю жизнь свою мыкался изъ конца въ конецъ?

Соф. Вы жалки въ моихъ глазахъ, mon ami! . .

Мел. Не безпокойтесь обо мнѣ, и называйте меня лучше *другомъ*, а не смѣшнымъ словомъ *ami*. Другъ на етомъ языкѣ есть игрушка. — Посмотрите на себя: вы совсѣмъ не тѣ, какими я васъ узналъ прошлаго года. Всѣ знакомые меня спрашиваютъ, что съ вами сдѣлалось. Прежде на васъ всѣ смотрѣли, о васъ всѣ говорили, вы были душою общества. Помните ли то время, когда вы такъ прелестно играли Милона на театрѣ нашемъ и восхищали всѣхъ зрителей? . . . Теперь вы стали нелюдимомъ.

Соф. Было время веселостей, но и прошло; теперь пора стремиться далѣе — выше.

Мел. Ахъ! бѣдненькой, — и въ пятьнадцать лѣтъ . . . .

Соф. И васъ не прельщаетъ обогащенїе ума новыми свѣдѣнїями! Вообразите, что въ Германїи узнаю всю глубину уче-

ности; у Англичанъ научусь политикѣ; во Франціи увижу, какъ должно наслаждаться жизнію.

Мел. Вы говорите какъ о фениксахъ; а етихъ птицъ и здѣсь не пересмотришь.

Соф. На людей должно смотрѣть въ собственной ихъ землѣ; тамъ-то они въ настоящемъ своемъ видѣ. Сверхъ того новыя земли могутъ доставить множество предметовъ для новыхъ наблюденій.

Мел. Для новыхъ какихъ-то наблюденій пожертвовать спокойствіемъ, отказаться отъ удовольствій, которыя такъ очаровательны въ кругу своего семейства, въ кругу друзей и знакомыхъ, а вмѣсто того ступай объѣзжать нѣсколько тысячь верстъ! и за чѣмъ же? Слушать, какъ въ Лондонѣ или Парижѣ и дѣти говорятъ поанглійски, да пофранцузски! Должно быть совершенно нечувствительну, чтобъ оставить берега милой родины.

Соф. Будто разлука можетъ охладить чувство любви къ роднымъ и чувство дружбы къ знакомымъ; напротивъ того, какъ восхитительно, послѣ долговременнаго отсутствія, броситься въ объятія любви и дружбы! Вы не философъ. —

Мел. И слава Богу! Хорошъ пріѣхалъ философъ Клеантъ! къ нему приступишь

ся нельзя. Онъ только и думаетъ о заморской своей учености; а что привезъ съ собою? Прожилъ только все имѣнїе въ иностранныхъ манторовъ, думая, что уже тамъ-то все превосходно; теперь и сидитъ въ углу, ни съ кѣмъ ни слова, всѣми гнушается. Съ нимъ, видно, сбылось то же, что съ Гассановымъ Кабудомъ, который путешествовалъ въ Мекку.

Соф. Взглянитежъ на Филалета; онъ возвратился изъ чужихъ краевъ утѣхою своихъ родныхъ. Посмотрите, какїя сдѣлалъ онъ заведенїя въ своихъ деревняхъ, все поанглїйски.

Мел. Боюсь, чтобъ онъ съ етими затѣями не остался *философомъ безъ огурцовъ.* Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и всего иностраннаго не льзя переносить въ Россїю.

Соф. Но знанїе людей — знанїе сердца...

Мел. Прекрасное знанїе сердца увидите вы, особливо во Францїи. Развалины Москвы и до сихъ поръ показываютъ глубокое въ етомъ свѣдѣнїе! Перестаньте, сударь, перестаньте пожалуста унижать себя и соотечественниковъ своихъ передъ иностранцами. Францїя славилась прежде великими умами, но теперь ихъ уже не стало. Народъ, отличившiйся во времена

Людовика XIV своимъ просвѣщенїемъ, нынѣ сдѣлался предметомъ посмѣянїя тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ почиталъ варварами. Не скажете ли вы, что война заставила ихъ жечь домы, осквернять храмы? Не война ли также была причиною всѣхъ лютостей етихъ философовъ съ ихъ неистовымъ тираномъ, желавшимъ весь мїръ покорить подъ свою державу? Не отъ войны ли сїи любители просвѣщенїя старались истреблять всѣ заведенїя, завидуя нашему богатству и спокойствїю? Мнѣ стыдно слышать ето отъ васъ, Софронимъ. Чтобъ узнать Расина, Монтескье, Бюффона, Лакроа, для етого не нужно ѣхать во Францїю: въ книжной лавкѣ найдешь все, чѣмъ она славится.

Соф. Любезный Мелодоръ! такимъ образомъ все очернить можно.

Мел. Я не хочу чернить вашихъ мыслей; желаю только, чтобы вы примирились со всѣми нами, которыхъ такъ безжалостно возненавидѣли. Чего у насъ недостаетъ? Въ городахъ блеститъ богатство, на моряхъ видна промышленность, въ селахъ довольство. Я бы желалъ побывать въ чужихъ краяхъ, не съ тѣмъ намѣренїемъ, съ какимъ вы, чтобъ тамъ мучить себя, но только для того, чтобъ

блеснуть какѣ Русскому, чтобы на меня указывали, и говорили: вотѣ Руской, вотѣ гражданинѣ того народа, который насѣ спасѣ; желалѣ бы посмотрѣть трофеи соотечественниковѣ, послушать, какѣ вездѣ повторяютѣ Имя АЛЕКСАНДРА, имя Русскихѣ. — Но вотѣ идетѣ и Критонѣ — авось мы вдвоемѣ уговоримѣ васѣ. — (*Входитъ Критонъ.*) Посмотрите, Критонѣ, на Софронима: путешествїе вскружило ему голову.

Соф. Я увѣренѣ, что Критонѣ со мною согласится. Я часто его застаю за иностранными книгами.

Кр. Правда, я люблю учиться всему хорошему и у иностранцевѣ, но еще болѣе люблю учиться хорошему у соотечественниковѣ.

Мел. А Софронимѣ ничего хорошаго не находитѣ вѣ Россїи; онѣ думаетѣ только о чужихѣ краяхѣ, о путешествїи.

Кр. О путешествїи? О! вѣ наши лѣта опасно пускаться вѣ это море. Пользоваться множествомѣ новыхѣ и разныхѣ предметовѣ можетѣ только умѣ зрѣлой, и многїе изѣ молодыхѣ людей, вмѣсто того чтобѣ у иностранцевѣ занять хорошее, возвратились сами только что иностранцами.

Соф. Вы точно, кажется, изъ тѣхъ временъ, когда Русскіе плакали, какъ ихъ посылали въ школу, и когда должно имъ было разставаться съ нянюшками.

Кр. Я самъ люблю умныхъ людей, какого бы они народа ни были; но Отечество для меня всего дороже. Представьте Россію за два вѣка и подивитесь, какъ скоро она возвышается, и въ могуществѣ, и въ благоденствіи, и въ познаніяхъ. Побѣды всегда предзнаменуютъ цвѣтущее состояніе искусствъ и наукъ. Иностранцы сами удивляются счастливымъ дарованіямъ Русскихъ. Признаться, слыхалъ я, что говорятъ, будто у насъ недостаетъ терпѣнія и трудолюбія. . .

Мел. Вы хотите сказать: мы немного безпечны. О, Критонъ! — безпечность есть добродѣтель золотаго вѣка и великихъ людей.

Кр. Однако, другъ мой — если бы мы не имѣли етой добродѣтели: то вѣрно бы не мы къ иностранцамъ, а они къ намъ пріѣзжали смотрѣть на насъ и все у насъ перенимать.

Мел. (*разсматривая глобусъ.*) Вы бы, Софронимъ, болѣе принесли пользы, если бы поѣхали путешествовать по Рос-

ствія. Вотъ обширное поле для наблюденій! — Здѣсь все: и горы, и земли, и самые жители достойны вниманія.

Соф. Вамъ угодно ѣздить по снѣгамъ Сибирскимъ?

Кр. А вы все-таки хотите во Францію, въ Англію? — Счастливый путь! но только, чтобы не сдѣлаться космополитомъ и, удѣляя чувство любви своей всѣмъ, чтобъ не охладѣть къ своей родинѣ. Мы готовимся къ службѣ; а тамъ не спросятъ: видѣли ль мы Рейнской водопадъ, или Тюльери: Отечеству нуженъ храбрый воинъ, честный судія, добрый гражданинъ.

Соф. Вѣрно вы не читали Руссова Емиля. Можно ли быть человѣкомъ безъ путешествія?

Кр. Я не совсѣмъ вѣрю мечтателю Руссо. Жалѣю и объ васъ, если вы преданы етимъ Французскимъ енциклопедистамъ. Хорошіе иностранные умы всѣ намъ извѣстны; а прочая часть ихъ народа точнехонько какъ и наша.

Мел. Не то же ли говорилъ и я вамъ?

Соф. А заведенія хорошія: Нѣмецкіе Университеты, Англійскія фабрики, ману-

фактуры и заводы; Французскїе Музеумы: уже ли ето собранїе предметовъ ума и вкуса недостойно вниманїя?

Мел. О! еслибы васъ услышали наши дѣды: они бы сказали вамъ, что славны бубны за горами.

Кр. Когда будемъ опытнѣе, тогда постараемся етимъ воспользоваться, и тогда мы изъ путешествїя возвратимся Русскими. Изо всего надобно выбирать хорошее, сколько возможно. Иногда должно обращать вниманїе и на людей злыхъ, чтобы видѣть нещастїя и стараться избѣгать ихъ. Ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ примѣръ ему подобнаго. Не должно слѣдовать совѣтамъ иностранцевъ, которые въ воспитанниковъ своихъ вселяютъ отвращенїе ко всему Русскому, прельщаютъ ложными описанїями красоты своихъ земель и такимъ образомъ изъ Русскаго, котораго предки были первою опорою Престола, дѣлаютъ ни къ чему неспособнаго полурусскаго.

Мел. Ето и не удивительно; справедлива пословица: всякой куликъ свое болото хвалитъ.

Кр. Посмотрите пристально на свое Отечество; вспомните, что въ устахъ

болѣе 40 миллїоновъ гремитъ имя Русскаго Бога, Русскаго ЦАРЯ.

Соф. Критонъ всегда меня переспоритъ. Вы имѣете удивительную способность убѣждать!

Мел. Ахъ! какъ я радъ, что нашъ Софронимъ мирится съ Россїею! То ли дѣло между Русскими быть Русскимъ! Мы сами хвалимъ Англичанъ и Швейцаровъ за ихъ любовь къ отечеству, и сами же не подражаемъ имъ въ сей священной добродѣтели. — Конечно, нѣтъ никакой причины ненавидѣть иностранцевъ; но и за что страстно ихъ любить? Вѣра, языкъ, правленїе, нравы, обыкновенїя, родные — можно ли все ето промѣнять на золотыя горы иностранцевъ? . . . Позвольте, Софронимъ, припомнить и то вамъ, что и Нѣмцы съ глубокою своею ученостїю, и Англичане съ своею политикою, и Французы — сїи великїе люди на малыя дѣла — всѣ они не толпятся ли у насъ, не хвалятъ ли насъ втайнѣ, какъ бы изъ зависти, и не они ли намъ кланяются?

Соф. Поздравляю васъ, Мелодоръ и Критонъ, съ побѣдою. Adieu теперь и Геттингенъ, и Лондонъ, и Парижъ!

Кр. Я никогда не сумнѣвался въ вашемъ благоразумiи. Новость прельщаетъ всякаго, и васъ вѣрно воспламенилъ къ путешествiю Руссовъ Емиль. Но вообразите, какъ нѣжно насъ любятъ родные, съ какою попечительностiю заботятся о насъ наши наставники, сколько наградъ предлагаетъ Отечество людямъ благовоспитаннымъ — представьте себѣ все ето — и вѣрно вы станете удивляться Россiи, которой всѣ удивляются — и вѣрно будете любить соотечественниковъ — и вѣрно *путешествiе* свое пока отложите!

Евдокимъ Лачиновъ.

Извѣстія и замѣчанія.

Французская Палата Депутатовъ, бывъ приготовлена убѣдительною Рѣчью Дюка Ришелье, приняла извѣстіе о судьбѣ Королевства съ тѣми кроткими и благоразумными расположеніями, которыя приличны обстоятельствамъ времени и спокойствію самой Франціи. Кто безъ сердечнаго удовольствія читалъ Рѣчь Президента Лене, произнесенную предъ Королемъ отъ лица всѣхъ Депутатовъ, по случаю заключеннаго мирнаго трактата съ союзными Державами! Ораторъ говоритъ съ благородствомъ и простотою, которымъ, послѣ толикихъ перемѣнъ, конечно еще немного было примѣровъ во Франціи:

„*Государь!* Члены Палаты Депутатовъ, яко вѣрноподданные Вашего Величества, приносятъ Вамъ чувствительнѣйшую благодарность за всѣ попеченія Ваши о спасеніи Французскаго Королевства Они чувствуютъ, что высокія Вашего Величества добродѣтели весьма много споспѣшествовали къ отвращенію бѣдствій отъ отечества нашего. Палата раздѣляетъ прискорбіе, причиненное сердцу Вашему постигшимъ Францію несчастіемъ; но примѣръ Вашего Величества ободряетъ ее къ перенесенію всѣхъ тягостей. Твердое упованіе Палаты на Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, любовь наша къ священной Особѣ Вашей и единодушіе Французовъ, коего примѣръ она покажетъ собою, облегчатъ бремя наложеннаго на насъ пожертвованія. Франція, съ помощію Божіею, соблюдая данное Королемъ слово, покажетъ всему свѣту, сколь свято почитаетъ она заключенные ею договоры.“

— Во всѣхъ нашихъ вѣдомостяхъ и политическихъ журналахъ описаны съ подробностями засѣданія Перовъ по дѣлу Маршала Нея, смертный приговоръ о немъ за измѣну Королю и отечеству, и исполненіе казни, воспослѣдовавшее на другой день послѣ осужденія. Мы прибавимъ только, что вопреки очевидности преступленія сего несчастнаго, онъ въ самое время казни, за нѣсколько секундъ до страшнаго послѣдняго мгновенія, съ упрямымъ безстыдствомъ свидѣтельствовался Европою и потомствомъ! Вотъ какихъ людей расплодила адская революція! По примѣру другихъ казненныхъ Буонапартистовъ Ней непозволилъ себѣ завязать глазъ и самъ командовалъ солдатамъ. Похвально было бы небояться смерти тому, кто боялся преступленія; а Ней? . . .

Обвиненный разстрѣлянъ въ саду Люксембургскомъ. Въ то время, какъ Палата Перовъ 4 го, 5-го и 6 го Декабря занималася разсматриваніемъ его дѣла, въ Парижѣ происходили безпокойства, для прекращенія которыхъ введены были въ столицу иностранныя войска.

По крайней мѣрѣ казнь сего преступника должна устрашить другихъ, нестоль знакомыхъ со смертію, и удержать ихъ на будущее время въ предѣлахъ повиновенія и порядка. Поданъ великой примѣръ, и сердце человѣколюбиваго Лудовика снова предалось чувствамъ милосердія. Черезъ два дня послѣ смерти Нея, 8 го Декабря (н. с.) Министры сообщили отъ имени Короля Палатѣ Депутатовъ постановленіе о дарованіи общаго прощенія всѣмъ участвовавшимъ въ мятежническихъ замыслахъ Буонапарта. Симъ прощеніемъ не могутъ пользоваться всѣ тѣ, коихъ имена означены въ

первой и второй статьяхъ Королевскаго повелѣнія 24-го числа Іюля, изъ коихъ первые должны непремѣнно преданы быть военному суду, а вторые въ два мѣсяца выѣхать навсегда изъ Франціи. Всѣмъ членамъ фамиліи Буонапарта и его родственникамъ также повелѣно оставить навсегда Францію въ продолженіе одного мѣсяца; они лишаются въ оной всѣхъ правъ гражданства. — Дюкъ Ришелье, по прочтеніи сего закона, произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Предлагаемое здѣсь постановленіе не есть новое въ нашей Исторіи: Генрихъ IV издалъ въ 1504 году подобный сему законъ, и Франція была спасена.“ При сихъ словахъ въ залѣ собранія раздались восклицанія: *Да здравствуетъ Король!* Всѣ Депутаты встали съ мѣстъ своихъ, и махая шляпами, повторили сіе восклицаніе.

Германскій Союзъ составлять будутъ 40 Членовъ, а именно: Императоръ Австрійскій, 6 Королей: Прусскій, Баварскій, Саксонскій, Ганноверскій, Виртембергскій, Датскій (въ качествѣ Герцога Голстинскаго) и Нидерландскій (въ качествѣ Великаго Герцога Люксембургскаго); 7 Великихъ Герцоговъ: Баденскій, Гессенскій, Гессенъ Кассельскій, Гессенъ Дармштадтскій, Веймарскій, Мекленбургъ - Шверингскій, Мекленбургъ - Стрелицкій и Ольденбургскій; 19 Герцоговъ и Князей: Ангальтъ - Дессавскій и Кетенскій, Гогенцоллернъ Гехингенскій и Сигмарингскій, Лихтенштейнскій, Липпе - Детмолдскій и Шаумбургскій, Рейсскій, Рейсъ - Грейцкій, Шлейцкій, Рейсъ - Лобенштейнскій, Еберсдорфскій, Саксенъ-Готскій, Мейнунгенскій, Гилдбургбаузенскій, Кобургскій,

Шварценбургъ-Сондергаузенскій и Рудольштатскій, Валдескій; 4 вольныхъ городовъ: Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Франкфуртъ.

Разныя извѣстія.

Въ Дюссельдорфской газетѣ напечатано слѣдующее: — Фельдмаршалъ Князь Блюхеръ, бывшій минувшею осенью въ Ахенѣ, вошелъ вечеромъ въ концертную залу. Въ то время правая рука его, вывихнутая незадолго передъ тѣмъ въ Парижѣ, прикрыта была распоротымъ рукавомъ мундира. Нѣкоторой чужестранецъ, ничего незнавшій о неприятномъ приключеніи, спросилъ своего сосѣда: „что сдѣлалось съ рукою Блюхера?" — Онъ ее вывихнулъ. — „Нечему дивиться!" хладнокровно отвѣчалъ чужестранецъ: „кто столько разъ билъ Французовъ, кто сильнаго Наполеона зашвырнулъ изъ Брисселя на островъ Св. Елены; тому нетрудно было вывихнуть себѣ руку. Долго ли до бѣды!"

— По вѣрному счету вывезено изъ Парижскаго Музеума одних картинъ 1116. Разсудивъ, что въ столь великомъ количествѣ произведеній живописи находились превосходнѣйшія картины школы Нѣмецкой, а осо-

ствиво Нидерландской и Италіянской, легко представить себѣ можно всю важность утраты Музеумѣ. Теперь остается въ немъ не болѣе 256 картинъ, между которыми однакожъ есть весьма драгоцѣнныя, какъ то *Рафаеля*, *Микель-Анжела*, *Пуссеня* и даже нѣсколько картинъ Нидерландской школы.

— Въ Парижѣ съ нѣкотораго времени многіе молодые люди начали щеголять большими усами. Очень странно, что сей воинственный уборъ становится общимъ въ такое время, когда совсѣмъ неслышно объ угрожающихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и что повстрѣчавшись съ какимъ нибудь аптекарскимъ ученикомъ, или прокурорскимъ писцомъ, кажется, видишь передъ собою гусарскаго, или драгунскаго ротмистра.

— Извѣстно, что знаменитый ваятель *Канова*, въ бытность въ Лондонѣ, взялся сдѣлать множество статуй по заказу богачей Англійскихъ. Сіи работы начнетъ онъ безъ сомнѣнія не прежде какъ по возвращеніи въ Римъ. Кстати упомянуть здѣсь можно о послѣднихъ недавно оконченныхъ произведеніяхъ сего художника. Одно есть колоссальная статуя, представляющая *Религію*, а другое *Миръ* — прекрасное и отлично отработанное изваяніе.

У него еще готова восхитительнѣйшая модель *Нимфы*. Кавалеръ *Торвалдсенъ*, по талантамъ своимъ достойный соперникъ Кановы, недавно окончилъ модель статуи, представляющей Графиню *Остерманъ*, — одно изъ прекраснѣйшихъ произведенiй рѣзца новѣйшихъ художниковъ. Его барельефы: *Прiамъ стоящiй на колѣняхъ передъ Ахилломъ*, — *Похищенiе Деяниры*, и нѣкоторые другiе, по мнѣнiю знатоковъ, имѣютъ всѣ достоинства древнихъ произведенiй сего рода.

— Англiйскiй актеръ Джонесъ незадолго передъ симъ далъ въ Лондонскомъ Ковентгарденскомъ театрѣ для своего бенефиса маскерадъ особливаго рода, только однимъ Британцамъ извѣстнаго. Тутъ многiе актеры, пѣвцы, танцовщики и даже *посторонніе любители и любительницы*, всѣ замаскированные и переряженные, ходя по залѣ, состоящей изъ партера и сцены, представляютъ чтонибудь нарочно на етотъ случай приготовленное. Зрители гуляютъ по залѣ перемѣшавшись съ дѣйствующими лицами. Упоминаемый здѣсь маскерадъ представлялъ — *ярмарку*, на которой видны были фокусники, кукольныя комедiи, танцующiе по веревкѣ, потѣшные огни и другiя забавы. Дѣйствующiя лица ходили группами и представляли какiя

нибудь комическія сцены, или пѣли дуэты и пѣсни. Достойно примѣчанія, что въ сихъ игрищахъ участвуютъ самые лучшіе пѣвцы и актеры Г. *Матьюесъ*, *Емери*, *Миссъ Стефенсъ* и проч.

— Въ одномъ изъ Англійскихъ публичныхъ листковъ напечатано чрезвычайно вѣрное предсказаніе (можетъ быть написанное отчасти *послѣ происшествій*): Нѣкоторой Капуцинской монахъ, прежде нежели вспыхнула Французская революція умершій во Флери, просилъ у своего Пріора дозволенія оставить брату запечатанную бумагу съ тѣмъ, чтобъ она раскрыта и прочтена была спустя три года послѣ его смерти. Въ бумагѣ найдено слѣдующее пророчество; „гнѣвъ Божій страшнымъ образомъ разліется надъ Франціей, а оттуда распространится на всю Европу; единый мужъ отъ моря Средиземнаго завоеваніями своими изумитъ всю Европу; онъ будетъ ратовать противу хрістіанскаго — католическаго царства и распространитъ въ немъ грабежи и убійства; потомъ перенесется онъ на Сѣверъ и тамъ испытаетъ великое униженіе; но въ осмой годъ послѣ начатія неправедной войны противу Католическаго царства (Испаніи) онъ погибнетъ, не отъ огня или меча, но отъ ужасна-

го Божія наказанія, которое устрашитъ всю вселенную.“

О подпискѣ.

Въ началѣ нынѣшняго 1816 года выйдутъ въ свѣтъ двѣ новыя книги: 1) *Басни и сказки Александра Измайлова* и 2) его же *Разсужденіе о баснѣ*, содержащее въ себѣ исторію и правила оной, извлеченныя большею частію изъ сочиненій разныхъ иностранныхъ писателей, какъ то: Лафонтена, Ламотта, Батте, Мармонтеля, Лессинга, Сульцера, Шамфора, Лагарпа и многихъ другихъ.

Сочинитель давно уже извѣстенъ публикѣ. Басни его помѣщаемы были въ С. П. Бургскихъ и Московскихъ журналахъ. Въ 1814 году напечатано особо 26 басень. Во второмъ изданіи помѣщено будетъ около пятидесяти басень, изъ коихъ многія исправлены, а нѣкоторыя и совсѣмъ вновь передѣланы.

Первая книжка, состоящая изъ однѣхъ только басенъ и сказокъ, выдетъ непремѣнно въ Февралѣ мѣсяцѣ, а послѣ оной въ непродолжительномъ времени и вторая, то есть *Разсужденіе о баснѣ*.

Подписка, совокупно на ту и на другую книгу, принимается въ Москвѣ, на Никольской, у книгопродавца Ивана Глазунова. Гг. иногородные, которымъ угодно будетъ под-

писаться на сіи книжки, благоволятъ адресоваться въ С. П. Бургъ къ самому Сочинителю, живущему на Пескахъ, въ домѣ Кудрявцовой, подъ No 283 Имена подписавшихся Особъ припечатаются при послѣдней книжкѣ.

Цѣна обѣимъ книжкамъ, въ большую осмушку листа, на хорошей бумагѣ, съ тремя искусно гравированными виньетами, назначается для подпищиковъ самая умѣренная, то есть пять рублей, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, безъ всякаго платежа за пересылку. По окончаніи подписки книжки сіи продаваться будутъ безъ виньетъ по 7, а съ виньетами по 10 р. въ бумажной оберткѣ.

О Вѣстникѣ Европы на 1816 годъ.

Благопріятные виды и обстоятельства дозволяютъ Редактору обнадежить Почтеннѣйшую Публику, что она будетъ находить въ семъ, столь долгое время продолжающемся Журналѣ, статьи, соотвѣтствующія ожиданію всѣхъ вообще благомыслящихъ Читателей. Произведенія слишкомъ глубокой учености пускай остаются въ книгахъ; Редакторъ воспользуется ими для своего Журнала въ такомъ только случаѣ, когда можно будетъ предложить нѣкоторыя для многихъ любопытныя истины легкимъ, незатруднительнымъ и пріятнымъ образомъ. Между про-

чимъ вниманіе его устремлено будетъ на Исторію отечественнаго и родственныхъ ему языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ Славянскаго происхожденія, и на изящныя искусства древнихъ вѣковъ и новыхъ. Къ числу выписываемыхъ на значительную сумму Журналовъ и другихъ изданій принадлежатъ и Польскіе, въ которыхъ помѣщаются сочиненія первоклассныхъ Литтераторовъ, и которые подадутъ Редактору надежное пособіе касательно желанія его занимать Россійскую Публику изслѣдованіями о племенахъ Славянскихъ. Типографія принимаетъ на себя издержки на приготовленіе картинокъ, которыя находиться будутъ при Вѣстникѣ Европы, по крайней мѣрѣ по одной въ каждой Части. Извѣстіе о расположеніи Частей сего періодическаго изданія и о прочемъ видѣть можно на внутренней сторонѣ красной обвертки. К.

КОНЕЦЪ LXXXIV ЧАСТИ.

При семъ нумерѣ приложена картинка.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЕМДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

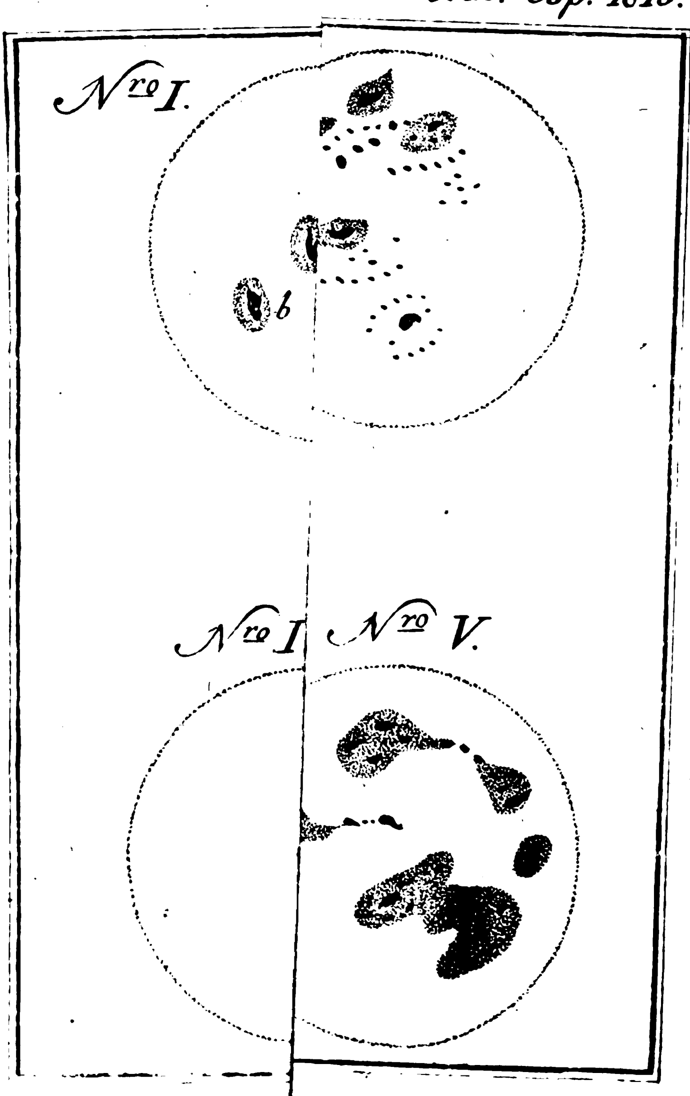
Стран.

IV. СМѢСЬ.

ОШИБКИ.

Въ No 23мъ Вѣстника Европы

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
184	14	и разсудивъ	я разсудилъ
194	снизу 2	адъ	ядъ


Nro I.
b
Nro I
Nro V.